

СИНДРОМ

Евгения Грозд

Цикл "Исцеление тобой"

Ад преследует её изломанное и терзаемое годами тело. Рабство, побои, насилие...

Можно ли выискать во всём этом частичку света и хотя бы немного почувствовать себя счастливой?

Кто не испугается и вытащить из клоаки безумия и жестокости?

Или нужно умереть, чтобы переродиться?

Ночное светило полноправно царствовало на чёрном куполе неба, озаряя собой верхушки деревьев. Лесные животные в страхе умолкли, слушая весёлый мужской гогот в самой чаще массива.

Тёмный внедорожник покоился на окраине пустыря и освещал фарами группу из пяти человек.

Мужчина издал звуки бескрайнего удовлетворения, и шайка других парней поддержала его весёлым визгом и смехом.

— Всё хорош. Пара кончать сучку, — громыхнул высоченный детина и направился к припаркованной неподалёку машине.

Рыжий парень, замыкающий круг насилования девушки, поднялся с голого и вымазанного грязью тела и быстренько застегнул брюки. Стыд снёдал душу, но он знал, что очень быстро искупит перед ней свою вину. Его компания двинулась к машине, а ему необходимо остаться рядом с девушкой, чтобы успеть сказать всё самое важное.

Их жертва молча поднялась. Обняв себя за плечи и не пытаясь прикрыть наготу, она села на колени, глядя в глубокую свежевыкопанную яму. В ночи невозможно разглядеть дна, но она знала — там её спасение, её билет к свободе.

— Сумка слева от тебя. На ней сверху шарф — повяжи на лицо, — рыжий парень тихонько шептал ей последние напутствия. — Лопата под сумкой.

— Спасибо, — кивнула она и сжалась сильнее, услышав приближающиеся голоса других мучителей.

— Прости меня за всё, — и парень залепил несчастной звонкую пощёчину.

Увидев этот удар, его соратники громко заржали, кроме высоченного.

— Бьют таких с ноги, — пробасил он и, подойдя к ней, ударил ботинком в спину.

Девушка упала лицом на землю, а громила насел сверху, топя голову в сырой земле.

— Давай, жри, мелкая шлюшка...

Рыжий парень видел, как девчонка даже не пытается воспротивиться и спастись. Нет же, не сдавайся! Ты же уже на финише! Не вытерпел.

— Она и так вдоволь ей насытится, — толкнул мужчину в плечо, отпихивая в сторону. — Велели закопать заживо. Хорош!

Громила одарил его недовольным взглядом, но всё же отпустил несчастную, рывком подняв за волосы на ноги.

— Жаль, конечно. Если б ты не обидела так хозяина, то дальше бы жила... — сетуя, изрёк он.

— А мы бы продолжали тебя периодически трахать, — заржал рядом худющий дрыщ.

Компания поддержала его диким гоготом.

— Давай, прыгай, — громила толкнул её к могиле.

Девушка дрогнула улыбкой и, со словами проклятий, спрыгнула в яму. Нащупала шарф и скрыла им лицо. Легла животом на сумку. Выискала на дне могилы рукоять небольшой лопаты. И... замерла.

Спину больно ударила земля. Она закрыла глаза, слушая лязг лопаты утопающей в земле и поднимающей рыхлую твердь, чтобы похоронить это измученное, искалеченное и так

безжалостно насилуемое годами тело. Звуки превратились в вакуум и после стихли.

Девушка понимала, что лежать так долго — нельзя, иначе у неё закончится кислород. Её спаситель уведёт их отсюда, как можно быстрее, но за сколько примерно, она не могла знать.

Холод сырой земли сковывал каждую мышцу. Превозмогая тяжесть давящую на неё сверху, несчастная начала движение, но сдвинуть толщу земли её измученному телу казалось нереальным. Терпя боль в мышцах, прижала черенок лопаты к себе, устремив её вверх, словно копьё. Подогнула к груди ноги, давая земле наполнить образовавшуюся от неё пустошь, затем изо всех сил пробилась вверх, раздвигая черноту лопатой и рукой. Снова подтянула ноги, повторяя эти своеобразные манёвры и сантиметр за сантиметром двигаясь на свет. Наконец толща могилы раступилась, освобождая девушку из плена. Скинула повязку. Лёгкие вновь вдохнули свежий ночной воздух, разодрал горло кашлем. Упала верхней частью тела на поверхность земли, пытаюсь вернуть хоть грамм былых сил, чтобы бороться за себя дальше.

Отдышавшись, девушка наконец смогла вылезть из могилы полностью. Отдохнув ещё немного, принялась раскапывать сумку, которую оставил небезразличный к её беде человек.

Внутри, действительно, всё, что ей нужно: одежда, вода, немного еды, аптечка, карта, нож, фонарь, деньги. Смыв наспех с себя грязь, обработав и перебинтовав раны, быстро оделась. Поднявшись на пригорок, оглянулась на место своей могилы.

Я жива и больше не ваша!

КАСТЕР

Массивная стальная дверь медленно отъехала в сторону, открывая моему взору двор. Внутри вели свое бдение пять крепких мужчин. Прочёл надпись на входе красивого, но мрачного здания — "Психиатрическое исправительное учреждение строго режима "Тоутон". Основано 1854 году".

Да, оно, бесспорно, старое, но тщательно отреставрированное и более-менее ухоженное. Но, несмотря на выбеленные стены и на пышно цветущий палисадник, от этого места обуревал озноб. Хотелось в очередной раз спросить себя — какого чёрта я тут забыл? Но каждый раз напоминал своему скептицизму, что это часть моего обучения.

Я — Кастер Майерс, родом из Бостона. Отец умер, когда мне было семнадцать. Мы остались без сильного мужского плеча с мамой и моей младшей сестрой Элизабет. Эту роль я поспешил взять на себя, так как по праву считал это своим долгом. Мать настаивала на моём образовании, но я сумел соединить работу и учёбу. Вконец, поступив в юридический, уже на четвёртом курсе перевёлся в медицинский.

Изучение психологических расстройств человека вызвало у меня большой интерес, чему и посвятил свои дальнейшие старания. Нет, работать в сумасшедших домах я не мечтал, поэтому остановился на судебной психиатрической медицине, но всё же, стоя здесь у порога дома для душевнобольных, понимал, что мне этого не избежать.

Протянул пропуск охраннику. Мужчина устало посмотрел на меня и усмехнулся:

— Тебя чего несёт сюда?

— Учёба, — буркнул я, готовый к подобным вопросам.

Охранник устало качнул головой и повёл в корпус. Фойе здания имело венецианский стиль, отчего невольно открыл рот. Никогда б не подумал, что психиатрические больницы могут быть такими. Охранник, видя мою реакцию, снова даванул смешок:

— Не спеши с выводами.

Пройдя на второй этаж и по переходу, оказался в соседнем корпусе, именно оно уже было совсем иным. Белёные стены, жуткий гул коридоров, лязг закрывающихся решёток. Камеры имели маленькие крепкие окошки, в которых виднелись силуэты их пленников.

Мимо нас прошествовал пациент в маске под конвоем двух крупных санитаров. Больной издавал нечленораздельные звуки и пытался рыдать. Меня перекосило то ли от отвращения, то ли от жалости к нему.

— Сюда, — охранник толкнул дверь ординаторской.

За столом сидел главврач больницы и его миролюбивый вид несколько поразил меня. Сам по себе он был довольно хилым блондином, простой взгляд его хитро сощуренных глаз.

— Мистер Майерс?! — он протянул мне руку для приветствия. — Сэм Льюис — шеф и главврач данного учреждения.

— Очень приятно, — кивнул в ответ, пожав его холодные пальцы.

— Присаживайтесь.

Мы оба опустили на стулья, и я подал ему свои документы.

— Судебная медицина? — через некоторое время улыбнулся он.

— Да.

— Не любите, когда убийцы врут, что они не в своём уме? — он усмехнулся.

Здесь, что у всех такое состояние или это моя персона вызывает у них смешки?

— Уверен, что это вполне насущная проблема, — гордо изрёк я.

— Маньяки, насильники, психопаты, убийцы — они все не в своём уме. Просто есть довольно необычные преступники, когда грань их деяний выходит за рамки их сознания.

Я еле заметно кивнул, сцепив зубы.

— Намерены приступить сегодня? — он глянул на часы.

— Как вам будет угодно, — пожал я плечами.

Главврач пораскинул в голове и, выдохнув, произнес:

— Давайте так. С вами один из санитаров проведёт небольшой инструктаж, выдаст комплект спецодежды, всё здесь покажет, а выходить можете завтра с утра. Вашим ординатором и куратором будет Эмма Робертс — врач и психотерапевт высшей категории.

Я согласно кивнул.

— По всем вопросам, что возникнут, можно обращаться ко мне или к заведующей отделением — Мариссе Мэтьюс.

— Понял. Спасибо, шеф.

Главврач пригласил моего будущего коллегу, и я снова вышел в стены этого чуждого здания.

Алекс Уилис — санитар. Довольно простой и дружелюбный парень, над бровью свежий розоватый шрам. Боялся представлять себе, как он его получил. Пока Алекс водил по коридорам, я ещё больше осознал куда попал.

Лечебная тюрьма имела планировку казармы, коридоры продувались насквозь и разносили эхо голосов за милую, люминесцентные лампы сводили глазные яблоки ярким светом, мраморный пол выдавал громким цоканьем каждый шаг. Пациенты смешаны — женщины и мужчины. Пятый этаж здания, самый последний, сугубо для буйных пациентов, которые содержались в строго закрытом состоянии. Более-менее спокойные арестанты находились этажами ниже и имели больше свободы.

На мою долю выпало сопровождение пациентов, контроль за тем, чтобы кто-нибудь себя не покалечил или другого, следить за их посещением медкабинетов. В общем, полное соблюдение порядка.

— Есть те, кого следует избегать? — этим вопросом ударил ему не в бровь, а в глаз.

Уилис запнулся на полуслове, но, подумав, тускло улыбнулся:

— Себя самого, пожалуй.

Мои брови поползли вверх.

— Нас учат тому, чтобы мы воспринимали их как животных и, со временем, так и начинает происходить, превращая нас в чудовища, более жестокие, чем их деяния, — он говорил, глядя себе в ноги, а после, словно опомнившись, по-дружески хлопнул меня по плечу. — На этом вроде всё. Давай, до завтра?

Я растерянно улыбнулся ему и тоже попрощался. Алекс стремительно ушёл, оставив меня наедине с этими стенами.

Указатель "выход" направлял вниз. Дёрнул ручку двери, но тут остановился, вслушиваясь в голоса. Это была какофония голосов, криков и даже смеха, но среди всего этого маразма явно различил крик боли и невероятного страдания. Представил, как меня крутят на вертеле. Порывался пойти на звук, но не решился и скрылся на лестничной

площадке.

Когда утром заступил на первую смену, уже полным ходом шёл осмотр пациентов. Врач-психиатр Эмма Робертс, была довольно милостивой женщиной с длинными тёмными волосами, зачёсанными в хвост, статная фигура, большие голубые глаза, способные отсканировать твой мозг до мельчайшего нейрона.

Она старалась быть приятной и внимательной ко всем больным, выслушивала их и даже не скупилась на ласку, вызывая в них благодарность и доверие. Глядя на неё, действительно поверил в то, каким должен быть врач.

Все пациенты были разные. Кто-то с щедростью делился своими переживаниями и тем, что сотворили. Кто-то сожалел. Кто-то просто молчал. Кто-то бросал в наш адрес колкие и оскорбительные словечки.

У последней палаты Робертс вдруг помрачнела и взглянула на меня, молвив:

— Кастер, прошу тебя, только не разглядывай её.

С готовностью кивнул, ожидая чего-то самого жуткого, но этого не произошло. В камере на койке сидела девушка с книжкой в руках. Увидев нас, она встала и мягко поприветствовала Эмму.

— Здравствуй, Джилл, — врач обняла её и взяла за руку. — Знакомься, это доктор Кастер Майерс. Мы с ним будем навещать тебя.

Женщины разговаривали, а я просто оторопело смотрел на них. Робертс вела себя с ней определенно не так, как с остальными. Она общалась с девушкой, как со своей близкой подругой. Пациентка смотрела на меня с интересом, как и я на неё.

Это была красивая молодая девушка с длинными светлыми волосами, аккуратно уложенными назад, на лице... Косметика?! Больничное одеяние в корне другое. Закрытое полностью, никаких завязок на спине, которые бы оголяли срамные части тела. Она, словно здесь не пациентка, а вынужденная временная постоялица, оставшаяся без крова. Кто-то внимательно следил за её внешним видом.

Джилл протянула мне ладонь для приветствия, и я пожал её, но тут же невольно вздрогнул — на правой руке девушки полностью отсутствовали ногти. Уставился на неё так, как Робертс меня просила не делать. Заметил ещё пару вещей: от виска вниз по контуру лица к подбородку шёл шрам, довольно давний, на шее виднелась прожжённая кожа.

— Занятное зрелище, правда? — мой ступор её позабавил.

Спохватился и убрал взгляд:

— Простите.

— Вы все так тарачитесь, несмотря на просьбы Эммы.

Робертс одарила меня суровым взглядом.

— Интересно, что тут потерял такой красавец, как вы? Зачем губите себя и своих поклонниц? — она отошла и снова села на койку, спрятав ноги под себя.

— Это всё не для меня, — произнёс я, поражаясь, что вообще отвечаю на её вопросы.

— Ясно, — потеряв интерес, она отвернулась к Эмме.

— Как ты, дорогая? — ординатор тут же прониклась к ней заботой.

— Ты по-прежнему хочешь знать мои чувства? Это всегда больно, Эм. Я умру в этих стенах. Он убьёт меня.

— Злодей из твоего сна? — Робертс учтиво смотрела на неё.

Пациентка устало усмехнулась и, покачав головой, опустила взгляд.

— Да, из моего сна, — будто сдаваясь, кивнула девушка. — Зачем это обсуждать? Мне не помогает. Вы отрываете таракану по одной ноге и смотрите, как он поведёт себя дальше.

— Джилл, милая, общаясь с тобой, я смогу назначить тебе верное лечение, — врач погладила её покалеченную ладонь.

Пациентка снова усмехнулась и плавно убрала от неё руку.

— Всё то же самое, Эм. Мой диагноз никогда не изменится. Мой диагноз — это ОН.

— Дорогая, ты не права...

— Я устала, — Джилл не желала больше говорить, легла и свернулась калачиком на койке.

— Хорошо, отдохни, — Робертс удрученно поднялась и протянула мне стакан с водой и лекарства. — Ей нужно выпить, проследи. Она последняя на сегодня. Через час проводишь её в столовую.

— Мне быть тут? — немного опешил.

— Нет, ты вернёшься за ней. Она отказывается питаться с остальными, поэтому её нужно уговорить. Подчеркиваю, уговорить!

— Я понял, — проводил ординатора взглядом к выходу.

Повернувшись к пациентке, невольно икнул от неожиданности — девушка уже стояла прямо напротив меня. Она слегка улыбнулась, взяв из моих рук лекарства, бросила их в рот, запила водой и продемонстрировала мне ротовую полость, показывая, что всё проглотила. Всучила стакан обратно в руку и, вернувшись на койку, снова углубилась в чтение.

Я медленно повернулся к дверям, но всё же успел обратить внимание на книгу.

— Ромео и Джульетта?! — удивление коснулось моего лица.

— Да, я не читала её, — девушка немного раздражённо и обиженно посмотрела на меня. — Я не училась в школе, а читать тут больше нечего.

— Не училась в школе, но можешь читать?

— Мир не без добрых людей, — буркнула Джилл.

Решил её подбодрить:

— Хорошая книга. Тебе понравится.

— Любовь? Два влюбленных сопляка? — скептически фыркнула. — До добра их это точно не доведёт.

Невольно улыбнулся, ещё больше увлекаясь её персоной:

— Довольно смелый анализ.

— Это жизнь. Люди не умеют любить, — парировала девушка. — Мы только привязываемся, делая друг друга своими жертвами или рабами, — сглотнула. — Любовь — это болезнь гормонов и рассудка.

— А любовь матери к ребёнку, например? Это ведь реально. Это тоже любовь.

— Это инстинкт, заложенный нам природой, но иногда и этот факт даёт слабину.

— Ты так уверенно судишь обо всём, — задумчиво смерил девушку взглядом.

Мне не хотелось верить в подобные выводы.

— Ты любил кого-нибудь? — вопрос не в бровь, а в глаз. — Ну кроме мамы и папы.

Наш разговор перешёл довольно в неординарное русло. Она размышляла со мной. Такое бывает? У психбольных!

— Думаю, в школе, — всё же решил ответить. — У меня была такая любовь, но длилась недолго.

— Ты бросил её. Потерял интерес, как потребитель, — хмуро изрекла она, снова

убеждаясь в своих выводах.

— У меня погиб отец, — стало немного обидно за себя. — Было уже не до неё.

Джилл виновато посмотрела на меня:

— Прости.

— Ничего. Скажи, что привело тебя к таким выводам? Тебя любили?

— Любили, — она тут же изменилась в лице, поджав ноги под себя.

На коленке уличил шрам от пули. Засаднило на кончике языка, когда вдруг представил, как ей было тогда больно.

— Это прекрасно, — старался не смотреть на ноги девушки.

— Уходи, я хочу читать дальше, — отвернулась.

Понял, что сказал, что-то не так. Покорно направился к дверям, но остановился, глянув на эту хрупкую фигурку.

— Прости меня, если обидел, — с этими словами покинул палату.

Как и велела Робертс, через час вернулся за пациенткой. Я приготовил целый список доводов, чтоб уговорить Джилл идти со мной в столовую, но, к моему облегчению, приводить их в действие не пришлось. Она поднялась с койки и... взяв меня под руку, улыбнулась.

— Новеньким всегда облегчаю жизнь. Пошли?

Усмехнулся и вывел Джилл в коридор. Вместе с нами двигались и другие пациенты, слившись в один поток. Почувствовал, как рука девушки крепче вцепилась в мою ладонь. Она их боится?

— Ты давно здесь? — решил её отвлечь. — Спрашиваю, потому что не увидел твоей карты...

— И не увидишь, — хмыкнула пациентка. — Её не дают никому.

— Доктор Робертс? Почему?

— Эмма тут не при чём. У неё только те данные, что ей можно знать.

Вопросительно смотрел на девушку, но она умолкла, не желая просвещать в суть подобного приёма.

— Мне стоит ждать ответа, почему о тебе всё так секретно? — от меня повеял сарказм, и она это безошибочно уловила.

— Не стоит, — проронила Джилл, и её рука плавно выскользнула. — Лучше учись не верить нам. Тебе так будет проще.

— Отрицание вашей нормальности — основа нашей работы с вами.

— Тогда придерживайся этой стратегии, — миролюбиво улыбнулась и завернула в столовую.

В обед здесь явно старались собрать большую часть пациентов. Столовая была довольно огромной и делилась на шесть секторов, в каждом из которых вели контроль санитары и врачи.

Джилл заняла место в самом углу у выхода, придвинув к себе тарелку.

— Здорово, — меня шёпотом поприветствовал Алекс.

— Здорово, — кивнул в ответ, продолжая наблюдать за пациентами.

Скажем, контингент был довольно разнообразен и, разглядывая их, старался определить по симптомам диагноза каждого постояльца.

— Во время приёма пищи они спокойны, — вещал тем временем Алекс, — но на прогулках надо быть более внимательным. Пациенты часто не ладят между собой. Один

подстегнёт другого, этот заденет третьего и поедет. У кого визг, у кого истерика, у кого агрессия и мордобой.

— Меня уже заведомо коробит от всего этого, — проронил я, наблюдая за гримасами лысого дрыща — гебефренический синдром.

Мою физиономию перекосило вместе с ним. Захотелось вдруг нормального и я, почему-то, посмотрел на Джилл. Лучше бы не смотрел — она ела руками. Внутри всё упало. Не знаю отчего, но мне хотелось видеть в ней адекватного человека. Так, в принципе, всё время и было, до этого момента.

— Джилл, — аккуратно наклонился к ней и протянул ей ложку. — Вот твой прибор.

— Я видела, — девушка смотрела на предмет, продолжая жевать. — Мне она не нужна.

Я не собирался её уговаривать и уже сдался, но за спиной пациентки прогремел голос, напугав девушку до полусмерти:

— Взяла ложку в правую руку!

КАСТЕР

Я такого в ней ещё не видел. Лицо Джилл исказили ужас и паника. Телом овладел тремор. Дрожащей рукой она приняла у меня столовую ложку и, судорожно вцепившись в неё, начала загребать содержимое тарелки. Но дрожь в руках снова выбрасывала всё обратно, и девушка брала в рот почти пустой прибор. Зубы клацали о сталь. Взгляд в ступоре смотрел мимо. Она сидела так, словно немедленно ожидала жестокого удара.

— Умница, — главврач погладил её по голове и посмотрел на меня. — Мы пока учимся этому, но успехи есть.

Сэм Льюис отошёл от стола и направился дальше.

Я не мог это больше наблюдать. Плавно коснулся правой руки пациентки и мягко попросил:

— Всё получилось. Теперь можешь отложить ложку. Джилл?!

Она разжала пальцы, выпуская злополучный предмет, но затем вдруг передумала и снова вцепилась в него.

— Нет, я... Я справлюсь. Всё хорошо. Я умею. Правда. Дай.

Лучше не спорить. Отошёл, позволяя ей успокоиться.

— Странная реакция, — шепнул Уилису, продолжая с сочувствием наблюдать за пациенткой.

— Да, — он безразлично хмыкнул и тут же сменил тему. — Мы с друзьями вечером в бар. Ты приглашён. Первый день работы здесь всегда требует разрядки.

— Хорошо, — улыбнулся, соглашаясь на вечерний отдых с коллегами.

Что правда, то правда. Я здесь меньше шести часов, но уже хочу надраться.

Обед закончился, и я протянул Джилл ладонь.

— Пошли?

Даже не взглянув, девушка беспрекословно поднялась и взяла меня под руку. Шла молча, глядя в сторону. Завёл Джилл в палату и усадил на койку. Все её движения машинальны, взор отсутствующий. Инцидент с главврачом вдруг навёл меня на мысль.

— Джилл? Ты боишься его? — предположил я.

Посмотрела на меня взглядом хуже, чем у затравленной собаки.

— Нет, — твёрдый безапелляционный ответ.

Врёт?! Присел на корточки рядом с её ногами. Это должно дать девушке возможность не чувствовать моего превосходства над ней. Так делают, если хотят быть с кем-то наравне, внушить доверие.

— Почему ты ела руками?

— Ты тоже считаешь это сумасшествием? — в голосе появились нотки язвительности.

— Нет. В некоторых странах едят руками — это часть их культуры.

— Жаль, что только у них это часть культуры, а здесь это либо свинство, либо маразм. В моём случае, последнее.

Она горько усмехнулась и, отвернувшись от меня, потянулась к давней книге. Пронаблюдав за тем, как открывает её, бережно разгибает уголок страницы и углубляется в

чтение. Тяжело выдохнул и поднялся.

Эта девушка не даёт ответов. Она в своей раковине и никогда не пустит туда кого-то. А мне до жути захотелось узнать её. Отчего-то именно эта пациентка мне казалась здесь лишней. Она, словно попала не на тот праздник, зашла сюда случайно. У неё явен интерес к вещам, людям, книгам. Она предугадывает мысли, делает выводы, ни на чём не настаивает.

Косметика на лице и правильное её использование — вообще вводили в растерянность. Кто ей позволил этим здесь пользоваться? А волосы? Они тоже ухожены, и мылись отнюдь не теми средствами, что дают в учреждении. В целом, на данный момент, Джилл являлась для меня загадкой, которую намерен разгадать.

— Расскажешь мне потом, чем дело кончилось? — добродушно подмигнул ей.

— Не верю, что ты плохо учился в школе, — девушка робко улыбнулась. — Ты знаешь исход событий. Должен, по крайней мере.

— Да, но ты видишь его по-другому.

— Психоанализ? — она хмуро сдвинула брови.

— Нет. Интерес. Никогда не думал, что на любовь можно смотреть под другим углом, — преувеличил лишь слегка.

Она тихонько засмеялась, раскусив меня на раз, но всё же поддержала легенду:

— Ты наивен, как моя подушка.

— Значит будешь просвещать, — и, ещё раз подмигнув, вышел за дверь.

Пусть останется такой — улыбающейся. Мне хотелось, чтобы она выглядела именно так.

Смена закончилась в десять вечера и Алекс ожидал меня в вестибюле больницы.

— Эй, мы тут! — крикнул он, выглядывая из круга состоящего из четырёх человек.

Уилис прижимал к себе девушку. Кэйт Брит — хирург. Рядом стоял ещё один человек санитар Чейз Ричер, как потом оказалось, с пятого этажа. Ближе к выходу ещё одна хрупкая особа, Сьюзен Ирдан — ухаживающая медсестра. Они все приветливо улыбались мне, словно и не было всего этого сумасшествия вокруг. Да, они давно привыкли к тому, что мне пока так сильно здесь претит.

Чейз, высокий, крепкий мужчина, отвёз нас в бар неподалеку от моей съёмной квартиры. В заведении было шумно и весело, гремела музыка. Столик с диванчиками как раз подошёл для нашей большой компании.

Оказалось, что Алексу много не надо и через час в приподнятом настроении, он рассказывал девушкам о прелестях катания на мотоцикле без шлема. Чейз делился со мной бедами пятого этажа. И вот ему я искренне сочувствовал. Частые и жестокие признаки дисфории у больных, гомицидомании, суицид и стычки пациентов с санитарями — настоящий дурдом.

— Этим меня наградил один такой, — он закатал рукав, и моему взору предстал глубокий след от укуса. — Я думал ему за это самолично челюсть выставлю. А он ржал жутким смехом, блеща кровавыми зубами. Тогда-то все мои предрассудки ушли. Эти люди больны и опасны, как для себя так и для окружающих, поэтому нужен кто-то, кто их вовремя тормознёт. Этот кто-то должен быть. **ОБЯЗАТЕЛЬНО!**

— Скажи, среди них возможен нормальный человек? — решил я на данный вопрос. — Вменяемый, как мы?

— В смысле, если хочет избежать тюрьмы? Типа попасть в психушку, чтобы потом было проще удрать? — Ричер захихикал и, опустошив последний шот, поднял руку вверх,

зазывая к себе официантку. — Милашка, повтори! — глянул на мою пустую рюмку и гаркнул вдогонку. — Ему тоже!

— Нет, таких видно хорошо, — продолжал я. — Я про других. Могут быть случайно оказавшиеся?

Чейз скосил глаза к носу, сосредоточено вникая в мой бред.

— Их возможно определить, Кас. Разве есть добровольцы на жизнь психбольного? Вряд ли.

Он не понял, но и объяснить ему конкретней опасался. Прослыть чокнутым в начале интернатуры — мало приятного.

— Как эта... — встрял пьяный Алекс. — Ну как её? Ухоженная вся которая.

Я напрягся, понимая, что речь пойдет о ней, хотя к этому и вёл.

— Джилл Кэйтор, — напомнила Сьюзен и засмеялась, глядя на Уилиса. — Ты пьян уже, Алекс! Язык заплетается ведь.

— Вечный придурок, — усмехнулся Чейз.

— А что с ней? — я не хотел терять тему, которая меня интересовала.

— С кем? — тут же забыл Ричер и расплылся в улыбке, завидев официантку, которая несла добавку.

— Кэйтор, — напомнил терпеливо. — Что у неё за болезнь?

— Слушай, я про неё мало знаю, — отмахнулся Чейз. — Вон Сьюзи должна быть в курсе.

Но Сьюзен трещала языком с вконец разошедшимся Уилисом.

— Главврач утвердил ей диагноз галлюцинаторно-параноидный синдром Кандинского, — вмешалась Кейт. — Ей всё время кажется, что кто-то хочет её убить, мучает и зверски насилует.

Девушка на секунду задумалась, уйдя в себя, а затем тяжело вздохнула, продолжив:

— Периодически мне приходится обрабатывать её увечья, но, честно сказать, иногда эти членовредительства далековаты от мазохизма или суицида. Однажды, у неё вилка была воткнула под лопатку. Угол вхождения явно говорил о том, что какая-то сволочь всадила в неё прибор. Хотя все и утверждали, что она сама. Что может быть проще?! Я пыталась её расспросить, но та ни слова не сказала. Пока латала её даже слезинку не уронила и не вскрикнула ни разу от боли.

— По-любому, наш Всея что-то знает, — Ричер пьяно взмахнул руками, а до этого скучающе жевал зубочистку. — Я этот мешок с фекалиями давно пасу. Как брата его кокнули, он заметно придурел. У нас там есть психбольной, который плюётся во всех. Ему маску из-за этого прицепили. Так вот, однажды, этот спесивый Льюис начал избивать его за плевки. Представляете?! Переломал ему всё кости, чуть на тот свет не отправил бедолагу. И что? Думаете наказали? Чёрта с два! Даже с поста не сняли.

— Да, я помню тот день, — задумчиво подтвердила Кейт. — Тогда Джилл тоже поступила в хирургию, только раньше на несколько часов. Я чуть в обморок не плюхнулась от увиденного. Её живот был весь в ожогах, словно об неё тушили сигареты. Зрелище! До сих пор вздрагиваю, а девушка опять "воды в рот"!

Мне показалось, что меня сейчас стошнит, но не от брезгливости, а от осознания того, какая это боль.

— Значит, Льюиса нужно просто проверить, — начал я, но тут в разговор снова ввалился Алекс.

— Был у нас один... Проверяющий...

— Был? — напрягся я.

— Да, — кивнул утвердительно. — Просто резко отправили вон, типа не годен.

Я усмехнулся, не оценив важность его информации.

— А о самой девушке есть какие-то данные? — отпил предложенный шот.

— Слушай, мы тут отдыхать так-то пришли, а ты устроил тут детективный расспрос с пристрастиями, — проворчал раздражённо Уилис. — Расслабься уже! — и стукнул рюмкой по столу.

— У, кому-то пора баиньки, — пропел Чейз, насмешливо смерив коллегу взглядом.

— Порядок! Я в норме! — Алекс размашисто обнял девушек. — Отдыхаем, ребят...

Напару с Чейзом дотащил пьяного Алекса до такси, обнял на прощание Кейт и тепло попрощался с Ричером. Сьюзен жила, как оказалось, недалеко от меня, поэтому без возражений согласился её проводить.

— Почему выбрал этот профиль? — она обнажила белые зубки.

— Показался интересным, — многозначительно ответил я. — А вы?

— Давай на "ты"! — слегка улыбнулась.

— Ну так, почему ты выбрала эту профессию? — смущенно кивнул.

— У моей бабушки было расстройство речи из-за инсульта. Я видела, как она мучается. Ей хотелось общаться с нами на равных, понимать нас и участвовать в нашей жизни. Но безрезультатно. И всё, потому что мы не могли или не умели её правильно воспринимать. Только теперь понимаю насколько ей было тяжело. Я хочу помочь им понять, что они не сильно отличаются от нас. Что нас разделяет только рубашка.

Она тормознула у дверей своего дома.

— Они должны понимать, что мы верим им и хотим помочь, поддержать, утешить.

Я замороженно смотрел на неё. Девушка замолчала, разглядывая меня в ответ. Улыбнулась.

— Может, зайдёшь? — вдруг взяла мою руку.

Я не заметил, как мы пришли. Понял, что уже стою возле подъезда её дома.

— Довольно поздно уже. Тебе на работу завтра, да и мне, — нерешительно улыбнулся.

Я понимал смысл её приглашения, но и моё положительное отношение к ней не позволяло сразу отнекиваться. Это будет грубо.

— Просто по чашке кофе, — она открыла дверь подъезда и властно увлекла за собой.

Что ж... Кофе. Как много смысла сейчас в этом слове.

Усадила в кухне и принялась хозяйничать. Рассказывала о забавных ситуациях на работе. О брате, который навещает её раз в месяц и крадёт втихую деньги. Рассказывала о маме, которая каждую неделю приводит дочери женихов. Над стилем её изложения просто не мог не смеяться. Вконец, окончив пить кофе, она решила перейти на личное.

— Неужели, у тебя нет девушки? — её ладонь оказалась на моём бедре. Вздрогнул.

— Нет. Я бы оскорбил её своим невниманием, так как полностью погружён в интернатуру.

Нога дёргалась от этих ласкающих движений под столом. Кофе не погасил уровень алкоголя в мозгу и возбуждение от её действий дало в голову сильнее.

— Значит просто секс? — она резко двинулась ближе и её лицо почти коснулось моего.

— Что ты делаешь? — был готов протестовать, но шаловливая рука как-то очень резко оказалась у меня в штанах.

Каждая клеточка тела сжалась и разжалась в подобие конвульсии. Чёрт! Волосы на голове зашевелились.

— Глупый вопрос, Кас. Я хочу тебя, — спокойно произнесла она и прикусила мою нижнюю губу.

Рука девушки всю работала там. Сьюзен водила ладонью вверх-вниз, периодически усиливая и ослабляя хватку. Дышала и постанывала мне в рот, зазывая на соитие. Язык скользнул в меня и переплелся с моим, углубляя поцелуй. Сознание и контроль пошли к чертям. Она победила.

— Тогда держись, — рывком поднял её вверх и уложил на стол.

Сьюзен довольно засмеялась и принялась стягивать с себя трусики. Тронул пальцами клитор, заставив девушку содрогнуться от всплеска ощущений. Там было горячо и влажно. Скользнул пальцами во влагалище, выгнув партнёршу в дугу. Играя на чувствительных точках, довёл девушку до бурного оргазма. Стоны, ахи и вздохи, наверное, эхом врезались в эти стены.

— О, Кас! — почти заскулила красотка, дрожа от пережитого наслаждения.

— Теперь мой черёд, — предупредил я и с нетерпением въехал в неё.

Сьюзен вскрикнула и, раздвинув ноги ещё шире, слилась со мной в бешеном танце полового акта. Я, как оголодавший зверь, долбил в неё все свое нутро, выворачивал в экстазе руки, впечатывал голову девушки в столешницу, удерживая за шею. Покусывал соски и мял груди. Оттягивал за волосы, наматывая на кулак, пока жёстко и обильно не кончил, сотрясаясь от выброса энергии. Я не слышал, как она стонала и изгибалась от моей эякуляции. Может быть, даже кончила и во второй раз со мной. Этого я не сумел или не хотел знать. Мне было всё равно.

Вышел из неё и рухнул обратно на стул, тяжело дыша. Сьюзен перекатилась на бок и, переводя дыхание, ширила улыбку:

— Зверюга!

— Это всё твой кофе, — пошутил в ответ я.

Спать остался у неё, но на утро, как можно быстрее удрал на работу, захлопнув за собой дверь.

ДЖИЛЛ

Он снова стоял передо мной. Как же я тебя ненавижу! Пальцы свело от отвращения. Когда же вы все подохните? Всё ваше мерзкое отродье!

— На колени, — велел он.

Ком гнева и отчаяния чуть не раскрошил мне зубы. Я, как всегда, медлила, не желала подчиняться, хоть и знала, что всё бесполезно. Он всегда возьмёт своё.

Мой мучитель спустил брюки, и его чёртов член уже стоял.

— Чтоб ты сдох! — процедила я.

Сталь пальцев впилась в плечо, едва не выставив его. Застонала от боли и осела на пол, принудительно встав на колени. Член упёрся мне в лицо.

— Советую держать зубки в узде, — грозное предупреждение.

Я же тщетно попыталась увернуться, на что мой мучитель отреагировал вполне спокойно. Просто разжал мне рот, надавив пребольно на бока челюсти, и сунул полностью в него свои пальцы. Отвращение и рвотные позывы вызвали слёзы. Слюна потекла рекой.

— Он намного приятней, чем моя ладонь, — рыкнул сурово и достал руку, влепив звонкую пощёчину.

Упасть не дал и снова повернул к себе. Тряхнул, веля собрать сознание.

— Я хочу туда, — жестоко и вкрадчиво.

Зажмурилась и разомкнула челюсть. Его член наполнил рот, упираясь головкой в гланды и едва не доводя до рвоты. Для меня это было часами мучений, хотя всё длилось лишь пару минут. Глаза слезились, слюна стекала до колен.

— На меня смотри! — дёрнул за волосы вниз.

Выполнила, едва не сжав зубы.

— Да... Так хорошо!

Чувствовала, как содрагается его тело от ощущений, а мне лишь оставалось упереться руками в бёдра мерзавца, чтобы хоть как-то минимизировать глубину ввода.

Резко отпустил, отбросив на пол. Тяжело дыша пыталась прийти в себя, брезгливо сплёвывая и вытирая губы.

— Какая же ты мразь! — шипела, пытаюсь нормализовать дыхание.

Он был явно доволен, но мука не окончена. Поставил на четвереньки и завёл мне руки за спину. Голову впечатал ногой в пол. Слёзы потекли по щекам, уже не таясь, когда мужчина резко и с силой вошёл, в очередной раз подчиняя и уничтожая под собой мою сущность. Выкручивал груди оставляя синяки, кусал до крови кожу на спине. Мой мучитель просто неистово вбивал себя в моё тело, оставляя кровавые подтёки. Наконец кончил и отшвырнул к стене.

Звон в голове туманил мысли, но я знала, всё это только первая часть моих страданий.

Мужчина пришёл в себя, надел брюки и рубашку. Наблюдала за ним, вжавшись телом в угол стены. В его руке сверкнуло лезвие перочинного ножа. Слотнула от страха. Неужели он наконец убьёт меня? Смотрела, как замороженная на стальное перо. Мучитель покрутил им

перед моим носом, а после холодная сталь плашмя заскользила по шее к грудям.

— Вырезать бы тебе, сука, сердце и заставить сожрать его. Жаль только, что одно другому мешает, — прогнусавил он.

Острые слегка воткнулось в грудину. Охнув, замерла, ожидая, когда лезвие погрузится в меня. Он наблюдал за моим выражением лица и не нажимал.

— Знаю, желаешь, чтобы убил, — усмехнулся. — А ведь умирать тебе не хочется. Ведь нет ничего проще, малышка. Подайся телом вперёд, и нож войдёт в сердце.

Он играл с добычей, ждал моих действий. Улыбка похожая на оскал уродовала его ещё больше. Запустил руку в мои волосы и потянул на себя. Вскрикнула, когда лезвие ножа дважды полоснуло по груди. Опустила перепуганный взгляд вниз, на моём теле зиял небольшой кровавый крест. Мучитель ткнул пальцем в место пересечения линий и процедил:

— Сюда попадёт моя пуля, когда придёт твой срок.

— Убийца, — прорычала я.

В этот миг глаза дьявола блеснули, и он долбанул мою голову о стену.

— Нет, сука проклятая, убийца — это ты!

Ещё несколько раз ударил затылком, пока не поплыло в глазах. Его колено воткнулось мне в глотку, лишая звука и воздуха, когда мужчина принялся наносить поверхностные порезы по внутренней части моей руки от запястья к локтю. Закончив, убрал нож и отшвырнул на пол. Рухнула, пытаясь вдохнуть снова. В глазах вальсировал пол со стенами.

— Ты, дрянь, не должна это путать, — прорычал с неистовой злобой и поднялся.

Я не видела, как он подбросил к моим ногам осколок стекла, который, видимо, приготовил заранее. Затем пнул меня по ступням и ушёл, что-то негромко напевая.

Слёзы мучительной боли, унижения и безысходности вырвались наконец неудержимым потоком. Свернулась в клубок, размазывая кровь по полу.

Смерть, где же ты?

КАСТЕР

Я успел за десять минут до начала обхода. Скрестил пальцы, моля, чтобы доктор Робертс не отчитала за столь поздний приход, так как вводный инструктаж я пропустил.

В ординаторской её не оказалось. Вышел в коридор и присел на подоконник. Наконец сработал рабочий пейджер. Эмма вызывала меня в хирургию. Поспешил туда.

— Майерс, вы только пришли? — она была явно расстроена, но, вряд ли, из-за меня.

— Простите, доктор, виноват. Больше не повторится, — вполне искренне поклялся я.

— Охотно верю, — буркнула ординатор и всучила мне папки с историями больных.

— Что-то случилось? — распознал в её лице беспокойство.

— Здесь часто что-то случается, доктор Майерс, — отмахнулась.

Из хирургического медкабинета вышла Кейт.

— Доброе утро, — кивнула мне и устало посмотрела на доктора. — Я ввела ей нитразепам и обработала раны. Седативное подействует через десять-пятнадцать минут.

— Мне нужно её осмотреть, пока она не спит.

Робертс решительно вошла в лабораторию. Я прошествовал следом. Велико было моё удивление, когда увидел в кресле её. Джилл немигающим взором смотрела в окно. На руке

кипенно-белая повязка.

Робертс проверила показатели пациентки, задала пару вопросов, заранее понимая, что девушка не даст ответов. Наконец, потеряв окончательно надежду, доктор велела мне отвести Джилл в палату, а сама помчалась обратно в ординаторскую.

Осторожно коснулся тонкой ладошки.

— Джилл, можно мне взять тебя на руки? — спросил как можно мягче.

Взгляд от окна перешёл на меня, отчего немного попятился. Глаза с пеленой слёз, давних и застывших. Эти же глаза я часто видел раньше у своей матери по утрам, когда умер отец. Ком заполнил глотку.

— Позволь, я отнесу тебя в твою палату.

Она вяло потянула руки к моей шее. Наклонился, и пальцы пациентки замком переплелись на затылке. Подхватил за спину и колени, голова девушки упала мне на плечо.

— Хорошо, — постарался без толку улыбнуться. — Всё, теперь идём.

Когда внёс в палату, осторожно уложил на больную койку. Расплёл её пальцы на шее и аккуратно отнял от себя. Веки Джилл постепенно опускались. Лекарство начинало работать, но она, словно боролась с его действием. Посмотрел на перевязанную руку девушки и присел рядом.

— Кто это делает, Джилл?

Она поражённо вскинула на меня глаза, которые вдруг прояснились.

— Кто?! — переспросила она.

Девушка явно впервые слышала такую форму вопроса.

— Да. Скажи мне, кто? Доверься. Я могу помочь.

Губы Джилл задрожали и тяжёлые слёзы покатались по щекам. Замотала головой.

— Нельзя, нельзя, нельзя... — зашептала как одержимая.

— Тише, тише, — успокаивающе погладил её волосы и ласково утёр с лица слёзинки. — Всё хорошо!

Осмелился обнять девушку и, к моему удивлению, она не протестовала.

Поток стремительно сошёл на нет. Джилл с шумом выдохнула, так и уснув прямо на моём плече. Осторожно перенёс хрупкую фигурку на постель и накрыл одеялом. Посмотрел в лицо.

Что-то здесь не так. Определённо. Кто-то обязан разобраться в этих странных эпизодах. Ты не похожа на пациентов этого места, но имеешь к нему какое-то загадочное отношение.

Вышел в коридор, но тут же наткнулся на Робертс.

— Вам было велено отвести её, а не усыплять, — хмуро уронила ординатор.

— Да. Доктор Робертс, Джилл навещают здесь? Кто-нибудь к ней приходит? — пошёл в любовую.

Она удивленно осмотрела меня с ног до головы, фильтруя мой вопрос в голове.

— Почему ты... — но всё же ответила, — Джилл — сирота.

— А друзья? Неужели, совсем никого нет? Кто-то ведь направил её сюда?

— Она — пациент, и больна, поэтому волновать нас с тобой должно только это, — процедила Эмма. — Я вижу ты сегодня чересчур прыткий. У меня в кабинете лежат истории болезней пациентов...

— Но...

— Их нужно разложить и сшить. Составить в картотеку по алфавиту...

— Доктор Робертс! — это занятие точно не для меня, потому умоляюще и обречённо

посмотрел на неё.

— Работы много, поэтому не спорь и начинай прямо сейчас, — мой куратор был непоколебим.

— Что за...? — негодовал.

— Вот ключ, — она сурово перекрыла моё возмущение и всучила в ладонь связку и часть больничных карт. — Ты понял меня?

— Да, понял, — буркнул удручённо и, повернув на сто восемьдесят, направился в ординаторскую.

Что ж, в этом что-то есть, а именно возможность хорошо подумать во время бумажной волокиты. Плюс решил что-нибудь поискать о Джилл. Только, спустя полдня поисков, никаких данных и документов о ней я, увы, не обнаружил. Включил компьютер, пролистал десятки историй болезней и тоже полный ноль. Чёрт! Она, как в воду канула.

Выключил монитор. Захлопнул очередную историю. Глаза требовали отдыха, и силой потёр их. Глянул на часы. Да, такого наказания я больше не выдержу. Сижу тут уже черт знает сколько. Встал из-за стола и смерил кабинет шагами.

Вошедшая в кабинет Робертс, посмотрела на меня уже более снисходительно. Проществовала к столу, положив амбулаторные карты на стол.

— У тебя сейчас есть полчаса перерыва. Через час у пациентов прогулка.

— Хорошо, — принял информацию и поспешил прочь с места наказания в коридор.

Фух! Стремительно направился в комнату отдыха для персонала. Там уже сидел Чейз.

— Здорово, — с набитым ртом поприветствовал он.

Я плюхнулся на кушетку напротив него. Запрокинул голову назад и громко выдохнул.

— Доктор Робертс поиздевалась надо мной. Сучка!

— Сшивал истории болезней? — он понимающе хихикнул. — Это излюбленное наказание для всех интернов. Что натворил?

— Задал пару вопросов о пациенте.

Приятель удивленно поднял бровь:

— Обычно это не возбраняется. — Протянул мне сэндвич. — Хочешь?

— Спасибо, — от вкуса пищи во рту, как-то сразу остыл. — Он божественен, — честно признал я.

— Плюс ещё один фанат сэндвичей моей жены, — гордо проворковал Ричер. — Ну так что ты спросил её?

— О Джилл Кэйтор...

— А вот это как раз возбраняется.

— Почему?

— Да, чёрт его знает! Когда-то я тоже пару раз интересовался некоторыми моментами касательно её. Ну знаешь, типа откуда столько шрамов, где родные, кто направил... Но облако туманности да и перевод на пятый этаж постепенно отвели меня от этих вопросов.

— Я тоже спросил о её родственниках и друзьях. Робертс ответила только, что Джилл — сирота и всё. Замяла тему!

— Ты бы не совался во всё это, — посоветовал он. — Тебе не работать здесь. Интернатура закончится и свалишь на чистенькое место.

— Да, ты прав, — я, конечно же, был не согласен, но тему решил перевести. — Как добрались вчера?

Ричер засмеялся, вспоминая:

— С приключениями. Таксист подбросил Кейт до дома, а на середине пути этот алкаш Уилис вспоминает, что оставил ключи от квартиры на работе, представляешь?! Повезли его на работу, но этот паразит, вырубился в машине так, что пришлось оставить его отсыпаться в больнице. В результате, я вернулся домой почти под утро, пока мотался с ним туда-сюда. Жена всё утро со мной не разговаривала. А ты? Проводил Сьюзен?

— Да, конечно, — кивнул я и опустил взор, стараясь придать лицу безразличие.

— Вижу, что горячий был её "кофе", — обманывать бесполезно. — Я знаю, ты — не идиот.

Через час пациентов повели на прогулку, и я прихватив из своего шкафчика колоду игральных карт, которые предусмотрительно взял дома для небольшого эксперимента, отправился за Джилл. Но в палате девушки уже не было.

— Тут нет никого, — сзади возник какой-то санитар. — Помоги вести других. Кто идти толком не может.

На прогулке нашёл её сидящей за столом под тучным деревом. В руках та же книга.

— Привет, — присел рядом. — Выспалась?

Она искренне усмехнулась:

— Как обычно.

— Как рука? Болит?

— Её обезболивают, — она непонимающе смотрела на меня и инертно обняла раненую конечность.

— В карты играть умеешь? — огорошил её.

Хотелось показать, что вижу в ней не заключённую с психическими отклонениями, а человека. Джилл растянулась в улыбке:

— Тебе нечем заняться?

— Я занят тобой. Ну так как? В покер? Одну партию.

— Проиграешь, — в её глазах уличил вызов.

— Проиграешь, — передёрнул я и достал карты.

— Мечены, — осмотрев колоду, помотала головой девушка, отказываясь.

Победно улыбнулся:

— Тебя сложно обмануть.

— Да уж, скорлупка крепкая, — девушка задорно сощурила один глаз.

— Что ж, но сдаваться я не умею. В другой раз! И сама проверишь колоду. Идёт?

— Идёт, — кивнула с готовностью.

— Тогда может расскажешь, о чём читаешь сейчас? На каком месте?

— Тибальт убил Меркуцио, — ответила она.

— О, с этого и начнутся беды, — покачал я головой.

— Не смей рассказывать...

— Кас? — оклик сзади.

Я повернул голову — за моей спиной стояла Сьюзен. Только не ты.

— Извини, Джилл, — виновато отошёл. Девушка, поджав губы, понимающе кивнула и снова вернулась к книге.

Увёл Сьюзен подальше.

— Я тебя искала. Ты ушёл утром... Не сказал ничего.

— Сью, было классно. Правда! Но продолжений я тебе не обещал. Ты знаешь мои цели

сейчас. Мне не до отношений.

— Да, ты прав, — она дёрнула плечами, но потом провела пальчиком по моему подбородку. — Приходи, когда захочешь. Я всегда буду рада тебе.

Ухмыльнулся, слегка негодуя. Завязывать отношения даже ради секс-разрядки мне не хотелось. Не те мысли в голове да и проблем обычно становится больше.

Сьюзен стремительно удалилась, послав невидимый поцелуй. Зараза!

Прогулка закончилась, и я снова возник возле Кэйтор.

— Пошли?

— Я дойду, — мотнула она головой. — Вон Беатрис надо помочь, — она кивнула на пожилую женщину с синдромом Аспергера.

— Да, конечно, увидимся, — вынужденно покорился и взял ту женщину под свой контроль.

Джилл ушла вперёд и, обернувшись, улыбнулась мне. Помахала рукой. Все ясно — меня, завуалированно отшили. Понял. Надо сбавить напор, но мне нужна её раскрепощённость. Она должна ощутить дружеское отношение к себе не как к пациенту, а как к обычному человеку.

Началась пересменка. Поскольку я в ночную, мне пришлось просто наблюдать, как уходит домой большая часть моих коллег.

У входа тормознул Брит.

— Кейт, погоди минутку, — отвёл в сторонку.

— Кас, мой автобус сейчас уедет, — она заволновалась.

— Тогда спрошу сразу. Мне нужны основные подробности сегодняшнего инцидента с Кэйтор.

— Кастер, зараза, не лезь в это, — устало посоветовала она.

— Тратишь время. Просто ответь.

— Ну хорошо, хорошо. У неё сильно были изрезаны ткани правой руки от запястья к локтю. Два разреза на груди в виде креста. Предположительно стеклом. Нашли на полу.

— Ясно, — переваривал информацию. — Спасибо. Она направилась прочь.

— Пока, — махнула рукой, но тут остановилась, — хотя... Кас, я никому не сказала, думала может показалось, — плохо спала сегодня и всё такое — но на руке девушки, словно вырезано слово.

Слово?! Какое ещё к чёрту слово?!

КАСТЕР

В полном ступоре смотрел на Кейт, ожидая ответа и адекватного пояснения.

— Какое ещё слово? — всё тело дико напряглось.

— УБИЙЦА. Причём зеркально по отношению к ней. Линии порезов глубокие и чёткие нет рваных краёв, как при членовредительстве. Как будто... не стеклом, а чем-то...

— Более острым, — закончил за неё.

— Да, Кас, и на стекле, что валялось в палате, нет крови на краях. Ни капли! — Кейт боязливо озиралась. — Она, словно не сама. Будь осторожен, ладно?

— Это моё второе имя, — легонько подтолкнул её к выходу. — Иди же, опоздаешь.

— Пока, — махнула мне рукой и скрылась на улице.

Мой перерыв закончился, и я вернулся в ординаторскую. Доктор Робертс тоже собиралась домой.

— Доктор Майерс, здесь разложены лекарства моих пациентов, — она сунула мне журнал, — А это графики и дозы их приёма. Пациенты должны принять всё до отбоя.

— Хорошо.

— Это номер моего телефона, — протянула стикер с номером сотового. — Звонишь можешь хоть в глубокую ночь, понял?

— Думаю, всё будет хорошо.

— Надеюсь, — недоверчиво буркнула она.

Робертс явно меня опасалась. Неужели моё легкое любопытство сыграло в этом роль?

Ординатор ушла, а я открыл журнал графика приёма препаратов. Вздохнув, прихватил тележку для транспортировки лекарств и пошёл по адресатам.

У каждого пациента приём лекарств проходил по-своему. Кто-то, не отразив, просто принял их. Кто-то стал втягивать меня в бессвязные разговоры. Кого-то пришлось уговаривать.

Палату Джилл, нарочно оставил на десерт. Картина ничуть не изменилась — хозяйка на кровати за чтением книги, но её лицо крайне сурово.

— Джилл, время приёма лекарств, — окликнул я.

Она оторвалась от книги и посмотрела на меня. На лице негодование.

— Она убила себя из-за него. Полная дура! — разочаровано изрекла девушка. — А он просто debil.

— Теперь всё понятно, — улыбнулся и протянул ей таблетки. — Это классика, пример нам того, какая должна быть любовь. Трагичная, самоотверженная...

— Или до невозможности глупая и эгоистичная! Они сначала погубили людей вокруг себя, а после по тупости и себя порешили. Проще было урезонить свой эгоизм.

Я присел на край её постели.

— Знаешь, в школе я считал, что более разумным для Джульетты было бы сначала обсудить свой план с Ромео. Дождаться от него согласия. Но ей надо было скорей.

— То есть, ты считал только её душой? — она улыбнулась и обличительно сощурила глаза.

— Ага, — засмеялся. — У нас всегда виновата женщина. Мужская психология.

Она поникла:

— Выходит, что насколько бы не были правильны намерения, все женщины всё равно поступают плохо?

— Смотря о чём речь. Если вы ломаете кофеварку, потому что считаете, что вам нужна новая — это плохо, — постарался привести более простой пример.

— А если мы убиваем своего насильника? То что плохо — убийство или насилие?

Немного опешил от такого поворота, но постарался не показать виду.

— По понятию, убийство хуже, чем насилие, — решил сказать честно. — Есть насильники, что даже умудряются обвинить свою жертву в содеянном и бывают оправданы. Короткая юбка и груди стремящиеся вырваться вон из декольте соблазнят, наверное, даже импотента. Но когда жертва ребёнок, то люди готовы заплатить, лишь бы убить насильника. Всё это спорно и с каждым годом роста цивилизации, становится всё более запутанней и менее решаемо.

— А самоубийство?

Тут напрягся, но знал, что обязан говорить. Это даёт ей незаметно раскрыться, а мне понять часть картины.

— Суицид всегда негуманен, — боялся сказать лишнее. — Люди созданы, чтобы жить. Чувство смерти претит любому и вызывает отвращение.

— А если смерть может стать спасением? — смотрит на меня, как на своего духовника.

— Или способом избежать боли? Уступить? Может скажу жестоко, но это слабость. Не мне судить, знаю, но верю в то, что тьма имеет край и он обязательно будет. Важно только найти силы, чтобы бороться и идти к нему.

— Где только черпать эти силы? — понурый взгляд резанул меня по сердцу.

— Характер, люди вокруг нас. Как ты сказала когда-то "мир не без добрых людей".

Она усмехнулась:

— У сумасшедших нет добрых людей и нет характера, — устало проронила девушка.

— Видимо, потому что они за ширмой непонимания.

Джилл тяжело вздохнула и поджала под себя ноги. Я умолк, разглядывая её.

— Что на очереди? — взял книгу в руки.

— Анна Каренина, — буркнула она.

Снова усмехнулся:

— А потом? "Гранатовый браслет" Куприна, "Вероника решает умереть" у Коэльо?

— Да всё, что ты перечислил, — она отвернулась.

— Я принесу тебе книгу о сильной женщине, потому что вы — сильнее нас, мужчин, — понимал, что должен её в этом просвятить. — Мужчины терпят боль и стенания только некоторое время, зная час освобождения. Вы же способны терпеть боль годами, даже не представляя закончится она или нет. Вашей силе духа можно только позавидовать.

Джилл уставилась на меня немигающим взглядом, и её лицо отражало лишь муку и тоску. Понял, что попал в точку. Поднялся с койки, потянулся к снотворному и подал ей.

— Я не хочу спать, — смотрела на таблетки у себя в ладони.

— Вот сама и решишь, когда выпить, — ответил миролюбиво и направился к двери.

— Кастер, — впервые назвала меня по имени. — Зачем ты делаешь это всё? Это твой новый подход к нам, о котором я не знаю?

— Возможно, — подыграл её подозрительности и недоверию. — Составь логическую

цепочку и проанализируй исход этой методики, — подмигнул ей и покинул палату.

Ночь прошла спокойно, лишь пара инцидентов. На утро нарочно прошёл мимо её палаты, желая удостовериться в благополучии девушки. Джилл мирно спала, свернувшись калачиком.

Внизу встретил Чейза злого, как собаку.

— Слышал у вас там сегодня было весело, — сочувствуя, взглянул на него.

— Да уж, — вышли во двор. — Урод из пятсот третьей отломил каким-то образом ножку у кровати и стал избивать себя ею, — Ричер сплюнул в сторону работы. — Мы с напарником кинулись его останавливать, но этот сукин сын оказался дико сильным. Саданул, мразь, Джерри по рёбрам. Впятером, блядь, еле скрутили. Теперь напарник в неотложке, а мне тело раскрасили в синюшно-фиолетовый цвет. Я как гребаный далматинец.

Сочувствуя, качал головой. Через час наконец добрался до дома, но сна ни в одном глазу. Сел за компьютер. Открыл базу департамента полиции. Этой чудо-программой меня наградил мой дядя Джон — начальник полиции штата Массачусетс в Бостоне.

Джилл Кэйтор — ввёл я. Велико было моё удивление, когда увидел дату её... Смерти?! Двадцать третье мая две тысячи четвертого года.

Джилл Кэйтор мертва уже девять лет?!

ДЖИЛЛ

Звук выстрела. Вскрикнула и резко открыла глаза. Нет, я по-прежнему в этих стенах. В палату вошла пожилая санитарка и всучила мне полотенце. В душ.

Утренние процедуры являлись важным ритуалом для всех, но в плане меня были некоторые исключения. Я посещала душевой сектор только после того, как все помоются и уйдут. Душ принимала самостоятельно, но в этот раз перевязанная рука доставляла неудобства, и эту женщину, видимо, подослали мне в помощь.

Мылась только дорогими шампунями, аромат которых всей душой презирала — шоколад и фрезия. Он любит этот запах и требует его обязательного присутствия.

Санитарка помогла уложить волосы и усадила на скамью. Рядом вновь лежала косметичка и зеркальце, в котором отражалось моё хмурое лицо. Косметика — для меня, совершенно иной мир, плохо исследованный, чуждый и никчёмный, но мой мучитель заставлял понять этот космос ненужной мне красоты.

— Не хочу, — буркнула и брезгливо отмахнула косметичку. Это всё для него. Для этого чудовища, которого ненавижу всем нутром и каждой клеточкой тела.

— Живей, — женщина раздражённо толкнула меня в плечо. — Велено, чтобы выполнила. Лучше бы радовалась, что тебе сохраняют человеческий вид.

Шли бы вы!

Дверь душевого отсека скрипнула, и холодная волна паники побежала по коже.

— Молли, вы можете идти, — он властно смотрел на нас.

Санитарка прытко схватила мокрое полотенце и мою несвежую больничную рубашку и в три прыжка испарилась. Она знает его маленький секрет и ждать от неё помощи не имело смысла.

Мы снова одни и смотрим друг на друга.

Сверлила его взглядом. Он красив, но это какая-то чёрная и жестокая красота. Его лицо расслабленное спокойствием сжимало в страхе грудную клетку.

— Уроки макияжа всё так же сложны для тебя, — сокрушённо покачал головой мужчина и прошествовал ко мне.

Сел на скамейку, взяв косметичку в руки.

— У тебя очень красивое лицо, Джилл, но шрамы... Их надо замазать, скрыть как-то. Понимаешь? Я хочу любоваться тобой. Ты должна быть красивой для меня.

Он изъял из косметички тональный крем и выдавил прямо мне на лицо, пуская по щекам и лбу реки маскировочной эмульсии. Аккуратно взял за подбородок и принялся нежно и упоительно растирать тон по коже.

Сердце отстукивало животную ненависть и отвращение. Эти прикосновения никогда не принесут мне удовлетворения.

Порылся в косметике и нашёл красную помаду, выкрутил и снова пленил лицо. Прицелился на губы, но их жуткая дрожь ему явно мешала. После его двух неудачных попыток нанести красящий пигмент, получила жестокий удар по ним.

— Угомони их!

Рефлекторно спрятала лицо в ладони, но мучитель грубо отнял их, за что получила ещё и оплеуху. Снова поймал за челюсть, но, увидев теперь разбитую губу, в досаде отбросил помаду.

— Ну вот что ты натворила?! — он вытер ладонью кровь и показал мне. — Всё испортила, идиотка!

Перехватил меня за затылок и приблизил к себе. Глубоко вдохнул, наслаждаясь ароматом парфюмерных средств. Поцеловал в лоб.

— Шоколад — афродизиак, — изрёк вожделено.

Его грубая рука, смягчившись, начала скользить по локонам, перейдя на груди и отвратительно смяв их. Вытянула руки перед собой, инерцией обороняя тело.

— Не трогай меня, скотина, — героически процедила, отчётливо сознавая, что за этим последует.

Он усмехнулся и отстранился, разглядывая моё героическое выражение лица. Оценил. Одна, две секунды и ярость заполняет его чёрный взор. Мучитель снова хватает меня за затылок и, стащив со скамьи вниз, вбивает щекой в кафельный пол.

Гул, образовавшийся в голове, утопил моё восприятие реальности, но, когда всё восстановилось, почувствовала, как мужчина разбинтовывает раненую руку. Зачем? Только в последний момент всё поняла. Своеобразная удавка из бинта пленила мою шею и затянулась. Только инстинкты самосохранения помогли мне успеть сунуть в петлю пальцы для борьбы. Крик о помощи утонул в гортани.

Мужчина потащил меня по кафелю душевой, перекинул бинты через трубы водоснабжения, которые шли по верху отсека, и подвесил моё никчёмное тело над полом.

Большие пальцы на ногах едва касались поверхности, чтобы отсрочит кончину. Я зачем-то боролась, дёргалась, брыкалась, пытаюсь высунуть голову из петли. Мой мучитель наблюдал за моими попытками со стальным выражением. Затем слегка подтолкнул и без того неустойчивое тело, раскачав.

Сколько шла борьба за жизнь, я не могла знать, но и в этот раз победа снова была за ним. Сознание начало испаряться, сменяясь стуком в висках и венах. Очнулась от его жестоких шлепков по щекам. Лежала уже на полу по-прежнему с петлёй на шее. Мужчина приподнял меня за одежду ближе к своему лицу.

— Понравилось? Может ещё? — резко рванул с пола и толкнул обратно к скамье. — Приведи живо себя в порядок, дрянь!

Оглядел моё вздрагивающее от страха тело, закусив губу, а потом стремительно покинул душевую.

Дождалась стука железной двери и уткнулась лицом в скамейку, издав яростный грудной крик. Посмотрела перед собой. Зеркальце. Взяла дрожащей рукой и взглянула на своё отражение.

Красивой для него? Никогда! Злость охватила, прожигая до кончиков волос. Ударила предмет об угол скамьи, разбив вдребезги, и выудила самый крупный осколок. Солнечный зайчик сверкнул в глаза.

Его поцелуй на лбу умерщвлял каждый дюйм кожи, отравляя своим ядом. Резким и решительным движением вонзила осколок в лоб и жестоко проехала по поражённому месту, пустив по лицу струйки солоноватой вязкой жидкости. Удовлетворённая бросила окровавленный осколок на пол и снова легла на скамью, в ожидании санитарки.

Чувство злорадства облегчило ком в груди, и я закрыла глаза, улыбаясь себе.

КАСТЕР

Так как сегодня дежурил в ночь, моя смена начиналась со второй половины дня, поэтому всё своё время до работы продолжал пытаться узнать хоть что-то о Джилл Кэйтор.

Расспросы довели моего дядю до белого каления, но я всё же узнал, что родители девушки были жуткими пьяницами, наплевавшими на дочь. В возрасте восемнадцати лет девушка исчезла, по слухам соседей. Джилл никто не искал и в розыск заявления не подавал. Тело пропавшей нашли случайно через год в реке. Родители мгновенно опознали своё пропавшее чадо и похоронили.

"Убитые горем" мать и отец неожиданно купили себе дом в хорошем жилом районе и уехали. Однако, через год новый дом неожиданно сгорел из-за банальной сигареты в кровати, оставленной по-пьяне кем-то из них. В результате оба погибли.

Все это, казалось бы, правдоподобным, если бы я вчера не разговаривал с Джилл Кэйтор лично. Ошибка? Вполне. Но тогда не может же она торчать здесь с восемнадцати лет!

Если начну задавать ей вопросы, она отстраниться навек, так как чего-то или кого-то дико боится. Нельзя, не сейчас!

Робертс, по ходу, тоже что-то знает, но молчит, по своим причинам. Будь моя воля, тряхнул бы весь этот дурдом, не кривя душой. Наконец не в состоянии объяснить себе все эти противоречия собрался на работу.

У самого выхода вспомнил о книге, что обещал Джилл. Следовательно, нужен книжный магазин. Ладно, успею.

Через два часа переодевался в раздевалке для персонала.

— Эгей, Кас! — услышал за спиной радостный голос Алекса. — Как жизнь?

Я улыбнулся и приобнял его в ответ.

— Отлично. Как у тебя выходные?

— Болел, — озорно подмигнул.

— А мне досталось от Робертс за опоздание.

Инцидент с Джилл лучше опустить.

— Привет, ребята. — Кэйт стянула свой халат, испачканный рвотной массой, и устало осела на скамью.

— Ты, вижу, весело живёшь? — хихикнул Уилис, и испорченная роба подруги полетела в него. — Эй! Аккуратней...

— Жизнь и правда мне в радость, — брезгливо процедила подруга и понюхала футболку. — Чёрт, придётся в душ.

Я, сочувствуя, смотрел на неё, переодеваясь свою спецодежду.

— Ого, Майерс! Я ослеп! — Алекс снова противно ржал. — С таким-то торсом и работать здесь?!

Коллега направился к выходу, и выходя, шутливо подмигнул девушке:

— Кейт, не тушуйся!

Дверь раздевалки закрылась.

— Придунок, — злобно констатировала Брит.

— Да уж, есть что-то, — улыбнулся ей.

— А ты похоже нашёл чем заняться в обед? — вдруг спросила подруга.

— Что? — не понял я.

Кейт кивнула на книгу в моей руке:

— Только зря, времени на это у тебя не будет.

— Она не мне.

Брит удивлённо повела бровью:

— Кому же тогда?

— Книга для Джилл. Я обещал ей принести...

— Сдружились? — подруга с укором покачала головой. — Кас, они не могут быть нашими друзьями. Они — в первую очередь, наши пациенты.

— Я знаю, Кейт. Позволь мне самому решать.

— Хорошо, — Кейт сдаваясь кивнула. — Только, боюсь, сегодня Джилл не сможет её читать.

— Почему? — тут же насторожился.

— Она сегодня изрезала куском зеркала себе весь лоб.

— Не может быть, ты уверена?! — тут же подскочил, не в состоянии принять новые увечья в исполнении данной пациентки.

— Кас, у неё императивные галлюцинации! А ты знаешь, что это такое.

— Да, знаю и поэтому не верю. Пару дней назад, помнится, ты думала, как и я сейчас.

— А теперь вообще не хочу об этом думать, — буркнула в ответ.

— Откуда у неё взялось зеркало? — Брит растеряно умолкла. — Где это произошло?

Внутри всё закипело. Я не верил в сумасшествие Джилл, но каждый раз все хотят убедить меня в обратном.

— Наш Всея с нянечкой нашли девушку в душевой. Джилл разбинтовала руку и бинтами, похоже, пыталась себя задушить. Странгуляционная борозда на шее и петля на бинтах — прямое доказательство.

— Странгуляционную борозду не так просто получить самостоятельно. След остаётся только либо через удушение извне, либо через повешенье. Это тебе любой судмедэксперт расскажет. Кто псих? Она или мы? Джилл была в душевой одна? — этот факт меня поражал до глубины души.

— Нет, с ней была Молли — та самая нянечка. Она вышла на секунду. Когда вернулась пациентка лежала на скамье. Бинты и окровавленные осколки разбитого зеркала валялись на полу.

— Ясно, но всё-таки, откуда зеркало?

— Робертс разрешает ей ухаживать за собой, сохранять свою женственность. Ты же видел девушку? Видел сколько на ней шрамов?

— Бред... Просто смешной бред! — я маячил по раздевалке.

— Мне нет смысла врать тут сидеть, — обиделась Кейт.

— Нет, нет, я не о тебе, — спохватился. — Просто всё это невероятно. Бля... Непонятно!

— Что невероятно-непонятно?! Кастер, ты, похоже, придумал себе детектив и притворяешь его в жизнь! Джилл — стандартная пациентка, нуждающаяся в лечении и присмотре. Тебе надо это уже уяснить и принять!

— Что ж начну прямо сейчас! — сердито рыкнул в ответ и устремился вон из раздевалки.

Но сказать — проще, чем сделать. Доктор Робертс ещё не ушла домой, и попасть к

Джилл было пока невозможно. Эмма явно пребывала в дурном расположении духа и занималась строго другими пациентами.

Вынужден снова ждать. Дважды проходил мимо палаты Кэйтор, но видел только спящий силуэт. Долго спит. Слишком долго. Накачали транквилизаторами и нейролептиками, козлы!

Наконец Робертс ушла домой, предварительно дав все указания.

Когда подошло время принятия препаратов и инъекций, покати́л медицинскую тележку по коридору, стараясь по-быстрей раздать пациентам их лекарства. Палату Джилл решил оставить под конец обхода.

Зайдя обнаружил, что девушку всё так же спящей. Приём лекарств обязателен, потому имею право разбудить.

— Джилл, — позвал негромко.

Не дождавшись результата, аккуратно положил на её бок руку. Легонько качнул.

— Джилл, проснись...

И через секунду об этом пожалел.

КАСТЕР

Зря, я так сделал. Она в ужасе вскрикнула и начала отчаянно колотить меня руками и ногами, царапать единственными ногтями на левой руке.

— Спокойно, Джилл! Это я, Кастер! Всё нормально! — с трудом поймал за запястья и припечатал к кровати.

Джилл диким взором уставилась на меня, тяжело дыша.

— Прошу, не надо, — в её глазах появилась мольба.

Чего не надо?!

— Отпущу, если перестанешь драться, — как можно мягче, но твёрдо пошёл на сделку.

Пациентка кивнула и тут же получила свободу. Матюкнулся, отошёл в конец палаты и облокотился о стену. Бросил на неё сердитый взгляд. Девушка продолжала затравленно наблюдать за мной, вогнав голову в плечи.

— Не смотри волчонком, — буркнул я. — Подойду теперь, когда скажешь.

Моё недовольство было очень явным. Я выдохнул, стараясь успокоиться, и выудил из тележки книгу.

— Это для тебя, — вручить ей в руки не решился. Стоял, просто протягивая подарок.

Глядела на обложку, наверное, с минуту, затем всё же встала и подошла. Приняла. Яркая картинка отразилась в её глазах.

— Маргарет Митчелл " Унесенные ветром", — прочла девушка. — Красивая.

На твёрдом переплёте изобразили Вивьен Ли из старой экранизации романа. Джилл восхищённо провела пальчиками по лицу главной героини.

— Первая часть?

— Да, прочтёшь — принесу вторую.

— Спасибо, — она прижала произведение к груди, затем виновато осмотрела меня.

На моей шее пара кровавых бороздочек от её ногтей. Джилл протянула к ним руку и я ощутил, как прохладные пальцы коснулись раны.

— Больно? Прости... правда не хотела.

Странная волна прошла от макушки до пят. Я отнял её ладонь — на ней зияли капельки моей крови.

— Да, постаралась ты основательно, — выдавил улыбку.

— К счастью, у меня только одна рука, — она горько засмеялась.

— Мне крупно повезло!

Мой взгляд задержался на её лице.

— У тебя красивая улыбка, — вот же ляпнул.

Напрягся, ожидая реакции, но она опустила глаза. Явно смутилась.

— Спасибо, — проронила в пол и посмотрела на мою руку, которая до сих пор держала её ладонь. — Может, отдашь обратно? — улыбка.

— А? — не понял я, но когда она начала тянуть руку к себе, тут же убрался в сторону. — Ах да, забирай.

Она снова улыбнулась, затем протянула мне раскрытую ладошку.

— Мои лекарства?

— Да-да, сейчас, — синдром тупого ступора не мог меня покинуть.

— Можно, я ещё немного почитаю? — взяв прописанное, девушка положила всё на тумбочку и, усевшись на койку, принялась любоваться подарком.

Разглядывая её, даже подзабыл для чего ещё пришёл сюда. Ах да...

— Джилл, — осторожно присел рядом с ней на койку. — Можно вопрос?

— Да.

— Твой лоб... Как это получилось?

Глупо спрашивать — не ответит, зажмётся, прогонит.

— Я это сделала, — твёрдо проронила девушка, обезоружив меня.

— Для чего? — старался проявлять обычный интерес, но то, что девушка ВДРУГ ОТВЕТИЛА, посчитал прогрессом.

— Лицо красивое, — просто, как-то по-детски, проговорила Джилл.

— Но этот метод не сделает тебя ординарной. И я не хочу верить в то, что ты можешь причинить себе вред.

— Кас, вы меня от этого лечите, — удивленно вскинула на меня глаза.

— На руке тоже ты порисовала? — внутренний протест заставлял говорить резко. Она замолчала и уткнула взгляд в книгу. — Да, вот она! Твоя реакция! Ты молчишь! На твоей руке чётко написали слово и это сделала не ты. У тебя разбита губа, отсутствуют ногти, прострелено колено, прожжённая кожа на шее. И это только часть, чего я заметил. Над тобой явно измываются и ты его жутко боишься, поэтому молчишь.

Её лицо мгновенно исказила болезненная ярость, которую в ней я ещё ни разу не видел.

— Неправда! — зашипела с лютой ненавистью. — Я не боюсь эту мразь! На моей улице будет ещё праздник и танец на его костях... — Невольно попятился. Впервые вижу её другой. — Я истребила, однажды, всё их поганое отродье и ОН не станет исключением. Он тоже сгинет. Я знаю это! Потому буду терпеть столько сколько понадобится. Это будет! Будет рано или поздно... Будет.

Взгляд её стал дикий, но сумасшествия в нём нет ни капли, это был гнев, праведный и целенаправленный гнев.

— Скажи, кто он? — потребовал я.

— Дьябло.

— Что?! — а тут точно бредит. Я встал с кровати. — Джилл, правда, я хочу помочь тебе.

Она тоже поднялась и приблизилась ко мне. Смотрит болезненно, дрожит. Вот оно — сумасшествие.

— Он приходит и уходит, ему все двери открыты. Он всегда безнаказан и словно невидим. У него есть власть и покровители. И в его действиях только месть.

Кас, она говорит с тобой, а бред это или нет, разберёшься позже. Продолжил:

— Месть всегда должна быть чем-то обоснована. — Джилл вновь зажалась, отвернулась, отошла, облокотилась о стену, но я был упорен. — За что можно мстить тебе, Джилл? — мой чёткий вопрос.

Ответит ли? Ей ничего не стоит снова замолкнуть, но она тяжело выдохнула и спустилась по своей опоре вниз, села на пол.

— Рассказывать долго, — уронила, как-то просто, словно она и я — обычные собеседники.

Мне нужно теперь удерживать эту простоту. Я поравнялся с ней и так же осел рядом.

— Я не тороплюсь, — ласково улыбнулся.

Девушка судорожно выдохнула, размышляя, а после осторожно начала рассказ:

— Мои родители продали меня одному очень жестокому человеку, по кличке Diablo.

Этот ублюдок искал девушек-подростков в самых глухих городках и деревнях. Либо похищал, либо покупал за гроши у неблагополучных семей, как моя. После делал их товаром, шлюхами, рабынями. Лично насиловал каждую, так сказать, прокладывал путь, — она усмехнулась. — Это коснулось, естественно, и меня. Но я, увы, понравилась ему и он решил оставить меня при себе. Так я стала наподобие его жены. И это в восемнадцать лет! Готовила, делала уборку, спала с ним, но любая моя провинность напоминала мне кто со мной.

— Он бил тебя? — слушал, открыв рот.

— Нет, он любил меня и не мог, но поручал моё воспитание своим "псам". Он позволял им делать со мной всё, что угодно, но не убивать. И они делали, — её голос тяжело осел.

Она словно ушла в себя, туда назад, в прошлое.

— Несколько дней я приходила в себя после их воспитания, и потом Диабло снова делал вид, что всё чудесно. Дарил подарки, обучал, ничего не жалел для меня. Но я презирала его всей душой, потому что он был самым дьяволом, как и его прозвище, — она судорожно вздохнула, переходя на новый монолог.

— Помню, однажды, он пытался найти кого-то из своих должников, но ему смогли привести только жену и ребёнка скрывшегося, — снова вобрала в лёгкие воздуха, глотая болезненные воспоминания. — Эти крики я слышу до сих пор. Малышу было лишь два годика, всего только два, — по её лицу покатались слезы. — Он наносил ему ножевые удары, начиная с ног и чем дальше не получал ответа, тем выше поднимался. А мать... Она и рада бы всё рассказать, но, действительно, ничего не знает. Ребёнок кричит от боли и ужаса, зовет её. Мать дерётся, извивается в руках его мерзавцев, кричит, молит о пощаде, просит убить её, но не трогать малыша. Она задыхается в своём крике, но замолкает от разрыва сердца. Я начинаю думать, что смерть ребёнка-то ему не нужна, уже бессмысленна, но он сворачивает ему шею...

Она сглотнула ещё раз, пытаясь заглушить внутри боль. Я взял её за руку, сжал ладонь.

— Наступает тишина. Это самый яркий и вопиющий момент, что я запомнила из его деяний, но их было море, тьма таких моментов. Я была пленницей семь лет. За это время научилась выполнять его требования, чётко и неукоснительно, заранее могла предугадать его действия и мысли. Научилась выживать и, главное, принимать боль, как посредственность, как травму кожи. Старалась отключать все болевые рецепторы, чтобы не доставлять радости мучителю. Но наступило то время, когда он захотел своих отпрысков. Я не могла этого допустить. Позволить себе родить ещё одну такую тварь.

Ухищрялась как могла, но беременность всё же наступила. И тогда, я впервые, решилась на суицид, потому что свято верила, что спасу мир от ещё одного выродка. Это было убийство во спасение. Я спрыгнула с десятиметровой высоты... Даже не вспомню, что это было. Мечтала умереть, обрести свободу хотя бы так. Но, к несчастью, я выжила, а ребёнок погиб. Мои детородные органы были сильно повреждены. Его подпольный врач диагностировал бесплодие. Моему счастью не было предела, но Диабло был в ярости. Тогда он самолично избил меня и велел убить. Каким образом, узнала от одного из его людей. Новенький, но, видно, ещё не успел стать такой же сволочью. Он пожалел меня и помог.

Диабло велел закопать заживо, после череды их издевательств. На дне моей могилы были спрятаны лопата и сумка со всем необходимым. Тот парень подготовил эту яму заранее и нарочно привёз всех только ночью. Когда я выбралась, думала, что смогу начать новую жизнь, но это было недолго. Диабло всё узнал и вернул меня обратно. Тогда моя новая жизнь началась, но по-иному. Полгода провела на привязи, как его собака. Но я видела — он страдал.

В тот последний день Диабло пришёл со стареньким револьвером, чтобы сыграть со мной в рулетку. Поочередно, от одного до пяти он спускал курок в меня и в себя. Мне не было страшно, в каждой минуте ждала, когда мир в моих глазах наконец потухнет. Но моё сердце возликовало, когда и пятый выстрел в меня оказался пустым. Я жаждала этого много лет, но боялась, что он не станет в себя стрелять, просто, как обычно, поиздевается или же шестой роковой тоже отдаст мне. И я бы не возразила. Тогда весь мой смысл жизни собрался в один его поступок, шаг, звук. Казалось, что вся вселенная сейчас вокруг нас и ждёт. Он улыбнулся и сказал, что любит меня, а после приставил пистолет к своему виску и нажал на курок.

Лицо Джилл исказила болезненная улыбка.

— Его смерть — плата моей свободы, это его подарок, за который я, наверное, буду благодарить его всегда. В ту ночь я расквиталась ещё с семьёю его ублюдками — просто тихонько пустила по пуле им в лоб из пистолета с глушителем, что забрала у Диабло из пиджака.

Я скрылась в Бостоне, сделала документы и уже стала обретать новую жизнь, пока однажды не проснулась здесь, в этих стенах. Какие-то беседы, вопросы, лекарства, врачи — новый, полный абсурда спектакль. Но всё встало на свои места, когда пришёл ОН. Я поняла, что он — второе дыхание, он — реинкарнация Диабло. Он — его брат, и им движет холодная жажда мести. Кровной мести. И он убьёт меня именно тогда, когда ему это будет нужно, когда посчитает, что я вкусила все краски боли и страданий.

Девушка умолкла, и её голова опустилась мне на плечо. Я выдохнул, извергая из себя весь тот тяжёлый смрадный воздух, накопленный её откровениями. Притянул к себе, обнял, прижал к груди.

Это не бред! Такой длинный и логичный монолог не может быть сумасшествием, большой иллюзией. Это всё нужно пережить, чтобы с такой скорбью открыться. Теперь я просто обязан верить ей, поддержать, сохранить. Спасти... Кто, кроме меня?!

— Это закончится. Я с тобой, Джилл. Я буду рядом.

Она обхватила меня за талию и прижалась так сильно, словно захотела спрятаться внутри меня.

ДЖИЛЛ

Кастер хотел знать, кто творит все эти зверства, и я могла бы ему поведать. Но ЧТО знаю о своём мучителе?

Имя? Нет, увы, я не могу его вспомнить. Слышала лишь пару раз из уст Дьябло, и даже не пыталась тогда воспринять и запомнить.

Что он его брат, узнала лишь когда оказалась здесь. Когда мучитель сам сказал об этом. Я смутно помнила этого мужчину в доме Дьябло, видела лишь пару раз. В один из этих моментов, помню только, как он, однажды, вдруг попытался увести гнев брата от меня, заступился. Это был лишь единственный раз. Больше в доме Дьябло он не объявлялся.

А сейчас? Я даже не знаю, что связывает моего мучителя с больницей. Работает ли здесь? На нём то обычная одежда, то медицинский халат, то форма санитара. Он — оборотень, но никак не сотрудник этого сумасшедшего дома.

Я чётко чувствовала презрение к себе, ощущала это каждой клеточкой, но в то же время ловила минуты когда он, вдруг уходил в себя. Просто глядел на меня и казалось, что в этих жестоких глазах помимо злобы есть ещё что-то. Боль? Тоска? Безысходность? Хотелось отчего-то разгадать, спросить... Как будто это поможет мне всё понять. А нужно ли? Пару раз он просто садился на мою кровать и молчал, пока я в тихой панике воображала, что он будет делать со мной в это посещение. Взгляд его бдил за часами, а я боялась задать хоть какой-то вопрос. После мужчина поднимался и уходил. Он словно высиживал время.

Бывали дни, когда он мог спросить меня о часах моей свободы. Где я была? Что делала? И я отвечала, потому что знала, пока идёт диалог, он не начнёт экзекуцию. Эти чуть светлые моменты происходили чаще днём, но, если он приходил ближе к ночи или под утро, пощады ждать не приходилось. Часто улавливала от него запах алкоголя и табака, таких же острых и терпких, как мой мучитель. Чёрные глаза пылали яростью и слегка поблёскивали то ли от дурмана, то ли от... Слёз?!

Этих моментов боялась больше всего. Именно в таком состоянии мужчина превращался в настоящего безконтрольного зверя.

Сегодня, когда Кас покинул палату, вдруг ощутила силу внутри себя. Совершенно чётко осознала, что больше не одна. Сама мысль, что есть человек, который придёт, выслушает и утешит, лелеяла мои накаленные нервы.

Почему жизнь лишила меня таких людей? Хотя не так. Почему она вообще обошла меня стороной? Если это карма, то что я могла творить в прошлом такого ужасного? Если это равновесие в природе, то кем я могла бы быть, если это урезонивает меня и воспитывает? Ну и, если это воспитывает во мне твёрдость характера, то когда уже сдам этот жизненный экзамен?

Кастер — его имя звучит в моём мозгу, как лучик солнца сквозь крошечную тьму. Но одновременно стало страшно, что он исчезнет и по моей вине. Со мной всегда умирают — это замкнутый круг. Парень, что помог тогда, повесился, потому что хотел спасти свою семью. Дьябло всегда жестоко наказывал предателей и никого не щадил. Дерзость и помощь мне в побеге, вполне могли погубить невинных людей.

Теперь и Кас спешит помочь, чего я искренне боюсь. Но может ли "новый Дьябло" причинить ему вред? Пока его цель — я, и других он не трогает.

Мои размышления прервали. Увидев дверях снова этого ублюдка, просто встала и вытянулась в струну. Мужчина был при параде: гладко выбрит и причёсан, дорогой костюм. Вновь не смогла не отметить его красоту, но злую и жестокую, которая рубила жилы. Насмешливый и презрительный взгляд из-под густых бровей. Он чувствовал свою власть, своё превосходство надо мной.

— Ты слишком долго беседовала с ним, — прогремел он. — Что ты сказала ему?

В ужасе похолодела, но старалась не подавать виду.

— Он подарил мне книгу, — вздёрнула подбородок вверх. — Я просила рассказать вкратце о ней.

Мой мучитель двинулся ко мне и, заглянув за спину, взял произведение в руку. Прочёл название.

— Что ж образовывать тебя тоже нужно, — кинул книгу обратно на кровать. — Как рана? — вдруг сорвал повязку со лба.

Схватил за лицо и осмотрел. Сжалась, по телу поползла проклятая дрожь. Нет, не показывай свой страх, держись!

— Лучше не бывает, — огрызнулась, глотая слюну.

— Замечательно, — мужчина усмехнулся, созерцая моё творение на лбу.

Рука плавно перешла на затылок и стальные пальцы впились в основание черепа.

— Членовредительством заниматься я тебе запрещаю, иначе отрежу руки по самые локти, поняла?

— Да, это сугубо твоя обязанность, — процедила сквозь зубы.

Окинул оценивающим взглядом, скривился в оскале. Притянул ближе и наклонился к губам. Нет, только не это! Притормозил, глядя на них пару секунд, о чём-то размышлял, не решаясь. Испустил подобие стога и оттолкнул. Дошёл до дверей, обернулся:

— До завтра, моя милая, — в эти ласковые слова, только он мог вложить столько зла и лютой ненависти. — Хорошо, тебе отдохнуть.

Буравила мерзавца взглядом. Дверь закрылась, и с облегчением опустилась на кровать. Ничего не произошло. Видимо, не хотел порвать или испачкать костюм.

Осознала, что эту ночь могу быть спокойна. Взяла в руки книгу. Через десяток глав поняла, что Скарлетт О'Хара наглый и избалованный ребёнок, а её любовь — всего лишь невероятный каприз. От негодования к героине отбросила книгу. Посмотрела в окошечко на двери, открывающее вид в коридор. Встала и подошла к нему. Тихо и пусто. Сползла на пол и села, уходя в свои горькие мысли.

КАСТЕР

С тяжелой думой заснул прямо на каталке в подсобке и проснулся к рассвету. Алекс громогласно храпел на соседней, чем вызывал во мне желание заткнуть его подушкой.

Встал. В комнате для персонала было очень душно. Захотелось свежего воздуха и направился к лестнице. Вышел к аварийному выходу. Указатель вниз, но я поднялся на самый верх и упёрся в люк, ведущий на крышу. Наверняка закрыто, но всё же вскарабкался и дёрнул засов. Скрип и крышка подалась наружу.

Странно, что этот люк не охраняют. Вылез на поверхность. Прохладный свежий воздух

обдал моё лицо. Утро перед рассветом приятное и свежее, пробуждающее каждую клеточку тела. Огляделся. Эта самая низкая часть больницы. Три отвесные стены соседних корпусов высотой в три этажа, ровно выбеленная и не имеющая выступов для беглеца вертикаль. Я подошёл к единственному краю крыши и ахнул. Стена уходила в обрыв, на дне которого неслась и бурлила сквозь булыжники река. На другой стороне пропасти простиралась лесополоса густых хвойных деревьев. Зрелище невероятное и захватывает дух. Сильный ветер гулял в волосах и играл с полами спецодежды. Я невольно улыбнулся всей этой атмосфере, навсегда решив, что эта часть экскурсии превратится в моё тайное место для покоя и равновесия, но...

Перед глазами тут же возникла ОНА. Четыре стены день ото дня. Унижение и боль, строгий контроль и ложное доверие. Она обязана увидеть это вместе со мной. Чего бы мне это не стоило.

Джилл вскочила на ноги, услышав открывающуюся дверь. Перепугалась не на шутку, но увидев меня, немного перевела дух.

— Ты не спишь? — моё лицо искрилось, и она не смогла этого не заметить.

— Нет, — мотнула. — Что с тобой? Стены надавили?

— Почти, — улыбнулся и потянул за руку из палаты. — Идём!

— Куда? — Джилл опешила и слегка заупиралась.

— Тише, — прошипел в свой палец, приложенный к губам. — Тебе нужно это увидеть.

— Что?

— Ну, идём же!

Я спешно, на цыпочках, вывел девушку к аварийному.

— Ты решил устроить мне побег? — саркастически смотрит на меня.

— Если только другой раз, — шутя, улыбнулся.

— Ты — сумасшедший, — засмеялась девушка, топя в голубизне своих глаз.

— Значит ты нашла вторую половинку, — не оставался в долгу.

Открыл люк и вылез на крышу.

— Давай! — протянул ей руку.

Джилл поднялась и тоже вылезла наружу.

— Вот, чёрт! — вскрикнула девушка и захохотала — восторженно, открыто и завораживающе. Порывы ветра взвили в верх её длинные светлые волосы.

— Подожди, это не всё. Иди сюда.

Жаждал продолжения её детской радости. Обхватил за талию и подвёл к краю крыши.

— Осторожно только, держись. Голова может закружиться.

Девушка кивнула, и мы подошли к краю. Тут она вскрикнула и, развернувшись, вцепилась в меня. Обняла за шею, едва не задушив.

— Не бойся, Джилл, я держу тебя.

— Боже мой!

Девушка смотрела на меня, и это было лицо полное восторга. Адреналин в крови, наверняка, зашкаливал. Она осторожно развернулась лицом к обрыву и наклонилась вниз, заглядывая в него. Сильней сжал её руку и бока.

Наблюдая за Джилл, понимал, что она готова парить, отдаться этой высоте, подарить ей своё тело, душу, мысли. Мне показалось, что, если вдруг отпущу, то она не упадёт, а просто упорхнёт вдаль к свободе, к жизни. Девушка закрыла веки и, покачнувшись, отошла от края.

— Ты в порядке? — теперь забеспокоился.

— Просто чудесно, — Джилл улыбнулась, и на глазах чётко увидел слёзы счастья. — Спасибо.

Её прорвало. Реки катились по щекам. Прижал Джилл к груди и ласково гладил по волосам.

— Это так... невероятно, — сквозь плач засмеялась она. — Почему мы не птицы?

Хороший вопрос. Ведь тогда бы было всё гораздо проще и возвышенней, но дар нам этот, увы, не дан.

— Потому что не они согрешили, — ответил философски.

Джилл вжалась в меня сильнее. Ощутил, как фигурка в моих объятиях содрогнулась. Время, наверное, замерло. Я и она погрузились в свои мысли, застыв так на краю обрыва. Слышал, как моё сердце отстукивает странный и незнакомый мне ритм. Крепко сжимал её в руках, понимая, что меня запросто могут этого лишить. Чудовищно и жестоко отобрать, не спросив и не посчитавшись со мной. И не в далёкую страну, а туда, где она будет страдать. Огонь взыграл в каждой клеточке моего сознания. Не отдам!

Поднял её лицо, вытер следы от слёз.

— Пообещай кое-что, — произнёс я.

— Что? — подняла удивлённый взгляд.

— Что позволишь мне показать, ту другую сторону жизни. Где ты ещё не была.

Она закивала, улыбнулась и снова зарылась в меня.

ДЖИЛЛ

Плакала как идиотка. Момент, что он подарил мне, был прост, но чудесен. Я бы навсегда осталась здесь, но солнце, постепенно поднимающееся из-за горизонта, напомнило нам о реальности.

— Пора, — услышала его голос.

— Да, — кивнула и отошла от него. В последний раз взглянула на зрелище.

Тут Кастер вздрогнул — завибрировал его пейджер.

— Хьюстон, у нас проблемы, — озорно скривился он, глянув на экран.

— Они решили, что я сбежала? — догадаться несложно.

— Да, надо что-то придумать, — Кас отчаянно соображал. — Идём скорей.

Мы спустились вниз.

— Ты будешь тут? — с опаской посмотрел на меня.

— Не сбегу, не бойся, — фыркнула, слегка обидевшись.

— Вот и умница, — он вдруг чмокнул меня в щёку, отчего залилась краской.

Скрылся буквально на полминуты и вернулся с бинтами.

— Великолепная мысль, — засмеялась я.

— Снимай повязку с руки, — велел он. — Один из швов воспалился и их надо было обработать и перебинтовать.

— Как скажешь, — гениально мыслит.

Улыбка не сходила с моего лица. Мужчина быстренько перебинтовал мне руку и легонько подтолкнул к выходу.

— Перестань улыбаться, — озорно шикнул он. — Поломаешь всю конспирацию.

— Стараюсь.

Быстрым шагом дошли до моего отделения. Коридор полон врачей и санитаров. Я и

Кастер постарались изобразить удивление.

— В чём дело?

Заведующая Марисса Мэтьюс сурово смотрела на Кастера.

— Нам не понятны ваши действия, Майерс. Извольте объясниться.

— Вы зря беспокоитесь. Я обработал пациентке руку и заново наложил бинты. Швы немного воспалились. Девушка жаловалась на боль.

— Для этих процедур у нас есть специалисты.

— Простите. Я посчитал, что способен справиться с задачей самостоятельно и решил никого не беспокоить в четыре утра.

— Но всё же побеспокоили.

Заведующая говорила резко и властно, отчего мне стало его жаль. Однако, вид Кастера оставался по-прежнему невозмутим.

— Виноват, мэм.

— Я доложу вашему ординатору, чтобы она лучше проинформировала вас о правилах лечебницы.

С этими словами заведующей двинулась прочь по коридору, забрав с собой добрую часть персонала.

Кас выдохнул и завернул со мной в палату, и тут я побледнела. Внутри был ОН. Сидел на моей постели. Увидев нас, встал, поздоровался с Кастером, как принято у мужчин. Значит они — коллеги! Дар речи пропал где-то в недрах моего живота. Воздуха резко стало не хватать.

— Джилл, ты бледная, — Кастер нежно коснулся ладонью моего лица.

Поскорей отстранилась. Смотрела на них. Ангел и демон, свет и тьма, добро и зло, небо и земля, огонь и вода — да миллион таких антиподов. Они стояли плечом к плечу, наблюдая за мной. Я же, словно оглохла. Они что-то говорили друг другу, глядя на меня. В виски ударила кровь, ноги стали ватными и, как какая-то трухла, повалилась на пол. Чьи-то руки смягчили удар, но моё сознание ушло вникуда.

КАСТЕР

Удостоверившись, что с Джилл всё будет в порядке и оставив её с нянечкой, переступил порог ординаторской. Доктор Робертс была бледная, как моль. Увидев меня, устало произнесла:

— Майерс, вы должны были знать, что пациент не имеет право покинуть свою палату без его лечащего врача.

— Я поступил своевольно, прошу прощения.

Ни черта я не сожалел. Надо будет сделать это ещё раз — сделаю.

Ординатор вздохнула:

— Заполните отчёт о вашей прошедшей ночной работе, — ткнула пальцем на документ, состоящий из двух листов. — Мне нужно передать руководству первые результаты вашего обучения и стажировки.

Кивнул и уселся за соседний стол. Минут через сорок отдал ей свои труды.

— Когда ваша смена заканчивается? — не поднимая головы, спросила женщина.

— Уже сейчас.

— Хорошо, вы можете идти.

Я откланялся и вышел в коридор, прошёл к лестнице и в меня едва не врезался Чейз. Приятель был зол и по пояс мокрый. Буквально.

— Ты в лужу упал? — рискуя пошутил я.

— Если бы, — процедил он сквозь зубы. — Я хочу кого-нибудь убить!

— Пожалуй, нам лучше позже пообщаться, — изобразил опасение. — Чего стряслось-то опять?

— Чёртова психиатричка! Будь проклято это место!

— Сам понимаешь, что оно уже по умолчанию имеет этот статус, — буркнул я.

— Этот ублюдок из пятисот десятой, чтобы не пить свои лекарства, вынул свой пенис и принялся мочиться прямо на МЕНЯ!

Это было жестоко, но я начал улыбаться.

— Вот только попробуй заржать и я точно тебя убью! — вскипел Ричер.

Я примирительно поднял руки, постарался унять смех, но воображение в мозгу окончательно расшатало всю стойкость. Я захохотал.

— Вот ты... говнюк!

Он толкнул меня, и я, едва успев уцепиться за перила, проскочил вниз по ступеням. Удержался, сумев не шлёпнуться, отчего смех мой только увеличился.

По лицу Чейза тоже проскользнуло подобие улыбки с какими-то мстительными нотками и, дойдя до меня, он нарочно потёрся злосчастной робой об мою.

— Чейз — ты сволочь! — вскрикнул я, продолжая смеяться.

Ричер загоготал в ответ и, уклоняясь от моих рук, сиганул вниз дальше по лестнице. Помчался за ним следом.

Приняв душ и переодевшись, вышел из больницы. Раньше я бежал отсюда, закрыв глаза,

но теперь, оказавшись на улице, обернулся. Все эти стены, каждое окно, каждый угол ассоциировались с ней. Она где-то там внутри. Хотелось туда обратно, к ней, снова видеть её улыбку, смех, голос, ощущать эту фигурку в своих руках, но понимание того, что это невозможно вмиг навело тоску и злость. Я съёжился и поплёлся к автобусу.

Придя домой, был приятно удивлен. Вместо поворота ключа, мне открыла дверь мама. Радостно обнял её и, судя по запаху в квартире, она всю уже хозяйничала.

— Решила навестить тебя, — она улыбалась, своей неувядающей улыбкой. Маме было уже за пятьдесят, но старость словно боялась её. Светлые наполовину поседевшие волосы подстрижены под каре, тщательно выпрямленные и уложенные, светло-зелёные глаза излучающие мягкий свет, статная фигура, слегка тронутая родами и тяжёлой работой.

— Ты когда приехала? — мы прошли в кухню.

— Сегодня утром, часа три назад. Сестра твоя просила позже, чтобы тоже приехать, но ты же её знаешь — она вся в танцах. Там опять какой-то концерт они дают. А ты как тут? Дома без тебя так одиноко стало.

— Я работаю и учусь.

— Почему здесь? В Бостоне тоже есть больницы.

— На моё отделение не такой большой выбор, тем более ректор оформил меня сюда.

— Ну да, психиатрия, — она вздохнула. — Я, наверное, никогда не свыкнусь с твоим выбором.

— Мам, это только интернатура. Я — судебный психиатр. Тут немножко другое.

— Всё одно. Психи, маньяки, убийцы — это же самые непредсказуемые личности. Аж мурашки по телу. А коллеги? Есть с кем пообщаться?

— Мам, скажу проще — у меня всё хорошо. Не жалуясь.

— Да, да. Правильно, — она погладила меня по голове и, поцеловав в лоб, вернулась к плите.

Мы проговорили до самого вечера. Я сам удивился тому, сколько всего в нас накопилось. Звонок в дверь вызвал удивление.

— Ждёшь кого-то?

— Нет, — направился к дверям, но открыв, дико захотел захлопнуть. Это была Сьюзен.

— Привет, — она томно облокотилась о косяк. — Не примешь гостью?

— Сейчас немного не подходящее время, Сью.

Уходи, уходи, пожалуйста, уходи! За моей спиной прозвучал голос мамы:

— Кастер, кто там? Ой, здравствуйте! — она отодвинула меня в сторону. — Милый, чего она там топчется? Пригласи девушку.

Я, нехотя, отошёл и сделал приглашающий жест.

— Проходи, проходи, — мама втащила немного обескураженную коллегу в дом.

Провела в кухню. Предложила вина. Мам, если бы ты знала эту особу.

— Кастер, где твоё воспитание? — мама сдвинула брови. — Представь нас.

— Мам, это Сьюзен Ирдан. Мы работаем вместе. Сью, это моя мать Джессика.

— Вы такая красавица!

Мама влезла в свой репертуар — сватовство. А Сьюзен это, по ходу, нравится. Одарил их убийственным взглядом. Понеслось. Через полчаса Ирдан знала обо мне всё, вплоть до того, как я стащил у мамы клей для накладных ногтей, чтобы смастерить лодочную станцию. МАМЫ!

Наконец мама проворковала:

— Ну, я пойду. Так сказать, третий лишний.

— Мам, поздно ведь! — Нет, со Сьюзен оставаться мне не хотелось. — Можешь переночевать и у меня.

— Спасибо, сынок, но нет. Твоя сестра с голоду помрёт до завтра. Пока я не прослежу за её питанием, она и не вспомнит про ужин.

— Хорошо, позвони, когда доберёшься.

Собрался вызывать ей такси и в надежде посмотрел на Сьюзен.

— А ты?

— Я сама доберусь, такси не понадобится.

Почувствовал себя жертвой в руках хищной птицы.

Проводив маму, завис в коридоре. Не дождавшись меня, Сьюзен вышла из кухни.

— Вижу, что избегаешь, — грустно улыбнулась.

— Сьюзен, я не пойму, зачем ты заявила сюда, плюс ещё воспользовалась добротой мамы?

— Я не планировала соблазнять твою маму

Прогарцевала ко мне, прижалась всем телом и, обвинив меня руками, придвинула за бёдра к себе, погладила мои ягодицы. Я напрягся, не разрешая искушению взять верх надо мной.

— Соблазнять я собиралась, только тебя! — она, как кошка потёрлась носом об мою грудь.

— Сьюзен, не нужно, — выдохнул.

Ласки девушки раз за разом вынимали образ Джилл из моей головы, чего мне очень не хотелось.

— Брось, это же приятно, хорошо, прекрасно наконец.

Сьюзен провела пальцем по щеке и, приподнявшись, легонько коснулась моих губ. Словно удар по жилам, и в брюках стало тесно. Руки сами потянулись к ней, но я все же умудрился отправить их в нужное русло и просто отодвинуть девушку от себя.

— Я не спорю, — ушёл на кухню, оставляя её в коридоре. — Но я устал и хочу отдохнуть.

— Кастер, ты мне нравишься, но не дальше постели, честно. Провести вечер вдвоём и всё — завтра ты меня не знаешь.

— Сьюзен, неужели тебя устраивает роль шлюхи? — жестоко изрёк я, с укором глядя на неё. — Ведь ты ведёшь себя именно так.

Её лицо тут же исказила тоска и печаль. Она, стоя в проходе кухни, отвернулась и пошла прочь. Услышал дверной замок. Девушка уходит.

Чёрт! Кас, ты — свинья! Сожаление о сказанном взяло верх и я помчал за ней.

— Сьюзен, погоди!

Поймал на лестнице, схватил за руку. Растерялся ещё больше, увидев её слёзы.

— Прости, я, не подумав, ляпнул.

— Нет, ты прав, — она постаралась убрать мою руку. — Всё и правда выглядит так. Я лучше пойду.

То ли это манёвр, то ли истина, но сработало — теперь не мог позволить ей уйти, после того, что наговорил.

— Нет, пожалуйста, дай мне исправиться.

Потащил обратно в квартиру. Снял с неё куртку. Завёл на кухню и усадил за стол.

Достал из бара виски и лёд. Налил себе и ей. Она медлила, ну а я выпил залпом и налил следующую. Горючая смесь согрела горло и желудок.

— Ну же, пей? — двинул стопку к ней ближе.

Девушка просто грустно смотрела на стакан. Глядя на неё, я, наверное, в миллионный раз проклял свой язык. Наконец не выдержал и, присев на корточки, взял девушку за руки и посмотрел в глаза.

— Сьюзен, пожалуйста, прости меня. Ты красивая и хорошая девушка. Я правда ляпнул, не подумав. Разозлился немного на тебя из-за мамы. Может, просто ты пришла в неподходящий момент.

— Я боюсь быть дома одна, — вдруг поделилась Сьюзен, и по щекам снова текли слёзы. — Мне страшно. Всё, что я вижу в лечебнице, возвращается ко мне ночью. Мне иногда снится, что псих из триста первой бежит за мной по коридору с целью убить.

Невольно улыбнулся. Вот оно, женское воображение.

— Сьюзен, глупыш, — тронутый наивностью, просто обнял, продолжая смеяться.

— Чего ты хохочешь? — она возмущенно захотела отстраниться, но я не позволил, уже силой прижимая к себе.

— Это нормально, Сью, — протянул ей салфетку. — Работа многим снится. А наша профессия довольно впечатлительна и просто обязана нам мерещиться на каждом углу.

Она утерла слёзы.

— Когда ты остался у меня, я спала спокойно. Пойми, просто хочу, чтобы кто-то был рядом.

Я выдохнул поднявшись. Хочет, чтобы кто-то был рядом, но мишенью выбрала меня. А хочу ли я быть с ней рядом? Нет. Не она!

Сьюзен залпом выпила наконец предложенное. Вытерла губы.

— И поэтому для компании выбрала меня? — окинул девушку скептическим взглядом.

Она тоже встала и снова приблизилась. Провела пальцем по плечу, ключице и груди. Мурашки пробежали по телу и я невольно передёрнулся. Сьюзен заметила и снова прильнула к моим губам.

— Потому что хочу только тебя, — прошептала мне в рот и снова поцеловала.

— Сьюзен, остановись, — взмолил я, ощутив руку у себя в брюках и с каждой секундой слабея.

— Пожалуйста, — поцелуй. — Пожалуйста, — ещё один.

Её ладонь плавно гуляла по моему члену, и уже не в силах противостоять ей впился в этот зовущий рот. Придвинул к столу. Девушка уже сражалась с ремнем на моих брюках и выдёргивала изнутри рубашку. Её блузка затрещала, а юбка поползла вверх на талию. Усадил Сьюзен на столешницу, окончательно сорвав с неё верхнюю часть одежды. Тёплое женское тело коснулось моей кожи, заставив содрогнуться в конвульсии. Внутри просто снова заработал животный инстинкт. Наплевав на все прелюдии любовников, я жестоко въехал в неё, заставив вскрикнуть. Опрокинул тело на стол, зажал рот, не давая издавать звуки. Она вцепилась в мои руки, что сжимали её, и мучительно сладко смотрела на меня, пока вдавливал себя в неё. Почти достигнув апогея, поднял на девушку взгляд и обомлел...

Наваждение, мираж, чёртовы глюки, но перед собой, вместо Сьюзен, чётко увидел ЕЁ. Лицо Джилл, перекошенное от ужаса и муки, смотрело на меня. Она словно терпела очередное насилие над собой, но уже от МЕНЯ. Едва не закричал.

— Кас, ты чего? — голос Сьюзен вернул на место, но продолжать уже не мог, несмотря

на то, что вот-вот кончу. Вышел из девушки и бросился в ванну, освобождая себя там. Когда судороги эякуляции отпустили, рискнул взглянуть на себя в зеркало. Нет, всё как обычно. ЭТО Я! И я здесь, дома. За дверью любовница, которая хочет моё тело.

Что это тогда было сейчас? Виски в голову ударил? Как такое вообще могло появиться в моём мозгу? Джилл я даже пальцем тронуть боюсь лишний раз. Настолько хрупко и измученно это создание. Жуткое послевкусие от пережитого, превратило меня в тюк с дерьмом.

— Кастер, ты в порядке? — Сьюзен поскреблась в дверь.

Включил холодную воду. Умыл лицо и себя. После накинул халат и вышел к ней. Сьюзен обеспокоенно и несколько возмущенно смотрела на меня, запахнув на себе мою рубашку.

— Что с тобой?

— Прости, технические трудности, — постарался улыбнуться. Подошёл, поцеловал в лоб и обнял.

На ночь оставил девушку у себя, а на утро пока спал, её и след простыл. Как, видимо, и обещала.

ДЖИЛЛ

Заволок в медкабинет и швырнул к креслу. Молоденькая медсестра попыталась юркнуть в коридор, но мужчина жестоко схватил её за волосы и, зажав рот, прошипел:

— Хоть кому-то слово вякнешь, будешь долго и мучительно умирать, поняла?

Медсестра испуганно закивала в надежде, что её отпустят, но вместо этого получила оглушительный удар головой о металлический поднос для инструментов, которые со звоном посыпались на пол. Упала, чудом минуя опасные предметы, и больше не двигалась.

— Тесса! — в панике смотрела на тело.

— Снимай повязку! — приказ не терпящий возражений.

Послушно исполнила, быстренько размотав бинты. Он осмотрел запястье и на отмашь заехал по лицу. Раз, два, три, пока не рухнула на пол.

— Что ты делала с ним?!

Его глаза налились кровью и небывалой яростью, которой до этого меня ещё не достаивали. Снова запах алкоголя не внушал мне лёгкого исхода. Наивная, думала, что знаю его. Страшно отвечать что-либо, страшно смотреть, даже дышать.

— Отвечай, сука!

Схватил за волосы и, едва не выдернув их, заволок менч на операционное кресло. Припечатал за горло, давая возможность говорить, но я героически молчала и буравила ненавидящим взором.

— Говори же, тварь! Клянусь, я его на куски порежу, если он ещё раз подойдёт к тебе!

Боль, ненависть к нему и страх за Кастера что-то переломили во мне. Адреналин и ярость ударили в голову, подарив силу. Я издала дикий вопль прямо в лицо моему мучителю, на мгновение шокировав и оглушив. Инерцией отстранился, поморщившись, а я, пользуясь возможностью, нанесла в грудь мужчины удар ногой. Отлетел, протаранив спиной каталку, стоящую в углу. Я рухнула с операционного, схватила с пола скальпель, но пока распрямляла спину, в меня со всей дури въехала эта же самая каталка, впечатав боком в стену. Упала, выронив оружие, и, поняв это, тут же рванула за ним. Успела схватить, но жестокий ботинок наступил на кисть руки, едва не дробя мои кости. Мучитель вырвал скальпель и пленил меня за шиворот.

— Решила повоевать? — прорычал с толикой одобрения, и с этими словами всадил лезвие в плечо. — Ну так забирай!

Невероятная боль заставила взвять каждый нейрон, но я не посмела себе элементарно вскрикнуть. В ответ зарычала и вырвала перо из плеча. Устремилась снова на мужчину. Мучитель начал довольно хохотать и перехватил запястье. Скрутил ладонь, разжав хватку. Лезвие звякнуло на пол.

— Сволочь, мразь, тварь! — Шипела, пытаюсь извиваться и брыкаться. Всё, что угодно лишь бы добраться до него. — Ты ничтожество, похлеще своего братца!

Влепил очередную звонкую пощечину. В голове помутилось, и я слегка обмякла. Мозг требовал не сдаваться.

Ватное тело порхнуло вверх, спиной приземлившись снова на операционное, на левой

руке завязался ремень.

Неужели снова победа за ним?

— Нет, — простонала обречённо, видя, как и правую коснётся та же участь. Затем ноги. — Нет!

Я проклинала его всеми словами, что знала и существовало в этой вселенной, но ни одно даже близко ему не подходило. Он достал из медицинского шкафчика пластиковый флакон с таблетками и направился ко мне. Схватил за лицо, пытаюсь открыть мне рот.

Отчаянно заметалась в кресле, стараясь увильнуть. Мучитель несколько раз вбил меня затылком в мягкую обивку, глуша мозг, пока не отошла челюсть, как бы я не пыталась её сомкнуть. Запихнул в рот чуть ли не целую горсть и зажал рукой.

— Жри, сука! — его трясло в небывалой ярости.

Я кусалась и тщетно пыталась выплюнуть пилюли, но мужчина мёртвой хваткой блокировал все попытки.

— Глотай, дрянь! — несколько раз вдолбил мою голову ладонью в кресло, травмируя переносицу.

Слёзы удушья покатались по щекам.

— Глотай, блядь, глотай!

Как бы я не боролась, как бы не сопротивлялась, но таблетки во рту начали таять, проникая в сосуды организма. Мучитель схватил бутылку с водой и, соорудив из ладоней капкан и моих губ воронку, начал вливать в меня жидкость. Таблетки скользнули в пищевод, липли к глотке и нёбу, а беспорядочное заглатывание вызвало фонтан из носа и рта.

— Мразь, — шипела между приступами кашля и ловлей кислорода.

Снял ремни и сбросил меня на пол. Сознание прыгало не успевая справиться с увечьями. Упаковка таблеток брякнула рядом с моей ладонью, а после тяжёлый удар ботинка обрушился на голову.

Я исчезла.

КАСТЕР

Мчался по коридорам больницы, проклиная каждую секунду, которая превращалась в вечность.

ОНА В КОМЕ. Эта первая страшная новость, какую я услышал сегодня, когда, спустя сутки, вышел на работу. Брит специально дождалась меня в раздевалке, чтобы сообщить об этом и рассказать ещё немаловажное. Она была шокирована и напугана.

— Кас, в перевязочной настоящая бойня. Тесса всё время плачет и твердит, что Джилл напала на неё. Но, Кас, пациент не может посещать операционные без врача и тем более санитаря. Кто-то выпустил её и привёл в перевязочную! У Джилл в плече ножевое от скальпеля, причём со спины, сильный ушиб кисти и множественные синяки на теле.

— Кейт, — обхватил подругу за плечи и проникновенно посмотрел в лицо. — Забудь всё, что мне сейчас рассказала, поняла? И никому ни слова больше. Это всё слишком опасно. Хорошо?

Она интенсивно трясла головой...

Реанимация представляла собой небольшой коридор с остеклёнными палатами, в которых под пристальным наблюдением врачей лежали пациенты.

Влетев внутрь, столкнулся с недовольным взглядом Льюиса и опухшим взором Робертс.

Она, видимо, долгое время уже не спит.

- Доктор Робертс, — тут же осадил свой пыл. — Я искал вас.

— Майерс, подождите в коридоре, — устало проронила ординатор. — Вы тоже мне нужны.

— Хорошо, — кивнул и, бросив взгляд на Джилл, не удержался от вопроса. — Как она?

— Похвально, что вас это интересует, доктор Майерс, — Сэм Льюис искривился в усмешке. — Это замечательно, когда лечащий врач так сопереживает больному. Молодец, продолжайте держать такой настрой и вы будете великолепным доктором. Главное, не переусердствуйте!

В последней фразе ощутил явные нотки угрозы. Одарил шефа убийственным взглядом и вышел в коридор.

Что я знаю о нём? Только то, что он управляющий клиники. Это значит, что всё и все у него в руках. Что ещё? У него был брат, которого убили. Из-за этого вся истерия с больными: вспышки гнева, избиения пациентов. Голословность из пьяного повествования Чейза.

Разговаривали они недолго. Сэм направился дальше по коридору, а Эмма, выйдя ко мне, осела на скамейку напротив палаты.

— Вы неважно выглядите, — учтиво заметил я.

— Да, — выдохнула ординатор. — Я не сплю уже вторые сутки. Вы должны сменить меня. Если девушка придёт в себя, известите сразу же. В любое время дня и ночи.

— Расскажите вкратце суть всей картины пациента, — кивнул, стараясь говорить сдержанно и профессионально, хотя внутри меня скреблась стая кошек.

— У Джилл передоз бромазепамом. Употребила большое количество. Токсикологическая кома — один из побочных эффектов. Сделано промывание желудка, в качестве антагониста — флумазенил. Развилась гипотензия, поэтому внутривенно назначен норэпинефрин. Сейчас она полностью на мониторинге дыхания, пульса, сердечно-сосудистой деятельности и проходимости дыхательных путей. Если в течение еще трёх дней не оклемается, то есть вероятность глубокой комы. А это могут быть и годы.

Она тяжело вздохнула и горестно умолкла.

— Доктор Робертс, идите домой. Я за всем прослежу.

Ординатор покорно кивнула и, поднявшись, поплелась по коридору на выход, но остановилась и вернулась.

— Кастер, — назвала по имени? — не оставляйте её одну. Не подпускайте левых. Вы поняли?

Чёрт возьми, как же это не понять? Определённо, она знает больше остальных! Кивнул. Робертс удалилась, а я, едва чувствуя собственные ноги, вошёл в реанимацию.

Маленькое женское тело утыкано катетерами. Милое лицо изуродовано ссадинами и интубационной трубкой, торчащей изо рта. В целом зрелище напоминало жертву страшной аварии.

— Джилл? — осторожно взял её руку, боясь сломать. — Борись, слышишь? Не сдавайся! — Погладил по голове. — Не оставляй меня.

Только в эти минуты неожиданно осознал насколько сильно она нужна мне. Как нуждаюсь в её присутствии, глазах, голосе.

Весь свой последующий день провёл возле девушки. Радостью стала новость о её рефлексах, что давало большую надежду. Под вечер в палате появился и Чейз с двумя

сэндвичами в руках и добротными стаканами кофе.

— Привет, — он шёпотом поприветствовал меня. — Пустишь?

— Да, заходи, — кивнул я.

Приятель протянул мне мою долю лёгкого ужина и расслабленно уселся на соседний стул.

— Ты не обедал даже, — с интересом и сожалением посмотрел на Джилл. — Как девчонка?

— Кома, — тяжело выдохнул. — Но есть улучшения. Она выкарабкается. Обязана.

— Не поймешь этих пациентов, — проворчал он. — Как это им в голову приходит? Просто так взять и навредить себе!

— Это не она, — угрюмо проронил я, не сводя с Джилл глаз.

— Не понял, — Чейз смотрел на меня, как на идиота.

Кто за язык меня тянет? Но молчать не получалось:

— Слишком всё странно. Когда пациенты причиняют себе вред, обязательно кто-то это видит, предотвращает, а с ней... С ней, словно все прожекторы разом отворачиваются в стороны. Дебильное сравнение, но, думаю, ты понял о чём я.

— Нет, не понял, — он исподлобья глядел на меня. — Хочешь сказать, что тут кто-то специально издевается над пациенткой и ему это сходит с рук? Ты, что поверил в этот бред?

— А говоришь не понял, — улыбнулся я.

— Моё непонимание больше относится к адекватности твоего ума. Как ты себе это всё представляешь?

— Да никак!

Досадовал оттого, что не знаю, как ему объяснить. Сослаться на чутье, интуицию и палата мне обеспечена. Поведать её историю — вызову уйму протестов. Расскажу о своих наблюдениях — сойду за любителя Пуаро, Шерлока и Марпл. Последнее, пожалуй, более безобидно.

— Смотри сам. Пациент не может самостоятельно выйти из палаты на процедуры. Ему нужно сопровождение врача или санитаря, верно? Кто привёл тогда Джилл в перевязочную? Видеокамеры ничего не показали. Если кто-то и привёл, то чего ради он ушёл? Да и с какого перепугу Тереза его отпустила? Насколько я понимаю, перевязочная — это та же операционная. Инструменты, препараты и куча всякого инвентаря — довольно опасное место как для врача, так и для больного. Поэтому охрана должна быть занебесной, так? С другой стороны, если уж она мечтает о суициде, то почему выбрала метод кончины именно этот? Напичкать желудок анксиолитиками? Не разумней было бы взять тот же скальпель и перерезать себе горло, к примеру, уж куда действенней и доступней было в ту минуту.

— Ну у тебя и логика, — Чейза передёрнуло. — Она ведь, скорей всего, понятия не имела что потребляет. А скальпеля, может, просто испугалась. Таблетками всё же не так больно.

— Вот именно, любой самоубийца, если уж и решил для кончины нажраться таблеток, начнёт на мой взгляд глотать всё, что под руку подвернётся, тем более душевнобольной. Одной бы упаковкой не ограничился, так сказать, чтоб для верности и долго не мучиться.

Ричер нервно засмеялся:

— Да уж, с тобой не поспоришь. Ну, допустим, где-то ты прав, тогда вопрос — КОМУ это надо и ЧТО она такого сделала?

Посвящать приятеля в её историю не хотелось. Рано ещё до доверий.

— Чёрт его знает. Если этот мерзавец и вправду тут орудует, стоит задуматься, что за власть он имеет и почему так просто уходит от правосудия? Хотя "следит" явно и открыто.

— У кого тут власть? Всея? Мэтьюс? Кто это женщина или мужчина?

— В беседах с Робертс Джилл упоминает о НЁМ. ОН приходит к ней во сне. Во сне ли?

— Кас, Кас, остановись! Думаю, ты должен узнать кое-что о ней, — Ричер попытался пробудить во мне здравый смысл. — Это только то, что я слышал, когда её привезли.

Удручённо выдохнул. Чейз не верит ни единому слову. Идиот! С чего я решил, что он может помочь? Но в беседе с ним уловил странность. Раньше приятель говорил, что не знает ничего о Джилл и ответов по поводу этой пациентки ему никто не давал. И теперь вдруг...

— Кастер, девушка в прошлом подвергалась насилию со стороны своих родителей. Отец насиловал собственную дочь. Мать держала на привязи и жестоко наказывала за мельчайший проступок. Девушка до сих пор ест руками, так как никто её не обучал. В восемнадцать лет она сбежала и инсценировала свою смерть, хотя родители не заявляли о пропаже вообще. Потом старики девушки продали дом и съехали, но через два года дочь, она же Джилл, собственноручно подожгла своих горе-родителей. Потом девушка исчезла. Ей удалось скрываться около пяти лет, но позже её нашёл дядя — брат матери. Новый родственник хотел помочь бедняге, но, похоже, психика девчонки окончательно была расшатана. В тот день соседи вызвали полицию, когда услышали крики в его доме. Кэйтор убила родственников из старенького кольца. Изрезала ноги их маленькому сыну и свернула ему шею. После этого девушка попыталась порешить и себя. И вот тут-то ей помешала полиция. С тех пор попытки Джилл не прекращаются.

Я не хотел верить в этот бред, но многие моменты из его истории очень схожи с тем, что она когда-то поведала мне: револьвер, маленький ребенок. Да, и она до сих пор ест руками, как дикий зверёк. В его правде была доля смысла и довольно немаленькая. А если ещё приплюсовать сведения, что я откопал в базе, то всё вдруг становилось ясно. Но...

История с дядей — это для меня новинка. Упоминания о данном субъекте не было ни в одном источнике.

— Откуда тебе это известно? — не хилая осведомлённость Чейза о её судьбе так же вводила в смятение. — Ты же говорил, что не в курсе.

— Говорил, — кивнул без доли смущения. — Потому что не хотел соваться в это дело. Они все тут преступники, а у меня семья. Тебя тоже решил не подначивать, чтобы репутацию себе не портил, но разве ты уймёшься?! Её доставили сначала в отделение буйных. Медсёстры шептались о ней. Сам же видел, что её неординарность вызывает у всех интерес. Спустя пару месяцев, доктор Робертс, за примерное поведение девушки настояла на переводе. Я периодически тоже сопровождал Джилл на процедуры и пару раз заглядывал в её медкарту. Оттуда и знаю.

— Ты видел её карту?! — удивление до глубины души.

— А ты видно нет?

— У Робертс только график приёма лекарств и наблюдения в лечении.

— Льюис изъясил все карты буйных ещё полгода назад, когда едва не забил до смерти пациента. Я тебе рассказывал. Для чего забрал карты? Не знаю. Может так хочет обезопасить себя в случае непредвиденного инцидента или проверки, — тут Чейз сердито ухмыльнулся.

— И где они могут быть?

— В его кабинете, наверное.

— Я должен увидеть её карту, — твёрдо решил, поднимаясь.

— Слушай, не порти себе будущее из-за сомнительных догадок и тем более из-за психобольной, — Ричер обеспокоенно смотрел на меня.

— Его кабинет охраняется? — я начал вышагивать по палате.

— Эй, правда, хорош! — Чейз тоже поднялся и, сурово схватив меня за плечи, потрянул. — Уймись лучше! Ты начинаешь меня беспокоить.

Я напряженно думал. Всё это звучало, как гром среди ясного неба, который стремился враз перечеркнуть всё, что знал о ней, думал и чувствовал. Неужели, всё ложь? Или это её собственный самообман, который она вбила себе в голову и живёт теперь этим? Мне нужно это знать!

— Кастер, ты что? Кто она тебе? — Ричер в шоке смотрел на моё лицо. — Неужели, ты питаешь к ней какие-то чувства? — в его глазах была жалость. — Опомнись!

Психанув, оттолкнул его от себя.

— Давай так! Если ты мне друг, то либо поможешь во всем этом разобраться, либо уйдёшь в сторону и не будешь мешать.

— Ты уверен, что делаешь всё правильно? Подумай о последствиях. Твоя будущая карьера может накрыться медным тазом.

— Я думаю только о том, что вокруг Джилл собралось ОЧЕНЬ много противоречий которые так и не дали мне необходимой картины. Мне нужно понять, где правда, а где ложь?

— Думаешь, я тут тебе сказочку сочинил? — Чейз зло посмотрел на меня.

— Не обижайся. Просто устал от догадок. Хочу самостоятельно до всего докопаться.

Ричер усмехнулся и повернулся к выходу:

— Максимум чем я могу помочь — это только не мешать.

— За это так же буду благодарен, — выдавил улыбку.

— Прости, я пойду, — Чейз был явно расстроен. — Работа ждёт, да и пока не могу прийти в себя от твоих откровений. Я считал тебя разумным человеком и довольно рассудительным, но то, что ты питаешь к этой пациентке до добра не доведёт, поверь. Зови, если нужно, помогу, чем смогу.

Я дружески хлопнул его по плечу. Ричер, сетуя и качая головой, удалился из реанимации.

Спустя ночь, доктор Робертс наконец появилась и приняла мой отчёт о состоянии больной.

— Ты должна выкарабкаться, — услышал я нотки явной мольбы. Эмма болела за неё всей душой.

— Так и будет, — проронил я. — Для меня есть какие-то поручения, доктор Робертс?

— Вы после суток, и, думаю, заслужили отдых. Можете идти.

— Спасибо, — откланялся и устремился в коридор.

Влетел в ординаторскую. Утренняя линейка только началась. Врачи и весь колоритный медперсонал недовольно зыркнули на меня. Виновато потупил взор. Извинился и, делая вид, что беру медкарты, стянул со стола ключи. Вышел. Осмотрел связку, понимая, что нужного тут нет. Ну и черт с этим, в детстве иногда вскрывал замки. Спасибо дяде Джону.

Точно зная, что кабинет главврача пуст, засеменял туда.

ДЖИЛЛ

Гул. Стук в висках. Чувство борьбы. Мне нужно проснуться. Нужно открыть глаза. Нужно кого-то позвать, сказать им, что жива и прощаться со мной — ошибка. Я была уже в могиле, но выкарабкалась, чтобы бороться дальше. А теперь? Где я? Это словно параллельный мир, но он мой, живёт рядом со мной и не даёт в нём полноценно участвовать, самовыражаться и думать. В голове какой-то бессвязный контраст ощущений, мыслей, фраз и эмоций. Во всей этой бессмысленной какофонии чётко улавливаю страх, который буквально выедает изнутри. Я твёрдо понимаю, что это чувство ещё долго будет со мной. Поэтому мне необходимо открыть глаза и дать ему отпор. Я должна это сделать!

Тело словно покрыто подобием налёта или невесомой вуалью, но я впервые свободно выдохнула. Веки подчинились. Яркий свет причинил боль глазам. Испустила какой-то звук, напоминающий стон. Зажмурилась.

— Джилл, — мягкая и ласковая ладонь легла на лоб.

Я знаю этот голос. Он всегда чуток и добр ко мне. Вновь пошла на риск, чтобы увидеть того, кто рядом. Надо мной склонялась женщина. Она мягко улыбнулась, но в уголках её глаз стояли явные слёзы. Почему?

— Ты очнулась. Хвала богу.

Захотелось спросить, что со мной произошло, но тут поняла, что не могу говорить. Во рту что-то мешает. Сердце панически запрыгало. Что это?

— Тише, тише, — женщина поняла моё беспокойство. — Это дыхательная трубка. Ты интубирована. Её уберут сейчас, потерпи немного, — она нажала кнопку вызова персонала. — Главное, не дёргайся, можешь повредить трахею.

Она нервно огляделась и, вдруг наклонившись к самому моему уху, быстро и напряженно зашептала:

— Я не позволю этому больше продолжаться. Скоро всё закончится. Обещаю!

О чём она? Не могу вспомнить, но знаю, что я в опасности.

В реанимацию вошёл персонал и принялся кружить вокруг меня, осматривая. Через полчаса, лежала без катетеров и трубки во рту, тщетно стараясь вернуть память на место. Месиво в голове, обрывки картин, бессвязных и пугающих.

— Что ты помнишь? — женщина твёрдо смотрела на меня.

Я мотнула головой. Бардак. Она горько вздохнула:

— А имя? Помнишь имя своё?

Рой мыслей обуревал голову. Где я? Кто я? Кто она? Что случилось? И снова кто я? Я... я... Ну же! Она назвала меня Джилл? Да это моё имя! Но кто я?!

— Джилл, — произнесли мои губы и вызвали улыбку женщины. — Моё имя — Джилл.

Снова напрягла мозг, насилуя каждую извилину.

— Умница, — она погладила мою руку.

Проследила за движением её руки и ужаснулась от вида своих пальцев — нет ногтей. Шок округлил глаза. Поняв суть моей реакции, врач взяла эту ладонь и спрятала в своих руках, прижав к груди.

— Это прошлое, его давно нет. У тебя все хорошо.

Теперь не клеилось.

— Хорошо? — переспросила, дивясь такому грубому противоречию. — Тогда, что скоро закончится?

— Прости, мне тяжело говорить тебе о том, что ты забыла. В данном случае, забыть — наилучший подарок для тебя.

— Я должна защищать себя, — это поняла и чувала чётко, но какая-то чёртова неуверенность не давала набраться решимости.

— Джилл, это психиатрическая больница для буйных и неменяемых преступников.

Снова волна памяти. Нож режет моё тело, чьи-то жестокие руки и ноги бьют и втаптывают, секс омерзительный и болезненный до боли внутри, против моей воли.

— Умница, — она погладила мою руку.

Проследила за движением её руки и ужаснулась от вида своих пальцев — нет ногтей. Шок округлил глаза. Поняв суть моей реакции, врач взяла эту ладонь и спрятала в своих руках, прижав к груди.

— Это прошлое, его давно нет. У тебя все хорошо.

Теперь не клеилось.

— Хорошо? — переспросила, дивясь такому грубому противоречию. — Тогда, что скоро закончится?

— Прости, мне тяжело говорить тебе о том, что ты забыла. В данном случае, забыть — наилучший подарок для тебя.

— Я должна защищать себя, — это поняла и чувала чётко, но какая-то чёртова неуверенность не давала набраться решимости.

— Джилл, это психиатрическая больница для буйных и неменяемых преступников.

Снова волна памяти. Нож режет моё тело, чьи-то жестокие руки и ноги бьют и втаптывают, секс омерзительный и болезненный до боли внутри, против моей воли.

— Мой диагноз? — поняла, что пациент.

— Галлюцинации...

Далее как удар в лоб.

— Галлюцинаторно — параноидальный синдром? — эта фраза словно высечена на скрижалях моей памяти.

— Да, память с тобой, но ей нужно помочь, — женщина улыбнулась.

Я снова взглянула на свою руку и плавно выскользнула.

— Что с рукой? Почему она... такая?

— Джилл, всего мне не рассказать.

Продолжала рыться в недрах памяти, но это словно чужие картинки, не мои.

— Кастер, — всплыло ещё одно имя, от которого вдруг стало тепло и уютно.

Однако, лицо женщины выражало теперь удивление и негодование.

— Он — интерн, — кивнула она.

— Он — хороший.

Это знала совершенно точно. Но почему не помню лица? Водоворот картин из прошлого, но больше всего глаза — чёрные, жестокие и безжалостные.

— Есть и другой.

Доктор вздрогнула, как будто получила удар по лицу.

— Он злой... Он мучает меня.

Женщина сцепила зубы, что-то давя в себе. Не скажет, потому что не может и это не только страх за меня. Ей стыдно?

— Теперь всё хорошо, дорогая, — она снова гладила мою ладонь, повторяя эту фразу тысячный раз, как заведённая. — Это Томас, — указала на санитаря в коридоре и жестом пригласила его в палату. — Мне нужно отойти. Томас позаботится о тебе.

Видя полнейшее безразличие на физиономии санитаря, тут же усомнилась в его участии во всём, что происходило вокруг меня. Женщина вышла, и этот Томас, слава богу, за ней следом, но уселся на скамью в коридоре.

У меня есть время подумать, попытаться ещё что-то вспомнить. Я здесь заключённая — это знала точно. Неужели и правда сумасшедшая? Смешно и бредово. Прислушалась к себе — чувство тревоги, не гаснущее и ничем не оправданное. Оно сильно и не дает забыться. Откуда оно, чёрт его дери?! Кого надо бояться? Он сильнее меня? Безусловно, раз я валяюсь тут. Или может правда психопатка? А всё это болезненные навязчивые мысли.

Попробовала пошевелиться. Больно. Тело каменное. Плечо дико заныло. Томас в коридоре тут же сосредоточено уставился через стеклянную перегородку на меня. Поймала этот суровый взор и затихла. Нет, не гневи никого, пока во всём не разберёшься. Память вернётся, и я должна ей помочь. Уже начинает возвращаться.

Пока валялась в стенаниях и раздумьях к санитару подошёл ещё один. Со спины не видно его лица, но сердце болезненно ёкнуло. Они о чём-то переговорили и Томас... Ушёл?!

Мои брови поползли вверх. Второй, постояв у моей палаты пару секунд, вошёл. Душа отчаянно запаниковало. Чёрный взгляд, фигура, черты лица. Ноги стали ныть, внизу живота всё затряслось. Страх?!

Он обошёл мою койку в одну сторону, затем в другую, осматривая меня. Мне казалось, что я прохожу какой-то кастинг.

— Знал, что ты оклемаешься. Я переборщил немного со злости, сама виновата, — мужчина максимально приблизился к моему лицу. — Если эта мразь, ещё хоть раз коснётся тебя, я убью его ТВОИМИ руками.

Взирала на него и понимала только одно — моего страха он не должен видеть.

— Неужели забыла меня? — недоверчиво усмехнулся и отступил назад. Он явно не ждал подобного поворота.

— Помню, что ты подонок, — процедила с отвращением.

— Легче. За свою дерзость ты здесь. Только эта палата делает тебе скидку. Если не хочешь бо-бо, не следует гневить меня.

Я тяжело дышала, глядя на это красивое и жестокое лицо. Ненависть и страх сейчас настолько скооперировались в моей грудной клетке, что вызывали боль при каждом вздохе.

— Сегодня ты побудешь здесь, а завтра тебя переведут обратно в палату. Так что отдыхай от меня.

Он сверкнул оскалом белоснежных зубов, сжал тисками моё лицо. Дёрнула рукой, чтобы оттолкнуть, но он успел её перехватить. Вторая его ладонь скользнула под мою больничную рубашку и накрыла лоно. В висках застучало, дыхание застопорилось. Попыталась изогнуться, но он грубо оттянул меня за волосы обратно на подушку. Я сжала бёдра, не давая ему проникнуть в меня пальцами. Грубое дыхание почувствовала у самого уха.

— Я соскучился по тебе.

Ладонь тут же ушла с моей промежности и сжала грудь. Его губы коснулись кожи за ухом и... Всё прекратилось.

Ушёл из палаты. Внутри отпустило, но сменилось клокотанием. Захотелось плакать, но не могла. Сухие слёзы. Дрожь свела зубы и давила на виски. Стены, словно стремились ко мне, чтобы раздавить и растереть в ничто.

КАСТЕР

Кабинет главврача оказался довольно светлым и жизнерадостным, в отличие от стен этого дурдома, во всех смыслах, но оглядывать тщательно его апартаменты, не спешил. Сразу устремился к письменному столу в надежде найти доки либо ключ от сейфа к этим документам — всё что угодно, лишь бы пригодилось в моём случае.

Один, второй...шестой — ничего. Безнадёжно прошвырнулся по стеллажам — тщетно. Чёрт! Неужели, нет ни малейшей зацепки?!

Упал на его стул, пытаясь разгадать, где ещё могут быть его секреты. Фоторамки на столе. Почему бы и нет... Начал вскрывать аккуратно одну за другой, пока наконец, не дошёл до самой крайней, она почти пряталась за остальными. Схватил её готовый освежевать, но сам снимок пронзил молнией. На нём трое мужчин с ружьями в руках, все трое победно поставили ногу на поверженного медведя. Классное фото, но его герои немного озадачили — бородатый мужик, Льюис и...Чейз?

Мать вашу, приехали! Они что, друзья?! Ричер ни разу не упоминал об этом!

Звуки в коридоре заставили отложить ступор. Мигом вернул всё на место и поспешил к двери. Приоткрыл, проверяя путь. Два ординатора прошествовали мимо, следовательно, линейка закончилась и необходимо выметаться отсюда. Пока на горизонте чисто, поспешил вон, удаляя все штрихи взлома.

Я шёл, почти бежал в раздевалку с мыслями поскорей попасть домой и с твёрдым намерением навести справки об этих двоих.

ДЖИЛЛ

После посещения этого человека, мне долго думать не позволили. Обход врачей нескончаемым потоком, друг за другом. Множество вопросов, осмотр конечностей и тела, ссадин на лице. Хирурги, психиатры, логопеды и неврологи — целый медицинский арсенал для меня одной. Рефлексы растут в геометрической прогрессии, руки и ноги крепчают, память...

— Да, завтра переводим, — слышала беседу, когда они удалялись из моей палаты.

Вечером нянечка принесла ужин и собралась кормить меня, как маленькую, чему я активно воспротивилась. Она сдалась и дала мне в руки ложку. Зачерпнула пару раз содержимое тарелки и, чуя дикий дискомфорт, отложила прибор и запустила пальцы в кашу. Нянечка тяжело вздохнула. Я осеклась, перевела на неё взгляд. Та усмехнулась.

— Даже амнезия тебя не изменила, — молвила она и всё же протянула ещё раз мне ложку. — Попытайся, пожалуйста. Ты привыкнешь.

Я смотрела на столовый прибор, как на врага, но знала, что и его надо победить. Взяла в руку. Правда, дело привычки. Но откуда привычка есть руками? Это снова часть моего прошлого. Минуты чертыханий и злости, но я вогнала в себя пищу, чем доставила нянечке

неизгладимое удовлетворение.

— Умница, — радушно улыбнулась она и, всё забрав, поспешила вон.

Нет, здесь есть всё же неравнодушные люди.

Кастер. Снова всплыло в памяти это имя, которое теплом разливалось по венам. Почему я помню только имя? Как же хочется вспомнить ещё и лицо, чтобы у этого имени была субстанция, не пустой звук.

Зашла медсестра в сопровождении санитары Томаса, взяла кровь из вены, сделала пару уколов и заправила в меня груды таблеток. Через полчаса повалило в сон.

Проснулась я от отчаянных и пугающих толчков.

— ... давай же, проснись!

Это та женщина, что встретила моё пробуждение — доктор Эмма Робертс, как её звали коллеги.

— Ч-что...что случилось? — прислушалась к звукам. Может пожар или бунт заключённых психопатов? Тишина.

— Вставай, — она едва не стянула меня на пол.

Слабые ноги тут же подвели, но женщина, готовая к этому, мигом подхватила и потащила чуть ли не на себе. Полутёмный коридор, тишина и гул свидетельствовали о том, что сейчас глубокая ночь.

— Шевели ногами, — прошипела она.

Я послушно исполняла, чувствуя, как с каждым шагом поступь становится твёрже и уверенней. Наконец я отстранилась от неё, придерживая женщину лишь за локоть.

— Доктор? — беспокойство росло с каждой минутой, а её крадучесть и вовсе сбивала с толку. — Куда мы?

Она втокнула меня в подсобку.

— Живей, одевай! — велела грозно, кинув мне медицинскую форму, которую изъяла из небольшой сумки, заткнутой в углу стеллажа.

Мозг мгновенно всё понял и вопросов задавать больше не посмела. Кряхтя слабыми мышцами, сбросила с себя пижаму и, с помощью врача, облачилась в новую форму.

— Собери в хвост, — Робертс стянула резинку со своих волос и всучила мне. — Быстреей.

Как только я была готова, она серьёзно посмотрела на меня.

— Иди со мной, ровно и уверенно. Не дергайся, иначе — провал! В гардеробной ты переоденешься, спустимся вниз. Там дальше ты пойдёшь одна. Держи!

Передала мне пропуск, на котором увидела свою фотографию. Ничего себе, как?! Эмилия Уорен, прочла я.

— погоди, — вдруг спохватилась спасительница и вновь залезла в сумку, изъяла тональный крем, тени и помаду. — Надо быстро это всё замазать, охрана не поверит.

— Охрана?!

А на что я рассчитывала? Конечно мне нужно пройти контроль. Руки задрожали.

— Успокойся — это главное! — продолжала чеканить доктор, нанося мне густой мэйк-ап. Это оказалось делом двух минут. — Идём. Спокойно...

Она шагнула в коридор и, гордо выпрямив спину, зашагала, словно грудью принимая все удары судьбы. Я попыталась повторить.

Навстречу вышли два санитары, отчего приготовилась враз в пол, но незаметный толчок Робертс требовал не паниковать.

— Смотри, красотка, — шепнул один другому.

— Я её раньше не видел, — отвечивал второй. — Тоже может интерн?

— Доброй ночи, — властно поздоровалась с ними доктор, введя их в смущение. Парни кивнули и ретировались.

Коридор снова чист, и мы спешно шли в гардеробную. Достигнув цели, меня одели в уличное пальто и сапоги. Когда была готова, женщина взяла мои руки.

— Прости меня, за всё прости. Это мой единственный шанс исправить, что натворила. За то, что позволяла ему делать с тобой, отмалчивалась. Прости, Джилл... Удачи тебе! Будь осторожна!

Она поцеловала меня в щеку и в её глазах сверкнули слезинки.

— Спасибо, — то, что я была благодарна, осознавала точно, но ещё не совсем понимала, отчего бегу.

— Теперь по коридору налево, там красивый холл. Охранник возле турникета на проходной. Иди прямо, гордо и уверенно. Поняла? — я кивала, стараясь ничего не упустить. — После лесополосы сможешь выйти к трассе. Поймай попутку, деньги в кармане...

Вышла на финишную. По коридору налево, холл, проходная, охранник. Сонный мужик посмотрел на меня и на фото, просканировав. Велела телу засунуть свой страх куда-нибудь подальше, ожидая вердикта. Сигнал загорелся зелёным — открыто. Кивнула и пожелала ему спокойной ночи, усиленно пряча руку без ногтей.

Холодный воздух ударил в лицо, давая моей свободе невероятную радость и облегчение. Спокойней! По тропинке зарысила в лес. Боязнь кого-то встретить согнала меня с тропы. Темнота не позволяла глазам разглядеть ориентиры, поэтому пришлось двигаться вслепую. Позже, спустя часа два, я наконец вышла к дороге. Впереди замелькали огоньки фар. Я приготовилась остановить их, как меня сжали сзади, заткнули рот и утащили снова в лес.

КАСТЕР

В желудке крутило, то ли от голода, то ли от нервного возбуждения. Я, подобно Всемогущему Брюсу, скинул с себя верхнюю одежду и, закинув пиццу в микроволновку, помчал к компьютеру. Набрал пароль дяди и вошёл в базу.

Чейз Ричер. Его фото и длинная тирада биографии, даты рождения, окончания школы, колледжа, пару раз привлекался за хулиганство ещё сопляком. В целом всё, как у людей. Только одно но... Есть старший брат Хулио Мадэри. Это интересно — брательник с португальскими корнями?! Не родные, видимо.

Перешёл на испанскую личность. Родители, дата рождения, школа и... пустырь, полная тишина, ничего словно умер, исчез, похитители инопланетяне. Это странно. Кто-то тщательно скрыл его жизнь. Интересно, зачем! Нечист на руку?!

Дьявол! Ладно, займёмся главврачом. Этот вообще идеален — награды, поощрения, благодарности. И тоже есть брат, который, увы, отличился в жизни только воровством, пьянством, разбоем и сбытом наркоты. Дважды сидел, и был убит два года назад. Пулевое в голову. Как и рассказывал Ричер.

Следуя всей этой теореме, мало, что можно доказать! Только больше запутался. Вроде, подходят оба, на предмет неистового зла нашей психиатрички, но в то же время их гореродственники отдельные личности и эти два человека не должны отвечать за них.

Звонок СВЧ-печи велел встать. Пообедав, решил всё-таки связаться со своим дядей напрямую, но и с ним разговор ни к чему не привёл, хоть он и пообещал покопаться в базе позже.

Устало вздохнул и откинулся на спинку стула. Болят глаза. Глянул на часы и в шоке понял, что уже полтора суток не спал. Стянул с себя брюки с футболкой и буквально рухнул на кровать, всем телом отдаваясь прохладным простыням и подушке и чувствуя, как каждое волокно моих уставших мышц растекается по ложу.

Разбудил звонок в дверь. Нехотя продрал глаза и взглянул на часы. Одиннадцать часов вечера, и я уже предчувствовал, кто там. Нет, не смей. Уйдёт, решит, что никого нет, но повторная трель звонка, говорила об обратном. Только не сегодня. Снова зов к дверям. Я поднялся и прошаркал к выходу, открыл. Свет с площадки тут же ослепил меня.

— Кас, — не ошибся это была Сьюзен. — Ты спишь! Ох, прости. Какая же я гадкая.

Я бы сказал по-крепче.

— Что случилось? — голос просипел, вызвав во мне отвращение и желание прокашляться.

— Я заметила сегодня твоё сильное расстройство... Подумала, может, тебе нужна будет моя поддержка или помощь.

— Мне нужен просто хороший сон, — зло буркнул в ответ.

— Да, правильно. Прости, милый.

Фраза прозвучала так, что свело зубы.

— Сью, я понимаю зачем ты здесь и пусть буду последней свиньёй сегодня, но пойми — я дико устал и очень хочу спать.

— Да-да, — она разочарованно закивала, понуро опустив голову.

— Спасибо, — и чтоб хоть как-то сгладить напряг этой ситуации, придвинул её к себе и быстро чмокнул в губы. — До завтра, позже поговорим. Хорошо? — выдавил улыбку. Подействовало.

— Хорошо, — она улыбнулась и направилась прочь.

Алиллуя! Радостно поскакал снова в свою колыбельку, мечтая вновь воссоединиться с Морфеем, но, мать твою, не тут то было. Накрыло непонятное беспокойство. Час спустя, понял, что сон просто ушёл. Чёртовы бабы!

Встал и поплёлся на кухню. Сделал кофе и вернулся в комнату. Включил телевизор. Щёлкая, настроился на какой-то боевик. Час просто тупо пялился на сменяющиеся бесполезные кадры. Звонок сотового озадачил. Глянул на экран — номер неизвестен. Снял.

— Кас, — голос знаком, но не могу понять.

— Кто это?

— Это Кейт. Кас, Джилл сбежала.

Твою мать! Сорвался с места. Такси мигом примчало на работу. Всё вокруг ходуном — тьма копов, пожаловала администрация и на ушах весь медперсонал. Я постарался, как можно, незаметней прокрасться в раздевалку, чтобы потом без лишних подозрений, почему это я на работе намного раньше положенного времени. Кейт сгладила мою внезапность.

— Кас, я в шоке. Ей помогли, по-другому никак. Полиция проверяет видеорекамеры. Половины записей нет. Их вырезали!

— Доступ к камерам, только у ординаторов и Льюиса, — анализировал я.

— На дежурстве Робертс.

— Нет, она трусовата для этого, — отмёл её мысль. — Ты могла бы сообщить мне, что Джилл пришла в себя, — совестливо глянул исподлобья.

— Какой смысл? Ты не на смене. Тебе нужны проблемы?

Она права мой излишний интерес давно уже замечен Эммой, и я рискую быть отстранённым.

— Мне страшно, Кас. Если Джилл кого-то покалечит?

Я невольно кинул на неё ошарашенно-возмущенный взор. Джилл, кого-то покалечит?! Прости, подруга, но ты не до конца въезжаешь.

— Не бойся, все обойдётся, — приобнял её. — Чейз, здесь?

— Был, — она напрягла мозг. — Спал в подсобке, но давно. Как только всё это началось, я его искала, но не нашла. Часть санитаров отправили прочёсывать лес, трассу и ближайший городок, скорей всего, он с ними.

Впитывал информацию, чётко анализируя вероятность её предположения.

— Моя смена ещё не началась. Мне нужно где-то переждать, чтобы без лишних подозрений, хорошо?

— Да, верно. Я прикрою, — согласилась Брит.

Осел в подсобке. Снова ждать, как идиоту, который всё время только и делает, что наблюдает и роется в прошлом.

ДЖИЛЛ

Жестокое падение вернуло меня в реальность. Вдохнула воздух, но гортань тут же

разодрал суровый кашель от затхлой пыли. Открыла веки, стараясь войти в курс дела. Полумрак. То ли это весь дом, то ли только одна из его комнат. Рваный и в пятнах голый матрас, прямо на полу, ворох непонятного мусора и тряпья, пара стульев, на одном из них свеча, скамья служившая вместо стола и... тонны пыли.

Он, видимо, скинул меня со стула. Руки связаны на груди.

— Эй? — потянула путы.

— Я здесь, — знакомый голос. Боже, нет. Тот мужчина из реанимации. — Некогда ждать, когда очухаешься, потому бужу так нежно.

Дрожь прошла по никчёмному телу. Что же ты за мразь, где я перешла тебе дорогу?!

— Ещё там в подсобке думал вас остановить, но потом понял, что хочу немного другой игры. Вне стен больницы. На этот брошенный лесничий домик набрёл год назад, совершенно случайно. И вот видишь, пригодился.

— Зачем ты это делаешь? — Я должна знать. — За что?

Он недоверчиво поднял брови, и его губы слегка дрогнули:

— Правда забыла?

Сцепила зубы. Во взгляде только вопросы. Пойми их, если ты так умён.

Мужчина вдруг нервно усмехнулся и стремительно ушёл в другую часть комнаты. Поскитался там из угла в угол, жестоко пнул скамью, снова помаячил уже поодаль, и, словно тёмное большое животное кинулся ко мне, рванул меня с пола и бросил на матрас.

Невольно вскрикнула, но он тут же зажал мне рот, навис. Тень его лица накрыла собой всё сущее.

— Нет, только не кричи, — его голос теперь звучал странно, он словно умолял меня. — Я не могу слышать твой крик, он много лет в моём мозгу.

Убрал ладонь, встал и снова ушёл в другой конец. Я приподнялась и села, глядя на его тёмную фигуру.

— Ты не помнишь, но я помню. Я знал, на чем живился мой брат, что это был за бизнес. Всегда относился с безразличием и скепсисом. Я сторонился этого, был далёк от его промысла, потому что мечтал о другой жизни для себя. Я учился, был обычным парнем, — смешок, — даже девушки, интерес к простой жизни. Я жил! Но, однажды, увидел тебя среди вновь поступившего "товара". Ты была так чиста, невинна, напугана и незащищена. Чистый лист, — опять горький смешок. — Тогда впервые, словно пёс, умолял своего брата не трогать тебя, "подарить" тебя мне.

Он в ярости пнул теперь стул. Молчание. Я, замерев, ждала продолжения исповеди.

— Но он вышвырнул меня из кабинета. В ту ночь, когда он трахал тебя, клянусь, хотел убить его, самолично пустить пулю любимому брату в лоб и застрелиться самому. Но кишка оказалась тонка, чёртов сопляк! Потому что роднее его у меня нет. Хотя он и был настоящей мразью, но оставался моим братом. Он заставил меня слушать, как ты кричишь, молишь его о пощаде. Я на стены лезть от своего проклятого бессилия. Твои крики навсегда остались в моей голове.

Он замолк, смотря куда-то мимо меня. Глаза словно остекленели. Он снова пьян? Или эта странная внутренняя боль превращает его в пустую субстанцию?

— Позже, я придумал план, чтобы купить тебя под видом одного из торговцев, но брат захотел оставить тебя. Ты ему понравилась. Подумать только, — снова болезненный смех.

Он вновь навис надо мной, опрокинул на матрас и аккуратно взял за лицо. Разглядывал. Голос учителя осел.

— Только представь, каково это все эти годы наблюдать, как ты мучаешься и живёшь с ним, как он истязает тебя, но, блядь, я не мог ничего поделать. А потом, — пауза, — ты сама наказала его. Моему злорадству не было предела: выкидыш, твоё бегство, его стенания из-за того, что сам влюбился в тебя и не мог больше жить с этим. Пуля в голову, и счастливый конец. Всё для меня, вроде бы... Но ты... Ты ненавидишь всю нашу мерзкую семейку, презираешь всей душой наше чёртово отродье. Из-за этого не смогу никогда получить тебя, твою душу, твою любовь. И всё из-за него, из-за меня, из-за своей слабости! Всё, что могу, так это только владеть твоим телом, которое ты тоже научилась отторгать, не воспринимать, — грудной стон. — Всё кончается лишь тем, что я заменил любовь на ненависть и дышу мстью, потому что так легче, болит не так сильно. Ты не моя и не будешь ей никогда. Никогда! Невозможно любить того, кто позволил сломать жизнь и превратить её в ад, который струсил, прошёл мимо твоей беды...

Выплюнув все эти откровения, он уткнул своё лицо мне в ключицу и умолк.

По телу гуляла дрожь. Я не могла ничего ответить. Много из того, что он говорил, не в состоянии вспомнить, а знание о его, оказывается, чувствах вообще ввело в тупик и шок. Любить, потому ненавидеть? Бред!

Он испустил тяжёлый выдох. Приподнялся на локти и... ласково поцеловал в уголок губ. Вздогнула и напряглась, стараясь инстинктивно отстраниться, но он не дал, удержал за лицо.

— Тш-ш-ш, пожалуйста...

Он просит?!

— Пожалуйста, пожалуйста...

Снова поцелуи в нижнюю губу, нос, глаза, виски — нежные и осторожные. Его рука коснулась волос, отстранился и посмотрел в мои глаза.

— Как же я люблю тебя, — словно удар ножа. — Милая. Родная моя.

В сознании переключилось, и я вдруг невольно обмякла. Услышать столь приятные слуху слова для меня в новинку. Захотелось понять, что бывает после таких фраз. Тепло растеклось от висков к груди.

Словно ощутив мои виртуозы внутри, посмотрел в глаза. Видела, как ласково смотрит на меня, ещё больше поработав моё тело в непонятный вакуум. Опустила взгляд на его губы. А целовал ли он меня когда-нибудь? Какие они на вкус? Мужчина прочёл всё в моих глазах, и жарко впился в рот, проник языком, придавил телом, рука обвила талию и страстно прижала к себе. Сильные и нежные руки, сжимали и страстно владели.

Я добровольно шагнула в клетку зверя, впервые испытал что-то потустороннее и неведомое. Оно сладко до онемения в конечностях, до взрыва где-то внизу живота.

Он целовал и я... впервые отвечала!

Я не помню его, не помню какой он, насколько презираю его. Или же это реакция на то, что, в данный момент, увидела в нём побитую собаку, жалобно просящую ласки и нежности?

Почувствовала, как мой мучитель развязывает оковы. Осознав свободу, даже не подумала бежать. Он был настолько нежен, что хотелось продолжения. Обвила его руками, продолжая целовать. Сильные и тёплые ладони почему-то вселили чувство защищённости. Всё тело, каждая клеточка тонули в нём, в его крепких объятиях. Гормоны пошли в пляс. Я забыла кто передо мной. Забыла себя, забыла ВСЁ! Тело его, а душа порхнула в прострации безмятежности.

Тут почувствовала его эрекцию. Шлепком рухнула с небес, вспоминая, что это больно и

мерзко. Я не хочу! Боже, нет! Только не это! Мгновенно среагировала и панически уткнулась в его грудь кулаками.

— Нет, прошу...

Это явно его разозлило и ввело в бешеное отчаяние. Мужчина зарычал, подобно раненному зверю, и распял мои руки в стороны, припечатав к матрасу. Вновь навис, убивая ненавистью и злобой.

— Не можешь! — дико зашипел мне в лицо. В голосе мужчины явное разожарование и боль. — Не можешь! Никогда не сможешь!

Размахнулся для удара, но притормозил. Снова болезненная дикость в его глазах, рык. Схватил за затылок и швырнул на пол. Упав и ещё не успев осознать, что делать, как себя спасти, всё же удостоилась его жестокости. Секунда, и мир резко растворился во тьме.

В чувство привёл нестерпимый холод и шум улицы. Запах сухой травы, которая словно иглы врезалась в лицо и руки. Я постаралась шевельнуться, но боль в теле и висках, лишь наградила стоном. Шум колёс об асфальт. Щебетание птиц. Свобода?

Как же холодно! С трудом перевернулась на спину и увидела бесконечную синь неба, свободные и манящие облака. Улыбка коснулась губ, слеза выкатилась из глаз. Умоляю, заберите меня с собой! Хочу так же легко и свободно плыть среди вас, ощущать блаженство и покой.

Шорох. Хруст травы от чьей-то поступи. Тень коснулась лица с левой стороны. Меня нашли.

— Сюда! Здесь! Быстрее! — мужчина крикнул кому-то вдаль и наклонился. Меня вернут обратно, снова назад. Слезы вышли наружу, и я, отдаваясь безысходности, зарыдала навзрыд.

— Ты меня слышишь? — спросил мужчина-санитар, пытаясь понять моё состояние.

Невероятная боль внутри, чуть не задушила, когда он начал поднимать моё тело с земли, я охнула от боли и вцепилась в него.

— Больно, — пропищала, закусив губы.

Санитар осмотрел меня, осторожно завернул в термоодеяло и, взяв на руки, понёс к группе поисковиков.

— Потерпи немного. Сейчас.

Полностью сдавшись, зарылась в мужскую грудь и продолжила реветь, пока мою никчёмную субстанцию грузили в машину и увезли обратно в то место, откуда отчаянно бежала.

КАСТЕР

Наконец полноправно заступил на смену. Робертс не вылезла из ординаторской, окружённая коллегами, членами администрации и полицией.

Мне ничего не оставалось, как заняться обходами, так как сегодня с этим явно глухо.

Где-то к обеду встретил Чейза, который был невероятно зол и раздражён.

— Привет.

— Здорово, — отвечивал мужчина. — Только не спрашивай меня ни о чём. Я пять часов прочёсывал лес. Вдобавок, меня похоже какая-то тварюга покусала. И все из-за твоей Джилл.

— Не нашли? — в надежде смотрел на него.

— Нет, но там ещё три поисковые группы. А мне надо к медику. Зудит, сука, до невозможности.

— Может помощь нужна? — осмотрел его, пытаюсь понять, что у него пострадало.

— Не дай Бог, — попытка юмора, и Чейз спешит от меня в раздевалку. — Будут вести, скажешь!

Кивнул, но уже его спине.

Ещё часа два я совершал обходы, пока в ординаторской не опустело. Робертс возилась с картами, хотя чётко знал, что она очень редко этим занимается, обычно это прерогатива её интернов, в частности моя. Увидев меня в дверях, доктор монотонно начала давать поручения.

— Калеба из триста девятой нужно сопроводить к наркологу, а после к нейрохирургу. София снова себя избила, её нужно отвести на перевязку, Энни необходимо...

— Доктор Робертс, — уже не сдержался и грубо прервал. Эмма подняла голову и тускло окинула меня взглядом. — Как можно выйти из токсикологической комы и сбежать в один день?!

Ординатор снова потеряла интерес и опустила голову в медкарты:

— Майерс, этим сейчас заняты профессионалы. Наша с вами задача делать свою работу.

— Вы же знаете, что здесь творится! — буравил её насквозь, но женщина оставалась непоколебимой.

— Знаю, — кивнула. — И ещё вижу ваше завышенное внимание к пациентке. Вы в курсе, что это грозит вам переводом в другое отделение?

Подействовало. Мгновенно проглотил всё, что хотел сказать до этого — опасно.

— Майерс, начните наконец выполнять свою работу. Если мне что-то станет известно, я дам вам знать. Беспокойство о подопечных, тоже хорошее дело, — она выдавила улыбку. — Идите.

Стремительно вышел из ординаторской. Я связан по рукам и ногам, невидимыми нитями.

Во время обеда наконец смог задать и Ричеру волнующие меня вопросы.

— Ты умолчал, что вы с Льюисом друзья.

Тот жуя бутерброд, поправил меня без малейшей эмоций:

— Были. В колледже. Кейт что-ль брякнула? Он стал главврачом, а я несчастный санитар. Как думаешь, мы всё ещё друзья?! — Есть логика. — Плюс — ты не спрашивал меня об этом.

— Речь не заходила, — я пожал плечами, понимая, что излишне подозрителен. И правда мог бы иногда поинтересоваться парнем, а не заваливать его вопросами вокруг персоны Джилл.

— Тебе минус, — Чейз хихикнул и зачерпнул пюре ложкой. Я проследил, как пища отправится ему в рот. — Сэм слишком гордая сука... Откуда узнал-то?

— Да так, — делиться своими ищейскими приключениями абсолютно не было желания, но и Ричер не идиот:

— Ты был в его кабинете?

Я сунул в рот большущий кусок хлеба, лишь бы только дольше занять рот и перестать болтать лишнего.

— Ты — чокнутый сукин сын, — осуждающе покачал головой приятель, отхлебывая кофе.

— Возможно, — кивнул я.

— Наскребёшь на свой зад — помощи не проси.

— Ты очень мил, — хмуро констатировал я и продолжил поглощать обед.

Когда мы разошлись по этажам, на поясе брюк брякнул пейджер — Робертс. Долг велел идти, но когда пришёл миллион раз пожалел, что не бежал. Эмма говорила с администрацией и полицейскими, довольно сурово и безапелляционно:

— Она — моя пациентка! И только я решаю, когда вам можно будет говорить с ней. Я сказала, нет!

Заглянул в лабораторию и обомлел — на кушетке Джилл. Ни о чём не спрося, подлетел к ней.

— Джилл? — осел возле беглянки, осмотрел. Избитое лицо, без сознания и холодные руки.

— Майерс! Она спит, ей пришлось ввести седативное, — рявкнула на меня Робертс. — Сейчас же отнесите её в палату и не отходите, пока я не приду. Вам ясно?!

— Да, — ясней некуда.

Поднял Джилл на руки и стремительно помчал от этих следопытов в погонах. Уложил на койку. Грудь девушки мирно вздымалась и опускалась. Как бы я хотел поговорить с ней. Взял в руки её ладонь и нежно поцеловал. Взгляд упал на запястья, на которых красовались синяки и чёткий след от верёвок. Её похищали! Теперь за сумасшедшую вам выдать девушку не выйдет.

В палате выросла фигура Робертс. Ты вовремя, дрянь!

— Спасибо, Майерс, вы можете идти.

— Нет, — грубо рявкнул на неё. Решительно встал и буквально втолкнул доктора вглубь палаты, хлопнув дверь.

— В чем дело? Майерс, вы зарываетесь!

— А ты за решётку сядешь, — прошипел я, отчего Эмма побледнела. Вернулся к Джилл и продемонстрировал доктору запястья пациентки, но женщина лишь отвернулась от меня. — Джилл похищали! И я ни на грамм не поверю, что ты не в курсе!

Услышал всхлип, фигура Робертс вся сгорбилась и сжалась в себя.

— Вы же врач... Как вы можете? — ударил по совести.

Эмма резко повернулась. В глазах стояли слёзы, отчего сразу потерял весь пыл.

— Я всего лишь помогла ей сбежать, — прошептала она. — Потому что не могу больше... Но Джилл снова здесь и это значит, что от наказания ни мне, ни ей теперь не уйти.

— Кто всё это делает? — уцепился за эти секунды откровения, как за воздух. Но Робертс умолкла и просто отрицательно помотала головой. — Ну же, доктор Робертс! Я могу помочь.

— Нет, — произнесла женщина, твёрдостью камня глядя на меня. — Не лезь в это. Тебя убьют.

Последняя фраза прошла холодом по венам. Я не боялся, но это утверждение имело столько веса и власти, что невольно содрогнулся, вдруг осознав, что похож на мышку, которая пытается одолеть огромное животное.

— Майерс, Джилл обречена. Я не смогла ей помочь и никто не сможет. Нам не дадут.

— Но... — протестующе качал головой. — Выход есть всегда

— Здесь — замкнутый круг. Теперь уходите. Завтра же я попрошу вашего перевода в

другую клинику. Распоряжусь с указом в деканат. Не портите себе жизнь и репутацию.

— Нет, прошу, не надо, — испуг отразился на моём лице.

— Вы свободны, Майерс, — с нажимом произнесла она. — Займитесь пока другими пациентами.

Решил подчиниться. Лучше переждать, когда она успокоится, когда всё уляжется и потом снова спокойно поговорить. Возможно, доктор изменит своё решение, и, как бы я не надеялся остаться подле Джилл, Робертс велела на сегодня заняться бумажной волокитой, внизу в архивах больницы, что сулило мне "нескучную" ночь.

Твою мать!

ДЖИЛЛ

Было спокойно. Тело, словно покачивалось на волнах. Мягкое покрывало по-дружески обнимало меня. Открыла веки. Это палата. Значит я снова здесь. Глянула на решётки на окне. Ночь? Или уже утро? На тумбе таблетки, которые я благополучно сбросила на пол. Так же на ней покоилась красочная книга. Это подарок — вспомнил мозг, и в сердце зародились теплые огонёчки.

Кастер. В памяти это имя всплыло с новой силой. Следом в голову вновь врезался лик того человек — жестокий и ненавистный. Руки рефлекторно сжались и коснулись губ, вспоминая поцелуй. Дрожь прошла по спине и свело внизу живота. Желание? Неужели, хочу испытать всё снова? Объятия, губы, жар тела... Бог мой, я и правда схожу с ума?!

Двери палаты открылись, и я едва не уползла от ужаса под кровать.

Это был ОН. Но не один, а тащил за собой... Эмму? Доктора с кляпом во рту и с завязанными руками бросили на пол. Кинулась поднимать её, но мучитель схватил меня за волосы и увёл к себе, не позволяя приближаться. Резкий запах алкоголя ударил в нос.

— А сейчас, девочки, злой дяденька, покажет вам, кто здесь хозяин, — он достал из-за пазухи старенький кольт.

В ужасе смотрела на чёрное оружие, когда в голову обухом вернулась картинка из прошлого, мигом дав понять, что всё это значит сейчас. Прошлое наступило мне на горло.

ДЖИЛЛ

Полетела в сторону кровати, жёстко въехав в неё животом. Доктора так же за волосы подняли вверх и бросили на стул. Эмма плакала и скулила, в ужасе глядя на моего мучителя. Во мне разыграл гнев:

— Ты сволочь! Можешь только издеваться над слабыми и беспомощными?! Говоришь, что любишь меня? — не помня себя, подступила к нему, в упор сжигая ненавидящим взглядом. — Любишь, да?!

Немного растерявшись от моей ярости и смелости, мужчина молча сверлил меня глазами. Я сжала руку в кулак и со всего маху заехала ему по переносице. Эффект неожиданности сработал так, что мучитель отступил на несколько шагов.

— Вот она какая, твоя любовь, ублюдок!

Ответная реакция поступила незамедлительно, к чему была готова. Он поймал меня за волосы и со всей силой отшвырнул к стене. Я задохнулась от боли и упала на пол.

Всё это время Эмма лишь мычала и издавала нечленораздельные звуки сквозь кляп, ручьями пуская солёную воду из глаз.

— Сука! — прорычал он, вытирая хлынувшую из носа кровь. Чувство маленькой, но всё же победы, вызвало восторг, вылившийся в мой сумасшедший смех. — Заткнись, тварь, убью! — сильнее вскипел он и несколько раз заехал по щекам.

Сознание поплыло, но смех, словно агония продолжал разноситься по моему телу, только позже я осознала, что он ушёл в слёзы. Мужчина поднял меня за шкуру вверх и доволоч до Эммы.

Доктор дрожала и вздрагивала от любого нашего движения.

— Сыграем в нашу старую добрую игру? Русская рулетка. Помнишь? Нет? Жалко... Мой брательник её очень любил. Тянет нервишки. Ну ничего, я напомню... может и веселье будет не напрасно, — мучитель крутанул барабан кольта и протянул мне.

— Черта с два! — прошипела в ответ.

— Хорошо, тогда я сейчас сам грохну эту суку, так верней, — вынул из-за пазухи второй пистолет и направил доктору в голову.

Эмма закричала сквозь кляп и уже рыдала навзрыд, отчаянно и беззвучно моля о пощаде. Он ткнул дуло оружия ей в висок и требовательно посмотрел на меня. И ненависть, и кровь стучали в висках. Почему глазами нельзя убить?

— Играй! Дай докторше шанс выжить пятьдесят на пятьдесят.

— Откуда мне знать, что ты не убьёшь её, если пулю словлю я? — парировала, не сводя глаз с жертвы.

— Я заткну ей рот в любом случае, ты права, но смерть — это не единственный вариант, — мужчина ждал моего решения. — Играй же! — рявкнул он, ещё сильнее вдавливая ствол в висок несчастной, отчего она согнулась в бок чуть ли не пополам.

Я выхватила протянутый мне револьвер и, без раздумий направив его себе в голову, не колеблясь и не думая о собственной кончине, спустила курок. Щелчок — пусто. Чёрт!

Мучитель растянулся в улыбке, видя теперь мою нерешительность наставить оружие на

Эмму.

— Ну? — его пистолет тоже не сходил с её головы.

Поменяла цель на доктора. Выдохнула. Одним взглядом молю прощения у Эммы. Выстрел — пусто! Облегчённо опустила кольт. Теперь третий выстрел для меня. Спуск крючка — пусто. Нет!

— Дальше, — проворковал мужчина.

Четвёртый выстрел в Робертс заставил желудок скрутиться от ужаса. Пусто!

Теперь взмолила, чтобы пятая пуля, наконец продырявила мою голову. Цель в мой висок и вновь пустой щелчок.

— И шестой, — этот ублюдок на седьмом небе от восторга. — Ну?! Давай!

Я же резко направила револьвер ему в лицо... Выстрел. Пусто?!

Поняв суть этой игры, в ярости швырнула оружие ему в голову. Успел увернуться.

— Ты думала я идиот?

Смеясь, он обошёл меня и пристроился сзади. Взял мою правую руку и вложил в неё второй пистолет, нацелил в голову Эммы. Только сейчас, в этих действиях, увидела перчатки на его руках.

— Это бесчестно? — проронила, обречённо глядя на Эмму, которая уже смиренно ждала своего часа.

— Да, бесчестно. Но нам с тобой придётся это сделать, — шепнул он мне в ухо.

— Пожалуйста, прошу тебя, — из глаз выкатилась слеза. — Накажи меня. Не убивай её.

— Ты её убила ещё тогда, когда решила сбежать отсюда, — его голос хоть и стал мягче, но о внезапной пощаде надеяться не стоило.

— Умоляю, — мои руки задрожали. Я была готова унижаться, сделать всё, что он захочет. — Ведь ты можешь... тебе ничего не стоит... Я умоляю тебя, — слёзы реками текли по щекам, попадая в рот и заставляя захлебываться. — Я сделаю всё, что ты пожелаешь. Не надо!

— Если бы я мог... — вдруг процедил он стальным голосом, в котором уличила какую-то яростную дрожь. — Попрощайся с доктором, — велел он холодно, и его рука сильнее сжала мои пальцы.

— Нет! — вскричала отчаянно и, зажмурившись, рванула назад, пытаюсь увести траекторию выстрела. Кисть едва не вылетела из сустава, пальцы хрустнули, но я всё же услышала выстрел, оглушительный и бесповоротный, который совершил он моими руками.

Кровь убитой брызнула на меня, очернив мой лик и душу.

— Сволочь, мразь, — простонала я, боясь поднять глаза.

— Я мразь?! — сжал мою челюсть и приблизил к себе. Он зол и невероятно бледен. — Это ты сделала меня таким. Ты заставляешь убивать, гадина... Ты во всем виновата!

Его губы нервно тряслись, и к своему удивлению, обнаружила в чёрных глазах подобие слёз. Что?!

Отпустил.

— Будь ты проклят, — ноги больше не держали, тошнота подступала к горлу, осела на пол.

— Уже. И давно, — услышала в ответ и получила очередной оглушающий удар по голове.

КАСТЕР

Мать вашу! Я знаю этот звук. Это наверху. Сорвался с места.

Стрельба? Здесь? В больнице нет оружия. Самое ужасное здесь — это только электрошок. Я мчался в палату Джилл. Нутром чуял, что это там, а может просто плевать было на всех, кроме неё. Бежав, по лестнице, столкнулся с Брит и Уилисом.

— Это стрельба? — Кейт бежала за мной следом. — Откуда в больнице оружие?!

В коридор стягивались шокированные санитары. Пациенты в камерах вопили и стучали по дверям. Палата Джилл открыта. Кинулся туда, что есть мочи. Когда вбежал, обомлел. Брит влетевшая за мной, истошно закричала.

Мёртвая Эмма Робертс сидела на стуле, связанная. На полу лежало бесчувственное тело её подопечной с пистолетом в руке.

— Полицию сюда! Главврача! — велел я другим санитарам.

— Уже вызвали, — крикнул кто-то из санитаров.

Присел возле Кэйтор. Ты ложку держать в руках не способна, но лихо управилась с боевым пистолетом? Может это быть или нет?

— Майерс, — в дверях палаты вырос Льюис. — Отойдите от заключённой! Смирительную рубашку сюда, живо! — крикнул он санитарам. — Успокойте пациентов. Всем покинуть место преступления, ничего не трогать!

— Это не может быть она? — прошептал я, скорей всего, только себе. — Она не могла...

— Посмотрите на труп своего ординатора и пораскиньте мозгами, доктор Майерс, — рявкнул главврач. — Выйдите из палаты, немедленно!

Мне ничего не оставалось, как выполнять. Кейт рыдала на плече Алекса.

— Уведи её отсюда. Дай что-нибудь, пусть успокоится. Где Чейз?

— Он давно дома, — ответил Уилис, выполняя моё напутствие.

Почему он интересуется меня? Это абсурд. Льюис здесь. Ведь он более подходящий. Ну а Чейз? Стопроцентно ли он дома?

Устремился в раздевалку. Тихо. Двенадцатый шкафчик. Вскрыл. Ничего особенного: стетоскоп, шампунь, полотенце, спецобувь, яблоко и снеки. Набор рядового работника данного заведения. Нет, идиот, остановись. У него семья, ребёнок. Он не враг себе.

А Сэм Льюис? Хрен разберёшься!

В психиатрическую больницу снова гурьбой ввалились копы, криминалисты и судмедэксперты. Тело Джилл запаковали в смирительную рубашку и унесли в изолятор. Этаж отцепили. Под утро тело Робертс увезли в морг.

Убитые горем коллеги собрались в ординаторской неспособные заниматься больными. Толика страха витала в кругах персонала.

Но в моих мыслях была всё та же Джилл. Теперь я чётко осознавал, что её ждёт. Тонна лекарств, инфузий и отделение для буйных. Она ускользала от меня всё дальше и дальше. Невидимая и жестокая сила забирала её, а я ничего не мог сделать.

— Доктор Льюис, — поймал его в коридоре. Тот нехотя тормознул. — Что теперь? — глядел на него растеряно.

— Завтра вас приставят к новому ординатуру, так что...

— Я о Джилл, — прервал я. — Что с ней будет?

— Она опасна не только для себя, но и для окружающих. Решение принимать будет консилиум.

Консилиум — эхом повторило моё сознание.

— Ваше излишнее внимание к пациентке беспокоит меня, равно как и беспокоило доктора Робертс. Чрезмерное участие к судьбе заключённой повредит вам и вашей карьере. Стоит подумать над этим, док-тор.

Последнее слово он произнёс с явным нажимом, деля на слоги и напоминая мне кто я и кем хочу быть. Это всё верно и даже мудро, но не укладывалось в голове и сердце. Я хочу остаться ещё и честным человеком.

Главврач проследовал дальше, оставив меня размышлять, но думать почти невозможно в таком состоянии. Злость выедала, так как понимал, что снова обречён на ожидание. Я должен увидеть её в конце концов, поговорить, посмотреть в глаза. Только так можно сделать выводы.

ДЖИЛЛ

Разбудил меня крик. Отчаянный и пугающий. Открыла испуганно веки, пытаюсь понять кто кричит и в шоке поняла, что это я. Шевельнулась. Очень скупо. Снова связана. Смирительная рубашка? Тут темно. Ничего кроме матраса на полу и... мягких стен? Изолятор! Рано или поздно я обязана побывать и здесь. Усмешка сама собой коснулась губ. Кажется, начала сходить с ума взаправду. Звать кого-то? Без толку.

В память врезались последние события. Эмма мертва. Из-за меня. Что мне грозит? Отделение буйных? Неплохое продолжение его измывательств.

Встала. Благо рубашка не ограничивала свободу передвижений.

— Можно с кем-нибудь поговорить? — крикнула на стены. — Ау?!

Смешно. Причём самой себе. Я, по их мнению, убила одного из них и говорить со мной явно никто не пожелает. Дура!

Кастер! Снова вспомнила это имя. Эх, была не была.

— Кастер! Я хочу поговорить с Кастером! Прошу вас! Эй!

Я понимаю, что он не вырастет здесь, как по волшебству и его не подадут сюда на блюдечке, но это даст возможность пошевелиться их мозгам. С какой стати я тут психопатка его зову? Зачем? Осталось продолжать требовать его и ждать. Но вместо этого вошёл человек в строгом костюме. Слегка одутловат, русая с проредью голова, на удивление мягкие черты лица, излучающие умудрённость жизнью.

— Здравствуй, — поздоровался он, пряча руки за спиной. — Я — детектив Энди Миллер.

— Серьёзно? — невольно рассмеялась. — Смерть Эммы решили расследовать?! Я прямо поражена.

— Это святое право её семьи, — парировал он с минимальной амплитудой эмоций.

Расследование. Бог мой! Сколько красок оно приняло для меня сейчас! Независимое. Справедливое. Купленное. Безразличное. Фактическое. Да сколько угодно определений. Но одно я понимала точно, схватка между мной и тем ублюдком будет только тет-а-тет. Ни имён, ни лица, ни зова о помощи. Он — убийца и это закончится на мне. Больше я никого не подставлю и не погублю. Только ОН и Я. Третьих я не допущу, даже следователей.

— Согласна, — уселась обратно на матрас. — Эмма мне нравилась.

— Почему же теперь она мертва? А орудие её смерти оказалось в твоих руках?

— Любой мой ответ не имеет значения, детектив Миллер, — улыбнулась, как можно болезненней.

— Может проверим? — он был твёрд.

С минуту поразмыслив, ответила:

— Я не помню, как это произошло. Возможно, из-за того, что не успела принять таблетки.

— Да, они валялись на полу в твоей палате, — кивнул он и что-то пометил. — Как у тебя оказалось оружие? Где ты его взяла?

— Доктор принесла, — сама испугалась подобного вранья. Прости меня, Эмма.

— Она принесла? — переспросил и снова сделал пометку. — Для чего?

— Она так хотела мне помочь.

— Не пойму, — Миллер слегка занервничал. — Доктор Робертс принесла в твою палату пистолет, чтобы убить тебя?

— Она хотела помочь, честно. Здесь очень тяжело, поверьте, — скривила лицо.

— Да, понимаю. И что, в результате? Ты до сих пор ведь цела и невредима, кроме Эммы.

— Я вдруг испугалась, но она настаивала. Мне нужно было защищаться.

— И ты выстрелила ей в голову?

— Нет. Я связала её и ждала, чтобы кто-нибудь пришёл, — играла роль дальше.

Детектив усиленно потёр переносицу. Да, я тоже впервые слышу подобную ерунду.

— И? Пришёл кто-нибудь?

— Да, Джилл. Она мне помогла.

Его брови взлетели вверх, сканировал меня с минуту. Снова черкнул в блокнот. Пока наблюдала за ним, нервно переминалась с ноги на ногу. Эти следователи тоже неплохие психологи и часто способны учуять ложь за версту.

— Вы с этой Джилл часто общаетесь?

— Да, — стало страшновато. Одно дело нести бред, а другое рассуждать в этом ключе с профессиональным следопытом.

— О чём?

— Она моя лучшая подруга. Джилл всё время оберегает меня. Предупреждает о врагах. Она давно говорила, что Эмма плохая, а я не верила. Нужно было сразу её послушать. Доктор обманывала меня, потому и поплатилась.

Я внутренне снова усмехнулась. Что ж начала сочинять, так уж до конца, а глупость скатит и за невменяемость.

— Странно. Доктор Робертс всегда питала к тебе симпатию, судя по словам её коллег.

От этой правды внутри всё облилось кровью и смердящей жидкостью. Сглотнула, пытаюсь проглотить презрение к самой себе.

— Как ты сбежала? — снова вопрос на который, хрен знает, как ответить.

— Джилл тоже помогла, — вот уж точно сморозила.

— И где ты была? Где скрывалась?

— В лесу. В одном сказочном домике.

— И Джилл была с тобой? — цокнув каблуком ботинка, уточнил он.

— Мы неразлучны, детектив, — улыбнулась в ответ. — Только ей я могу доверять.

— И Кастеру? — удар не в бровь, а в глаз. Я запнулась. — Ты звала его сейчас и он, вполне существующая личность.

Отчаянно соображала.

— Он хороший, — придала лицу детскость. — Он мне книгу подарил.

— И всё? — подозрительный взгляд напрям до звона в ушах.

— Вы зарываетесь, — придала лицу как можно больше возмущения.

Он усмехнулся:

— У доктора Майерса излишнее внимание к тебе, по словам персонала.

Внутри что-то запрыгало, словно вспоминая самые приятные моменты, о которых я тоже ни черта не могу вспомнить, только чувства — тёплые и свободные. Как же хочу его вспомнить, хотя бы увидеть.

— Я не помню ничего. Даже лица, — тут врать не приходилось. — Последствия комы.

— Да, мы в курсе, попытка самоубийства. Тоже, кстати, довольно загадочная.

Раздражение стало брать верх:

— Детектив, вы в психушке. Здесь содержат и лечат психбольных, убийц, маньяков.

Всё, что происходит в этих стенах никогда никого не волновало, так как всё начинается с корня псих. И теперь, вы пришли тут и решили искать правду и концы во всём этом дерьме?! Эмма — жертва, я — психопатка, а вы — несчастный детектив, который не в состоянии понять, что просто тут не бывает объяснений и доказательств. Я убила её, все улики против меня, я не в своём уме и не отрицаю своих грехов. А теперь просто прошу вас убраться отсюда. Подобные вам типы вызывают во мне неадекватные и неуправляемые эмоции.

— Джилл...

— Пошёл на хрен, козёл! — взвизгнула не своим голосом. Господи, пожалуйста, дай ему мозгов понять и скорее убраться! — Проваливай!

Для большей убедительности, упала на матрас и начала биться об него головой. Что было с детективом дальше, не видела, но слышала крики санитаров.

— Выйдите отсюда! У неё припадок.... Да вот эта... Придержи её... Надо вену найти....

Нет, только не успокоительное!

— Нет, нет, нет, — закричала я. — Не хочу, не надо, — пнула в ногу одного из них и умудрилась даже укусить за запястье. — Отвали, сволочь!

— Ах ты, сука! — заорал пострадавший. — Да держи ты её! Бешеная!

Меня блокировали.

— Коли куда получится. Похуй! — слышала голос второго.

Нет! Игла вонзилась мне в плечо. Поршень вогнал лекарство, и меня бросили на матрас.

— Готово.

— Укусила меня, падла! — сердито констатировал один из них.

Сознание поплыло и картинка исчезла.

Очнулась я в тишине. Сколько так провалялась — неизвестно. Попыталась сесть на лежаке. Ноет поясница, видимо, этот медицинский жлоб, неаккуратно перехватил сзади. Голова ныла, с дозой тоже слегка перестарались.

Чёрт! Что теперь? Встала с матраса, дошла до стены и уткнулась в неё лбом. Замерла. Оказалось на добрых пару часов. Просто ушла в себя. Отстранилась. Попала в мир своих иллюзий. В чувство привела открывающаяся дверь.

— Джилл? — голос знаком до жути, повернула голову.

Милые сердцу черты лица. Я тебя знаю! Это же ты!

— Кастер? — вылетело сразу и поняв, что не ошиблась, уже просто разрыдалась и осела на пол. — Кастер? — вылетело сразу и поняв, что не ошиблась, уже просто разрыдалась и

осела на пол.

КАСТЕР

Когда она заплакала, все мои подозрения и догадки о её причастности к убийству Робертс тут же улетучились. Просто упал на колени возле неё и нежно обнял. Поток слёз был бурным, но кратковременным, словно летний дождь. Девушка затихла и я попробовал приподнять её с пола.

— Нас никто не слышит. Давай-ка, сядь на матрас. Вставай, — пленённое смиренной рубашкой тело Джилл опёрлось на меня. Поднял, усадил, достал платок. — Позволь, — протянул руки к её лицу. Еле заметно кивнула.

Утёр синяки под глазами от размытой туши и теней, которые всё ещё зияли на лице яркой маской. Девушку явно тщательно загримировали, чтобы скрыть следы побоев. Цвет теней напомнил о манере макияжа доктора Робертс.

— У Эммы косметика, наверное, суперводостойкая, плоховато отмывается, — придал фразе, как можно больше непринужденности, ожидая её реакции. Она вздрогнула и отстранилась. — Джилл, Эмму убили за то, что она помогла тебе бежать?

Закусила губу, мотает головой.

— Он заметит, — она посмотрела на стены.

— Я отключил динамики, не бойся, надёжно, но времени немного. Ты же понимаешь, что я пришёл за ответами? То, что ты рассказала детективу Миллеру — вранье. Зачем ты укрывала информацию, вдруг это наш шанс...

— Кас, в ночь побега я была уверена, что смогу, что это мой шанс, но он опередил меня. Пока я под его властью, все мои попытки равняются нулю. Он не отпустит. И погубит других. Тебя.

— Джилл, тебе грозит отделение для буйных, понимаешь?

— Это не самое страшное, — качнула головой.

Я умолк и смерил её оценивающим взглядом. Она решила вступить с ним в бой? Лицом к лицу, один на один?! Потому и взяла вину на себя. Мать твою! Чёртова героиня! А если она так же в курсе кто её садист? И мне не говорила тогда, чтобы глупо уберечь. Хотя и сейчас не скажет, амнезия — её оправдание. Внутри начал закипать протест вперемешку с паникой.

— Опиши его, — уж против этого не попрёшь. — И не ври мне. Ты вменяема лучше всех нас!

— Нет, Кас, — решительный отказ. Опять это гребанное упрямство. — Он — мой...

— Да, еб твою мать! — взорвалось. Схватил её за лицо, перепугав. Предостерегающе упёрлась в меня ногами. — Посмотри на себя! Где ты? Кто ты? Твоё тело изуродованно вдоль и поперёк! Эта мразь бьёт, насилует, унижает тебя! Ты пережила кому! Тебя обвиняют в убийстве! И? Да какого хрена, Джилл? Прикрывая его, ты только больше развязываешь ему руки! В одиночку ты с ним не справишься?

Выпалив всё, въехал в происходящую между нами ситуацию. Она вся тряслась, в глазах невероятной страх. Мои руки обхватывали её лицо и пытались впритык приблизить к моему. Ещё секунда и понял, что она тщетно пытается оттолкнуть меня ногами. Отскочил, отпуская.

— Прости... Прости, — теперь боялся смотреть на неё. Джилл же вбилась в угол своего лежака и взирала затравленным зверьком. — Я не хотел. И не могу так. Хочешь ты этого или нет, но мы уже в одной упряжке. Ты тянешь меня за собой. Все мои мысли только о тебе. Сначала жалел, хотел поддержать, но теперь просто обязан... Не знаю почему, но обязан что-то сделать, вытащить из его лап. Я прошу тебя помочь мне, себе. Прекрати укрывать это ничтожество, не бойся помощи...

Глянул на неё, та же поза, но уже без страха, а меня несло в омут с головой:

— Джилл, я страдаю вместе с тобой. Для меня ты уже не просто пациентка...

— Уходи, пожалуйста, — резко прервала она, дрожа всем телом. — Уйди.

Почувствовала! Чёрт возьми! Я едва не сказал почему страдаю. Но она всё поняла и поэтому гонит. Убивает, не давая опомниться.

— Хорошо, — решил покориться, может это и к лучшему. — Прости меня за резкость. Буду стараться держать тебя в курсе происходящего.

Да, так лучше. Это порыв, который неизвестно во что мог вылиться. Лучше молчать. Здесь нужна холодная голова. Развернулся и направился к дверям.

— Кастер, — вдруг окликнула Джилл. Повернул к ней голову. — Я всё никак не могу вспомнить тебя, — этого не ждал, а нужно было. — Я знаю, что это ты, знаю, что питаю к тебе тёплые чувства, знаю, что хочу улыбаться тебе, знаю, что испытывала с тобой невероятные ощущения. Твой голос, черты лица разжигают какой-то огонёк в сердце. С тобой тепло. Но я боюсь... Боюсь до этого, действительно, дотронуться, раствориться в этом, а потом потерять. Пойми меня.

Да, я, кажется, понял, но, в данный момент, мне важна твоя жизнь. Упрямство моё второе Я.

— Я узнаю кто этот мерзавец, — твёрдо отчеканил. — И, поверь, найду эту мразь, с тобой или без тебя.

С этими словами стремительно ушёл, видя её напряжённый взгляд. Да! Пусть переживает, пусть гадает. Чёрт возьми, она должна теперь осознавать, что в её истории фигурирует третий человек. Это поможет ей не глупить. Я же, в свою очередь, найду нужный способ поймать этого сукиного сына.

Пожалуйста, Джилл, милая, не делай ничего лишнего, дай мне во всем разобраться.

ЭНДИ

Возможно, именно о нём она и говорила, когда мы с напарником добрались до старой лесной хижины, которую сумели отыскать добровольцы полицейского поискового отряда.

Сказочных эльфов и волшебных миров тут отродясь не существовало. Дом просел, порос мхом и сорняками. Окна заставлены и забиты рейками. Войдя, невольно прикрыл нос от чудовищного запаха сырости и затхлости. На своём опыте, я видел много таких заброшенных мест, но до сих пор всё никак не могу привыкнуть к атмосфере их отчуждения.

Мне необходимо убедиться в существовании этой хижины приукрашенной психбольной, так как слишком много ненужных улик и нестыковок. Пистолет из ниоткуда, свободное разгуливание по тюрьме, доступ к лекарственным препаратам. Разговаривая с этой девчонкой уличить её во вранье и самое интересное не в её пользу. Она брала вину на себя, явно кого-то прикрывая.

Напарник, естественно, был при своём мнении. Джилл Кэйтор — пациентка и

заключённая психиатрической исправительной колонии, и это всё объясняет. А я debil, снова верю своей интуиции.

— Чёрт, ну я-то зачем попёрся с тобой сюда? — его раздражённый выдох.

Марк Вайлет, голубоглазый блондин и дамский любимчик, присел на корточки, осматривая грязный пол и периодически прикрывая нос. — Здесь лет десять никого не было!

— И именно поэтому капли воска на скамье совсем свежие, — буркнул, оперативно ища в радиусе саму свечу или источник подачи огня. — Осмотри ту кучу барахла за матрасом.

— Конечно, что по грязней, то мне. Прощайте брюки, — услышал его ворчание.

В углу у плинтуса заметил опалённую спичку. Улыбка коснулась лица, тоже нынешняя. Изъял, как док. Напарник что-то по-прежнему бубнил, шаря в пыльных и прожухлых тряпках.

— Я предупреждал тебя одеться по грязней, — его ребячество меня часто выводило.

— Тут пальто, — чихнул Марк, морщась от смога.

— Пальто? — уловил ухом, осматривая спинку стула.

— Женское и явно недешёвое, — теперь оглянулся. — Вроде, норка, — напарник снова чихнул, когда пыль с воротника полетела на него. — Так и аллергию не долго заработать. Забери ты его уже, — и кинул дорогую вещь в меня.

Я поймал, уворачиваясь от столба пыли. Специально ведь так сделал, маленький гадёныш! Оглядел.

— Оно тут пролежало только пару дней. Не больше. Осмотри матрас. Только осторожно, нужны отпечатки.

— Не беспокойся, спать я точно на него не лягу, — пробурчал он.

Спустя час наших ползаний по хижине, мы всё же насобирали необходимое количество улик. Я довольно осматривал улов. Марк чертыхался, глядя на свои убитые брюки и локти кожаной куртки.

— Надеюсь, это стоило того.

— Пальчики отправь на дактилоскопию, — я не слышал его, вручил доки. — Пометь, что срочно.

— А пальто? Сестре подаришь? — Марк язвительно ехидничал.

— Размер не тот, — не остался я в долгу. — С ним сгоняю в дом Эммы Робертс.

— Ты думаешь, что врач была здесь? — Вайлет покачал головой.

Приятель, всё в жизни может быть. За свой сорок, я видел много странного и нелогичного.

— Мне нужно идентифицировать все отпечатки пальцев сначала, чем ты и займёшься.

— Погоди, мы же на одной машине, — глаза Марка округлились.

— Я довезу тебя до автобусной остановки. Дальше поеду домой к доктору.

— Вот ты сукин сын, — напарник сердито подбоченился.

— Прости, — поджал я губы и затем задиристо в его манере улыбнулся. — Есть повод подцепить девочку.

— В таком виде?! — взвился он ещё пуще. — Иногда я тебя просто люто ненавижу.

— Не злись, — миролюбиво хлопнул его по плечу, чем потревожил ворох пыли. Чихнул, как и он следом. — Ну всё идём, а то темнеет.

Его понурая спина сейчас помогла мне много о себе узнать. Распрощавшись, я покатил к Робертсам. Как и следовало ожидать, в доме траур. Муж, уже знающий меня,

беспрепятственно пустил за порог. А увидев, мою ношу обомлел, заплакал и вцепился в док.

— Это моей жены. Да... В тот день она ушла в нём и так и не вернулась.

— Мистер Робертс, мы нашли его не в её личных вещах, оно было в лесу... В заброшенном доме. — Муж растерянно уставился на меня. — Скажите она могла его кому-нибудь дать?

— Я... я не знаю, возможно, но оно дорогое...

— Глупо было бы с её стороны, — согласился я, но тут же спохватился. — Простите.

— Ничего. Но что это значит, детектив? Её мог убить кто-то другой, не эта...?

— По правде сказать, пациентка взяла вину на себя, но, согласитесь, в её психическом состоянии, как отрицание, так и подтверждение имеют равную силу. — Он поджав губы, кивал. — Я найду виновного. Спасибо за ответ. Пальто пока не могу вам вернуть, простите.

— Да, конечно.

— Соболезную ещё раз, — и направился вон из прихожей.

Ладно, принадлежность верхнего гардероба определена, но с ним так же нужно повозиться, провести полную проверку. Я завёл мотор, но вздрогнул от вибрации в кармане. Голос на другом конце провода меня сильно удивил.

КАСТЕР

С трудом дожидаясь начала следующей смены. Ожидал его в раздевалке, но когда мужчина вошёл, я тупо раскрыл рот от удивления.

— Не гляди ты так, — пробубнил Чейз. — Что никогда похмелья у тебя не было?

— Видно, расквашенный нос — часть его последствий? — скривил лицо, представляя, как это больно. — Неужели подрался? Тебе здесь этого мало?

— Ты что моя мамочка? — он сел на скамейку и обхватил голову руками. — Убейте меня лучше! А ты чего ещё здесь? У тебя разве смена?

— Вчера утром убили Эмму Робертс, закрываю дыру, как могу, — мне важна была его реакция. И она была — Чейз поднял на меня взгляд полный шока:

— Да ну! Кто? Где? На хрена?! — по ходу эта новость и похмелье излечила.

— Её нашли в палате Джилл.

— Да ёб твою... Эта? Видно, вконец крышу снесло?! Как?

— Выстрелила из пистолета, — его колорит эмоций я тщательно старался проанализировать. Теперь это был нервный смешок:

— Какого ещё на хрен пистолета?! Здесь же нет оружия! Да и вообще, где она его взяла? И главное, как?!

— Говорит, что Эмма дала ей его.

Он умолк, прикидывая в голове.

— Эмма?! Опять бредит... Странно, что говорит вообще. Обычно молчит, как рыба.

Я медленно кивнул, продолжая сканировать его фигуру.

— Чего ты пялишься-то на меня? — он сдвинул брови.

Опомнившись, тряхнул головой. Может, я уже вместе с ней схожу с ума?

— Прости, — примирительно улыбнулся. — Со всеми этими передрягами, во всех вижу убийц.

— Ну, спасибо, — приятель усмехнулся и аккуратно, чтоб не потревожить похмельную голову и разбитый нос, снял свитер.

— Носом-то как умудрился? Жена что ль засветила? — я засмеялся и опустил большой палец вниз.

— Пошёл ты, — Ричер улыбнулся в ответ и кинул в меня пустой пакет из-под спецодежды. — До кровати не дошёл, говорит, рухнул мимо. Я, блядь, даже этого момента не помню, представляешь?!

— Значит и больно не было, анестезия оказалась хорошей.

— Да уж и отходить сплошное веселье, — он начал осторожно натягивать на себя рабочее. — И где теперь девчонка?

— В изоляторе ещё, сегодня должны перевести на твой этаж, — не знал, зачем я ему это сообщаю. Лучше бы помолчать.

— Мда, тогда с возвращением в отделение буйных, — задумчиво произнёс он.

В раздевалку вошла Сьюзен. Томно посмотрела на меня. Чёрт, со всем этим абсолютно забыл про неё, но выяснять сейчас отношения при свидетелях надеюсь она не станет.

— Привет, — кивнула нам и прогарцевала к своему шкафчику.

— Привет, Сью, — Чейз криво улыбнулся ей. — Как дела?

— Лучше некуда, — буркнула девушка и меня невольно напрягло. Дротик, брошенный в меня, попал в цель. Прямо между лопаток.

Кейт буквально вползла в гардеробную. Я приобнял её и усадил на скамейку, прекрасно понимая суть данного состояния.

— Неважно выглядишь, — Ричер провёл тыльной стороной ладони по её лицу.

— Я думала, что тошнота прекратилась ещё в мединституте. Эмма всё ещё у меня перед глазами, — она всхлипнула. — Как такое могло случиться?! Господи...

— Эй, эй, — Чейз сочувствующе приобнял её, я же присел рядом на корточки. — Тих, тих...

— Она была хорошей. Зачем её убивать? Кому нужно это?! Чёртовы психи!

— Дак ясно же кому, — вдруг ввернула Сьюзен. — Эта мазохистка, Джилл... Совсем крышу унесло, — она покрутила у виска. — В буйном ей самое место.

— Это ещё надо доказать, — процедил я сквозь зубы. Злость с досадой на Ирдан тут же зажгла вены.

— А что ведут расследование? — Ричер бросил в меня испытующий взгляд.

— Да. Присутствие пистолета ломает картину.

Все умолкли, погружаясь в свои мысли и догадки, пока в дверях не нарисовался Алекс.

— Ну всё, все в сборе, — пробурчал Чейз.

— Вы тут чего за совет ведёте? Здесь ординаторов грёбаная туча и администрация по углам. Консилиум закончился. Вперёд работать! Чейз, кто морду разукрасил?!

— Ещё один, — зло пробубнил он и, чмокнув Брит в висок, аккуратно поднялся. — Ладно, я в свои райские кущи. Увидемся.

— погоди, я с тобой, — спохватившись, увязался следом. Он удивлённо посмотрел на меня:

— Ты чего там потерял?

— В образовательных целях, — отмахнулся.

— Ага, профессор. Если Всея или Мэтьос попадётся, жди плётку.

— Заткнись и пошли, — буркнул я и вышел в коридор. — Просто хочу увидеть твоё отделение.

— Ага, за психопатку свою переживаешь? — ухмыльнулся мужчина.

— Она и мой пациент. Смерть Робертс ничего не меняет, — серьёзно парировал я.

— Ладно, ладно, — поднял вверх примирительно руки, идя со мной рядом. — Только сначала кофе в буфете возьмём, а то без этой дозы, я скоро сдохну.

Мы прикончили горячий напиток по пути, пока шли на пятый. При входе в бокс, победно выкинули пустые стаканчики в урну.

Я впервые был в этом отделении. Двери камер металлические, так же с окошечками, но уже зарешёченными. Электронные замки, рации, дубинки и электрошоки на поясах спецодежды каждого санитаря. Снова холод стен и эхо коридоров. Пока шли по этажу, человек пять дали знать о себе.

— Э, милаха, мне колесико. Дай ещё. Мне надо! — мужчина с минимальным количеством зубов и волос, впился кривыми пальцами в прутья окошка. — Ну хуев красавец, давай! Мне надо, надо, надо! Сука! — он забился лбом о прутья с такой силой, что казалось трещит его черепушка. Отвернулся, не желая это видеть и тем более слышать.

— Уймись, Лишак! — гаркнул на него Ричер.

— Медицинская гнида!

Град отборного мата полился в нас.

— Лишак! Лишак! Лишак! — В соседней камере танцевала женщина, в прямом смысле. — Колесико. Лишак. Сука, сука!

Я проморгался, прогоняя гнусное чувство в груди. В третьей палате худющий блондин шёл к стене, ударялся в неё всем телом, рикошетом отступал назад шагов на шесть, снова шёл к ней и опять ударялся. И так до бесконечности.

— Мёрфи, — Ричер остановился у его камеры и ПРОТЯНУЛ ладонь в ааявнутри Мужчины оглянулся, увидев руку Чейза, радостно подбежал и погладился об неё, словно пёс. — Иди приляг, надо отдохнуть, — тот с послушной благодарностью кивнул и поспешил выполнить поручение.

Ни хрена себе! Мой мозг отказывался принимать эту жуткую реальность. Одно дело читать обо всём этом умные учебники, статистики, исследования, а другое видеть наяву. Учиться находить к каждому свой определенный подход.

— Она сказала, что его нет дома! — В четвёртой камере снова женщина, довольно молодая, она обеспокоенно и жалобно смотрела то на нас, то мимо нас. — Она сказала, что он с ней! Она сказала, что я не нужна! Она сказала, что она лучше! Вы видели её? Она здесь Он у неё! Какой позор! Она сказала, что его нет дома! Она сказала...

Так она продолжала и продолжала.

— Мелинде из тридцать восьмой, — Чейз бурчал в рацию. Кажется, больной заказали успокоительное.

Следующий постоялец был застеклен, а всё стекло расцарапано. Я заглянул издали. В палате сидел мужчина с намордником на лице. Увидев меня, посмотрел с леденящей дух злостью.

— Что с этим?

— Кусается, плюётся, царапается. Короче, делает всё, что может, чтобы выразить своё презрение нам.

Я тормознул, глядел на пациента и неожиданно полностью осознал их чувства к нам. Они ненавидят нас. Боятся, презирают, сопротивляются, не вникая. На что же способен человеческий мозг? Выйдет из строя небольшая деталька и ты здесь, и уже не человек, а существо в этой шкуре.

Женский крик в конце коридора, ввёл в ступор. Здесь бывает и такое?

— Сука! — а это уже яростный мужской возглас с того же направления. И похоже, я его знаю. Мучительный звук боли. Ещё и ещё... Бог мой!

Ричер уже нёсся по коридору. В ужасе понимая, что происходит, рванул следом.

— Убери от неё лапы, падла! — бешеный крик Чейза.

На полу избита и без сознания лежала Джилл. Неужели, уже перевели?

Ричер зверски избивал мужчину в белом халате, буквально запиная ногами по рёбрам, лицу, голове. Не может быть! Мы поймали этого ублюдка?!

— Чейз! Всё! Хорош! — но друг уже не владел собой, уничтожая неизвестного под собой.

— Я убью тебя, тварь. Не смей прикасаться к ней, выблюдок?! Она моя! Моя!

Последнее выражение заставило на секунду замереть. О чём он?

Мучительный стон жертвы Чейза велел действовать решительно. Я блокировал приятеля, пытаюсь отодрать его, но в теле мужчины чувствовалась невероятная мощь, питаемая ненавистью.

— Ты убьёшь его! Всё, всё! Хватит! Успокойся! Чейз!

Меня наконец услышали и дали себя отодвинуть. Смог увидеть лицо мрази, что столько времени портит Джилл жизнь.

ЭНДИ

Теперь я спешил в больницу. Звонок поступил от человека, который мне тоже был довольно интересен. Когда его допрашивал в первый раз, он говорил очень относительно и отчужденно. И вот тут сам звонит мне и просит срочно приехать в психиатрическое отделение.

В клинике вновь царил хаос. Прошёл в ординаторскую и крайне удивился. За главным столом сидел Сэм Льюис чудовищно избитый, но уже подлатанный. Рядом расположились сам Майерс и ещё один санитар с подбитым носом. Я пропустил какое-то сражение?!

Мой вопросительный взгляд заставил говорить Льюиса, но совсем не то, что я ожидал:

— Это просто полный бред! — тот соскочила со стула, но был грубо осажен незнакомым санитаром обратно.

— Задницу на место!

— Ты совсем оборзел, козёл?! — взвился главврач, яростно сбрасывая его руку с плеча. — Ты за это очень дорого заплатишь, Ричер!

— Кто-то может пояснить суть происходящего? — мне не хотелось тратить своё время, и я бросил взгляд на Кастера. Тот в ответ положил на стол старенький кольт. Так, а это уже интересно.

— В больнице? — укоризненно взглянул на Ризерса. — В тюремной да и ещё в психиатрической?!

— Вы ни хрена не знаете о здешних бунтах, — рыкнул в ответ главврач.

— Вы ответили отрицательно, когда вам задавался вопрос о содержании здесь оружия, — я грозно смотрел на него. — Вы солгали!

— Конечно, это же статья и под зад лицензию.

— Где вы были в ночь убийства доктора Робертс?

— Я уже отвечал вам тогда.

— Тогда вы и про оружие уже ответили, — буравил его взглядом.

— В кабинете! Спал! — рывкнул он и бросил ненавидящий взгляд на санитаря, тот сверлил его ответным, прикрыв рот ладонью.

Я, осторожно обернув пистолет рукавом, поднял и осмотрел. Оружие, из которого убили Робертс, в деле и все экспертизы подтвердили соответствие. Револьвер, по сути не имеет для нас смысла, но сам момент лжи главврача и запрещённое хранение, требовали уцепиться за крючок.

— Вынужден задержать вас, — наручники звякнули в моих руках, и я принялся зачитывать его права.

Льюис же продолжал буравить санитаря взглядом, как и тот его. Затем поднялся и нервно усмехнулся:

— Это просто идиотизм, — вышел из стола и послушно протянул мне руки. Браслеты щелкнули на его запястьях. — На хрена, мне убивать Эмму? Мне! Где мотив-то?!

— Спокойно, разберёмся, — повёл его за собой и снова поймал взор того санитаря, который ехидно помахал главврачу ручкой.

Выйдя в коридор, был приостановлен Майерсом.

— Детектив, мне тоже нужно с вами поговорить. Речь о Джилл.

Ясно — защитник.

— Я жду вас в машине, — бросил устало.

Глаза другого санитаря, что вышел следом, удивлённо уставились на Кастера, но мне это уже было неинтересно. У меня на руках набор отпечатков пальцев, женское пальто и ещё один пистолет, смущающий меня на начале.

Всю дорогу Льюис понуро молчал, а Майерс поглядывал на него в зеркало заднего вида. С Кастером мне довелось говорить только через час в моём кабинете.

— Думаю, в этот раз вы будете более сговорчивей, заметьте, вы сами изъявили желание говорить, — сказал я, облакачиваясь на столешницу своего стола. Поза же Майерса свидетельствовала о некоторой нерешительности и задумчивости. — Речь о Джилл, — нетерпеливо подначил его.

— Вы говорили с ней, — опять слышу не то, что жду. — Как следовательно, что вы можете сказать о ней?

Запнулся. Вот это номер! Меня допрашивают в моём же кабинете.

— Кажется, тут должен задавать вопросы я, а не вы? — усмехнулся.

— Ну же, детектив Миллер, как коллега коллеге. Каково ваше мнение?

— Мнение касательно чего? — этот напор стал мне немного неприятен.

— Она вменяема и даже очень, — его глаза, словно проткнули меня. Нет, об уровне её вменяемости я не собирался задумываться.

— Я не психиатр, мистер Майерс, но мне довелось видеть её припадок в изоляторе, поэтому, в этом вопросе, придерживусь всё-таки мнения общественности.

Мужчина нервно и разочарованно выдохнул и потёр виски.

— Я заинтересовался её персоной буквально сразу же, как заступил интерном в эту клинику. Она другая. В ней присутствует логичность, личность и невероятное терпение. И самое интересное, у неё нет прошлого, что меня и насторожило. По данным базы, она мертва уже девять лет.

Я слегка подпрыгнул на стуле:

— Не понял.

— Я тоже не понял. У неё нет личного дела. А в базе департамента она числится мёртвой. Она перестала существовать.

— Хорошо, ясно о чём речь. Но вы не меньше моего должны понимать, что в базе могут встречаться ошибки. Программа не всегда безупречна. Сколько таких Джилл Кэйтор в нашей стране? Полсотни, может больше.

— Да, я это понимаю, но в совокупе это всё не даёт мне покоя. Для меня она вменяема, говорю, как человек с психологическим образованием.

— Интерн без опыта, — поправил грозно.

— Пусть так! Но я всё равно не верю в то, что эта девушка страдает подобным синдромом...

— Так, тормозни, — прожестикнул я. — На "ты", ничего? Мы всё-таки коллеги, — дождался кивка. — Я не могу поддержать тебя в данных выводах, так как знаком с Джилл мало и доволю при жутких обстоятельствах, поэтому давай сразу к сути. Ты хочешь сказать, что она — невинная овечка, но кто-то нарочно её дискриминирует и укрывает от общества?

— Льюиса мы задержали в момент, когда он зверски избивал девушку, — услышал опять не тот ответ. Он хуже угря, изворотливый до невозможности. — За время своей работы здесь, я очень часто наблюдал следы побоев на ней и при довольно странных обстоятельствах — странгуляционные борозды от бинтов, посещение перевязочной без сопровождающего, попытка самоубийства лекарствами, в момент, когда перед тобой ряд скальпелей и зажимов.

— Это тоже можно объяснить, — где-то хотел ему верить, но все его доводы были так далеки от моего понимания и, тем более, от эмоций. Кастер безнадежно вздохнул:

— В ночь её побега все камеры были обработаны. Вырезан сам момент её ухода. Доступ к ним только у главврача и ординаторов. Девушка прошла через охранный пункт с фальшивым пропуском и не в больничном одеянии.

— Это было пальто, — вдруг сорвалось вслух из моего мозга.

— Что? — запнулся Майерс.

— В заброшенном доме мы нашли пальто и довольно дорогое, — говорю, как коллега коллеге. За это бы Вайлет съездил мне по хребту.

— Заброшенный дом?! Что ещё за дом? — он не понимая смотрел на меня.

— Девушка была там, когда сбежала. Там же мы и нашли пальто. Муж Робертс опознал его, сейчас оно на экспертизе.

— Эмму убили за то, что она помогла Джилл бежать. Доктор вообще многое знала, но молчала.

— То есть, по-твоему, причина её смерти в этом?

— Думаю, что да.

— Пальто на экспертизе, если это так, то на нём будут отпечатки пальцев Кэйтор. Но как быть с тем, что сама подозреваемая берёт вину на себя?

Майерс поник.

— Не знаю, это и сводит с ума. Возможно, она боится его или пытается уберечь других.

— Если так, тогда вопрос к тебе такой. Эта девушка для тебя что-то значит? — этот момент мне нужно уяснить, чтобы понять остроту его мотивации. Такого печального и безнадежного взгляда я ещё никогда не видел.

ДЖИЛЛ

О боже мой!

Не успела открыть глаза, но умом осознала, что меня вывернуло наизнанку. Грудь что-то, как будто, рвало, не давало дышать. Чья-то рука погладила по спине, явно облегчая моё состояние. Это была медсестра. Она помогла мне снова лечь на кресло.

— Дышать больно, — пожаловалась я ей.

— У тебя ребро треснуто, — ответила медик. — Сейчас наложим тугую повязку. Зафиксируем. Голова болит?

Я прислушалась к себе.

— Немного, — ощутила жжение на щеке. Тронула пальцами. Больно.

— Так, аккуратней, — медсестра серьёзно глянула на меня. — Я наложила швы.

Швы — эхом повторил мой мозг.

— Я долго была в без сознания?

— Прилично, — женщина прикинула в голове. — Считай, и рентген тебе уже сделали, и залатали.

Она отвернулась, продолжая наводить порядок от процедурных махинаций.

Почувствовала, как спина зверски затекла. Шевельнулась. Боль в ребре тут же отразилась на моём лице.

— Обезболить? — сочувствующие спросила она.

— Нет, думаю, потерплю, — мотнула головой.

— Смотри, — пожалала медсестра плечами. — Надо ещё выяснить отчего у тебя была рвота. Возможно, сотрясение. Томограф будет работать только завтра утром. Придётся подождать.

Дверь в операционную открылась. Сердце застучало.

— Наконец-то, пришёл, — медсестра облегчённо вздохнула. — Помощь не помешает.

— Иди, я сделаю.

Я готова была раствориться в кресле, просочиться сквозь него. Жалобно смотрела на женщину, моля остаться, но та не повела и ухом.

— На рентгене четвёртое ребро справа треснуто. Наложить тугую. И с головой аккуратней, подозреваю сотрясение, — информировала она. — Так, а это я уберу, — женщина забрала следы моего срама, — если что зови, я на этаже.

Когда медсестра ушла, он приблизился к креслу. Я забыла, как дышать. Уставила на него тяжёлый взгляд.

— Как ты? — Этот вопрос ввёл в ступор. Ответила почти глазами. Мой мучитель выдохнул и направился к бинтам. — Почему? — следующий вопрос, повлёкший ворох мыслей и предположений о его сути.

— Я укусила его.

Услышала смешок:

— Укусила?! Зачем?

— Он такой же, как ты, — процедила сквозь зубы, чем вызвала теперь его ярость.

Вздрагнула от удара кулака по столешнице, ответный звон медицинструментов. Когда-то в моей жизни происходило подобное. В голову ворвалась картинка моего отчаянного боя с ним, звон падающих инструментов, его гневное лицо и руки пытающиеся запихнуть в меня таблетки.

— Ошибаешься. Он хуже, — мужчина повернулся ко мне, держа в руках бинты и ножницы.

Дыхание перехватило. Подошёл. Видя мой страх, усмехнулся и потянул за рубашку к себе. Инстинктивно упёрлась в него руками. Он посмотрел на мои кисти. Замер. Лицо вдруг изменилось, стало мягче и прочла в нём... сострадание?! Взял в ладони, ту что без ногтей.

— Это в первый год твоей жизни с моим братцем. Ещё при мне. Ты сильно оцарапала его по лицу, когда он хотел изнасиловать тебя прилюдно. Он был пьян и в ярости велел избить тебя и... — горький смешок, — наказать эту руку, — тяжёлый болезненный вздох. — На живую. Эти мрази вырезали их с часовым интервалом, давая тебе возможность приходить в себя. — Мужчина закусил губу, уходя в своё прошлое, которое было и моей частью. — Я смог услышать только первый раз, на другие наакался горячего до потери сознания, чтобы не слышать твоих диких криков и смех этих сволочей.

Молчание. Взял ножницы и начал разрезать рубашку. Раскрыл мою наготу. Тело обдало холодом, покрывая мурашками. Его указательный палец заскользил по шраму от ожога под ключицей.

— Этот. Ты сложила неправильно его рубашки, — смешок. — Не заметила, что в белоснежные попала кремовая. Он снова велел тебя наказать. Они водили зажигалками по твоему телу. Здесь поднесли слишком близко. Этот, — погладил ладонью шрам на колене. — Ты сделала первую попытку, чтобы сбежать. Тогда он велел прострелить тебе ногу, самой, — его рука мягко оказалась у меня в волосах. — Ты отказалась, и его убудки снова помогли.

Поднял моё лицо за подбородок и провёл по шраму, что шёл от виска к шее по контуру. Мурашки невольно стартанули по коже от его прикосновения.

— О нём не знаю. Тогда меня уже не было, но за него бы я точно убил его, — коснулся большим пальцем губ. — Это лицо... Прекрасное, милое, — он, словно, ушёл в себя и легонько поцеловал в нижнюю губу, оторвался и, продолжая удерживать за лицо, уткнулся лбом мне в висок. Дрожь гуляла по всему телу. — Красивое, я бы сам его вырезал, чтобы не видеть больше, чтобы вынуть из сердца навечно, только помогу ли?

Рука, что была в моих волосах жестоко сжалась. Стон вперемешку с рыком, и он толкнул меня на спинку кресла, отпуская. Ребро мгновенно взвыло, заставив ахнуть.

Это, видимо, принесло ему удовлетворение. Моя физическая боль заглушала его душевную. Расслабился, обмяк. Взял бинты, велел сесть ровно, вдохнуть, и принялся накладывать тугую повязку. Молчал. Когда закончил, отошёл.

— Ведь ты же можешь остановиться, — видно голова моя окончательно сдавала, но я видела и не раз, что этот мужчина ведёт нескончаемую борьбу с самим собой. Это было видно каждый раз в его взгляде. — Зачем мучить меня? Убивать и измываться над любимой девушкой лучше, чем помочь ей?!

Он снова подошёл ко мне и снова взял за лицо. Я сжалась, готовая к очередной боли, но вместо этого мужчина впился в губы. Инертно упёрлась в его грудь рукой, но он увёл её мне за спину, а другой рукой горячо прижал к себе. Напряжение в теле неожиданно отступило, словно ушло в него. Тело в этих ненавистных руках совершенно иначе среагировало, оно как будто захотело остаться в них, хоть и испытывало страх.

— Ошибаешься, — чуть оторвавшись, шепнул он, продолжая меня удерживать. — Физическая боль ничто в сравнении с душевной. Она, действительно, мучает.

Внутри что-то происходило, словно воздух прокатился от горла к низу живота. Мне захотелось ощутить этого жестокого мужчину ещё ближе. Губы жадно тёрлись о его, словно прося поцеловать ещё раз. Да, что со мной?!

— Мучает, — эхом повторила я и приоткрыла глаза.

Мой мучитель смотрел на меня, наблюдая за эффектом, а мне впервые было плевать. Я тоже смотрела в эти карие, почти чёрные, как уголь глаза. Они карие! Только сейчас это поняла — карие и жестокие, и смотрят только на меня. Облизнула губы заветренные от долгого ожидания.

Моё тело порхнуло вверх, обратно на операционное, а его фигура нависла надо мной. Губы снова получили поцелуй — страстный и горячий, долгожданный. Руки прижали его за бёдра к себе. Снова почувствовала его омерзительную эрекцию. Озноб прошёлся по телу и, осознав, наконец, свои глупые действия, уже готова была его оттолкнуть, пока не ощутила его пальцы у себя между ног, которые мягко и нежно начали массировать чувствительное

место. О боже... Стон заглушила, сильно укусив себя за губу.

— Моя родная, — добивающие слова в ухо.

Изогнулась дугой от наслаждения, настолько сильного, что казалось, будто все тазовые кости сжимались и расжимались в бешеном ритме, теплом заполняя низ живота и оставляя ватность в ногах. Он продолжал эти незатейливые движения, ловя ртом моё тяжёлое и учащенное дыхание. Лёгкий поцелуй в висок, угол губ, нос. Там стало мокро и его два пальца скользнули внутрь, а большой остался на эрогенной точке. Все мои мысли и чувства сосредоточились на дне живота, превращаясь в сладостную и одновременно мучительную агонию, а затем цветком распускаясь внутри. Я вскрикнула и вцепилась в эту преступную руку, поймала его пальцы, моля остановиться. Тело сотрясилось, и я едва могла справиться с дыханием. Впиалась ртом ему в шею. Что это? Это не может быть то самое. Почувствовала поцелуй за ухом.

— Тш-ш! Девочка моя. Умница, — лёгкое касание губ. Отошёл, а я, словно приклеенная, едва не последовала за ним.

Столько лет быть секс-игрушкой в жестоких руках, но только сейчас впервые понять, что в такие моменты бывает хорошо и приятно. И эти ощущения подарил он. Зачем?!

Мучитель отступал. Не уходи! Неужели, я вправду этого хочу?! Ведь это же тот, что убивает меня день за днём, истязает. Мой лютый враг! Опять закусила губу, чтобы не взмолить его остаться. Тело лишённое его тепла дрожало, как осиновый лист.

И вот только сейчас увидела усмешку на его лице. Это был трюк, безжалостный и мстительный трюк, чтобы снова наказать меня. Ты даже не представляешь насколько сильно у тебя это получилось, гораздо больше и мучительнее всех моих телесных травм.

Он позвал в коридоре ту медсестру и, дав ей задание помочь мне одеться, ушёл, даже не взглянув на меня.

Обняла себя руками, желая избавиться и спрятаться от следов его ласк на теле, но в груди нарастало желание снова ощутить его рядом, моего жестокого и омерзительного, моего властного и нежного.

Боже, что это?! Тело вдруг заломило от недостатка... ЕГО?! Слеза устремилась по щеке и растаяла на разгорячённых от поцелуев губах. Вот оно лекарство от моей физической боли.

КАСТЕР

На ночь решил остаться в клинике. Робертс заменить всё ещё некому, и я вызвался в добровольцы. Само собой, доступ к Джилл мне теперь закрыт. Наблюдение за ней отныне вели санитары буйного отделения, следовательно, чтобы увидаться с ней помощь мог оказать только Чейз. Но и он, по ходу, не спешил с этим, только периодически усмехался или психовал, ссылаясь на большое количество дел. Наконец попал к ней под утро, когда Ричер устало отдал мне ключи от её палаты.

— Если поспешься, я тебя убью, — буркнул он и ушёл в кафетерий.

Ещё не открывая камеры, увидел её на кровати лежащую ко мне спиной. Спит? Не решался несколько секунд, но, понимая, что важна любая возможность, всё же вошёл.

На звук дверей девушка отреагировала мгновенно. Соскочила и, кинувшись ко мне, крепко обняла.

— Джилл, всё теперь хорошо, — я был рад сообщать эту новость. — Мы поймали его.

Резко отстранилась и посмотрела в лицо. Станный взгляд — испуг на равне с надеждой. Не может в это поверить?

— Поймали?! Когда? — отстранилась, отступив.

Данный вопрос смутил, но я сделал скидку на её последние приключения.

— Тогда в камере. Помнишь? Это Льюис... — она сосредоточенно что-то перебирала в голове. — Это ведь главврач? — уточнить было важно.

— Главврач? — её состояние путало всю сложившуюся ранее картину.

— Да, что с тобой? Ты понимаешь, о чём я говорю тебе?

Она поморщилась, надавила на виски.

— Прости. Голова...

— Джилл, — снова взял её за плечи. — Я хочу, чтоб ты подтвердила, что это он. Что это Льюис. Он убил Эмму? — старался чётко ставить вопросы, но, видя её взгляд, терял всякую уверенность. Ответ вообще обескуражил и не на шутку разозлил.

— Это я убила её, — она смотрела куда-то мимо меня, и на секунду подумалось, может действительно ли Джилл поехала в уме.

— Прекрати! — повысил голос, отчего она тут же вскинула на меня испуганные глаза. — Хватит! Это он! Льюис — та мразь, что измывается над тобой.

Теперь молчит, думая о чём-то своём. Смотрит, не мигая, ниже моих глаз. Она вообще воспринимает, что я говорю ей?

— Джилл?

То, что произошло дальше вовсе обезоружило.

— Поцелуй меня!

— Ч-что? — сердце мгновенно ушло в колени.

— Поцелуй.

Хватка ушла, невольно отступил назад, пытаюсь понять суть происходящего, но девушка шагнула снова ко мне и вцепилась в одежду.

— Ну же! — голос её истерически дрогнул. — Неужели, так сложно?!

— Я не могу, — поняв, проблеял я, совершенно не по-мужски.

— Не можешь? — она глядела на меня так, словно, я не давал ей жизненно важной пищи. — Нет, можешь! Давай же!

Дебиллом уставился на её губы. Раньше не раз представлял себе этот момент, даже жаждал, но сейчас, просто не в состоянии заставить себя шелохнуться. Это измученное годами создание страшно лишний раз обнять, не то, что проявить более тесный контакт.

— Прости, я не могу, — совершенно точно понял это.

Джилл поникла и к койке. Её что-то гложит и дико мучает, то, что я не могу теперь распознать. Что-то происходит! Отвернула взгляд, уставившись пустым взором на стену.

— Уйди, Кас, — проронила девушка безразличным тоном.

— Джилл, я задавал тебе вопрос, — мой голос звучал виновато.

И видимо, в данный момент, все эти больничные дрызги теперь меня мало волновали, а её тем более.

— Уходи! — нотки в её голосе зазвучали суровой.

— Джилл...

— Я сказала, пошёл вон! — взгляд враждебно впился в меня.

Ладно, если так хочет. Беспрекословно направился к выходу.

— Прости, — услышал я в спину, снова обмякший голос, — но я не хочу тебя видеть. Пока. Сейчас.

Она сожалеет? Как это мило...

— Я понял, — буркнул, не оборачиваясь, и вышел.

Уже в коридоре со всей дури въехал кулаком в соседнюю стену, оцарапав костяшки о грубую штукатурку. Боль тут же охладила мою ненависть к себе и ко всей этой ситуации. Идиот! Просто полный кретин. Не способен устоять перед какой-то шалавой по имени Сьюзен, а ту, о которой думаешь почти ежеминутно, боишься элементарно и обоюдно поцеловать. Что произошло? Может из-за этого резкого и непонятного напора с её стороны? Ведь раньше она боялась любого контакта. Или это я боялся и похоже боюсь до сих пор?

В коридоре материализовалась Марисса. Чёрт! Я устремился от неё прочь.

— Майерс?! — грозный женский голос приказал тормозить.

— Доктор Мэтьос, — повернулся и слегка кивнул.

— Какого черта вы потеряли в этом отделении? При чём второй раз!

— Простите, я искал своего друга, он работает на этом этаже.

— Друга в своё рабочее время? — она сощурила один глаз, сканируя меня.

— Да, но что-то никак не найду. Видно у него перерыв.

— Замолчите и возвращайтесь на свой этаж! — рявкнул она, чему нельзя было не подчиниться.

Виновато кивнул и поспешил вниз, но в кафетерий.

ДЖИЛЛ

В груди изматывающе ныло и скреблось. ОН не появлялся уже пять дней, и я могла бы этому радоваться, но в душе творилось что-то неладное, чуждое, сумасшедшее. То, чего ни в коем случае быть не должно. Это ненормально!

"... я люблю тебя. Милая... родная моя." Эти несколько слов от зверя оказались более любого ножа, страшнее смерти, но именно они эхом били по вискам, по сердцу каждую

секунду. Мне всё время хотелось увидеть чёрные глаза и понять ложь это или очередная игра в "кошки-мышки". Неужели, в этом существе есть что-то человеческое?! И почему оно прячется от меня? Зачем?

"Физическая боль ничто в сравнении с душевной. Она, действительно, мучает, " — эти слова медленно начинали доходить до меня. Я знаю только боль тела и психологический измор, а душевная, даже сердечная... Каково это? Тяжесть в груди, покалывание, внутренняя истома — всё, что сейчас твориться в моём теле. Это оно? Любовь?

Нет, нет! Не это гадкое чувство, не к нему!

Проводя в этой психушке время раньше, никогда не обращала внимание на текучесть часов, но сейчас они, словно, наматывали мои нервы и вены на колючую проволоку. Ком в горле рос с каждым днём бесполезного ожидания. Любого человека, зашедшего ко мне, я дико презирала за то, что это не ОН. Не могу понять почему жду его. Страх при мысли о мучителе по-прежнему оставался, но не было ненависти. Боже, неужели это покорность? Неужели его действия подмяли моё я? Думая об этом и признаваясь себе в неизбежности факта, начинала презирать себя ещё больше.

Нельзя! Нельзя! Он убийца...

А я? Что я? Я тоже знаю, что значит убить. И убивала. Но они все были мерзавцами и ничтожеством, поэтому несколько не жалела о сделанном.

А он... Он убил Эмму, совсем невинного человека. Жалеет ли об этом? Ведь я порой вижу просветы в темноте его личности. Они есть, но он тщательно гасит их. Если он просто запутался? Ему нужна помощь. Чья-то рука поддержки...

Пару раз слышала его голос за дверью. Ждала, что он появится, войдёт. Несколько раз кидалась к окошку и смотрела в коридор насколько могла повернуть взор, но всё словно только в моей голове.

Нет, нет же Джилл, да очнись ты! Это его игра! Снова игра. Новая игра! Он знает тебя каждую твою клеточку, каждый нерв. Знает где и как дёрнуть. На физическую боль у тебя появился иммунитет и поэтому у него теперь новые пытки.

Кастер? Твою мать! Жаждала, чтобы хотя бы он перекрыл этот напор эмоций, дал руку помощи, чтобы убежать от новых и неясных ощущений. Может именно он смог бы мне показать эту грёбаную любовь? Такой, какой она должна быть. Но чёртов слабак!

А что чувствую я? Я внутренне рада, что ничего не вышло. Рада, что продолжу хранить ненавистные и горячие поцелуи зверя на своих губах. Моего зверя...

Неистовое желание заорать, чтобы выплеснуть все эмоции, дать им уйти и оставить моё тело. Вот оно сумашествие!

Снова звук электронного замка. В надежде поворачиваюсь к дверям и вижу того, кого уж точно не хочу видеть. Детектив Миллер.

— Вы?

Он вздохнул и сочувствующие улыбнулся:

— Джилл, я ещё не раз навещу тебя. Следствие не закрыто и, думаю, теперь ещё не скоро закончится.

О чём он? Насторожилась.

— В хижине, о которой ты говорила в прошлый раз, мы нашли пальто доктора Робертс. На нём твои отпечатки пальцев, доктора и ещё третьи. Сначала я предположил, что это кто-то из её семьи ординатора, но эти же отпечатки по всему заброшенному дому. Кто был с тобой, Джилл?

Голова соображала, что сказать.

— Джилл, я же вам уже говорила, — мой отдалённый ответ.

— Помню, — потёр снова переносицу, видимо это помогает ему мыслить. — Хорошо.

Тогда ответь, пожалуйста, почему на револьвере, изъятом у главврача твои отпечатки?

Я смотрела на него злобным ребёнком и окончательно решила заткнуться. Мне не дать ответ на этот вопрос. Его нет.

Оценил меня с ног до головы.

— Джилл, ты понимаешь, что покрываешь преступника, и это грозит тебе...

— Чем это мне грозит? — вдруг стало смешно. — Посмотрите на меня, детектив! Что ещё со мной можно сделать? — Он оглядел мою фигуру и, наверное, впервые остановил взгляд на моих шрамах. Сглотнул, представляя каково это получать их. — Повторяю вам ещё раз, я виновата в смерти Эммы. МОЯ рука нажала на курок. Какая разница во всём остальном?

— Хорошо, — его лицо начало приобретать иное выражение. — Тогда кто он?!

— Что? — запнулась.

— Есть третий! — он подступил ко мне. — Чужие пальчики в доме, пистолет, что доставили и это точно не Эмма, на оружии её пальцев нет. Кто? Кастер?! Он умён, опытен в дедуктивном деле плюс питает к тебе симпатию...

Слушая его доводы, испуганно замотала головой.

— Нет, только его не трогайте. Он не имеет ко всему этому отношение.

— Не трогать? — детектив начал давить. — Но ты уже впутала его. Зовёшь сюда, как свою няньку. Защищаешь. Да и он заинтересовался тобой, прям, можно сказать, с него и пошла вся эта заваруха.

Я не могла слышать о том, как Кастера могут в чем-то подозревать, тем более мешать в той грязи, что связана со мной. Уже, не владея собой, подлетела к детективу и вцепилась в лацканы пиджака.

— Вы не смеете! Он никогда не был связан со всем этим дерьмом! Эта клоака длится всю мою проклятую жизнь, но он — единственный светлый огонёк за это время. Так, что закройте рот и предполагайте дальше, а лучше валите отсюда.

Выплюнув всё это, оттолкнула его и вернулась на свою постель. Он же просто сканировал всю мою искалеченную фигуру, а после как-то мягко и по-отечески уронил:

— Если всё в твоей жизни так ужасно, то у тебя появился шанс это остановить.

— Идите к черту, детектив, прошу, — почти взмолила я.

Убрала взгляд. Разговор окончен. Поняв, это Миллер направился к дверям, но снова остановился, обернувшись:

— Если ты считаешь, что всё под твоим контролем, то ты ошибаешься, Джилл. Рано или поздно кто-то ещё умрёт и ещё, а виновата теперь будешь ТОЛЬКО ТЫ! Если готова быть таким же чудовищем как он, то продолжай молчать и дальше.

Сжалась в комок, слушая его слова. Электронный замок дверей запищал, закрываясь, и я осталась одна со своей совестью и страхами. Озноб паники пробил каждую частичку тела. Ведь ударил в точку. Виновна буду я! Виновна за то, что хочу отсрочить ЕГО разоблачение. Ради себя! А почему? Потому что, хочу разобраться в том, что происходит со мной, ну а последнее — месть, то блюдо, что подают холодным.

Но сколько оттягивать этот период? ОН знает, что наследил, что копы сели на хвост и близится его разоблачение, значит начнёт активно действовать либо против меня, либо

против них. Ставки стали повышаться, а время укорачиваться. А может вообще ушёл в тень? Потому и нет столько дней в моей палате. Ждёт, когда всё уляжется, стихнет.

Мне нужно его увидеть. Его лицо, пропитанное гневом и ненавистью, его взгляд жестокий и беспощадный. Мне нужно это всё для того, чтобы снова вспомнить его зло и спроецировать на своё сердце. Ведь в сердце только страх, выработанный когда-то, а в памяти ноль. Я не помню его, чертова амнезия. Я могла ошибиться. Как узнать истину?

Боже, как же хочу всё вспомнить, чтобы забыть его другую сторону, что неожиданно открылась. Чтобы перестать чувствовать на своём теле ту сладостную муку, что он дал мне. Чтобы не помнить о том, что он может быть ласковым и нежным и что в нём может быть, что-то хорошее, правильное.

Дорога в рай или ад? Куда?

КАСТЕР

Разговор с Энди окончательно расстроил мои догадки. Недостаточно улик против Льюиса. Кричать о его издевательствах над Джилл не имело смысла. Всё зашло в тупик. И больше всего злило молчание девушки. Инцидент с ней пару дней назад довёл меня до нервного тика, а о своей тупости вообще молчу.

Спустился вниз в раздевалку. Если б знал, что обнаружу там Сьюзен, то всячески бы отсрочил нашу встречу, но, судя по её виду, было ясно, что девушка ждёт именно меня.

— Кастер, я не могу больше ждать. Я соскучилась...

— погоди, — резко прервал её. — Прости, с самого начала мы договаривались только о сексе, но и этого я больше не могу и не хочу делать.

Она опустила глаза, слушая. Усмехнулась:

— Жаль, я думала всё продлится дольше. Это всё из-за неё? — вопросительного глянул на девушку. — Из-за психопатки?

— Не о ней речь, — отрезал я, вновь закипая.

— Не о ней? О тебе? Ты видно тоже свихнулся уже здесь?

— Сью, я сейчас пытаюсь разойтись с тобой мирно и по-дружески.

— Не пытайся. Мы не друзья! — эти нотки в её голосе меня насторожили. — Прощай! — Она встала и стремительно вышла.

Выдохнул, переваривая неприятный разговор. Чёрт с ней! На пороге появилась Марисса.

— Майерс? Отлично, что вы тут. Прямо чувствовали мой приказ, — она хмыкнула. — Вы превысили уже все часы, поэтому вынуждена дать вам два дня отдыха...

— Мне и одного достаточно, — замотал головой, будь моя воля остался бы здесь навечно.

— Не обсуждается, — громынула женщина и удалилась.

Вот чёрт!

ДЖИЛЛ

Наступила глубокая ночь. Тихая и беспощадная. Понимала, что пора готовиться встречать уже шестой день в одиночестве, без него. Как задушить это чувство? Раньше оно мне было дорого, но сейчас разбирает меня на малюсенькие кусочки пазлов.

Сегодня мне сняли швы на лице и наложили дышащую повязку. Ребро болело теперь

только при резком беспокойстве. В целом жизнь идёт дальше, лишь напрягая иногда дикими воплями заключённых в коридоре. Звуки дверей, электронных замков заставляли периодически вздрагивать.

Эти дни забрали у меня сны, превратив их в жестокие и холодные всплески волны бреда и бесполезных картин в сознании. Вот и сейчас я, вроде бы, сплю, но поверхностно.

Проснулась от жутких криков в коридоре. Они были и раньше, но не такие. Ночник в углу не горел, хотя обязан для санитаров. Встала и прислушалась. Какофония звуков не внушала спокойствия. Вконец, все эти звуки увенчала тревожная сирена.

Вздогнула, в страхе глядя на стены и двери палаты. Что происходит? Удовлетворяя любопытство, подошла к двери, чтобы через окошко выглянуть в коридор, но, к своему удивлению обнаружила, что она открыта. Выйдя наружу, поразилась — в коридоре темень, освещала помещение только яркое ночное светило, максимально приближённое к окнам. Весь этаж кишил вышедшими на волю больными.

Боже! Холодок страха прошёлся по моему телу, понимая, что это может за собой повлечь.

Нет электричества?! В таких местах этого не должно быть! Где аварийное?

Эхом по коридору неслись звуки борьбы, боли, гнева, возмущения, слёз, мата.

Вернись в палату! Тут опасно и для тебя! Но я слишком поздно об этом подумала. Кто-то пребольно схватил меня сзади и припечатал лицом к стене. Чьё-то жадное сопение в затылок и грубые руки устремились к моей груди и в трусы. От ужаса истерично закричала, пытаюсь вырваться.

— Помогите!

— Заглохни, сука! — удар по голове, и я упала на пол. В глазах плыло.

В свете луны увидела это чудовище — гнилые зубы, лысая голова, усеянная татуировками, худое жилистое лицо со шрамом на виске, больничная рубашка. Он сопел и яростно драл с меня одежду. Тянул за бинты, парализуя волной боли. Вложив последние силы в удар, пнула его ногой. Искря звуками боли и ярости, он отлетел.

Ведомая страхом и адреналином, рванула от него прочь, едва успев в последнюю секунду вырвать ноги из его цепких лап. Я его добыча, которую он просто так не отпустит. Чувствовала преследование спиной. Завернув за угол коридора угодила в другие объятия. В голубом лунном свечении узнала своего мучителя. Ему и секунды хватило понять, что происходит. Мгновенно увёл меня за спину и выкинул кулак ровно в физиономию моего преследователя. Лысый улетел в стену.

Толчок в больные рёбра с целью отодвинуть от опасности как можно дальше.

— Матёрый, уймись! Назад!

Но тому сейчас абсолютно всё равно. Он стеной шёл на таран, словно зверь на дичь. Темноту озарил электрический разряд электрошока, пущенный в заключённого. Матёрый даже не вскрикнул, нанёс удар моему защитнику в живот и в лицо, нокаутировав. Перешагнул поверженного и бросился на меня.

Успела увернуться на пару сантиметров, но, перехваченная за волосы, рухнула вместе с Матёрым на пол. Панически закричала, понимая, что он залезает на меня. Ударил лбом о пол. Теперь просто обездвиженная, ждала либо расправы, либо спасения.

Снова звуки борьбы прямо на моём теле. Хрипение. Хруст. Матёрый падает замертво слева от меня. Вижу всё его сумасшествие, которое потухает в широко открытых глазах. Смотрела в этот мёртвый взгляд не в состоянии встать.

Сильные руки буквально за шкуру подняли с пола и прижали к знакомому телу.

— Живо в палату, — поволок по коридору назад, переводя в стремительный бег и раздавая оплеухи и нокауты всем, кто делал попытки нападения на нас. — Быстрой, быстрее...

Втолкнул в камеру, но сам не успел. Дверь хлопнула и за ней услышала звуки ещё одной борьбы. На него напали.

Удрала в самый дальний угол камеры, боясь издать хоть единый звук, одновременно моля, чтобы мой враг стал победителем в этой невидимой и жуткой схватке. Звуки драки прекратились. В панике следила за дверью. Боже, здесь даже защититься нечем! Ударить подушкой?!

Крики больных и санитаров, вводили в неопишуемый страх. Там в коридоре шла настоящая бойня, а я как на ладони. Никого, чтобы спасти. Прощу, вернись хотя бы ТЫ! И была услышена.

Вскрикнула, когда в палату снова влетели.

— Тихо, тихо.... Это я... Я

Он?! Я рада ему?! Да, чёрт возьми, рада.

Он поравнялся со мной, наблюдая за дверями. Прильнула к его груди и вжалась лицом. Сильная и потная рука крепко обняла, прижимая к себе.

Я в безопасности?! С ним?!

— Что происходит? — шепнула с дрожью в голосе.

— С электричеством какой-то сбой... Сука! Даже аварийка не сработала, — он зол и напуган. Его тяжёлое и учащенное дыхание наполняло собой всё помещение. — Спецвооружение уже здесь... Когда свет уже дадут? Хрень полная.

Обнимал, гладил по спине и плечам. Ощутила воочию его страх и беспокойство. Нет, я не хочу, чтобы в нём были эти чувства! Их нужно убрать! Они должны уйти...

Обняла за талию и прижалась к мужчине, как к своей последней надежде. Ответом стала его ладонь в моих волосах и поцелуй в макушку. Крепко обнял и замер.

— Всё нормально будет... Не бойся, — мягкий шелест его губ в лицо. — Сейчас всё уладят. Надо подождать немного.

Не боюсь... Больше не боюсь. Почему?

ДЖИЛЛ

Свет вспыхнул в коридоре через некоторое время. В моей палате по-прежнему оставался только ночник.

— Наконец-то, — облегчённо выдохнул он.

Сейчас увидела, как мужчина избит. Сильная рана на виске постепенно заливала правую сторону его лица, жуткие рваные ссадины выступающие из разодранных лохмотьев одежды, созревающие синяки на щеке, шее и руках. На костяшках пальцев кровавые насечки с кусочками ободраной кожи.

Протянула ладонь к его лбу.

— Ты в крови, — проронила обеспокоено.

Коснулась раны. Мужчина вздрогнул от моего касания, поморщившись. Перехватил руку и посмотрел на отпечаток своей крови на моих пальцах.

— Чёрт. Разукрасили всё же, ублюдки, — злобно проворчал он.

Оборвала край своей и без того убитой рубашки и приложила к его ране.

— Ай, — по-ребячьи зашипел он, но, поймав мой взгляд, осекся, удивлённо рассматривая. — Что ты делаешь?

— Говорю же, у тебя кровь, — повторила я.

— Я это понял, — по его лицу скользнула улыбка, которую он всячески старался урезонить. — Вопрос, скорее, в том, зачем ты мне помогаешь?

— А зачем ты помог? — резанула я, вспоминая тот ужас в коридоре пару минут назад.

— Я первый ответил, — парировал он.

— Вот и считай тогда мою помощь благодарностью, — буркнула сердито и убрала руку.

Отстранилась, уйдя в другой угол.

Он, молча, стоял, разглядывая меня. Этот буравящий и томно изучающий взгляд, заставил смущённо отвернуться. Я чувствовала его даже спиной. Не бьёт, не унижает... Спасал от бунтующих заключённых, защищал как мог, будучи в меньшинстве, что было жутко и страшно...

— А что мне теперь сделать для тебя? — его голос резко оказался возле моего уха. Вздрогнула. — Я теперь тоже должен поблагодарить тебя?

Лёгкий, но горячий поцелуй за ухом, поверг мои ноги в слабость. Руки плавно и крепко обвили талию и грудь, спина прижалась к крепкому торсу, оплаваясь от жара тела. Волна дрожи лишила слов и, походу, мозгов тоже. Я повисла в этих ненавистных объятиях, как какая-то кукла.

Мужская ладонь скользнула вниз, вторая смяла грудь. Разорванные, но всё ещё преданно держащиеся на мне трусики, всё-таки погибли от рывка. Он снова играл. Снова его пальцы оказались там, где в прошлый раз повергли в пучину сладостный муки. От предвкушения, бедра судорожно сжались, подкосив ноги. Но я, найдя в себе силы, поймала эту преступную ладонь, пытаясь заблокировать движения.

— Не надо... Стой, — одним выдохом взмолила, еле стоя на ногах.

Но всё тело стало предательски содрогаться. Я повернула голову и встретила щекой с

его виском. Прижалась сильней, утопая в экстазе.

— Уверена? — мучитель тут же убрал ладонь и развернул лицом к себе. — Посмотри на меня! — велел, плотно удерживая за талию и затылок.

Исполнила. Глаза, умоляю, не выдавайте меня! Но взгляд устремился на его губы — чувственные и манящие. Помню их вкус. Хочу снова ощутить.

Мужчина читал меня, как открытую книгу, слышал немой зов. Обхватил голову руками и впился в рот. Язык скользнул в меня, углубляя поцелуй, а я окончательно растеклась в его объятиях.

Пропала, продав душу дьяволу. Ему! Целовала в ответ, яростно вдыхая ртом его дыхание, горячее и ненасытное. Сплетала пальцы в его волосах, вжималась в это ненавистное тело, поглощала в себя без остатка, без следа. К чёрту всё! Только сейчас, только эти секунды... Он и я!

Рывок вверх, и усадил к себе на бёдра. Донёс до постели и осторожно уложил, придерживая за голову. Поцелуи пошли по всему телу, обжигая огнём. Чувствовала крепкие и тёплые руки, даже сквозь бинты. Прикусила пальцы, чтобы не издавать звуки. Мы два врага, два преступника. Об этом никто никогда не узнает... Даже мы очнёмся и забудем. Только раз!

Его губы накрыли моё лоно, даря невероятное блаженство и выгибая тело в дугу. Язык плавно огибал чувствительное место и скользил по складкам, увлажняя плоть. Мне казалось, что я сейчас начну рыдать. От счастья?! Поравнялся со мной, продолжая дарить поцелуи. Ощутила его естество, которым он тёрся об меня в незатейливом ритме.

Я впервые захотела почувствовать его в себе. Чёрт! Он был там и не один раз. И вспомни, я все детали сейчас, то начну кричать и брыкаться. Но память неблагоприятна, а возбуждение выжигало конечности. Да, я хочу. Я хочу его там... Хочу сейчас. Он — мой, а я — его.

Жалась в его бёдра, царапала спину, в ответ так же яростно целовала и прикусывала мочку уха, стопроцентно сводя с ума. Томный выдох мужчины, тяжёлое учащенное дыхание. Но он остановился и снова посмотрел на меня. Испарина покрыла моё тело. Глаза, вы многое уже сделали против меня, теперь же дайте ему верный ответ.

Я хочу...

Мучитель не дал долго ждать. Втянул кожу на шее, и я едва не вскрикнула, когда он погрузился в меня. Замер, словно испугавшись. Чего? Бережно обхватил мою голову руками.

— Тш-ш-ш, — нежно поцеловал в висок, выжидая и давая мне привыкнуть к нему и расслабиться. Начал осторожное движение во мне, постепенно ускоряя темп в такт нашему дыханию.

Тело начало взрываться изнутри. Я рьяней закусила ладонь, сдерживая стоны. Снова это яркое и обжигающее ощущение внизу живота, которое теперь наполнялось красками невообразимых эмоций. В момент пика, я выдохнула вскрик и тело забило в конвульсии. Он замедлился позволяя мне пережить муку.

Дождавшись моего ровного дыхания, сжал бёдра и, прихватив за шею, ещё сильнее начал двигаться во мне, пока сам не упал рядом, тяжело дыша и содрогаясь от своих ощущений. Сгрёб в охапку, зарылся лицом в волосы, переводя дыхание.

Я же просто лежала, боясь спугнуть своё счастье, блаженство и мириады звёзд на потолке. Каждым дюймом сердца, поняла, что я его. Для него. Для любого каким бы он не был. Видимо, так и должно было быть. Тупая ненависть и злоба, не дали нам разглядеть друг

друга...

Но я поторопилась. Через минуту отдыха, в нём что-то перещёлкнуло. Его ладонь снова стиснула горло. Мужчина смотрел в мои глаза и на лице явственно прочла страдание.

— Что же ты делаешь со мной, сука?

Но почему мне не страшно? В ответ лишь погладила его по щеке, преданно глядя в глаза. Мужчина зарычал и соскочил с кровати, быстро оделся и выбежал в коридор.

Потянула простынь на себя и закуталась в неё с головой. Да, милый, ты тоже в этой игре. Тут хоть и твои правила, но и у тебя будут проигрыши.

Это первый...

КАСТЕР

Эти два ничем не нужных выходных просто извели меня. Снова появившись на смене, я, как упоротый, слушал рассказ Алекса и Кейт.

— Там была просто жуткая бойня. Семь заключённых ранено, трое убиты, санитаров разукрасили — жесьть, один на больничную койку попал. Коридор просто был в реках крови. Марисса рвёт и мечет. Поговаривают, что кто-то нарочно это сделал, потому что даже аварийное не сработало. Опрашивают весь персонал.

На моём лице читался не только шок, но и беспокойство.

— С ней всё в порядке, — Брит сморщилась. — Ей хватило мозгов не выходить из палаты. Под воспитание не пойдёт, а вот другим десятерым не повезло.

— Ауч, — Уилис, опять гадко ехидничал.

— А Чейз? Он же дежурил тогда.

— Марисса дала ему выходные, — махнул рукой Алекс. — Да и вообще всю ту смену поблагодарила за смелость и мужество и отправила домой.

— Чейз тоже сильно избит, — Брит сочувствующе задумалась. — Я наложила ему пару швов. Бедняга был такой вялый и уставший.

— В целом, всё утихло. Трупы вывезли, и в нашей больнице снова куча копов и админы.

— Весело, — я поджал губы, выискивая в шкафчике стетоскоп.

— Нет, тебе сегодня будет ещё веселее, — Алекс снова ехидно глядел на меня. Вопросительно повернулся к нему. — Нас с тобой отправляют на пятый. Из-за недостатка рабочей силы.

И вот теперь я не знал радоваться мне или нет. Плюс был только в том, что увижу её, а о минусах лучше пока не думать.

Второе моё посещение пятого этажа оказалось спокойней, чем в первый раз, видимо, из-за вчерашней бурной ночи. Встретил меня главный этажа и повёл по коридору.

— Здесь условия жёстче, чем у вас там. Санитары обязаны патрулировать этаж постоянно. Здесь выгул пациентов совершается только по пять человек с обязательным присутствием трёх-четырёх санитаров, аналогично с посещением душевой, но только по два пациента. Еду приносит раздача индивидуально в палаты. При угрозе членовредительства используется транквилизаторы, при сильном буйном состоянии электрошок. Здесь в основном работают бывалые и уже знают подход к каждому, поэтому самостоятельно лучше не суйся, можешь сделать только хуже, — он осмотрел меня и глубоко вздохнул. — Рация тебе в помощь. Электронный ключ единый от всех камер. Ах да, без доктора пациентов лучше не посещать, если того не требует случай.

Я кивал, как болванчик. И мужчина удовлетворённо ушёл.

Что ж патрулировать. Значит ходить взад-вперёд и наблюдать за заключёнными в окошки камер. Когда дошёл до палаты Джилл, осторожно заглянул. Девушка тихо дремала. Лицо, на удивление, спокойное и умиротворенное.

Посмотрел на часы. Обход врача начнётся через полчаса. Следовательно, скоро я прерву её покой.

Ординатор Джонатан Киз появился с опозданием.

— Доброе утро, — пожал мою руку и представился.

— Кастер Майерс, — отвечивал я.

— Очень приятно. Ну, добро пожаловать в наши кущи. Курорт окончен, — всучил мне стопку карт. — Второй санитар где?

Я растеряно пожал плечами.

— Иду я, — буркнул мужчина из-за поворота, поравнялся с нами и поздоровался в рукопожатии. — Митч.

Я тоже представился.

— Отлично, все в сборе, за работу.

Перед каждой камерой мы останавливались для того, чтобы я мог узнать диагноз больного, настроиться на правильное поведение и профессиональные навыки. К моему удивлению, мы минули палату Джилл. Пришлось прикусить язык. Проблемы мне не нужны. Решил ждать ночи. Но, к счастью, не пришлось.

Я и Митч повёл её и ещё двоих на прогулку. Было дико видеть её облаченную в смирительную рубашку, но девушку, похоже, это совсем не угнетало. Она была спокойна, шла размеренно и устроилась на скамейке, блаженно вдыхая свежий воздух.

Удостоверившись, что всё кругом под контролем, осторожно присел рядом.

— Привет, — она повернулась ко мне и улыбнулась. — Я уже начала беспокоиться, что не подойдешь, — она виновато смотрела на меня. — Хотела попросить прощения за то, что произошло. Не знаю, что со мной творилось тогда. Мне не хочется терять друга. Прощаешь?

Я усмехнулся:

— Конечно, я и не держал зла... Скорее до сих пор пытаюсь разобраться в том, что произошло.

— Нет, только не это, — засмеялась.

Скажу, что она явно изменилась и преобразилась даже.

— В моём сумасшествии лучше не копать. Правда. Тебя перевели сюда?

— Только на пару дней, пока персонал отходит. Ты хоть не пострадала?

Она задумалась.

— Страшно было.

— Молодец, что не стала выходить из камеры.

Кивала, витая где-то в своих мыслях, которые явно были ей приятны.

— Что известно о деле Эммы? — теперь она слегка помрачнела.

— Что её убила ты, — горько улыбнулся я. — Льюиса освободили из-за недостатка улик. Теперь, ты снова главный подозреваемый.

Джилл опустила взгляд. Я изучал эту фигурку. Не может быть! Она довольна этим фактом! Не то, что удовлетворена, а именно рада.

— Тогда ты так и не ответила...

— А ты не сделал, — резко прервала она, вскинув дерзко головой.

В груди опять назревал протест. Ладно, чёрт тебя дери! Решительно поднялся и, рванув девушку к себе, запечатлел поцелуй. Сопротивления не было, скорее лёгкий испуг, который тут же исчез. Несколько мгновений и понял, что моё тело горит, соприкасаясь с ней. Внутренности взбунтовались, а разум пошёл к чертям. Она издала то ли стон, то ли мычание, которое просило остановиться. Отпрянул, переводя дыхание. Её лицо выражало тихое беспокойство. Боятся меня? Нет, скорее, не меня. Его?!

— Теперь сделал, — снова сканировал её. Без толку. Ничего не скажет.

— Память вернётся? — неожиданный вопрос. Совсем ненужный мне. — Я хочу вспомнить... Очень хочу.

Устало выдохнул, понимая, что смысл поцелуя подавлен ею.

— Вспомнишь.

После прогулки, развели всех по камерам. Закрыв её дверь, впервые очень чётко и явно ощутил пропасть. Пропасть моей борьбы за неё. К горькому разочарованию, осознал, что ей это всё не нужно. Она и правда сумасшедшая! Кажется, я прозрел? Мать вашу! А если всё не так?

Жаль, что это был лишь голос разума.

ДЖИЛЛ

ОН снова исчез, но, кажется, меня это уже не сильно волновало. Каким-то чутьём, я была уверена, что он придёт снова.

Раньше я была жертвой, а он моим повелителем, теперь же это всё принимало немного другой оборот. Ярлыки раба и властелина разделились пополам, каждому осталось по пятьдесят процентов того и другого.

Но одна головная боль сменилась другой. Я начала бояться за него. Моё отношение к нему не изменило в мужчине чудовище и убийцу, а лишь сделало меня сообщницей. Его рано или поздно раскроют, а я ничего не смогу сделать.

Как вообще такое произошло? С каких пор я начала переживать о нём? Он заслуживает наказания! Но за что теперь он должен быть наказан? Только за смерть Эммы?"... ты её убила", — эти слова в первые минуты её смерти. Тогда они меня возмущали, ну а теперь, я почему-то посмотрела на них с другой стороны. Ведь тогда я могла, послушаться её, не поддаться на провокацию побега. Я же знала, что даже, если у меня и получится исчезнуть, то виновника всё равно найдут и накажут. В результате, не только всё провалилось, но и погиб невинный человек. В том есть моя вина...

Мать твою! Ударила рукой по подушке, почувствовав, внезапно, к себе отвращение. Да, отвращение! Что я сейчас делаю? Я оправдываю его?! И беру все его злодеяния на себя?! И вправду, сумасшедшая!

О добре и зле можно рассуждать вечно. Доказывать что-то, переубеждать себя. Я сейчас превращаюсь в тупой маятник, с бесполезной дилеммой. И что виной всему? Любовь?!

Укусила себя за основание большого пальца на руке с такой отрезвляющей силой, что остались следы с синюшными пятнами. Нет, этой чёртовой любви здесь не будет! Нужно что-то сделать, выкурить её!

Дверь камеры запищала.

— В душ, — буркнул санитар.

В душевой пятого этажа всё иначе, не так, как на третьем. У каждого своя кабинка.

Женщинам разрешалось зашпориваться. Все остальное кроме душевой лейки отсутствовало. Ни полок, ни крючков.

Струя воды была достаточно тёплой и успокаивающей. Принимая на себя эти ласкающие ощущения, опять же невольно вернулась мыслями к нему — дьявольски сладким, плотским и жестоким. В груди сильно защемило, взбудоражив ненависть к своей брэнной плоти. Но хуже всего, не только тело хотело к нему, но и сердце, а мозг трезво мыслил и призывал опомниться.

Господи, это правда, физическая боль гораздо лучше всего этого!

Я сжала фигуру в своих объятиях капканом. Капли слёз смешались с водопроводной водой, уходя в сливную трубу. Туда бы и мою чудовищную жизнь. Закрыла глаза, стараясь поймать и сохранить покой, но вместо этого внезапно получила жестокий удар памяти, который пришёлся на всё моё тело, вытянув в струну...

"Вырезать бы тебе, сука, сердце и заставить сожрать его..." — дикий, ненавидящий взгляд чёрных глаз.

"... убийца. Ты, дрянь, не должна это путать..."

"Не трогай меня, сволочь..."

"Ты должна быть красивой для меня..."

"Членовредительством заниматься я тебе запрещаю, иначе отрежу руки по самые локти, поняла?"

"Что ты делала с ним?"

"... я его на куски порежу, если он ещё раз подойдёт к тебе!"

"Ты ничтожество, похлеще своего братца!.."

"Жри, сука! Глотай!.."

Слова, картинки, ощущения — всё это безжалостно избило меня, подобно плетям. Я вспомнила ЕГО! Вспомнила всю боль, жестокость, ненависть, страх и обиду. И всё это был ОН! Это всё было! Почему сейчас? Почему раньше не могла всё вернуть в свою голову?! Это предотвратило бы мою слабость...

Я ненавижу его! Боже! Нет! Я полюбила дьявола! Нет! Нет! Нет!

Еще сильнее возненавидела своё ничтожное существо и с отстервенением начала намыливать кожу, тщетно пытаясь смыть с себя следы рук моего мучителя. Лучше убить это всё! Убить на корню то, что зародилось в моём сердце. Убить...

Как?

Взгляд мазнул по душевой. Сбитые края кафельной плитки в углу у сантехники. Да... У меня получится. Ты выйдешь из моего сердца с кровью.

КАСТЕР

Крик о помощи сорвал меня с места. Голос Митча из рации, вытряс всю душу пока я бежал до душевых. Влетев, сначала обратил внимание на скрученного голого мужчину-пациента, который вопил и истерил, что есть мочи:

— Избавление! Это избавление, — разобрал его слова.

— Быстро в операционную её! Скорее! — дрожащим и злым голосом перекрикивал больного санитар.

Её?! Повернул голову и тут же увидел эту жуткую картину — голое тело Джилл сидело на дне душевой, поджав под себя ноги и припав к стене. Со стороны вроде устала, либо задумалась, но кровавая река под ней, говорила совсем о другом.

— Джилл?! — молнией оказался возле неё. Выключил воду.

— Избавилась... Свободна... — орал заключённый. — Больно, дьявол!

Вбежал ещё санитар.

— Дай смирительную, живей. Этот от крови дуреет, — рычал Митч.

Все тело панически отбивали одно "Не сама... Не должна сама. Как же?"

Бросил коллеге рубашку, а сам схватил с крючка полотенце. Обмотал её наготу. Разорвал часть своей спецовки и кое-как наспех перетянул запястья. Несчастная ветошь мгновенно начала мокнуть.

— Джилл?! — продолжал звать.

Не умирай. Только не умирай!

Пока мчался с драгоценной ношей на руках, казалось, что коридоры нарочно удлиняются.

Не уходи, пожалуйста! Живи, тебе НАДО жить!

Влетел с ней в операционную. Дежурившая Кейт, мгновенно вошла в курс и приняла пострадавшую.

— Кейт, вены... они перерезаны, — запыхаясь, уложил девушку в операционное кресло. Брит, как истинный профи тут же начала действовать. — Порезы рваные... Коагулянты... Жгут, — я вспоминал медицину.

— Кас, уйди отсюда! — грозно велела она.

Да, врачи так делают, когда родственники пострадавшего начинают им мешать. Я это понимал, но не мог уйти, мне нужно видеть, что всё будет хорошо, что Кейт сделает всё верно и всё возможное.

— Свежезамороженная плазма должна помочь... Где тут жгуты? И швы, я всё подготовлю...

— Кастер, выйди! Я всё сделаю! — Брит повысила голос. — Уил, выведи его!

Помощник толкнул меня к выходу. Я с трудом поддавался. Наконец, оказался за дверью.

Переведя дух, к своему ужасу, понял, что это всё меня дико достало. А если всё же она сама? И раньше тоже всё САМА! Если всё обман, иллюзия? А ОН — И ЕСТЬ ЕЁ СОН?! Просто купился на бред сумасшедшей? Что если она и вправду способна вредить себе?

Помчал обратно в душевую. Нет, мне нужно убедиться во всём самому. Пока свежи следы.

Там уже крутились Джонатан и главный этажа. Следы крови остались только на полу, в самой кабинке уляпаны только борта и стены. Кто виновник?

Прибежал Митч, задыхаясь и тоже слегка в кровавых пятнах.

— Как она это сделала? — я наехал на него, так как именно он дежурил их гигиену.

— Откуда я знаю! Она не откликнулась на призыв окончить мытьё, когда вынужден был открыть, то увидел, что сидит на дне со вскрытыми венами.

Джонатан аккуратно ступил в душевую, разглядывая её содержимое. Прошёлся пальцами по плитке, осмотрел углы в стыках. На пальцах осталась чужая кровь.

— Здесь края острые, — сделал он вывод. — Раны рваные у неё? — врач посмотрел на меня.

Я медленно кивнул, чувствуя, как всё внутри меня падает вниз. Сама?! Разочарование придавило тяжестью железобетонной стены.

— Похоже, она сделала это об обломок кафеля, — Джонатан вытер пальцы платком. — Упёртая, — я бледнел на глазах. — И умная, — это слово ударило плетью. Вскинул на него пораженный взгляд.

— Что? — сипло выдохнул я.

— Я говорю сообразительная. Видно, очень хотелось.

Усмешка на его лице.

Я больше не мог видеть эту душевую, слышать слова доктора, понимать смысл вердикта. Она, действительно, это сделала! Она, действительно, больна! А ведь, она говорила мне... Все последние дни говорила, что убила Эмму, выходит не врала и в этом?

Но как, чёрт, я-то не заметил? Хреновый из меня судмедэксперт.

— Эй, Кастер! — вернули на Землю. — Ты где? Я задал тебе вопрос.

Главный недовольно смотрел на мой ступор.

— Простите, я просто... Ч-что вы говорили?

— При тебе сколько попыток суицида у неё было?

Я сглотнул. Язык не поворачивался назвать её прошлое суицидом, ведь там этим и не пахло.

— Один раз, — буркнул в ответ. — Передоз таблетками. И два случая членовредительства...

— Передоз?! — Митч присвистнул. — На вашем этаже совсем кретины что ли работают? Как таблеток-то она умудрилась наесться?

— Неважно, — понуро рявкнул главный. — Разберитесь с этим, — махнул рукой на душевую. — Когда мадам очнётся, доложите.

Я и Митч хмуро кивнули. Главный ушёл. Киз поплёлся следом. А санитар не унимался:

— Как она таблеток наглоталась? — Увидев моё лицо миролюбиво приподнял ладони. — Прости, просто в голове не укладывается. Ей же надо было до специального шкафа добраться, да и ещё код знать.

Я уставился на него болезненным взором, где-то в глубине души абсолютно соглашаясь с ним. Все прошлые разы я никогда не принимал за самоубийство или членовредительство, но сейчас, что было тогда сейчас?

Митч продолжал о чём-то размышлять, но я уже не слышал его. Потом, отмахнувшись, как от надоедливой мухи, двинулся вниз.

Я шёл по коридорам, абсолютно чётко осознавая, что не хочу больше находиться в этих стенах. Хочу бежать, куда угодно, только больше не возвращаться, не видеть их, не слышать, не думать о ней. Кажется, я принял решение.

ДЖИЛЛ

— Джилл?! — она начала разглядывать меня. Чёртов фонарик прямо в глаза.

— Нет, — слабо попыталась убрать раздражающий свет. — Уберите... пожалуйста...

— Как ты? — она учтиво исполнила просьбу, но начала теревить конечности. Наконец, взгляд упал на перебинтованные руки.

— Значит не получилось? — проронила я с невероятной болью в груди.

— Да... И не нужно больше, — теперь она сурово смотрела на меня. — Я, честно сказать, устала латать тебя, — потом попыталась улыбнуться.

— Тогда была благодарна, но не в этот раз, — отрешённо буркнула я.

Врач удивлённо смотрела на меня:

— Знаешь, сейчас странно, что ты говоришь со мной. Раньше из тебя слова не вытянешь...

Её наблюдения меня мало интересовали. Мне нужен кто-то, кто-то тот, что всегда поддерживал меня, тот кому я могу всё рассказать.

— Кастер. Где он?

Она, остановленная на полужае, проглотила пару раз воздух и ответила:

— Он? Возможно спит. Джилл, посетители не положены...

— Он не посетитель, — парировала я и глянула на неё лицом полным мольбы. — Пожалуйста, помогите, мне нужно его увидеть. Я прошу вас!

Хирург смотрела на меня так, словно что-то знала обо мне и о нём.

— Я рискую, — она покачала укоризненно головой. Мои глаза продолжали молить. Врач выдохнула, проверила ремни на моих ногах и руках. — Я ничего не обещаю.

Слова всё же дали надежду. Закусила губу и проклятые слёзы снова потекли по щекам.

Чёрт побери, у меня скоро будет обезвоживание!

В дверях появился санитар, перекинулся с ней парой фраз и врач ушла. Мужчина безразлично глянул на меня и плюхнулся в кресло.

Ждала. Долго и упорно, словно верный пёс своего хозяина, но Кастер так и не появился. Прошла ночь, меня осмотрела комиссия, задавала кучу вопросов. Медсестра вновь обработала запястья, перебинтовала. Упаковали в рубашку и отправили обратно в камеру.

Ком страха и паники постепенно созревал во мне. Я боялась, действительно, боялась, что больше не увижу Кастера.

Наконец в камере появилась та женщина-врач и выражение её лица не сулило ничего хорошего. Я вытянулась в струну, ожидая её ответа, словно приговора.

— Джилл, Кастер подал заявление об уходе. Он больше не придёт, — выдавила она.

Словно удар ножа в живот. Сжалась в комок, осела на пол и просто зарыдала, горько и одиноко. Дура! Идиотка! Сама во всём виновата! Кретинка чёртова! Ругала себя, как могла, проклинала свои глупые действия и решения.

— Джилл, — не заметила, как руки этой женщины пытались меня утешить. — Дай ему время подумать.

Я подняла на неё красные глаза. Она знает, многое знает о нём и обо мне.

— Я не хотела его потерять, — дрожа губами, выдавила я. — Кроме него у меня больше никого нет.

Врач успокаивающе гладила меня по спине.

— Он знает, — она мягко улыбнулась. — И ты для него не пустое место, правда, просто иногда нам нужен покой, чтобы принять правильное решение. — Женщина приобняла меня и помогла подняться, довела до койки. — Ты пережила стресс, и тебе надо сейчас тоже отдыхать. Всё наладится.

Её голос и фразы почему-то звучали, как бальзам на душу. У меня вновь появилась надежда. Хирург подмигнула мне и удалилась из камеры.

Но всё затушили буквально через пару часов. В дверях возник совсем не тот, кого я ждала. Мой мучитель, мой деспот. Он вошёл в камеру и, держа руки в карманах, смотрел на меня. Лицо обеспокоенное, хоть и старался не показывать виду.

Снова два болезненных укола в сердце — любовь и ненависть. Два чувства, которые сильны немеренно, но одно из них обязательно победить.

Смотрю на него в упор. Хочу обнять и ударить насмерть.

— Самоубийство ты впервые совершила, когда узнала, что беременна от моего брата. Тогда была веская причина... А сейчас? Какая у тебя причина сейчас? — сосредоточенный и напряжённый взгляд, за маской насмешки.

— Я вспомнила тебя, — наконец подняла взгляд и пробуравила его такой ненавистью, на которую никогда не была способна.

Раньше это чувство было холодным и отвечающим само за себя, но теперь его питали другие. Высокие. Те, что должны приносить счастье и радость, но рвут в мелкие клочья.

— Помню всё, что ты творил со мной! Помню теперь всю свою лютую ненависть к тебе, все твои гнусные и мерзкие действия с моим телом, помню мой страх и отвращение...

Я говорила и с каждой моей фразой мужчина делал шаг ко мне, с каждым моим откровением это лицо становилось злее и жёстче. А я не могла остановиться. Наконец его рука сомкнулась на моей шее, но не заставила содрогнуться от ужаса.

— Я помню тебя, ублюдок, и должна уничтожить.

Ладонь сильнее сжала трахею, в ушах застучало, но я продолжала бить откровением.

— Всё было болью, но большее ты сделал сейчас, влюбить меня в себя — наивысшая точка твоего садизма. Ты выиграл и этот бой.

Его лицо перекосило и пальцы машинально расжались. Мужчина открыл рот и, не отрывая от меня взгляда, отступил.

— Что ты... сказала? — голос врага осип.

— Ты не ослышался. У меня появились чувства к такому чудовищу, как ты, — чётко и как можно громче повторила я, словно разрезая настоящее новой страшной сутью. — Но это не приемлемо. Клянусь, я вытравлю тебя!

Его брови сдвинулись и лицо приобрело вновь насмешливое сатанинское выражение.

— Суицид — главный твой инструмент в работе над этим?

— Скажем, первая попытка, — рыкнула в ответ.

Он снова вернулся ко мне и, схватив за горло, бросил на кровать.

— А вторая? Убить меня? Или может быть, — тут его лицо засветилось каким-то дьявольским светом, — побежишь за помощью к Кастеру?

Невольно дёрнулась. Упоминание о нём многое говорило.

— Бедняга, пытается тебе помочь, копает не хуже экскаватора, но ты... Ты всё

отгалкиваешь его, то ли спасая, то ли, наоборот, подставляя?

В груди всё начало падать вниз, в пропасть. В словах явен подтекст, а у него он может быть только один. Паника отразилась на моём лице, даря ему блаженство.

— Ты сильна духом и телом, но всё против тебя, милая. А играть с собой я не позволю. Я — твой хозяин, а остальные — это мухи, которых нужно перебить.

Резко отпустил и направился к двери.

— Что ты сдох, мразь! — дико взревела я, соскакивая с нар.

Не имея возможности действовать руками, пустила в ход зубы. Буквально впиалась ему в шею, подобно вампиру. Мучитель вскрикнул от боли и отбросил в стену. Удар головы погрузил в обморок, не позволив увидеть кровь на его шее и испуг от моей отчаянной ярости.

КАСТЕР

Увидев заявление, начальство удивлённо посмотрело на меня, но моё волеизъявление подписало.

Брит, поймавшая меня в раздевалке, известила о улучшении в самочувствии Джилл. Да, я был рад. Худшее для неё позади. Я успел.

— Это хорошо, — буркнул в ответ.

— Она просит тебя прийти.

Поднял усталый взгляд.

— Не могу, — выдохнул я.

— Не можешь?! — она удивлённо приподняла бровь.

— Мэтьюс подписала моё заявление об уходе.

— Что?! — Кейт была поражена не на шутку. — Но как же? Ведь ты же...

— Ничего, я попрошусь в другую клинику.

— Из-за неё?

— Из-за всего, — поправил я, сбрасывая личные вещи в сумку. — Прости, но я больше не могу видеть Джилл в этом цирке. Я запутался. Мою помощь она отвергает, а после пытается убить себя в душевой. Что ещё я могу для неё сделать? Она — пациентка психиатрической клиники. Может так и должно быть. Я не способен ей больше помочь...

— Кастер, во многое из того, что здесь творилось, только ты мог внести разумность и ясность. Откуда ты можешь быть уверен теперь, что это ситуация — твой предел?

Резонность её слов закрепила где-то в грудной клетке, но я не хотел сейчас это слушать. Пора слушать разум, а не сердце, которое изрезали в труху.

— Я устал. Прости, — обнял коллегу. — Рад был работать с тобой. Не теряйся.

— Я тоже, — уронила она и грустно проводила меня взглядом.

Я уходил.

Я слаб?! Сдаюсь?! Да. Зачем биться головой о стену, если всё без толку, а голова твоя даёт уже трещину?

Оставшуюся ночь и весь следующий день я просто проспал дома, в своих сумасшедших снах, спасая Джилл. Проснувшись под вечер, созвонился с мамой.

— Сынок, мы всегда тебе рады, но ты уверен в том, что делаешь? Ты ведь так стремился. Это из-за Сьюзен, да? Вы поссорились?

Боже, мам, только её не приплетай!

— Мам, со Сьюзен ничего серьезного не было, — в моём голосе звучало раздражение, и мама это чётко уловила, поэтому поспешила заканчивать разговор:

— Сынок, мы будем тебя ждать. Закончи там свои дела, а я попробую присмотреть что-нибудь в Бостоне. Я люблю тебя, сынок.

— И я люблю тебя, мам, — тускло ответил я, сбросив сигнал вызова.

Приняв душ, побрившись и вообще приведя себя в божеский вид, вышел из ванной и обнаружил сообщение на автоответчике.

— Здорово, коллега, — бодрый голос Чейза. — Я тут начинаюдохнуть со скуки на этом больничном. Не желаешь со мной сходить пропустить по стаканчику? В том баре, что мы были с ребятами в прошлый раз, помнишь? Я там в девять буду. Приходи. Давно не общались.

Длинный сигнал окончания сообщения.

Да, давно не общались. А стоит ли? Он, наверное, даже и не знает о моём уходе.

Что ж уходить, не простившись — нехорошо. Хотя, о чём я говорю? Я ушёл, не простившись с той, что мне безразлична, с той, что звала меня, а я проигнорировал.

Вздыхнул, глянул на часы. Пошёл одеваться. Досуг и алкоголь иногда помогают принимать решения. И может быть поддержка приятеля будет полезна.

Я ошибся...

КАСТЕР

Боль в висках. Сухость во рту. Поднять веки очень сложно, почти нереально. Похмелье?!
Неправда

Я мало пью. Был только шот или два. Неужели больше?

Что за запах? Приложил титаническое усилие и продрал глаза. Где я? Тусклый свет от свечи, наполнял комнату, заставляя предметы дребезжать в танце пламени. Грязный, изодранный матрас на полу вогнал в жилы леденящий ужас. Гора пыльного и рваного тряпья складывалась в тёмное бесформенное чудовище. Части от ломанных стульев свалены в другом углу. Длинная скамья, на которой покоились увесистая лопата и скотч.

Грудь, руки и ноги привязаны к стулу верёвками, прочно заблокировав любую попытку к освобождению. Больно шевелиться, но оглядется я себя заставил. Боже, нет...

Джилл!

Девушка так же привязана к соседнему стулу. Её голова предельно низко свисала на грудь, из-за мешающих растрёпанных волос невозможно разглядеть её лицо. Она была в одной смирительной рубашке и так же плотно прикреплена за талию к стулу.

— Джилл, давай же, очнись!

Дохлый номер. Закрутил головой с целью найти того, кто нас пленил. Того, кого я пытаюсь столько времени вычислить, но дом был пуст.

Что ж, сойдём до тупого анализа. Я был с Чейзом, пропустил с ним пару шотов, а потом? Туман. Кромешная тьма. Такое ещё раз нереально, потому что пить я умею. Значит что-то пошло не так.

Что тогда с Чейзом? Тут много версий. Одна из них самая страшная, а другая всё объясняющая. Нет, не может быть!

С силой заёрзал на стуле, тщетно пытаюсь освободиться, ну или хотя бы ослабить свой плен. Верёвки завязаны на совесть, что за пару часов моих стараний, заработал на запястьях кровавые мозоли.

Сколько мы уже здесь? Что это за дом? О нём говорил тогда детектив? И вообще, как тут оказалась Джилл? Как она снова миновала охрану? Её отсутствие в больнице замечено? Ну а о цели и исходе нашего пребывания здесь уже боялся думать.

Шорох дверей. Шаги прогибающиеся гнилые половицы. Всё тело напряглось в ожидании. Он в доме — тёмный субъект, голова наглухо покрыта капюшоном толстовки. Полумрак позволял видеть только его ладони и подбородок. Он подошёл к девушке и пару раз легонько шлёпнул её по щекам. Джилл никак не среагировала.

— Чего тебе надо от неё? — прошипел гневно я, наблюдая, как он принялся отвязывать её от стула. — Не трогай! Хватит уже!

В голове всё перещёлкивало дикой резью.

Мужчина поднял её на руки и перенёс на матрас. Мой болезненный мозг в ужасе признавал возможный план его дальнейших действий. Субъект стянул с несчастной смирительную рубашку, оставляя бесчувственное тело в одних трусах и майке. Вооружившись длиной верёвкой, затянул конец на запястьях девушки. Проверил на

прочность. Тормознул, наблюдая за бесчувственной фигурой девушки. Провёл пальцем по шраму на её лице, убрал прядь волос в сторону. Наклонился и поцеловал в ключицу, втянул запах кожи.

Я сцепил зубы и сжал до боли глаза. Уши сурово заставляли слушать звук поцелуя.

— Ты хуже животного, мразь, — прошипел я.

Игнорируя нелестную критику, мужчина принялся дальше за своё дело. Второй конец верёвки протянул под матрасом и вывел к ногам девушки. Перетянул на щиколотке пленницы. Дёрнул путы на прочность. Готово. Встал и направился ко мне.

— Ну и? — с вызовом смотрел на капюшон. — Что со мной? Грохнуть сразу не интересно?

Субъект стянул с головы свою защиту, позволяя мне увидеть себя.

— Чейз... — молвил я одними губами.

— Ты был близок. Меня лишь глупая выходка Сэмми спасла тогда.

— Что изменилось теперь? — в груди ныла досада на самого себя.

— Круг сжимается. Я много наследил.

— Наследил?! — смешок прорвался сквозь зубы. — Ты делал это постоянно, но все, словно враз слепли, тупели и немели.

— Тут Льюис неплохо помогал, — Ричер пожал плечами.

— Господи, — тяжёлый выдох разорвал мою грудь. — Зачем вам всё это? А ты? У тебя же семья!

— Семья?! — тут его лицо перекосило. — Её у меня больше нет. Эта сучка убила мою семью.

Я открыл рот, но так и не решился возразить, поэтому глупо проблеял губами и смотрел на его внутреннюю ярость.

— Жена и сын лишь для отвода глаз?! Хулио Мадери это и есть Дьябло? — наконец, осенило меня. — Твой брат...

— Только по отцу, — поправил он. — К счастью, матери у нас были разные. Я хоть и любил своего братца, но тварью он был отменной.

— Но твой брат сам пустил себе пулю в лоб...

— Из-за неё! — истерично перекрикнул Ричер. — Она сломала его! Превратила в тряпку, в пустышку.

— Как и тебя?! — подлил масла в огонь. — Он мучал и измывался над ней только потому, что хотел заглушить ненужные чувства, хотел сделать себя властелином над её телом! Он знал, что она никогда не полюбит чудовище в нём, поэтому владеть Джилл для него было гораздо проще. Чем больше она боялась, тем дольше была его рабой.

— Заткнись! — Чейз сжал пальцами виски, метнулся к матрасу. — Засунь свой психоанализ себе в задницу!

— Знакомо?! Речь не только о твоём брате, но и о тебе, — видя его тремор в теле, понимал, что бью в точку. — Ты стал его копией! Таким же ублюдком для неё, но тебе всегда не этого хотелось. Ведь ты другой! Но ты боишься остановиться. Боишься, отпустив, навсегда потерять! Будь выше, Чейз! Отпусти её! Я всегда считал тебя неплохим парнем. Одумайся... отпусти...

Мужчина, слегка покачиваясь, смотрел на неё. Присел на край лежака, погладил правую руку, перебрал пальцы без ногтей. На лице тяжёлая дума.

— Я был готов к этому... Был готов отпустить. Уйти... Но она не вскрыла себе вены.

Значит всё-таки сама.

Он горько усмехнулся, поднялся, отошёл и вынул из своего рюкзака полупустую бутылку виски. Отвинтил крышку и опрокинул в рот. Множество жадных глотков вперемешку с какой-то дрожью. Он сам не в своём уме и давно.

Я задёргал веревками, глупо воображая, что они вдруг ослабли, а я стал сильнее.

— Не делай так, это меня бесит, — рывкнул Чейз, вытирая губы от горючего напитка. — На, — он подошёл вплотную и начал силой заливать своё поило мне в рот, блокируя сопротивление.

Я зашёлся диким кашлем и виски выплеснулось на него и на пол.

— Ну, ну, — Ричер отстранился и, убрав злосчастную бутылку, отпустил, не забыв садануть меня по лицу.

— Иди... на хуй, козёл! — давясь кашлем, прошипел я, пытаюсь нормализовать дыхание. Алкоголь жёг горло.

Чейз прошёлся по комнате. Остановился и вновь уставился на Джилл. Поставил виски на пол и сел обратно на матрас, продолжая смотреть на бесчувственное тело. Снял с себя толстовку и накинул на девушку, укрывая, как одеялом. Лёг рядом и обнял, по-прежнему глядя ей в лицо.

— Тихая, покорная, — провёл ладонью по волосам, погладил по щеке. Смешок. — А ведь у меня получилось. Она начала чувствовать. Начала хотеть, чтобы я был рядом. Амнезия сыграла большую роль в этом, — он посмотрел на свои руки. — Дала мне шанс. Я смог показать ей каким могу быть. Всё ещё чувствую трепещущее тельце в своих объятиях, как оно хочет ласки и наслаждения. Как она целует, прижимается, тает от моих прикосновений.

Внутри одолела тошнота, в висках запульсировал гнев и отвращение.

— Она... она не могла, — я тщетно надеялся на ложь.

— И она думала так же. Потому и решилась на суицид.

Его лицо искривила болезненная гримаса и рука вцепилась в шею девушки, но тут же опомнившись, мужчина отдернул ладонь.

— Хотела выкурить меня, очистить себя от непрошенных чувств, наказать за неправильные желания, — смешок. — Этакая грешница.

В памяти вспыхнула просьба поцеловать её. Боже мой! Это же был крик о помощи.

— Ты жалок, — издевательски сверкнул на него взглядом.

— Себя жалея, — Чейз встал и твердой поступью направился ко мне. — Твоя роль в моей мести не последняя. Мой долг завершить всю эту грязь. Ну и у тебя место в партере, за то, что распускал свои руки. Она — моя!

Ричер размахнулся и всадил мне жёсткую оплеуху. В ушах зазвенело и во рту появился солоновато-металлический привкус крови. Я сплюнул и меня вдруг пробрал смех.

— А ты до банальности романтичный дебил, — сквозь смех проговорил я. — Послушай себя! Она моя! Кретин! Твоё только тело. Можешь прямо сейчас грохнуть её и сиди потом, владей!

Похититель снова въехал мне по лицу, оглушив на мгновение. Затем ощутил болезненный толчок ногой в грудь, и я вместе со стулом полетел на пол. Чейз навис надо мной и замахнулся ещё для одного мощного удара, но тут Джилл зашевелилась и застонала.

Ричер тут же выпрямился и направился к ней.

— Нет! — не своим голосом заорал я. — Не трогай её, мразь! Я убью тебя, сука, клянусь, убью!

Он взобрался на девушку сверху и, схватив за волосы, бешено впился в губы. Джилл, окончательно придя в себя, закричала прямо ему в рот и тщетно начала брыкаться под ним, пиная и отталкивая свободной ногой. Мужчина зажал ей рот и несколько раз ударил головой о матрас, требуя притихнуть. Сбросив толстовку, начал рвать на ней майку и трусы.

Кровь заиграла ненавистью по жилам, и я отчаянно забился в оковах. Перевернутый стул облегчил задачу. Удалось сдёрнуть с ножек веревки, освобождая ноги, и подняться. Увидев мой небольшой триумф, Чейз бросился обороняться. В данной схватке, я был не в выигрышном положении. Проклятый стул оставался прикованным ко мне, но всё же мне удалось пару раз засадить ему ногами по рёбрам и животу. Окончился бой моим фиаско. Жёстким пинком влетел в стену. Стул в щепки развалился, наградив меня проколом дерева в бок. Я взвыл от жуткой боли, теряя себя в пространстве, одновременно отмечая на голове и теле ещё несметное количество ударов ног. Захлёбываясь собственной кровью, явно отражал, как этот ублюдок привязывает меня к какой-то жестяной балке у стены, скрутив за спину руки.

Пелена спала с глаз лишь тогда, когда истошный женский крик заставил очнуться мой мозг.

Чейз насилывал свою жертву. Кусал ей грудь и шею, рвал на ней волосы, жестоко вдалбливал себя в неё, оставляя кровоподтёки, окончательно уничтожая под собой.

Я смотрел на девушку, сосредотачиваясь только на этих слезах, обещая каждой капле, что цена за каждую будет уплачена.

Этот сукин сын кончил. Вытер ладонью кровь с промежности, перемешаную с его спермой и измазал ей лицо и груди.

Джилл слабо крутила головой. Слышал её тихие проклятия.

— Ты снова грязная, — шепнул он ей, но эта фраза прозвучала как иерихонская труба.

— Да. Но это уже твоя грязь, не моя, — она вдруг истерически захохотала и, собрав слюну, выплеснула ему в лицо, жёстко послав.

Он взревел и ударил её с невероятной силой. Мне показалось, что я услышал звук сломанной кости. Сжался, ощущая эту боль на себе. Девушка потеряла сознание.

Чейз отвязал её от матраса, отбросил верёвки.

— Пора...

Взял со скамьи скотч, сорвал и заклеил мне рот. После перемотал им запястья и ноги девушки. Скинул её тело на пол, отшвырнул матрас в сторону и на его месте начал ломать ветхие половицы.

Что он делает? Достиг чёрной земли и запустил в неё лопату.

Боже, нет! Отчаянно забился, но металлическая балка была в стократ прочнее.

Джилл, умоляю, очнись! Очнись! Беги отсюда! Я кричал это что было сил, но всё превращалось в бесполезные звуки, врезающиеся в скотч на моих губах.

Вырыв неглубокую яму, он сбросил бесчувственное тело девушки в импровизированную могилу.

НЕТ!

Я орал благим матом, клялся отомстить всеми богами, но гребанный кляп, минимизировал все мои старания.

Чейз засыпал девушку землёй. Накрыл сверху досками и вернул матрас на место.

— Теперь она полностью свободна, — сказал он, болезненным взором глядя на меня.

Ты покойник! Обещал я одним взглядом. Я достану тебя, даже с того света, клянусь,

достаю!

— Всё закончено для нас с ней, — скривился, перехватил лопату за черенок. — Прощай!

Последнее, что увидел — это лоток от злосчастной лопаты, который вырубил меня жестоким ударом по лицу.

Темнота.

ЭНДИ

Копаться в чужом дерьме вынужден по долгу службы. Именно так, я и раскрываю преступления, нахожу виновных и тыкаю их в свой же срам.

Дело Джилл Кэйтор, на мой взгляд, довольно обычное. Психопатка, окончательно слетевшая с катушек, убила своего лечащего врача.

Хм. Есть мотив, есть её признание, но... Чересчур много неясных улик, много противоречий и посторонние дополнения, которые венчали это всё в чудовищный бардак. Смущали отпечатки пальцев, обнаруженные на пальто врача и в заброшенной лесной хижине. Непонятный колыт тоже с её следами. Мне приходилось продолжать гадать о смысле деятельности этого неизвестного, который определённо есть. Кто он для Кэйтор? Враг или сообщник? Она его прикрывает — значит сообщник, но в дружеских видимых отношениях она только с Майерсом, который по отпечаткам не подходит.

Последние события вообще сбили с толку. Кто-то вырубил электричество на пятом этаже, которое повлекло за собой гибель нескольких заключённых. После всего этого Кэйтор делает попытку самоубийства. В довершении узнал, что Майерс вчера подал заявление на увольнение. Какая во всё этом общая связь? Есть ли она вообще?

Марк, между делом, выносил мне мозг своими доводами о моей излишней подозрительности.

— Марк, заткнись и пробей весь персонал больницы, — устало скомандовал я, надеясь, что хоть так он замолкнет и, возможно, даст мне какую-нибудь новую зацепку. И оказалось, что надеялся не зря.

— Льюис и Ричер — однокурсники, — он бросил на стол фото медиков, прям так сразу же, влетев в кабинет.

— Это не преступление, — скривился я.

— Нет, не преступление, — Вайлет, как всегда, восхищался собой.

Плюхнулся на стул и придвинулся к моему столу.

— Но у них общее и довольно плачевное прошлое.

Ждал моего интереса. Что ж, получай. Слушаю превнимательно.

— Два года назад погибли их братья. Причём брат Ричера не только жертва суицида, но сам Хулио Мадери по кличке "Diablo"...

— Так, притормози-ка, — я нетерпеливо привстал и снова сел, вырвав у него папку, открыл. — Брат Ричера убил семерых своих дружков, а затем застрелился сам? — прочёл в документе.

— Среди них был и брат Льюиса. Тоже считаешь это странным? — Вайлет выхватил у меня доки. — А знаешь ещё что странно? Этой инфы нет в общем доступе — извлекли из базы. Откопал её только при помощи Рика. Драгоценного нашего хакера, да светиться имя его! Это первое. А теперь ещё интересней. Из базы так же изъяли имя братца Ричера. Потому никто ни о чём не догадался.

Выходит наркодилер, головорез, мафиози и рабовладелец всей северо-восточной части Мексики — брат несчастного санитаря Чейза Ричера, который осел у нас в штате?

Марк продолжал:

— Теперь, веришь в то, что наркодилер, торговец людьми и хренов крестный отец, известный нам как Дьябло, ни с того, ни с сего убивает своих псов и потом пускает пулю себе в башку? Это уже второе. А вот наша Джилл Кэйтор ещё круче и...

— Мертва уже несколько лет, — закончил я за него, глядя в досье.

— Именно, но это одна из версий, как оказалось. По другим данным она была регулярно насилована собственными папашей и мамашей, сидела на поводке, как собачка. Потом, якобы, сбежала от них, а год спустя её труп вылавливают в реке, неподалеку от их жилья. "Убитая горем" семья вдруг резко богатеет и уезжает из своего захолустья в неплохой элитный райончик. И там спустя несколько месяцев — о горе! — сторают заживо. Уснул кто-то с сигаретой в постели. Идёт слух, что это, на самом деле, сотворила наша психопатка. Вдруг, через пять лет, откуда-то объявляется равнодушный дядя. Берёт девчонку на поруки, но погибает с женой и сыном от её ручек. Нашу психбольную ловят копы во время.. её попытки убить себя, — он начал смеяться.

— Путь в психушку готов, — подытожил я.

Мне захотелось плакать, такой закрученной и невероятно тупой биографии я ещё не слышал.

— Найди в базе пальчики Ричера и сверь.

— Пробовал, их попросту нет. Хотя, заметь, он, как брат нашего Дьябло, тоже должен был проходить по данному делу и числиться в нём, пусть даже, если ничего на него не нашли.

— Он скрыл своё прошлое, чтобы оно не мешало ему жить дальше.

— И, возможно, продолжать дело брата, — ввернул напарник.

— Ладно, пусть даже так. Что связывает их всех с Кэйтор?

— А тут, чудеса моей дедукции. Смотри, она пропала, её родичи тут же разбогатели. Откуда есть уверенность, что они просто не продали её? А подкинуть липовый труп для мафиози — сущий пустяк.

— Дьябло? — в этой догадке присутствовала некоторая разумность.

— Ты видел её? Её тело сплошное поле битвы. Она жертва издевательств.

— Где ты успел увидеть её? — не понял я, ведь посещал её обычно только я. — А в прочем неважно. Всё равно не стыкуется — Дьябло продавал людей, он не держал рабов.

— Ни факт. Вдруг он оставил её себе!

— Сентиментальность и это чудовище?! Не поверю, — усмехнулся я.

— Ему было уже к пятидесяти. Даже такие ничтожества хотят оставить свою кровинку на земле, — гнул свою линию Марк, брызгая слюной.

— Ладно, будь по-твоему, но чем сейчас нам эта информация поможет?

— А ты подумай. Кэйтор — жертва Дьябло, брата Ричера.

— По- твоему, Ричер продолжает измышляться над ней в память о брате? — звучало бредово.

— Месть за родную кровь... Почему бы и нет?

— Когда я в последний раз давал тебе выходной?

— На той неделе, — не уловил суть моей издевки напарник, но после чертыхнулся. — Нет, я не перегрелся, но эта версия многое может объяснить.

Я сочувствующе улыбнулся ему:

— Хорошо, побереги тогда свою версию.

Договорить мне не дали, сработала связь с секретарем.

— Детектив Миллер, вторая линия, — сообщили.

Я снял трубку:

— Детектив Миллер.

Сообщение с другого конца провода заставило меня внутренне подобраться.

— Что за пожар? — Марк поднялся следом.

— Это бесконечный цирк, — усмехнулся шокированно я, и положил трубку. — Кэйтор снова сбежала, а на проходной убили охранника.

Надел кобуру и направился к выходу. Напарник вытянул от удивления лицо и уже спешил следом.

— Ты-то куда?! — удивился я, зная, как его бесит эта психиатричка.

— Считай, задался целью доказать тебе свою правоту.

Я усмехнулся:

— Ты забыл значок и кобуру.

— Чёрт, — он с досадой вернулся за ними, а я довольный юркнул из кабинета и поспешил в машину, заведомо зная, что Марк всё равно догонит и продолжит сворачивать мне кровь.

В больнице опять царил кипиш среди персонала. На проходной толпилась охрана и администрация. Периметр был оцеплен. Криминалисты и судмедэксперты уже ползали вокруг места убийства. Толпа зевак и персонал растерянно разводили руками да пожимали плечами, общаясь друг с другом. Часть людей пребывало в тихом шоке. Членораздельную информацию дал только начальник охраны на освидетельствовании.

— Все думали, что он заснул...

Я смотрел на умиротворенное лицо покойника, который на первый взгляд, действительно, сладко спал. Выдавали его только синюшность кожных покровов и начинающие рьяно размножаться трупные пятна.

— Обнаружил его главный со второго этажа. Он ему замечание сделал, но тот не среагировал. Когда начали расталкивать поняли, что мёртв.

Подошёл к мертвецу и глянул на роковое отверстие на затылке — проникающая колотая рана.

— Да уж. Смерть была мгновенная. Он ничего даже сообразить, скорей всего, не успел. Потому и лицо такое спокойное.

— Действовал знаток, — покачал головой Марк. — Таким методом охотники добивают животное.

— Что с видеокameraми? — задал стандартный вопрос.

Теперь лицо охранника сменилось на виноватое выражение:

— Семь камер неисправны.

— Дайте угодаю, одна над постом, а остальные по возможному пути отхождения Джилл Кэйтор?

Мне стало одновременно и тошно, и смешно. Это клиника не психопатов, а кретинов, собственно, понятия эти ходят рядом.

— Ближайшая камера к центру видеозаписей засекала человека, он шёл в том направлении и уходил, примерно в тоже время, когда сломался видеоряд. Но определить кто это невозможно. Он скрыл лицо.

— Хорошо, взглянем, — кивнул я, немного смилостивившись, но эта информация пока была второстепенной. — Каким образом Кэйтор сбежала?

— Напала на санитаря, совершавшего ночной обход, стащила карту-ключ и смылась, — рапортовал "белый халат", вроде бы, врач пятого этажа. Киз, кажется. Я слабо его запомнил с прошлого раза, но спросить имя, постыдился, да и не нужно оно мне сейчас.

— Санитар в здравии? Вот страху-то, наверное, натерпелся, — Вайлет скривил губы в усмешке. — Бьюсь об заклад, что бедолага не успел разглядеть кто на него напал.

Да, напарник, тут я с тобой согласен.

— У него пробита голова, — Киз сердито уставился на моего мудрого напарника. — Он нуждается в медицинской помощи. Видел ли он нападавшего поинтересоваться пока нет возможности.

— Коварная девушка, не правда ли? Вырубил мужика, будучи в смирительной рубашке, — я хмыкнул.

— Тут и не такое иной раз больные вытворяют, уж поверьте мне, — Киз злобно покосился на меня.

— Хорошо, — сдался. — Но всё же, я не поверю, что Кэйтор действовала самостоятельно. Вдобавок, имеется вероятность, что видеорекамеры были заранее выведены из строя. И уж точно не ей.

— Вы намекаете на персонал? — врач возмущённо насупился.

— Что скажете про Кастера Майерса? — боком видел, как Вайлет удивлённо повернулся ко мне.

— Он уволился день назад.

— Алиби готово. Очень вовремя, — буркнул я, но чувствовал, что просто хочу поиграть на нервах Вайлета, поломать его версию.

— Что на счёт Ричера и Льюиса? — ввернул Марк.

Шквал вопросов заставил Киза неуверенно заикаться и мямлить:

— Ричер на отгуле ещё с ночи бунта в больнице. Шеф у себя в кабинете.

— Тогда навестим старого приятеля, — напарник довольно заскользил по коридору.

— Погоди, — я устремился следом. — Твоя теория, не спорю, имеет основание, но прошу тебя не упускай и тот факт, что и Майерс равнодушен к нашей психбольной и вполне тоже мог приложить руку к её побегу.

Вайлет сощурил на меня глаз. Я знал, что он согласен со мной, но лучше промолчит.

— Но Льюиса всё же стоит выпотрошить, — хлопнул напарника по плечу и подтолкнул.

В кабинете шефа больницы царил хаос среди врачей и санитаров. Они кричали на весь коридор и возмущались. Видно, безопасность данного места беспокоила уже всех.

Поняли, что немного не вовремя. Однако, увидев блюстителей порядка, все, притихнув, потянулись к выходу, а Льюис уже смотрел на нас, как на своё спасение. Не спеши, приятель, с выводами!

— Теперь вас слушаю, — он пригласил сесть.

— Каким образом один и тот же ваш пациент сбегает второй раз из довольно охраняемой зоны? — молвил я, сцепив руки на груди.

Он выдохнул, начиная нервничать:

— Видимо, какая-то сволочь ей усиленно помогает. Узнаю, уволю на хрен.

— Вам бы охрану усилить не помешало, — задумчиво протянул мой напарник.

— Как только, так сразу, — Льюис перебирал костяшки пальцев. — Хотел бы попросить Вас поторопиться с моим освидетельствованием, как понимаете, у меня полно работы.

— Поисковые отряды организованы?

— Да, четыре группы по три человека.

— Маловато, — хмыкнул я.

— После последних событий, я резко ограничен в ресурсах, если Вы не забыли.

— Да, помним, — кивнул я. — Бунт зэков всегда страшен, а психбольных ещё хуже.

Интересен только один момент. Во время бунта Джилл не высунула даже носа из своей камеры, хотя это был просто великолепный шанс для неё. Зато теперь, в тиши и спокойствии, вдруг решила погулять?

— Она, похоже, любит трудности, — поддакнул Марк.

— Послушайте, — Льюис устало подпёр ладонью щёку. — Если у вас есть ко мне или к этому делу конкретные вопросы, то прошу задать их. Я устал, но, так как теперь мне отдых долго не светит, то хотелось бы решать всё более или менее спокойно.

— Вы и Ричер, — моему напарнику, точно подпалили сидалище.

— Санитар?! — главврач скривился.

— Ваш — однокурсник, — поправил Вайлет.

— Это в прошлом, — буркнул он. — Нас больше ничего не связывает.

— С какого момента?

— Давно.

— После загадочной гибели ваших братьев? Сердитесь, что его браток убил вашего?

Лицо главврача напомнило мне морду терьера, готового сомкнуть свою пасть на Вайлете.

— Какое это имеет отношение к тому, что происходит сейчас? — зашипел он.

— Почему вы скрыли, что ваш брат и брат Ричера были в одной группировке? Ах нет, были членами организованной преступной группировки!

— Мне, что теперь до конца жизни отдуваться за все мерзости, что творил мой родственничек? — Сэй поднялся со стула и взревел, подобно зверю, уткнувшись в лицо моего прыткого напарника. — Жизнь его наказала. Я тут при чём? Родню не выбирают!

— Простите, — решил вмешаться. Напор Вайлета стал предельно не тактичен, даже глуп. — Просто информация о том, что ваш брат и брат Ричера были связаны, показалась нам немного ценной. Потому и испытали негодование. Просим, ещё раз простить, но понять.

— Однако, на вопрос вы так и не ответили, — Марк встал со стула и направился к дверям.

— И не обязан, это никак не связано с убийством доктора Робертс и охранника. Займитесь лучше правильными подозреваемыми.

— Смею заметить, вы один из них, — парировал я, тоже направляясь к выходу. — Ваш кольт так же проходит по делу.

Главврач зло клацнул зубами, продолжая сверлить нас уничтожающим взглядом...

— Нервный урод, — буркнул Вайлет, когда мы уже шли по коридору.

— Не стоило бросаться догадками, — укорил я.

— А если это не догадки?

— Марк, у тебя набор историй добытых хакером из недр интернета, — усмехнулся. — Они не согласованы ни с ФБР, ни с нами.

Вайлет всегда мог поспорить.

— Не забывай только, что Рик — НАШ хакер, — услышал нотки обиды.

— Меня заботит теперь, куда могла податься наша ненормальная? — я задумчиво дёргал мочку уха.

— В страну, что не выдает преступников, — ухмыльнулся Вайлет.

— Нам надо бы кое-куда заехать, — эта мысль пришла как-то неожиданно.

— Сейчас? — напарник удивлённо тормознул. — Мы толком не осмотрели даже труп и место преступления!

— Там и так полно криминалистов и экспертов, — махнул я рукой. Мы с тобой проверим в другом месте. Поехали.

Марк пожал плечами и покорно поплёлся следом.

Не знаю почему, но меня несло именно сюда? Может, потому что именно здесь была Джилл во время своего первого побега? Или это просто моё чутье, так нелюбимое Вайлетом? Но как бы он не возмущался, я всё же настоял на своем.

Дом так же негостеприимно встречал нас. Темнеющее небо нагоняло смятение и морозящий дискомфорт.

Марк взял из бардачка платок. Я вопросительно глянул на него.

— Что?! Там воняет жутко. Нос прикрыть.

Я усмехнулся и направился к дверям, но уже у самого входа мы слышали странные звуки. То ли стон, то ли мычание. Обменялись взглядами и, поняв друг друга без слов, освободили пистолеты и вооружились фонарями. Я кивнул напарнику, веля вышибить хилую деревяшку. Громко, ударом ноги, дверь слетела с петель. Столб пыли не сразу дал разобраться в происходящем. Я ожидал увидеть что или кого угодно, но не это.

В углу хижины бился мужчина. Выгибался назад к связанным рукам, тщетно пытался дотянуться до скотча на лице, сорвать его. Матрас на полу в пятнах, которые в бликах фонаря чернели отблесками крови. Запах грязи, пыли и пота. Разбитая бутылка в углу.

Напарник бросился на подмогу пленнику, убрал со рта скотч. И вот теперь я узнал Кастера. Зверски избит, лицо мокрое от пота и покрасневшее. Губы, рот, нос в кровавых подтеках, чудовищная рана на теле в боку, заливала его одежду и пол.

— Джилл! Скорее... под матрасом! Помогите ей. Она там!

Я и Марк остолбенело глядели на одичавшего мужчину, толком не в состоянии понять о чём он. Здесь никого нет. Возможно болевой шок, вынуждает его уже на бред?

— Ну же, мать вашу, развяжите! — крик бесконечной паники.

Вайлет уже возился с верёвками на запястьях, пытаясь перерезать своим перочинным ножом.

Освободившись, мужчина сорвался с места и отшвырнул матрас к стене.

— Джилл?! Сейчас! Я сейчас!

Искры какой-то логики подтолкнули нас за ним. Кастер отбросил доски, которые были давно уже кем-то сломаны,

и прямо руками, словно собака, начал рыть чёрную землю. Не присоединиться мы не могли и уже через пару глубоких подкопов, наткнулись на человеческую руку.

— Ни хрена... — вырвалось у меня и, теперь мы принялись рыть яму с невероятной прытью.

Кастер отрыл голову. Джилл Кэйтор!

Я потянул её вон из могилы, пока эти двое пытались освободить ноги и тело. Девушка

нагая, лишь жалкие куски оборванного тряпья говорили о насильственном акте. Земля забила ей в нос, рот, уши, глаза, окрасила волосы и кожу в серый цвет. Кровь на промежности, грудях и на щеках приобрела багрово-чёрный цвет. Зрелище сдавливало грудь от ужаса и вызывало тошноту.

— Джилл! Джилл...

Кастер бился в истерике, метался возле неё, дёргал руки и голову.

— Убери его! — рявкнул я Вайлету, понимая, что мужчиной владеет явная паника, которой, в данном состоянии, он управлять не в силах.

Напарник скрутил несчастного и припечатал к полу. Кастер в бессилии начал подвывать.

Опрокинул девушку вниз лицом, зачистил от земли нос и рот насколько смог. Прослушал пульс — есть, но слабый. Не дышит. Снова перевернул на спину и принялся за искусственное, надеясь, что грязь не станет жёсткой помехой. Явна асфиксия инородным телом, в данном случае, чёрная земля. Послушал сердце. Очень низкие тоны, пытающиеся уйти в небытие.

— В больницу живо, — скомандовал и, завернув жертву в свою куртку, понёс в машину.

Пока Вайлет гнал авто, я продолжал делать искусственное дыхание и непрямой массаж сердца.

Кастер на переднем сидении панически ёрзал, задавал глупые вопросы, молил и умолял, чтобы девушка выжила, обращаясь к ней.

Вся гонка до больницы была сущим адом. Наконец, достигнув квалифицированных врачей, мы передали несчастную в реанимацию.

— Кастер, — потащили теперь мужчину в приёмную, так как его увечья волновали нас не меньше.

Майерс был сер на лицо, кровь из бока по-прежнему увлажняла его одежду.

— Ты весь в крови, идём. Тебя должны осмотреть. Ну же!

Кастер Майерс, не сводя глаз с дверей, что скрыла девушку, так и рухнул на мраморный пол. Напарник едва успел придержать его голову, чтобы смягчить удар.

— Врача! — орал я в коридор, уже видя, как белые униформы бегут к нам.

КАСТЕР

После всех потрясений минуло два месяца. Джилл долгое время пролежала в реанимации, а после в палате интенсивной терапии. Разрывы половых органов, перелом правого предплечья, сотрясение головного мозга. Мудрые медики справились с этими проблемами, но вторая оказалась намного сложнее — девушка отказывалась говорить. Замыкалась при беседах с психотерапевтом, просто отворачивалась, категорически не идя на контакт.

— Джилл, — однажды, посещая её, настойчиво проронил я. — Тебя могут снова упечь в психушку. А это довольно глупо с твоей стороны, после того, как мы смогли доказать, что ты всё время была вменяема, — подняла на меня глаза. — Знаю, тебя тошнит от них, но, умоляю, постарайся. Это твой шанс на свободную новую жизнь!

Только после этих слов, она пошла на контакт.

Полиция во главе наших спасителей продолжала безуспешно разыскивать Чейза Ричера и Сэма Льюиса, которые всё же умудрились скрыться. На моего коллегу у копов была лишь одна, к сожалению, действующая улика и то смутно доказаная. Отпечатки пальцев на теле девушки и разбитой бутылке совпадали с отпечатками на пальто доктора Робертс. Но, чтобы основательно доказать прямую причастность Ричера, нужны откаты его пальчиков, которые в данный момент было не получить, а все свои личные вещи и рабочие, он устранил.

Следовательно, и наше свидетельство против Чейза, было бесполезным, так как улик на него не набиралось.

Мой дядя рыл в Бостоне, поднял все дела, в которых хотя бы отдалённо могло фигурировать имя Дьябло, пытаясь найти лазейки к его брату, а так же заодно вычислить крысу в своём бюро.

В результате, несмотря на многие факты, Джилл всё же продолжала проходить по делу об убийстве Робертс. Начали поднимать когда-то закрытое уже расследование об убитой якобы ею семье, в существовании которой мы, мягко говоря, сомневались, так как исчезли все свидетели и детективы расследовавшие то дело, как мановению палочки. Дело есть, улики есть, а самих участников громкого убийства — нет.

Убийство охранника, можно сказать, вообще никому не присваивалось из-за полного отсутствия улик. Но все понимали, что, раскрыв убийство Эммы Робертс, мы автоматом докажем и другие.

В целом, вся эта суматоха зашевелила спящих детективов и следователей. Стало даже доходить до девушек, чудом спасшихся когда-то из женского рабства и дошедших до правоохранительных органов.

Однажды, Джилл узнали, но встреча этих двух бывших рабынь была неприятной.

— Ты с-сука! — истерично кричала темноволосая женщина, мечась в руках Марка и меня.

Она стремилась к Джилл, чтобы, наверное, не только избить, но даже не побоялась бы убить.

— Я убью тебя, мразь. Шалава этого выроodka! Ты же тоже женщина! Как ты могла со всеми так поступать?! Тварь! Тварь!

Беснующуюся вытолкали в коридор, а Джилл в ступоре отчаянно мотала головой, пытаясь зачем-то оправдаться. Слезы рекой вновь текли по её лицу.

— Я не хотела... Правда не хотела... Простите. Простите!

Поспешил к ней и обнял, пытаясь унять её жуткую дрожь.

— Всё нормально, Джилл, слышишь, всё хорошо. Ты ни в чём не виновата.

— Я не могла. Он... Он же требовал... Требовал. Мне было страшно.

— Тш-ш, — сильнее прижал к груди и гладил по волосам до тех пор пока девушка не успокоилась.

Ей было запрещено покидать город и, поэтому, после выписки, детективы включили нас в программу защиты свидетелей, но даже такие оковы не причиняли Джилл неудобств. Она чувствовала свободу и вдоволь наслаждалась ей.

Я и девушка вместе переехали в квартиру, снятую полицией.

— Ты можешь выбрать комнату первой, — Марк улыбнулся ей, вручая ключ от входной двери.

Этот недоверчивый совсем детский взгляд. Джилл неуверенно приняла ключ и неумело открыла дверь.

Квартира оказалась достаточно большой, светлой и просторной. Окна выходили на парковую улицу с детскими площадками.

— Нравится? — Вайлет улыбнулся ей.

Она кивала, светясь восторгом. Прошла в одну из спален. Осмотрела шкафы, глянула в окно и присела на краешек большой кровати. Расплылась в улыбке.

— Выбор сделан, — заключил Энджи и поспешил на кухню.

Я сбросил чемоданы с сумками в другую спальню, по умолчанию, ставшей моей. Закинул к ней худенький пакет с её вещами, который заботливо собрала для неё Брит, пожертвовав даже свои вещи для первой необходимости...

Со следователями мне многое приходилось обсуждать. Выпросил защиту для своих родных, хотя моя мать упорно отказывалась и требовала, чтобы я сам вернулся в Бостон и, желательно, без Джилл. Её тревоги я мог понять, но был не менее упёрт, чудом удерживая мать в родном городе.

— Неужели, до сих пор нет вестей? — в надежде смотрел на детективов.

— К сожалению, — ответил Вайлет. — Их или кого-то похожих на них заметили в Канзасе, но след простыл мгновенно. Ричер умный ублюдок и Льюис не менее, боюсь дадут ещё жару. Главное, бдить.

— Враг теперь виден, предсказуем, а мы готовы, — Энди как-то резко его перебил, видно для пущей убеждённости в силе блюстителей закона.

Прервал нас шум воды. Точней обеспокоил только меня. Я до сих пор воочию видел перед глазами голое женское тело в душевой и окрашенную кровью воду, стремящуюся в канализацию.

— Простите, — подскочил со стула. — Я на минутку.

Метнулся в комнату Джилл. Не вовремя. Она стояла лицом к дверям, обнаженная, одежда покоилась на кровати.

Увидев эту картину, невольно врос в пол, замерев. Девушка считала в себе возможное с невозможным. Фигура виолончели, каждый изгиб тела на своём месте, высокая талия,

небольшая грудь, тонкие стройные ноги. Да, мне приходилось видеть её в неглиже, но раньше это были всегда жуткие и полные адреналина обстоятельства, теперь же она стояла передо мной, и я мог полностью её разглядеть. Но любуясь, просто не мог не испытать жалость к этой восхитительной фигурке. От шеи вниз по левой груди шли чудовищные рубцы от ожогов, шрамы от порезов, частично и в паховой зоне. Ноги тоже были истерзаны белесыми следами и на колене зиял след от пули.

Она вскрикнула, метнулась к приготовленному халату. Прикрыла наготу.

— Уйди, Кас! — возмущенно потребовала девушка.

Опомнившись, отвернулся и сконфуженно заблеял:

— Прости, прости. Я... я просто, — слова не шли с языка. Чёрт! Соберись же! —

Прости, шум воды меня напряг.

— И что? Ты решил, что снова примусь за старое? — в её голосе прозвенели нотки обиды.

— Н-нет... да... то есть, — мне нужно сейчас видеть её лицо. — Можно уже смотреть? — не дожидаясь разрешения, всё же повернулся. — Прости, Джилл. Просто старые ассоциации всплыли. Ведь всё-таки это я тебя тогда нашёл в душевой. И тогда. Именно тогда был суицид.

Она опустила голову, сосредоточенно переваривая моё откровение.

— Я понимаю, — как-то резко произнесла девушка. Давно не видел в её взгляде сталь. — Всё хорошо, Кас. Правда. Я приму ванну и выйду к вам. Теперь, пожалуйста, позволь.

Она жестом указала на дверь. Я сглотнул, снова проямлил слова извинений и поспешил из её покоев.

В коридоре уже ждали детективы, которые тоже высунули нос от вскрика Джилл. Марк ехидно улыбался.

— Всё в порядке? — Энди щурил озорно глаз.

— Даже очень, — сконфуженно потёр затылок.

Они, улыбаясь, вернулись обратно на кухню.

Обсуждение всех дел длилось долго и к нам наконец вышла довольная и посвежевшая девушка. Длинные мокрые волосы зачёсаны со лба назад, румяное от процедур лицо, белоснежный махровый халат, банные тапочки. По сравнению с больничным одеянием, она выглядела настолько иначе и мило, что мы все трое открыли рты. Вайлет даже привстал, снова осел на стул и опять поднялся.

— Это кофе? — её глаза засияли от предвкушения.

— Да... Тебе тоже сварю сейчас, — Марк метнулся к кофеварке, одновременно приглашая её на свой стул.

Она села и осмотрела стол. Конфеты, печенье, а в углу бутылка виски.

— Ты наверное голодна? — спохватился я, вспомнив, что обед был давно, а сейчас уже поздний вечер.

Джилл мотнула головой.

— Думаю, кофе хватит, — улыбнулась, даря мне облегчение.

Она не обижалась на меня из-за случившегося, за что был благодарен.

Марк уже колдовал над кофемашиной.

— Я рад видеть тебя... Вот такой вот, — старший детектив по-отечески улыбнулся ей. — Теперь, — он вздохнул, делая паузу и переводя всё на неприятный для всех

разговор. — С психологами ты общалась, с докторами тоже, пожалуй, пора уже пообщаться с нами. Согласна? — Она кивнула, опуская снова взгляд вниз. — Всё, что нам сейчас известно — это только со слов Кастера и мисс Брит, а также пара улик в твою пользу. Но для полной картины нам бы хотелось услышать твои показания.

— Я понимаю, — она благодарно приняла чашку с кофе. Замерла на тёмной жидкости, долго думая. Разглядывала перламутровые блики в пузырьках пенки.

Марк облокотился на барную стойку. Я услышал тихий щелчок начала диктофоной записи. Джилл тоже услышав, повернула к нему голову.

— Вы и правда хотите всё знать? — мы безмолвно кивнули. Джилл бросила взгляд на виски и решительно двинула чашку с кофе к Энди. — Можно и мне?

Следователь с секунду поразмыслив, налил горячительное прямо в кофе. Девушка сделала большой жадный глоток, слегка прокашлялась. Подумала с полминуты и начала свою биографию.

С каждым промежутком её исповеди, детективы всё больше и больше менялись в лице. Энди подливал всем спиртное, кроме рассказчицы. Последние же абзацы её жизни вызвали во мне негодование и даже отвращение к ней.

Он не лгал! Этот чёртов сукин сын не лгал! Она действительно полюбила его. Она начала чувствовать к этому ничтожеству любовь! Да вашу ж мать! К нему?! К этой твари, что несколько раз подводила её к смерти? Не может быть! Только не к нему!

Дальше уже ничего не мог слышать. Я оглох. Ком негодования подкатывал к горлу, побуждая разнести всю кухню в щепки. Мне надо остыть! Надо.

Я сорвался с места и ушёл.

— Кас? — не понимая, окликнул Марк.

Как теперь, блядь, смотреть на неё? Она, словно стала для меня его соучастником. Помощницей этому ублюдку!

Стокгольмский синдром? Психологическое состояние, когда жертва начинает испытывать чувства к своему насильнику. Учёными доказано, но до конца не изучено. Это тоже последствия психического сильного стресса, когда жертва, пытаясь спасти свою жизнь, подчиняется своему душегубу, постепенно начиная понимать его, сочувствовать ему и даже любить и оправдывать...

Да блядь! Она столько лет прожила с Дьябло в одной постели, но ни на грамм не прониклась к нему, а теперь за несчастный год влюбилась в его братца? Бред!

Сел на кровать, роняя голову в ладони.

ДЖИЛЛ

Я ждала подобное именно от него и винить за это не имела права. Хотя, думаю, и он не должен.

В присутствии детективов, я была не способна всё верно донести до Каса. Заканчивая рассказ и уже опустошив чашку, без всяких просьб, вновь наполнила её, но только алкоголем. Спиртное обжигало пищевод и голову. Мне так легче. Проще принять себя и свою сумасшедшую боль.

Рассказывая всё это, не заметила даже, что плачу. Снова, чёрт возьми, плачу!

Видя мое состояние, мужчины не смели что-либо говорить, уточнять и переспрашивать. Молодой детектив просто бесконечно держался за лоб и, можно сказать, почти не дышал.

— История Дьябло, довольно долго шумела в криминальных сводках, — выдохнул наконец старший детектив, — но всем нам о нём известно лишь из рассказов его рабынь, точней тех, что он не успел продать или тех, что смогли выжить в мире торговли людьми. Ты с одной из них вынуждена уже была столкнуться. Истинной правды о его смерти нам не известно до сих пор. Ты сейчас оказалась не только первым очевидцем, но и соучастником этого дела. Следствие закрыли очень быстро, что странно, так как дела таких людей долго ведутся. А позже дело из базы вообще изъяли.

— Мы сейчас в стопоре, пока не найдём этих мерзавцев, — Вайлет осел на стул, покинутый Кастером. — Наберись теперь сил и мужества. Осталось немного, — он накрыл рукой мою покалеченную ладонь. — Ты на финишной прямой, Джилл, — ласково улыбнулся, но, почуяв мою неловкость и напряжённость в данном жесте, убрал руку.

— Сил психологических у неё хватит на всех, даже тебе останешься, — Энди забавно сгримасничал, а потом лукаво подмигнул мне. Я невольно улыбнулась. — А для того, чтобы стать сильней физически мы тебе немного подсобим. Считай это и будет твоей психологической обработкой. Завтра к вечеру тебе надо будет приехать вот по этому адресу, — он придвинул ко мне визитку. — Мы тебя там будем ждать.

— Хорошо, — стало интересно.

Детективы допили оставшееся в своих чашках и поднялись из-за стола. Проществовали в прихожую на выход.

— На автобус? — Марк хлопнул напарника по спине, что тот едва не забордал дверь.

— Щас же! — проворчал Миллер, пытаясь стоять ровно. — Такси поймаем. Я больше выпил.

— Да уж. Жена опять тебя на диван отправит, — хихикал Вайлет.

Пока они одевались, то продолжали шутить и озорно поглядывать на меня. Я дежурно улыбалась, понимая, что они просто подбадривают, и была благодарна.

Наконец входная дверь за ними закрылась, а маска улыбки ещё долго оставалась на моём лице, постепенно уходя в тяжёлую думу.

Я стояла в коридоре. Долго и обездвиженно. Взор упал на двери в комнату Кастера. Там полумрак и тишь. Направилась к ним, но замерла на пороге, притормозив руку в стуче. Ладонь обмякла и просто коснулась бесшумно двери. Этот разговор нужен нам обоим.

Взглянула на свои покои. Дверь открыта. Виднелся угол кровати, кресло, шкаф, тумба. Это теперь всё моё! Нет санитаров, врачей, никаких обходов, приёмов лекарств, звуков решёток, криков больных. Больше никто не глумится надо мной. Неужели это правда? Но насколько долго это всё? Мне нужно ценить каждую секунду своей свободы, потому что где-то внутри себя отчего зижделось чувство, что это всё — лишь временное затишье. Мой враг и человек, что гноем очерняет моё сердце до сих пор жив и на свободе. Он не оставит меня, и я должна быть к этому готова.

Мотнула головой, сбрасывая тяжёлые мысли. Утёрла ещё одну проклятую слезу. Нет, уже не так всё! Полиция теперь знает обо всем и видела истину. Со мной Кастер.

Кастер. Я снова обернулась на его двери. Мой ангел-хранитель. Моё — спасение. Тот, кто первый решился верить мне, кто был рядом, кто поддерживал словом, кто, наконец, вытащил меня из самого ядра ада.

Толкнула его дверь. Силуэт мужчины на кровати. Он сидел, спиной ко мне, понуро наклонив тело вперёд. Молчал. Осторожно присела на край кровати с другой стороны.

— А сейчас? — сиплый голос, словно оглушил меня. Я внутренне встрепенулась. — Что

ты к нему чувствуешь сейчас?

Хороший вопрос. Что я чувствую? Хочу ли его целовать? Хочу ли, чтоб его руки трогали меня? Хочу ли видеть его? Да, хочу! Безумно хочу. И это безумие отравляет моё тело. Но...

— НЕТ!

Это слово настолько сильно ударило мысли и чувства, что оно вырвалось из недр моих уст.

— Что нет? — Кас не мог знать моих размышлений, а должен. Только он имеет на это полное право.

— Я хочу убить его, — эту фразу произнесла абсолютно искренне и настолько кровожадно, что Майерс невольно обернулся.

— И его смерть поможет забыть его?

Сцепила зубы в гневе на себя. Кастер видит меня насквозь. Видит, как я хочу избавиться от того, кто засел в мышце, которую кличут сердцем. Я не могу дать верный ответ. Не могу определить даже, что это. Сумбур в душе мучил мою адекватность.

— Скажи, ты любил кого-нибудь? Когда-нибудь?

Однажды, я задавала ему этот вопрос, но тогда цель ответа была далекой от нас самих. Пауза. Долгая. Ненужная и мучительная.

— Кас? — позвала я, изнемогая от тишины.

— Любил, — наконец проронил он.

Я повернулась к нему, оперевшись взглядом в понурую спину.

— Тогда расскажи мне об этом чувстве!

Всю жизнь, прожив в страхе, отчуждении и ненависти, я никак не могла знать, что такое любовь. И теперь, он требует от меня ответов, которые мне неведомы. Ведь я и правда могу жестоко ошибаться.

— Расскажи, что такое любить кого-то? Как это?

Кастер резко обернулся, встал, рванул меня за плечи вверх, ставя на колени прямо на постель, перед собой. Притянул, обхватил одной рукой за талию, другой за лицо, провёл ладонью прямо по шраму, разглядывая. В полумраке заметила в его глазах то, что никогда не видела раньше. Столько искренности, заботы, ласки, восхищения и даже боготворения. Эти глаза готовы лишиться всего ради того, чтобы снова видеть меня перед собой. В груди больно ёкнуло, ухнуло и холодом поползло по спине вниз, утяжеляя мои ноги. Я поскорей увела взор, но мужчина снова заставил смотреть ему в глаза.

— ВОТ ЭТО любовь, — все мои ощущения он просто прочёл. — Любить — это отдать жизнь за тебя, сделать всё, чтобы ты обрела счастье. Беречь тебя от боли как душевной, так и физической. Хранить, как своё тело. Любить тебя так..., как я люблю тебя.

Ноги обрели ватность. Я вцепилась в его плечо, увернула лицо от жарких ладоней и уткнулась лбом в широкую грудь. В теле что-то начало расти, раскрываться и цвести. Душа, словно упала в чьи-то тёплые и сильные руки, окончательно давая понять, что я больше не принадлежу одной себе и впервые эта принадлежность радовала меня.

— Ты стала моей жизнью, Джилл, — шепнул он мне в ухо, теплом дыхания согревая кожу.

Я благодарно подняла на него веки, и встретила в этих глазах столько тепла, что невольно перевела взгляд на губы. И смотреть долго на этот рот не пришлось. Он запечатлел меня в поцелуе нежном, любящем, обволакивающем до кончиков пальцев.

Сердце, душа, боль, мысли — всё утонуло в этом сильном теле. Отстраниться я не

желала.

После он просто уложил меня в свою постель. Лёг сзади, обнял, сплёл свои ладони в моих и прижался щекой к голове. Лёгкий поцелуй в плечо.

— Спасибо, — всё, что я смогла проронить, но знала, что он поймет меня верно.

Так под его дыхание в самое ухо, подобно колыбельной, я уснула. Впервые без страха, в покое. В крыльях своего ангела.

КАСТЕР

Я должен был признаться. Ей необходимо знать всю разницу между любовью и обладанием. Ею всё время владели, топтали и унижали. Что такое забота и самопожертвование, а тем более любовь — Джилл знать было просто не дано. Девушка запросто могла перепутать это с похотью и вожделением, возможно, именно на этом Ричер и сыграл.

Моё признание полностью раскрыло мою личность и намерения. Она может больше меня не бояться, но, блядь, снова чудовищно ошибался.

Утро было спокойным и солнечным. Я приготовил завтрак и мы мирно общались. Не о нас, не о пережитом, а абсолютно о постороннем. Я веселил девушку историями из своей студенческой жизни. Повадал о работе официантом в кафе, клерком в банке и даже грузчиком в супермаркете. Она глотала информацию и проявляла не малый интерес. Смеялась от души, где требовалось.

Джилл сообщила о том, что ей нужно прийти по адресу, который оставили детективы. Я непременно должен её сопровождать. Значит нужно собираться.

Посуду мыть мне наотрез запретили, дескать, я же готовил завтрак.

Глянул на пейзаж ранней весны и вспомнил о том, что по части гардероба девушка абсолютно бедна. Быстренько оделся и, сообщив ей об уходе, помчал по торговым магазинам. Купил восхитительное выходное платье, пальто стильного покроя (не без помощи девушки-консультанта), сапожки. Зашёл в кафе, заказал латте с корицей и несколько горячих булочек с черникой.

Зайдя за порог, был в некотором изумлении. Джилл драила полы с неистовой прытью. Я, оберегая её труды, осторожно поставил пакет с продуктами на тумбочку в прихожей. Пока разувался, услышал, как покупки полетели на пол, возможно, из-за неловкого толчка со стороны девушки.

— Чёрт! — с досадой уронил я, видя, как кофе растекается по чистому полу. Жаль...

Но реакция со стороны Джилл обеспокоила не на шутку. Увидев, растущую по полу жижу, она в ужасе метнулась к пятну, и живо начала его затирать.

— Простите... Я случайно. Я сейчас все уберу, сейчас...

— Ничего страшного, Джилл, — попытался её успокоить, не сразу понимая суть этой паники.

Потянулся к ней, но девушка в ужасе вскричала и отпрянула, попыталась пятиться, начала закрывать себя и голову руками, и... молить:

— Нет, прошу, не надо... Я уберу, я исправлю...

Ею владел животный страх и паника. Она старалась уползти от меня, хваталась за ведро и половую тряпку, начинала мыть испорченный пол, и стоило мне её коснуться, как девушка срывалась на крик, умоляя простить, и пыталась вырваться и даже убежать.

Она не здесь, не со мной, а в своём прошлом, понял наконец. Я изучал это ещё на первом курсе психологии, это отголоски посттравматического стресса, которые могут возрождаться при определённых видах деятельности, звуках или предметах. В её случае, это

уборка. И видит она сейчас перед собой не меня, а Дьябло и его приспешников. Это наваждение нужно остановить.

— Джилл, Джилл! — мне пришлось схватить её в охапку и оттащить от чёртового пола.

Девушка рыдала и брыкалась у меня в руках, царапалась, молила о пощаде. Почувствовал чёткий удар локтя в нос, который тут же нагрелся огнём боли, заполняя слёзные железы жидкостью. С трудом удержав извивающуюся ношу на руках, донёс до её комнаты и бросил на кровать. Претерпевая удары кулаков по телу, обхватил за голову и начал звать прямо в лицо. Не видит, не слышит.

— Дьябло мертв! — только это фраза как-то заставила её, наконец, увидеть мои глаза да и понять кто всё же перед ней. — Его больше нет. Ты убила его! Ты свободна, Джилл!

Напряжение в женском теле начало отступать. Девушка теперь чётко смотрела мне в глаза и точно осознавала время, место и действие.

Отпустил её и отошёл к окну. Тяжело дышал, переводя дух. Из носа кровоточило.

Осознав, что наделала, Джилл спрятала лицо в ладонях и зарылась в одеяло. Услышал её приглушенное "Прости".

Чертыхнулся и пошёл прочь из комнаты. Остановил носовое в ванной. Прибрал поле боя. Сварил уже обычный кофе. Булочки всё же удалось спасти. Уселся за стол и принялся за трапезу.

Пригласить её? Нет уж, дудки! Сама придёт и не ошибься. Появилась на пороге, виновато смотрит на меня. Кивнул ей на чашку кофе. Девушка присела, продолжая склонять голову. Да, дорогая, ты снова обработала мне рёбра и лицо.

— Ешь, давай, — буркнул, жуя откушенную булку.

Отпил, пронаблюдав, как Джилл робко приступила к кофе-тайму.

— И момент один, если ты ещё раз вздумаешь наводить тут порядок, я сам лично тебя побью, понятно?

Опешив немного, она кивнула и, подавив скромную улыбку, приступила к еде.

ДЖИЛЛ

Ругала себя с каждой минутой всё сильнее, смотрясь в зеркало и разглядывая своё новое платье. Нежно-фиалковый цвет ткани, лёгкого летящего покроя подол, неглубокое декольте. Попыталась улыбнуться этой новой девушке в отражении — незнакомой, свободной, летящей.

— Твой цвет, — голос с порога заставил оглянуться. Кастер в джинсах и клетчатой рубашке, с умилением разглядывал меня, облокотясь о косяк дверей.

— Это всё не моё, — сконфуженно потянула руки к молнии на спине, намереваясь снять наряд. Он быстро шагнул ко мне.

— Только попробуй, — настойчиво и мягко его рука остановила мою ладонь. — Пожалуйста... Для меня.

Подняла на него взор, поворачиваясь лицом. Делала я такие вещи только для Дьябло и его брата, точнее была обязана делать. В чем тогда разница сейчас? Чем он лучше их, если подчинюсь? Ответ сработал рефлексом:

— Нет, — жестоко высвободилась из его захвата и рванула молнию вниз. Глянула с какой-то победой на него, но лишь увидела понурую спину, удаляющуюся в коридор.

Пока стягивала платье. Слышала шуршание пакетов в прихожей, а потом входная дверь

хлопнула. Тут испугалась. Почему он ушёл? Потому что обидела его, поставила вровень с ними.

— Идиотка! — крикнула теперь своему отражению в зеркале.

Той обнаженной и искалеченной фигуре, той, которую я люто ненавижу. Схватила непонятную рамку со стола и швырнула в своё отражение. Звон, осколки полетели мне в ноги, несколько крупных оцарапали голень. С минуту, молча и замороженно смотрела на отражающие мою фигуру льдинки, которые прямо зазывали рухнуть в них. Как раньше, отдать свою боль, наказать тело, чтобы забыть о страданиях. Но это же снова шаг туда, назад!

Словно от удара какой-то стены, отскочила от этой мысли. Нет, я должна уйти от этого. Прекратить! Нет!

Прямо нагишом выскочила из своей комнаты, подальше от прошлого. Осела в коридоре, подобно верной собаке ожидая возвращения Кастера.

Через полчаса услышала звуки открытия дверей. Вернулся! Нужно всё исправить, он поймёт. Я не хочу, чтобы Кас злился на меня. Бегом устремилась по коридору и прямо кинулась на шею вошедшему мужчине:

— Прости меня, прости, — выпалила, крепко сжимая его в объятиях.

Сумки и ключи полетели из его рук на пол, едва удержался на ногах. Чертыхнулся, но обнял в ответ.

— Джилл, — позвал он, спустя минуту. Попытался отстраниться. — Всё в порядке. Я не злюсь.

Ослабила хватку. И только сейчас, когда он рванул с себя рубашку и начал быстренько натягивать мне на плечи, поняла, что снова хожу в чём мать родила.

Однако, мужчина хмуро и сосредоточенно смотрел на кровь, что на моих ногах.

— Что ты делала? Что у тебя с ногами? — его голос прозвучал немного грозно.

Боже, он думает сейчас об этом?! Я замотала головой. Кастер устремился в мою комнату и увидел разбитое зеркало. Обернулся. Глаза наполнены разочарованием и досадой.

— Джилл. Чёрт тебя дери! Неужели...

— Нет, нет, — отчаянно замотала головой. — Я разбила зеркало... Просто разбила! Это не то... Правда!

Кас схватил меня за плечи и пристально уставился в лицо:

— Ты свободна, Джилл! Тебе помогают. И поэтому не смей — слышишь? — не смей повторять старое.

Старое? Стало обидно от его слов.

— Ты тоже веришь, что я самоубийца? — неожиданно поняла я, заставив его запнуться. — Веришь в это? — Отпустил, и, сцепив зубы, отошёл. — Ну же? — мой голос дрогнул.

Неужели, он такой же, как все те в больнице? Неужели, думает так же как они?!

— Если бы верил, не стал пытаться помочь, — буркнул отрешенно в ответ.

— Тогда, что мешает поверить в то, что зеркало просто разбито?

Снова оглянулся на меня, оценивая. Глянул на кровь на ногах. Что-то прикидывал в голове.

— Ничего, — словно сдаваясь, бросил мужчина, пятясь из комнаты. — Оденься в это. Надо ехать, — кинул пакет ко мне.

Поймав его, с горечью посмотрела на мужчину. Он не понимает меня, смотрит на всё

под другим углом. Боже, но он должен понять!

— В моей жизни было всего две попытки самоубийства и то так их не назвать. Первый раз я пыталась убить отродье Дьябло, а второй раз мерзкие чувства к его брату. Это не суицид, Кас, это убийство! Неужели, ты не увидел разницу?

Эти слова заставили его, замерев, смотреть на меня. Тень вины всё же тяжёлым выдохом вышла из его груди.

— Переоденься в моей комнате, — проронил Кастер, сменив негодование на милость. — А я пока уберу осколки.

Опустила голову и поплелась к его покоям. Меня никогда не смогут понять. А должны ли? Ведь я — человек, который дважды самолично вставал на грань между жизнью и смертью.

МАРК

Я считал это неплохой идеей, спасибо, и шеф меня поддержал. О чём это я? Ах да, если вернуться к началу этого конца.

История психбольной сперва меня маловолновала. Чокнутая пациентка убила своего лечащего врача. Я считал это банальностью, тогда, как сам всегда мечтал о громком деле, устроить облаву крупному синдикату или притону, раскрыть самое громкое преступление, обезвредить серьёзную террористическую группировку. А тут?

Энди вёл расследование, а я, нехотя, выполнял мелкие поручения. Босс всё-таки. Но дело постепенно стало набирать обороты, невольно втягивая меня в историю сумасшедшей, которая, как после выяснилось, являлась бывшей секс-рабыней самого Дьябло, ярого продавца человеческого товара, наркоты и оружия в Мексике.

Его дело было закрыто, лишь потому что следствие зашло в тупик, а крутить много лет историю какого-то засранца, погубившего, чёрт знает, сколько душ и невинностей, было слишком жестоко по отношению к родственникам жертв. Мразь мертва, вроде, суицид. Значит делу дан ярлык о прекращении расследования.

Но эта Джилл подняла на поверхность тонну новых фактов и плюсанула к ним продолжение истории. Я загорелся азартом, включая свою "гончую".

Когда изъял истерзанное и бесчувственное тело девушки из чёрной могилы в хижине, вконец, ощутил дикую ярость к той твари, что до сих пор портит ей жизнь. Мне вдруг стал понятен мир Джилл. Мир жестокости и сумасшествия, в котором она из последних сил пытается сохранить себя, свой рассудок и даже честь. Ей определено нужна помощь. Не просто запихнуть девушку в новую тюрьму и охранять от врага, а именно научить бороться, дать ей физическую силу, встать на одну линию с бойцом.

— Свихнулись? — шипел на нас Майерс. — За эти сутки мы и так пережили пару кризов, дак вы ещё и решили научить её драться?

— А почему нет? — я не считал это опасным для её психического состояния. — Это поднимет в ней дух, поможет ощутить и взвесить свои силы и возможности. Она посмотрит на женщин в группе и увидит, что слабый пол, может быть в разы сильнее.

Кастер глянул на Миллера, прося поддержать его, но мой босс просто пожал плечами.

— Кас, караулить её тебе до скончания своих дней? Она человек, женщина и она должна уже выползти из этой ямы. Данный вид реабилитации мне кажется не так плох.

— Может ее спросим? — я порхнул к девушке.

С каждым днём пребывания на свободе на лице Джилл рос здоровый румянец. Не заметить её некоторую грусть и скованность было невозможно, но она улыбалась, не натянуто и дежурно, а искренне, приветливо.

— Здравствуй, — теперь у меня невольно дух рухнул в конечности ног. Что опять за выкрутасы?!

— Здравствуйте, детектив, — она пожала мою протянутую ладонь.

— Давай на "ты", — попросил настойчиво, так как привык к более простому общению. Девушка кивнула. — Иди сюда. Познакомься. Это тренер по женской самообороне Кристофер Тонеп.

Низкорослый, крепкий мужчина, африканской внешности, улыбнулся нам белоснежной улыбкой, явно контрастирующей с его цветом кожи, и слегка поклонился своей блестящей гладковыбритой лысиной.

— Здравствуйте, — тень непонимания накрыла облик девушки и она снова неуверенно кивнула.

— Кристофер обучает женщин защищать себя в опасной для жизни ситуации, проводит и демонстрирует правила рукопашного боя с противником на уровень сильнее.

— Погодите! — Кэйттор резко остановила мой поток.

Почувствовал, как руки вспотели от волнения. Неужели, она не поймёт и откажется? Я свято верил в то, что эта часть её реабилитации будет самой правильной и лучшей.

— Драться?! Но я...

— Да, Джилл, — вмешался тренер. — Драться! Мы все ежедневно ведём бой. Бой психологический. С собой, с родственниками, с людьми в магазинах, транспорте, на улице, с коллегами, даже со злом и несправедливостью. У нас этот бой разный и зависит от ситуации. Но нам нужно учиться и тренировать свой дух, чтобы справляться со всем. Именно, так мы будем сильнее, выносливее и перестанем бояться. Вы — сама, Джилл, кузнец своей жизни, своего счастья. И любую помеху мы будем учиться отсекавать, побеждать. Женщина сильна не только душевно, но физически. Я помогу вам это понять и ощутить. Осознание и станет вашей истинной свободой.

Девушка смотрела на него, как на бога или святыню. Да, я видел в ней именно это. Отчего Кастер разглядел другое?!

— У неё тяжелое посттравматическое состояние. Девушке нужен покой, — снова вмешался Майерс.

— Или самобичевание, — фыркнув, ввернул я.

— Это плохая идея, снова повторяюсь, — Кас кинул на меня суровый настойчивый взгляд и взял девушку за руку, намереваясь увести.

— Нет, Кас, я хочу попробовать, — Джилл выдернула кисть из его хватки. Взгляд горел огоньком интереса и надежды.

— Джилл, прошло слишком мало времени. Твое состояние...

— Боевое!

Этот психозаумишка начал раздражать. Трёпа уйма, а результата ноль. Теперь я взял её за плечи и подтолкнул к Кристоферу.

— Тренер сейчас тебе всё расскажет. Иди с ним.

Они ушли. Энди лишь пожимал плечами и покачивал головой, а лицо Кастера налилось краской гнева.

— Вы что творите?!

— Новую жизнь для девушки потерявшей силу воли, — твёрдо произнес я. — Хороша та женщина, что смотрит на мужика свысока и убивает одним взглядом, а не та, что вздрагивает от каждого шороха и прячется под кровать, скрываясь от тирании. Прошлая Джилл Кэйтор умерла в той яме, в том доме и в тот вечер!

Внутренне заплодировал своей тираде и, гордо выпрямившись, повернул от них на выход.

Босс явно придавил в себе смех от моего монолога, а Майерс, в свою очередь, давил в себе злость, думаю, от осознания того, что я был в чём-то прав. Жаль, что тут не пошли в ход фанфары и салют в мою честь. Пошёл только я прочь. Хотя не совсем прочь, скорее вниз в кафетерий. В прошлое посещение съел тут обалденный сэндвич с креветками и мисо-суп. Сделав заказ, принял за свой стол позже присоединившихся Майерса и шефа. Я был бы готов выслушать извинения Каса, но знал, что они не последуют. Ладно, позже благодарить будет.

Принесли мой заказ, и я в наглуую принялся его поглощать, заставляя ребят смотреть на меня и облизываться. Не волнует.

— Льюис засветился в Спрингдейле, штат Арканзас. По данным моего дяди в Бостоне, — сообщил Кастер, переводя тему.

А вот теперь я пожалел, что напихал полный рот еды.

— Кастер, его вчера так же засекли в Оуэнсборо, штат Кентукки, а через полчаса в Индиане и Мэрилэнде, — покачал головой Энди.

— И что это значит?

Шеф красноречиво смотрел на него.

— Зайцы петляют.

— А это значит, что у них есть какой-то план, — наконец, прожевав, добавил я.

— Ну, об этом судить ещё рано, — покачал головой шеф. — Но о чём бы я начал беспокоиться, так это о количестве. Похоже, растёт новая группировка.

— На неё требуются расходы, — возразил Кастер. — Ради мести, Ричер не стал бы настолько вкладываться, да и Льюис бы взбунтовался.

— Это верно, — согласился я, успев хлюпнуть ложкой супа. — Но если расклад поменялся? Дьябло был крупной шишкой в своём ремесле, имел партнёров, покупателей, поставщиков, врагов наконец. Почему бы нашим родственникам теперь не вернуться к семейному ремеслу? И связи их братьевников помогут.

— На рынке человеческих тел жёсткая конкуренция, они редко помогают друг другу, — хмыкнул Энди. — Кому захочется возиться с беглыми родственниками их конкурента? Только, если есть верный должник или же объявился родственник.

Я начал живо рыться в своей голове. В инфе, достатой Риком не звучало больше имён их клана, равно как и у Льюиса. Хотя мой хакер нарыл несколько связей.

— У Дьябло были дети, — ввернул я. — Дочь и сын, но он никак не поддерживал с ними связь.

— Мы их проверили. Сыну лишь десять. А дочь старше Джилл и всю жизнь прожила в Мехико, отличница, занимает высокую должность на секретном военном объекте. Вряд ли, она интересуется своими корнями. Значит остаётся святой должник Дьябло, и о нём, вполне, может знать его бывшая секс-рабыня, — выдал шеф чёткую мысль.

Майерса скукожило:

— Я бы попросил больше не употреблять это определение к ней.

Шеф виновато развёл руками, но согласно кивнул.

— Снова возвращать её мысли в прошлое? — Кас нервно потёр ладони. — Я её оттуда всем силами достаю.

— Джилл понимает, что это часть расследования, — я резонно смотрел на него. — Ты чересчур оберегаешь девушку. Джилл сильнее нас всех. Дай и ей мыслить.

Майерс лишь приподнял одну бровь.

— В любом случае, факты о местонахождении Ричера и Льюиса крайне смутны, поэтому за девушкой надо получше присматривать. Неприятности всегда неожиданы, — подчеркнул Миллер, принимая свой заказ у официанта.

ЧЕЙЗ

Пустота. Эта сука выела меня изнутри. Забрала всё. Мою жизнь, цели, семью. Лишила сил и воли. Я умер морально и физически. Убил в себе всё то, что делало меня человеком.

Устал. От чуждой злобы в своём сердце, от ненависти к себе, что делаю всё наоборот, что не могу правильно поступить из-за своих никчёмных амбиций и оттого, что сам связал себя по рукам и ногам.

Сигарета обожгла пальцы, лишь потому, что тупо смотрю на неё, как сгорает, как превращается в пепел и опадает на пол. Как я, теперь... Без НЕЁ.

Отпустил, навечно отпустил, простился! Простил! Убил нас обоих!

И что теперь? Убежать! Грёбанная память! Удариться башкой и забыть всё, как она. Не помнить её, не осознавать, какой мразью я стал, есть и буду для неё. Смысла нет всё исправлять. Она — моё сумасшествие, моя вечная рана, которая гноится и смердит, выпуская наружу всё самое тёмное и неизведанное во мне, чего сам боюсь и что презираю. Только одна лишь грязь.

Всё пошло наперекосяк, когда взбунтовалась доктор Робертс. Вернувшись взвинченным из леса, я без сил сидел в кабинете Льюиса. Я впервые признался тогда ей и вдруг почувствовал отклик. Это была жалкая минута, но Джилл была полностью моя не только телом. Желание снова увидеть её и ощутить сводило в жгут. Но Льюис вернул меня в мою жестокую реальность...

— Видимо, финансовая помощь по спасению здоровья её сестрёнки закончилась, — сердито буркнул тогда Сэм. — Эмма задолбала меня и напрягает уже не на шутку.

— Вот и закрой ей рот. У тебя ж полно ресурсов, — в тон ему буркнул я, абсолютно без задней мысли.

— Ресурсы? Да, есть, — он вдруг выложил из сейфа кольт. — Но сделаешь это ты.

— Сдурел? — ошарашенно глянул на него. — Хрен тебе! Я не убийца!

— Пора бы начать. Это было твоей идеей организовать здесь квест для той суки. Ты же умеешь одновременно и ненавидеть, и любить, — смешок. — Робертс сдулась и теперь серьёзная угроза для нас.

— Пошёл в задницу, — прорычал я, с ненавистью смотря на него. — Я не буду её убивать. Если так надо, делай это сам...

В доли каких-то секунд Сэм оказался напротив, впил пальцы в моё плечо, припечатывая к спинке кресла. Взгляд почернел от гнева и презрения.

— Я достаточно сделал для того, чтобы ты трахал здесь свою ненаглядную, а взамен я довольствуюсь лишь шрамами на её паскудном тельце. Ты просил, и я не грохнул твою тварь, хоть и чешутся руки, но все игры, рано или поздно, подходят к концу. Робертс становится нашим провалом. Если она заговорит, то судит нас будут не за издевательства над твоей шавкой, а за то, кто наши братки. Поэтому ты возьми этот кольт и снеси башку докторше. Сценарий расправы можешь надумать сам. Но если откажешься, то обещаю тебе, твоя Джилл узнает, что такое передняя капсулотомия. Выдать приказ на

операцию мне не составит труда, сам понимаешь. Хочешь себе подружку с абулией? Потом точно станет твоей... беспрекословно и навечно.

Дальше слушать все эти жуткие и страшные до дрожи в ногах нейрохирургические термины больше не мог. Выкинул вперёд кулак, нокаутировав его на пол.

Льюис усмехнулся и, переведя дыхание, спокойно поднялся.

— К утру Робертс быть не должно. Если не выполнишь, решать проблему буду я и более кардинально. Усёк? Теперь пошёл нахуй отсюда, слюняй!

Я сплюнул ему под ноги и вылетел тогда из кабинета...

В висках стучало. Звук выстрела до сих пор в голове. Ощущал капли крови на своём лице, видел её на спецодежде и руках. Ветвями болезненной заразы она обволакивала моё тело, очерняя своим смрадом и тленом. Влетел в раздевалку, наспех натянул одежду прямо поверх рабочей. Мыл руки и лицо до звенящей скрипоты.

В ладонях невероятный тремор. Хотелось рыдать, орать благим матом, лезть на стену от убитой мной совести. Я видел много смертей, столько ненужных и жестоких. Я смотрел на них и ненавидел всех, кто это творил. Старался обособиться от этого. А теперь? Теперь сам бесповоротно переступил эту линию. Одним жутким и решительным шагом. Ради неё. Снова всё ради неё. Из-за неё! Блядь!

Добежал до нашей сраной лачуги, не имеющей удобств и простого быта. Скинул с себя всю одежду и бросил в мусорный пакет.

Ноги и руки холодели, в голове вакуум, язык сводило. Сердце развалилось и стремилось из меня позывами рвоты. Я не мог дышать. Частые и короткие вдохи не наполняли грудную клетку кислородом, а нераскрытые лёгкие вызвали нестерпимую боль под рёбрами.

Виски! Много виски. Опрокинул бутылку, опалая янтарной жидкостью горло. Захлёбываясь слезами, задохнулся и меня вывернуло наизнанку. Страх перерос в ярую злость. Швырнул полупустую бутылку в стену. Мало. Это не выбило из меня душу. Схватил стул и принялся громить шкафы, мебель и технику. Полностью обессилив, рухнул на пол посреди комнаты. Алкоголь и моральная пустота погрузили, наконец, сознание в беспомыслие... Но мне теперь никогда не забыть, что я сделал...

— Пора заканчивать, — подвёл итог Сэм. — Майерс пасёт каждый шаг, а он не глуп, и скоро нас накроют, — оглядел меня. — Ну и хреновая у тебя видуха.

Окинул его нездоровым взглядом. Заканчивать? Это значит лишь одно. Нет, не могу. Не сейчас. Я не готов. Голова отрицательно затряслась, виляя судорожным маятником.

— Я не могу её убить... Только не её, прошу тебя. Не трогай её... Оставь...

— Слабак! — презрительно фыркнул Льюис.

Его приход тогда в камеру Джилл был целенаправлен и спасло её лишь чудо в лице меня и Майерса. Выкладывая колыт следователю на стол, я убирал Льюиса с своего пути. Знаю, что ненадолго, но мне это даст время, чтобы придумать как вытащить отсюда Джилл и скрыть от легавых и всех этих хреновых защитников.

Но всё пошло к чертям. Блаженное и высокое чувство счастья накрыло голову, когда понял, что Джилл раскрылась для меня. Впервые ощутил её ласку, преданные касания, томление женского тела в моих руках. Она должна стать моей, должна жить. Я могу измениться для неё, могу дать всё то, чего лишил по глупости. Ещё не поздно всё исправить.

Решение было принято. Устроить ей побег или инсценировать самоубийство самый верный вариант. Я обнулю её для Льюиса, для полиции, для всех. Только она и я... Всё получится. Амнезия мне на руку. Я успею показать ей какой на самом деле. Она узнает...

Поверил сам в себя. Душа с радостью стремилась в рай, но вдруг упала, вдребезги разбившись о землю...

Вскрыла вены. Что?! То есть как это?! Не может быть! Ведь всё стало хорошо. Мы были вместе. Душа заболела ещё сильнее, чем когда вырывал её из сердца с корнем, впуская ненависть, как антидот.

" — Я помню тебя. Помню всё, что ты творил со мной! Помню теперь всю свою лютую ненависть к тебе, все твои гнусные и мерзкие действия с моим телом, помню мой страх и отвращение... Я помню тебя, ублюдок, и должна уничтожить. Всё было болью, но больнее ты сделал сейчас, влюбить меня в себя — наивысшая точка твоего садизма. Ты выиграл и этот бой."

Полюбила?! Меня? То чудовище, что сам в себе презираю?! Я давно раб своему телу. Давно променял совесть на гроши. Перестал видеть ту черту между правильным и неправильным. Я — чёртов Адам, что пошёл на поводу у Евы и съел запретный плод. Я тот, кто стёр грани и размыл линию между добром и злом. Я знаю, где она, но это стало всё настолько далеко, что боюсь не найти к ней возврата. А надо ли?

Шок. Снова боль. Ненавидит, потому что любит, а полюбила, потому что просто не помнила. Но память вернулась, а с ней её презрение умноженное теперь в сотню раз. И Кас. Он тот за кого она готова бороться — укусы на плече это явно доказывал.

Снова алкоголь и злоба увела в туман остатки моей адекватности.

Пора заканчивать, но так, чтобы навечно...

Убить. Вырвать корень моего зла. Поставить точку... Почему так? А как? Её жизнь — гниение моей мерзкой душонки. Моя смерть, кровь на моих руках и огромная дыра в груди...

Вторая пачка сигарет сброшена на пол. Виски не помогает да и не нужно больше. Весь вечер смотрю на дуло пистолета, который покоится рядом с моей рукой...

— Ты ебанный придурок! — орал Сэм, когда я еле приполз из той хижины. — Ну грохнул её — молодец, а того козла зачем туда приволок? Показал себя! На хрена?! Да и ещё в живых оставил! Ты — психопат, такой же, как твоя шавка!

Не хотел отвечать да и не мог. Всё внутри ныло и стеноло. Я больше не хочу жить... без неё не смогу. Весь смысл своего бытия я самолично закопал в землю. Сгорел дотла.

Сжал пистолет в руке и повернул дулом к себе. Теперь только ты моё спасение от самого себя, моё избавление и орудие наказания. Отключить все лампочки и больше не думать, не жить. Сунул ствол в рот. Палец нащупал спусковой крючок. Одно резкое и отчаянное движение и я выключу этот мир для себя навсегда.

— Если так не терпится, то вали на улицу, — рык Льюиса за спиной. — Отскабливать с пола и стен твои мозги я не намерен. — На колени спланировал обрывок газеты с фотографиями меня и Сэма. — Поздравляю, мы в розыске, потому что Майерс и твоя сучка выжили.

Мой облегчённый и даже радостный выдох. Спасибо, Боже. Жива! Жива! Спасибо!

— Чего улыбаешься, придурок?! Радуйся, радуйся! На тебе теперь два убийства и покушение. Сгниёшь в тюрьме.

Отшвырнул от себя пистолет. Да, срать! Пусть берут. Можно сразу же на гильотину. Она

выжила. Мой чудовищный поступок не привёл к столь плачевным обстоятельствам. С неё снимут все подозрения, освободят из клиники. Она станет наконец свободна и её защитят. Уж Майерс позаботится об этом.

Но снова зудит под рёбрами. Память всё ещё хранит её поцелуи, её руки, глаза, голос. Дико хочу к ней. Обнять, целовать и во всём признаться. Дать ей этот пистолет в руки, чтобы она прикончила и меня, окончательно избавилась от гнёта моей семьи. Поступить так же, как Хулио, вернуть Джилл свободу, которую я так беспощадно забрал.

Что теперь? Мне остаётся лишь уйти! Сбежать, как можно дальше. Боль утихнет, раны затянутся, время вылечит память. Мне необходимо уйти. Уйти от себя. От неё.

Сэм тихо меня презирал, но помалкивал, так как знал, что один не справится. Ищейки шли по следу. Мы провели в "подполье" около месяца, пока нас не посетил неожиданный сюрприз.

Это была молодая женщина лет тридцати в сопровождении четырёх жлобов с оружием в руках. Невысокая, говорила на испанском диалекте Чьяпаса, тёмные волосы под каре, крепкое сбитое тело, маленькое личико. Она смотрела на нас свысока, хоть и была на голову ниже.

— Вы едете с нами, — спокойно осведомила она.

Её сопровождающие мигом оказались за нашими спинами и толкнули двигаться.

— Легче, — гнусно рявкнул Сэм, отчего меня скривило.

Мне было плевать кто они и куда нас ведут, лишь бы кончилось всё побыстрее, но оказалось, что всё только начинается. Нас погрузили в частный самолёт.

Спрашивать куда нас везут и тем более о цели, не имело смысла. Я просто уставился в окно. Через пару часов слепых раздумий понял, что наш полёт протекает через каньоны и сухую песчаную местность.

Мексика?! Я, словно летел назад в детство, где ещё была жива моя мать, где ещё был жив во мне тот маленький ребёнок — добрый, отзывчивый, любящий. Душа осела в ноги, превратив меня в вату.

Что всё это значит? Бросил взгляд на Сэма. Его лицо же наоборот начало, словно светлеть. Я чего-то не знаю?

Посадка вышла тяжёлой. Грёбанный пилот грохнулся на валуны, едва не размазав нос самолёта. Борт с пассажирами основательно растрясло по салону.

Зло сбросил с себя чью-то спортивную и довольно увесистую сумку, которая всей своей тушей свалилась мне на голову.

Женщина сердито орала на пилота, тот в свою очередь, покрасневшись, пытался извиняться, тоже на испанском наречии. Часть слов я ещё не забыл и что-то отдаленно мог разобрать. Она раздраженно брякнула что-то своим головорезам и те снова пихнули нас в спины.

Выйдя из самолета тут же наелся горячего песка, шквалом летящего по воздуху. Прикрыл рот полой рубахи. Жара невозможная. Взору открылась песчаная местность, с реденькими островками суховатой зелени и бульжников. Обернувшись, упёрся взглядом в бетонную ограду высотой метров пять. Через каждый метр наверху забора виднелись чёрные дулы автоматов. Во рту тут же пересохло.

Женщина твёрдым уверенным шагом направилась именно туда. Приблизившись, снова что-то крикнула на диалекте. Ворота увесисто и лениво распахнулись. Шагнув на территорию, просто ошеломлённо таранился по сторонам. Бронетранспортёры,

гранатомёты, вертолёт, военные машины, зенитка... Сотня полуголых и потных мужчин вооруженных до зубов взирали на нас враждебно и задиристо.

— Если продолжишь дальше так пялиться, останешься без глаз, — вполне миролюбиво предупредила мексиканка.

Мы двигались к обширному одноэтажному дому, немного напоминающему лабиринт, с резными решётками, на стенах следы от пуль, прилежащие лестницы усыпаны головорезами. Под окнами копошились женщины и... дети! У торцовой части дома шла погрузка большого количества свёртков прямо в трейлеры.

Больше я не сомневался — это наркокартель. Внутри всё упало. В носу засвебило от чёртовых воспоминаний из детства. Но там был мой брат, отец, мать, а тут? Что и кто вернул меня назад?

Дом шёл большими захолустными коридорами, содержащими в себе сотни дверей. Какофония криков и ругани, непонятный грохот, громкий быдлярский смех, даже детский плач. Из одной двери выглянули две запуганные девушки, у одной был выбит глаз, у второй разбита губа. Увидев нас, они быстро юркнули обратно. Мексиканка крикнула в дверь слова проклятий и защёлкнула замок. Им больше не выйти.

Окончательно осознав, где я, ждал лишь окончания прогулки, чтобы узнать, чем она закончится и, главное, кем задумана.

ДЖИЛЛ

Порыв ветра взмывал мои волосы к небу. Чувство полёта граничащее с непонятной пустотой внутри.

Ступила на край крыши, с замиранием сердца глядя в несущуюся сквозь булыжники реку. Лес на другой стороне мягко нашёптывал ноты свободы. Небо рассекали вороньи крики, напоминая, что цена за эту свободу оказалась слишком дорога.

Если я шагну туда, будет ли тот, кто подхватит и поднимет меня ввысь? Перенесёт на ту сторону.

— Ты больше не рабыня, — вздрогнула от голоса сбоку. Так же на краю, рядом со мной, стоял ОН, смотря вниз. — Теперь ты свободна. Я же отпустил тебя.

— Ты убил меня, — грудь наполнилась былой ненавистью и...

— Прости, — произнёс как-то спокойно, словно наступил мне на ногу. — Обещаю, этого больше не будет. Никогда.

Захотелось презрительно рассмеяться, ни на грамм не веря этим словам, но содрогнулась, когда его рука прошлась по шраму на лице. Тело мгновенно и предательски среагировало, захотела поймать его ладонь и зарыться в неё носом.

— Я люблю тебя, девочка моя, — проронил он с такой добротой и горечью, что внутри всё рухнуло вниз и живот скрутило в узел. — Я больше никогда не причиню тебе боль, клянусь.

С этими словами он мягко улыбнулся. Чёрные и жестокие глаза впервые смотрели с такой бескрайней нежностью. Невольно потянула к нему руки, но мужчина вдруг шагнул от меня вниз, в обрыв.

— Нет! Чейз!!! — в ужасе вскричала я, наблюдая, как пропасть безвозвратно забирает его...

— Джилл! Джилл! Проснись же! — голос Каса перекрикивал моё отчаяние. Картинка сна растворилась в небытие. — Проснись!

Распахнула широко веки. Моя спальня. Кастер в домашней футболке и брюках припал на край кровати. Это был сон, но такой явный. Облегченно выдохнула и потёрла ладонью лоб.

— Я задремала, — поняла, вспоминая, что решила прилечь.

— Снова кошмар? — мужчина заботливо смотрел на меня. — Хочешь, поговорим об этом?

— Не хочу, — твёрдо мотнула головой. — Просто сон. Всё в порядке, правда, — перевела дыхание и села на край. — Схожу в душ. Прости, что напугала.

— Ничего...

Выключив кран, ступила босыми ногами на холодный пол в ванной. Большое белоснежное полотенце смотрело в мою сторону. Повернулась к зеркалу. Ту женщину не видно в отражении. Пар заволок стекло своей нежно-серой дымкой. Тщательно стёрла его ладонью. Теперь она смотрела на меня — истерзанное шрамами тело, лицо, поганящие,

уродующие и хуже всего напоминающие о них, о нём.

Новый операционный след на животе. Разрывы шейки матки, старые рубцы в фаллопиевых трубах. Гинеколог зачищал, полностью восстанавливал и собирал по кускам мои детородные органы.

Перед глазами всё время было ЕГО лицо, полное гнева и безумия. Но каждый ночной сон зачем-то дарил мне другого Чейза. Любящий, грустный взор, ласковая ладонь в моих волосах либо на лице. Он мог молчать, мог сидеть со мной рядом, мог говорить невероятно нежные и высокие слова, но каждый сон заканчивался одинаково — его гибелью, будь то пропасть, пистолет или нож.

Я по-прежнему презирала этого мужчину, но всё так же раз за разом в ужасе наблюдала за его смертью и переживала внутри себя щемящее чувство утраты. Днём мечтала о его смерти, но ночью зачем-то искала способы спасти.

Раздражённо стянула полотенце, обернулась в него и прошлепала в комнату Кастера. Тот сидел за компьютером и усиленно что-то рыскал. Увидев меня в дверях, мгновенно соскочил.

— Ты всегда живо реагируешь на моё появление. Нет, ничего не случилось, — дружелюбно улыбнулась ему. — Не помешаю?

— Нет, конечно. Проходи. Садись... Эм, — он смущенно осмотрел комнату, кроме кровати здесь некуда сесть, — куда-нибудь. — Присела на угол его ложа. — Милое полотенце.

Глянула на себя, поняв его намёк.

— Мне стоило сперва одеться, наверное, — до меня снова дошло, что я абсолютно не забочусь о правилах приличия, а пора бы уже начинать осваивать. — Прости, отвыкла от нормальной одежды. У меня были то больничная рубашка, то смирительная.

— Нестрашно, — он улыбнулся и снова сел за компьютер. — Со временем получится. Руками ты почти уже не ешь. — Смутившись, усмехнулась. — Раз пришла, делись своими впечатлениями и навыками в боевых искусствах.

Тут я искренне захохотала:

— Хочешь, чтобы я уложила тебя на лопатки?

— Конечно, — в ответ он улыбался уже во весь рот. — Так уж и быть, поддамся.

Опустила лицо, продолжая смеяться.

— Мне приятно видеть твою улыбку, — услышала теперь. — За это можно многое отдать.

Вздохнула и благодарно посмотрела на него.

— Ты и так едва жизнь не отдал за это, Кас. Если бы не ты, меня бы здесь сейчас не было. Спасибо в сотый раз.

Тут ощутила, как ком подкатил к горлу. Нет, снова плакать я не буду. Сорвалась с места и кинулась ему на шею. Он немного опешил, но крепко обнял в ответ. Замерли, словно, отдыхая в объятиях друг друга, пока мой взгляд не упал на экран монитора. Папка с файлами под именем, проевшим мне всю кожу, "Diablo".

Тут же плавно выскользнула и подошла ближе. Ткнула пальцем по папке, качнув монитор. Чёрт! Вроде мышкой надо, понятия не имею, как это работает. Кастер, однако, перехватил её и слегка отодвинул меня от монитора.

— Джилл, не стоит, — смотрит умоляюще, отражая тонну печали. Я сглотнула ком любопытства.

— Это его дело? — Кивнул. — А если могу чем-нибудь помочь? — Невольно сдавило горло от надвигающегося страха перед прошлым. — Что-то вспомню...

— Ты должна это забыть, а не вспоминать, — подчеркнул твёрдо мужчина и выключил компьютер.

В груди засвербило, словно у меня отобрали игрушку или кусок торта.

— Ты что-то нарыл, — это я определила по его выражению лица.

Кастер выдохнул и попытался вновь улыбнуться:

— Не больше того, что известно тебе.

Помотала головой. Ты обманываешь.

— Рассказывай, — почти велела, твёрдо глядя на него.

Выдохнул ещё тяжелей.

— Это мелочи, Джилл. Всего лишь из биографии очередного ублюдка и мерзавца.

— Поэтому ты нервничаешь?

Он опустил голову, что-то тщательно перебирая в уме.

— У Diablo есть дети, — выпалил одним выдохом.

Внутри загорелся огонь досады.

— Я никогда не видела их. Как? Кто?

Непонимание толстой стеной обступило моё сознание. Если у него были уже отпрыски, зачем он требовал ребёнка от меня? Ответ на вопрос озвучил Майерс:

— Были секс-рабыни, которые влюблялись в него, — меня перекривило и передёрнуло одновременно, — либо хотели наживы за счёт чад, так как знали, что он мечтал о своих отпрысках. Сисилия Мортес — его первая дочь, твоя ровесница, может старше лет на пять-семь. Жаль, нет фото. Он не признавал её много лет, но за полгода до своей смерти отчего-то решился. А так же признал сына, тому сейчас лет десять. Они, собственно, и есть прямые наследники его грязного богатства, прошлого и репутации.

Теперь Кастер презрительно хмыкнул. Я отчего-то напряглась.

— Дети знают кто их папаша и чем он промышлял?

Странно, но меня волновало не это. Он признал их, потому что потерял нашего ребёнка и... чувствовал свою скорую смерть. Только в эту секунду, я вдруг осознала всю его сумасшедшую и звериную любовь ко мне. Потерять смысл всей своей бесчеловечной жизни, поняв, что любимая женщина готова убить себя, чтобы предотвратить рождение его ребёнка, единственного которого он желал всей душой.

Выстрел себе в голову, как избавление от мук, как искупление за свои зверства перед любимой. Выстрел, как подарок вечной свободы для нас обоих.

Кас что-то говорит.

— ... Потому их матери никогда не объявлялись. — Я встрепенулась, он осекся. — Джилл? Ты тут?

Усмехнулся растерянно.

— Наследство Diablo? — задумчиво протянула. — Неужели у них действительно есть права?

— Есть, — кивнул он. — Но только на то, что осталось, а это почти ничего. Только то, что имело законные права. Дом на севере штата Нью-Джерси, пара фамильных реликвий, драгоценности и прочая мелочь.

Я выдохнула, резко поняв, что хочу побыть одна. Мне нужно подумать обо всём этом. Почему-то это известие вызвало во мне сразу несколько эмоций... и одно самое странное,

как предчувствие, дежа-вю. Я будто снова села в невидимую клетку.

— Джилл? — Кастер обеспокоенно посмотрел на меня. — Порядок?

Я закивала чересчур резко.

— Прости, меня что-то от всего этого замутило. Я пойду прилягу.

— Давай, провожу до комнаты. Ты бледновата, — его искреля озабоченность мне сейчас лишни.

— Да, — но я знала, что нужно согласиться, меньше вопросов потом.

Кастер довёл меня до кровати, накрыл одеялом, как маленькую. Ласково смотрел в лицо. Нет, прошу, не смотри так. Уткнула взор мимо.

— Спасибо, — зарылась в одеяло, ожидая, когда дверь за ним закроется.

— Если что зови, я рядом.

— Да.

Нет, не позову. Мне нужен покой. Мне нужно подумать, понять и осознать.

КАСТЕР

Прошло три месяца с момента освобождения Джилл из психбольницы. Мир потихоньку принимал её в свои объятия, не без проблем, но они начали ладить друг с другом. Девушка продолжала исправно посещать занятия по женской самообороне. Я же наблюдал за ней, и моё сердце по-настоящему начинало радоваться. Джилл стала более уверенной в себе, перестала бояться людей. Даже прикупила во время ежедневной нашей прогулки платье и косметику. Да и не только, я впервые увидел её на шикарных каблуках, правда в примерочной. Позже она сочла эту обувь не мобильной и попросила вернуть их на витрину. Огорчение, но никчёмное.

Каждый вечер мы прогуливались в парке. Девушка впитывала в себя всё и всех вокруг. По-детски разглядывала собак с хозяевами, немного с грустной радостью на мамочек с малышами, с интересом и какой-то думой на влюблённые парочки, снующие туда-сюда. Однажды взяла меня за руку, прямо как они, но, словно ничего не поняв, отпустила.

Но вся наша безмятежность пропадала к вечеру. Девушка уходила спать, а ночью я соскакивал с постели, чтобы вытащить её из очередного жуткого кошмара. Беспокоясь, упросил Джилл принимать те же лекарства, что ей давали в лечебнице. Из-за чего она сердилась на меня несколько дней.

Следователи, посещали нас пару раз в неделю, точнее Вайлет не вылезал из нашей квартиры. Он явно симпатизировал ей, отчего я поднял гриву ревности. Но, наблюдая, за их общением, видел всё тоже самое, что и в моём случае. Джилл благодарна, искренняя улыбка, доброта и отношение — дружеское. Только друзья! И не более того.

Не раз заставлял её за тем, как она в одиночестве, грустно смотрит в пол и её мысли о том, кого рядом нет. И быть не может. Я знал этот взгляд. Это взгляд всех влюблённых женщин, тоскующих по своей пассии. От этого меня тошнило, и я старался игнорировать сию догадку.

— Как считаешь, где он может быть? — вдруг спросила она, однажды, когда после ужина, я мыл посуду, а Джилл засушивала полотенцем чистые тарелки.

ОН, а не они...

— Если бы я знал, их бы уже поймали, — холодно подчеркнул я, но эту резкую и гневную фразу она будто не слышала.

Ответ на её вопрос пришёл в другой такой же тихий день. В дверь настойчиво стучали. Снова Вайлет.

— Вам нужно поехать со мной.

— Что случилось? — спросил я в некотором волнении. Рука Джилл плавно скользнула в мою ладонь.

— Кажется, мы нашли Ричера. Нужно опознать труп.

С этими словами девушка, словно задохнулась и без чувств рухнула на пол.

В машине Джилл нервно кусала себя за пальцы, были бы на этой руке ногти, она бы их точно сгрызла. На вопросы отвечать не желала, лишь просила поскорей ехать.

Марк и я раздражённо фыркали и ухмылялись. Вайлет был зол, тоже прекрасно понимая причину подобного поведения, и, казалось, дай ему волю, он выразит всё своё негодование в крепкой матерной форме.

Выехав на трассу, можно было дать по газам, но, спустя пару минут, осознал, что лицо детектива приобрело сосредоточенное выражение. Он начал без причины вилять и подрезать других водил, не прекращая поглядывать в зеркало заднего вида.

Оглянулся назад. Серый корвет с наглухо тонированными стёклами целенаправленно сидел у нас на хвост.

По взгляду копа ясно прочёл: "Не подавай виду".

Джилл на заднем сиденье не реагировала на созревающую беду, пребывая в своих мыслях. Отлично.

Корвет, очень скоро поняв, что раскрыт, пошёл в атаку.

— Сука!

Марк резко вывернул руль и подрезал фуру, вгоня её в круговорот по трассе. Огромный тягач со скрипом начало заносить поперёк скоростной.

— Марк? — Джилл испуганно вскричала, видя массовую аварию на дороге. Но мы отразили совершенно точно, что корвет успел проскочить и уже на полной скорости гонит за нами.

— Вали с автострады! — без толку советовал я.

Марк виртуозно обогнал ещё один трейлер, с правой полосы перестроился на два ряда влево, едва не зацепив махину задом, и резко дал по тормозам. Красиво ушёл от опешившего водилы, который мчал позади, переключил передачу и дал задний ход.

— Чего творишь?! — в ужасе наблюдал, как автомобили шарахнулись в стороны, кто куда. К счастью, их было не много, так как фура, частично перегородившая дорогу, затрудняла проезд.

Посмотрел вперёд. Корвет не стал столь жёстко извращаться, а просто развернулся и ехал за нами нос к носу.

— Там фура! Марк, останови! ФУРА! Что ты делаешь?! — кричала в ужасе Джилл, уцепившись за спинки водительского и моего сидений.

— Мы в ловушке! — я просто констатировал факт.

— Заткнись! Заткнись! — шипел в ответ Вайлет и в последнюю секунду снова круто вывернул руль.

Я ударился головой о боковое стекло. Пять секунд и понял, что машина порхнула через выкорчеванный тягачём отбойник и перемахнула на встречное движение. Тело от удара просело вниз, потом прыгнуло вверх, тараня крышу авто, а после воссоединилось с сидением.

Выровняв тачку, Вайлет газанул в обратном направлении. Я же с удовольствием наблюдал, как корвет смачно въехал мордой под пузо фуры.

Да!

Посмотрел назад. Джилл судорожно вцепилась в спинки передних сидений и смотрела вперёд.

— Джилл, всё хорошо, — уже взволновано оценивал её.

Через ещё пару долей секунд в мою сторону со всей силы, что-то влетело, раскрутив нашу тачку и вогнав в отбойник.

Удар головой о корпус бардачка отрубил меня на несколько секунд. Когда очнулся не мог сообразить своё нахождение в пространстве. В висках больно стучало, глаза заливала кровь. Ногу капканом зажало под сиденьем. Капот автомобиля дымился. Джилл лежала без сознания между мной и водителем, из головы струилась кровь. Видимо, при ударе её бросило вперёд в лобовое, которое теперь пошло трещинами.

Вайлет так же в отключке лежал на руле, из носа и виска струилась кровь.

Всё это было не самым страшным. Страшное произошло мгновениями позже. Со стороны водительского сидения выбили стекло. Незнакомый мужчина бесцеремонно, влез по пояс в салон и, взяв Джилл за одежду, потянул к себе наружу.

— Нет, Джилл! — вцепился мёртвой хваткой в её руку, не давая вытянуть девушку из машины. — Иди нахуй, козёл. Джилл! Марк, очнись! Нет... Джилл!!!

Звон остатков стекла уже с моей стороны окна и удар по голове оглушил на мгновение — руки невольно разжались. Тело Джилл выскользнуло, просочилось через выбитое окно. Туманным взором видел, как смуглый громила перекинул девушку через плечо и понёс к фургону у обочины автострады.

Зажатая нога держала меня навечно. Клянусь, был бы нож, топор, пила, я бы лишился её нахрен, отчленил бы ко всем чертям. Но пришлось лишь беспомощно наблюдать, как двое уродов забрасывают девушку в пыльный короб грузовой.

Свободной ногой пнул Марка. Очнись, кретин! Спаси её! Без толку. Рана на его голове заливала руль, одежду и сидение. Дверца фургона хлопнула. Один из похитителей направил в нашу сторону автомат.

Твою мать! В последний момент схватил Вайлета и рванул его вниз. Первая пуля угодила в плечо, все остальные уже свистели над головой, превращая машину в решето и засыпая нас мелкими осколками стекла. Доли секунд стали вечностью пока всё не стихло. Рискнул высунуть голову из укрытия, видя как фургон с номером штата Мехико, газанул с места.

Поняв, что снова потерял её, что снова упустил сквозь пальцы, обессилено стукнул лоб о бардачок, испустив крик ярости на себя.

ДЖИЛЛ

Жестокое и грубое падение. Земля? Даже глина. Запах чего-то затхлого и смердящего. Убийственная жара, духота с нотами пота и человеческих испражнений. Тошноту едва смогла подавить. Оглянулась.

Боже мой! Я в каком-то сарае, то ли подполе. Свет лишь одной единственной запыленной лампочки. Всхлипы. Плач, тихий словно мычание. Я здесь не одна. Постаралась оглядеться, всмотреться в тёмные углы. В них жались люди. Кто-то тихо говорил что-то друг

другу, кто-то жалобно попискивал, кто-то всхлипывал. И все смотрели на меня. На вновь прибывшую. На новенькую.

Не пытаюсь подняться, просто так, встав на колени, разглядела их. Женщины, дети и даже мужчины. В лохмотьях, дети почти голенькие, женщины растрёпаны, мужчины понуры и абсолютно все избиты. В страхе, в укоренившемся страхе, в таком, в каком живут месяцами, даже годами.

И я вспомнила этот страх. Тот самый, что не обещал скорого спасения. Тот, что говорил о постоянных мучениях и боли. О безысходности и вечном плене.

— Что это? — осторожно молвила, ни к кому конкретно не обращаясь. — Где я?

Снова перешёптывание. Тёмные фигуры начинали, как будто, прятаться вглубь. Поняла чётко, что не знаю этот язык. Что они говорят?

— Английский, — в надежде осведомила их. — Кто-нибудь английский знает?

Наконец из самого тёмного угла выступила фигура, от которой меня буквально отбросило к стене.

Это ОН! ОН! Из крови и плоти. Живой!

Я, словно снова в своей тарелке, непонятное ощущение в груди. Но всё не так, как раньше. Все иначе и... страшнее.

— Ты здесь... Сожалею

Он приблизился и тут я смогла разглядеть его. Лицо и торс, обнажённый по пояс, были в жутких следах от побоев. Красивый и ненавистный лик распух от множества ссадин, синяков и рассечек, на теле виднелись борозды от ударов. Плети?! Его били, а точнее бьют регулярно, так как возраст ран разный.

— Я ничего не смог сделать, чтобы им помешать...

С этими словами Чейз осел на землю и, ткнувшись в неё лбом... Заплакал?!

— ПРОСТИ МЕНЯ!

ЧЕЙЗ

Девять лет назад

Сдвинул учебники на край стола. Раздражение не даст мне сегодня воспринять всю информацию, да и нет желания. Следующая сессия будет лишь через четыре месяца. Собственно, чего я так спешу? Можно дать себе пару дней расслабиться.

Хулио, как всегда, требовал моего присутствия на смотринах, несмотря на то, что я абсолютно не интересовался "семейным" бизнесом.

Слюнтяй, ботаник, лабораторный крысёныш, неблагодарный нахлебник — основной набор терминов, когда раз за разом заходит разговор о моём колоссальном будущем. Будущем наркоторговца и рабовладельца. Пусть мечтает дальше.

Торговля людьми, наркота, разбой, киллеровские услуги — целый спектр, прямо выбирай любой. Глаза разбегаются.

Признаться, я изредка прибегал к услугам его рабынь, когда ещё в шестнадцать вошёл во вкус обладания женской плотью. От них всегда лишь хотел только секс и, думаю, был им более приятен, чем мой брательник. Выбирал посимпатичней и иной раз даже позволял им почувствовать себя принцессами.

Право первенства брат всегда оставлял за собой — это непреложный закон. Была ли рабыня девственницей или бывалой — неважно. Они его, и спорить с этим не смел даже я.

Сегодня решил расслабиться. Но Эни — моя подружка и девушка, с которой я сплю, — свалила на свидание с каким-то толстосумом. Я знал, что она шлюха, но телом и её активностью в постели всегда был увлечён.

Тройка по валеологии вконец вывела из колеи, так как портила мне итоговую. Хотя, с моей-то психически нестабильной семейкой иметь по этой дисциплине балл выше не представлялось реальным.

— Эгей, ботаник! — в комнату сунул нос один из наёмников Хулио. Его все звали Али — подтирала и жополиз. — Там партия тёлочек выгрузилась. Рыдают да трясутся в карцере. Иди хоть ты мне подмогни. Кашалот свалил куда-то, мразь.

— Пошёл на хер отсюда! — рявкнул я.

— Да, братан, не артачься. Заодно мож и присмотришь себе кого на ночь.

— Ага, сразу, как выстою очередь, — сердито буркнул я.

— Дьябло не скупится для тебя. Трахнет цыпу побыстрому да тебе потом сразу отдаст.

Я задумался. Хотелось, но после экзекуций Хулио рабыни минимум сутки приходили в себя. Ладно, может крепенькая попадётся. Выберу покрасивше, потом и ткну на неё брату, а там и подождать можно.

— Ну?! — Али смотрел жалобно.

— Ладно, — сдался я и пошёл за ним.

Карцер — это лишь одна большая клетка, куда сгоняли вновь прибывших. В нём рабынь сортировали. Чаще всего, наших лиц никто не видел, так как с нашей стороны шёл ослепляющий свет от огромного прожектора.

К моему разочарованию, брат уже восседал на своём троне. Выходит, меня хитростью

затащили сюда.

— А, привёл? — Хулио довольно глянул на Али. — Давай, швартуй зад сюда, — и долбанул ладонью по стулу рядом.

Скотина... Я пихнул Али в плечо, едва не свалив.

— Получишь ещё у меня, сучок! — прошипел подлипале, вызвав его ехидную улыбку.

Хмуρο выдохнул и повернул взгляд на карцер. Рабыни сбились в одну огромную беспорядочную массу, что уловить в них хотя бы одну отдельную фигуру было довольно сложно. Все либо дико напуганы, либо давно смирились со своей судьбой.

— Марли, расфасуй ты их, — раздраженно крикнул я головорезу в карцере. Высочённому бритоголовому парню с явно надорванной психикой. Если рабыня попадала в это руки, то оставалась инвалидом.

Марли, матерясь и угрожая каждой пистолетом, выуживал за волосы по одной из толпы и показывал на оценку. Каждой отобранной доставалось по хребту или голове, когда нужно было отфутболить их в другой угол камеры.

Из общей массы выдернули очередную. Ослепляющий свет прожектора ударил ей в глаза. Она инерцией спрятала лицо в ладонях и, попятившись, упала.

— Чего разлеглась?! — Марли грубо рванул её с пола за ворот грязного ситцевого платья и, убрав её руки с лица, выставил на наше обозрение.

Грязные светлые волосы, небесно-голубые глаза, озирающиеся по сторонам, нежные губы, маленькое хрупкое тельце.

В груди что-то больно порвалось, парализовав, и устремилось вниз. Оттолкнувшись от ног, это что-то больно пронеслось через сердце и комом застряло в горле, лишив воздуха.

Я невольно приподнялся, не спуская с неё глаз. Тихая, робкая и беззащитная. Захотелось подойти к ней и заверить, что всё хорошо. Что ей ничего не грозит. Но это ложь! Ты в чистилище.

— Она, — инерцией молвил я, даже не отразив, как подписываю её на первенство, что именно ей и уже сегодня придётся испытать на себе моего братца.

— Ага... Недурна, — одобрительно расплылся в улыбке Хулио, так же восхищенно смотря на неё. — Бьюсь об заклад, целочка ещё. В глухомани нашли, на привязи сидела.

В теле начался тремор, от мысли, что её ждёт. Эта невинность и красота погибнут окончательно под гнусным телом моего брательника.

— Нет! — вскрик сам вырвался из моих уст.

— Что нет? — не понял он.

Сделал глубокий вдох стараясь взять себя в руки.

— Хулио, я знаю, ты всегда тестируешь их, — попробовал схитрить. — Но... позволь мне в этот раз. У меня ещё не было девственницы. Пожалуйста!

— У тебя полный колледж целок или нравы нынче уже не те? — он добродушно заржал.

— Хулио, прошу, — нервно вцепился в него.

Лицо брата стало меняться и он с отвращением окинул меня взглядом, оценивая, а после грубо отпихнул.

— Когда займёшь моё место, тогда и будешь дырывать их вагины. Понял?

Я сцепил зубы, едва удерживая нарастающий гнев, который формировался в жуткую боль за грудиной.

— Не переживай, потом и тебе дам её поиметь. Я умею делиться, ты ведь мой любимый и главный родственник.

Тяжёлое дыхание и ватность в ногах вынудили рухнуть на стул.

Девушку отсортировали в отдельный угол, где я смог продолжить смотреть на неё, следить за вздрагиванием острых плеч, кусанием пальчиков и дрожью в коленках.

Как защитить тебя? Что придумать? Как сохранить твою первозданную душу и чистоту? Она была ангелом попавшим в цепи ада и эти белые крылья скоро окропят муками и унижением.

Взглянул на брата, в ужасе осознавая, что его могущество и опыт, разотрут меня по полу при первой же попытке сопротивления. Да, он любил меня, но своё превосходство подставить под сомнение Хулио никогда и никому не позволит, и мне в том числе. Чтобы заставить Diablo покориться, его нужно сначала убить. Но я не убийца и слишком люблю своего брата, каким бы он не был. Родней его у меня больше никого нет.

Смотрины закончились. Рабынь потащили в общий амбар, кроме неё. Марли поволок девушку за волосы в гостевую комнату, которая для девственниц на всю жизнь оставалась в памяти адовым ложем.

Избранницу сначала приведут в порядок. В плане опрятности и чистоты брат жёсткий педант. Значит у меня есть время.

В его кабинете, оставшись с тет-а-тет я всё же дал волю чувствам.

— Хулио, ты мой брат и я тебя очень люблю, хоть и периодически расстраиваю, но прошу, отдай девчонку мне. Только в этот раз... Никто не узнает... Умоляю. Я сделаю для тебя всё, что ты захочешь. Обещаю...

— Ты чего так взвился? — Хулио пустил в меня первую молнию. — Зацепила что ли так?!

— Да, — может и не нужно лгать, ведь по мне всё и так видно. — Она мне понравилась.

— Я, вроде бы, уже сказал, что трахнешь её после меня, — лицо Хулио брезгливо и раздраженно скривилось. — Ты, гляжу, вконец охамел? Да, я для тебя многое могу сделать, но право первенства всегда будет за мной, пора уже зарубить это себе на носу. Ты знаешь правила, а скидка внесёт смуту среди моих гончих. Хочешь занять моё место? Значит начинай заниматься этим бизнесом. Ты помоями льёшь мои труды, но теперь вздумал компроментировать брата перед моим зверинцем? Мои законы недвижимы.

— Хулио... Я всё сделаю, что ты потребуешь... Прошу! Пожалуйста!

— На хер пошёл отсюда, пока с синими яйцами не остался. Я сказал нет! Жди очереди!

— Хулио, нет... — но брат мощной рукой подобрал меня за шкварник и с силой вышвырнул в коридор.

— Чёртов сопляк, — сплюнул мне в ноги. — Уведите его в комнату рядом с гостевой, — велел он вдруг своим и дьявольски сверкнул на меня взглядом. — Пусть слушает всё ли с его целочкой будет в порядке, пока я буду наслаждаться ей.

— Только тронь её! Ты пожалеешь, сволочь! — яростно процедил я, висая скрученным в руках его псов. Пытался тщетно изогнуться, чтобы вырваться. — Ты мразь настоящая...

— Стараюсь день ото дня, — прыснул он с сарказмом. — Неблагодарная это работа, а ты явный тому пример.

Меня потащили по коридору. Упёрся со всей дури ногами в пол, тормозя и сопротивляясь.

— Да угомонись, ты, ботан, — Али крепче вывернул мне руки, пытаюсь удержать.

— Мать твою... сука, — взвился я на дыбы и смог всё же огреть его хуком справа.

Но этот хренов шакал всегда был быстрее и изворотливее, за что брат его и жаловал.

Али улизнул из-под моей ноги нацеленной ему в живот, а после изящно подскочил меня по коленям. Я звякнулся на пол, едва не расквасив себе нос. Снова блокировал и потащил. Забросил в комнату и закрыл на замок.

Со всей мочи начал барабанить двери и стены.

— Открывай, мразь... Выпусти. Хулио!

Но всё не имело смысла. Брат всегда добивался своего, а я лишь в очередной раз стал причиной его гнева и превысил все пределы.

Уселся в кресле, судорожно дёргая ногами и головой. Вслушивался в тишину. Звуки дверей. Стены из "картона". Здесь я услышу всё до мельчайшей подробности и погибну вместе с ней.

Резкий короткий взвизг. Я вскочил с места, метнулся к стене, облакоясь об неё ладонями. Напряг слух до боли в висках. Слышу панический ужас, мольбу, плачь. Она просит отпустить её, не трогать. Снова вскрик, звук удара чего-то тяжёлого.

Мои нервы окончательно сдали, и я со страшной силой начал избивать кулаками стену. Не знаю для чего.

Спасти её, пробив насквозь? Невозможно. Выбить свой страх и ярость из тела и духа? Бессмысленно. Страдать и испытывать боль вместе с ней? Солидарно. Ударами глушить её крики в своих венах? Тщетно. Эти звуки навечно отпечатаются в коре моего мозга. Будут преследовать днями и ночами.

Всё стихло. Пульс стучал в висках. А если он убил несчастную? Назло мне, в воспитательной цели... Руки сжались в кулаки. Прошу, Боже, сохрани её!

Через несколько минут замок на дверях пришёл в движение, равно как и я. На пороге стоял Хулио вспотевший и удовлетворённый, немного крови на его костяшках пальцев. Её крови.

Ничего больше не чуя под ногами и не отражая рамки дозволенности, мощно заехал брату кулаком по лицу. Завалил на пол и впился руками в глотку.

— Мразь... как же земля тебя ещё носит?! — ему было тяжело вдохнуть, но усмешка не сходила с его раскрасневшегося лица. Он доволен собой и эффектом.

Меня отодрали от брата, впечатали в стену.

— Пусть идёт! — выплюнул Хулио окровавленным ртом, поднимаясь с пола. — Пусть полюбуется...

Толчок к гостевой.

— Ты сдохнешь, — гневно процедил я и вылетел из комнаты, стремясь в гостевую. К ней. Узнать, жива ли. Молить простить, что не смог уберечь.

В полумраке сложно было что-то разглядеть. Истерзанное и нагое женское тело лежало обездвижено и распластано по постели. Кляксы крови на ногах и простынях холодили душу. Лицо избито, рассечки на скулах, губах, отёк на глазу.

Как он мог так безжалостно уничтожить всё? То, что покорило меня в карцере больше не существовало. Зачем?! Это нельзя трогать? Нельзя прикасаться, чтобы сохранить всё в идеальности.

Всё нужно вернуть, хоть немного. Притащил из ванной таз с водой, выгреб из шкафа чистую простынь, наволочку и какую-то пелёнку. Окунув ткань в теплую воду, отжал. Осторожно, принялся смывать с растерзанного тела кровавые подтёки. Пелёнку заложил между ног, чтобы остановить кровотечение. После аккуратно завернул девушку в простынь. Сел с ношей на кровать и, подобрав искалеченное создание к себе, упокоил на коленях.

Убрал растрёпанные волосы со взмыленного лица. Погладил лоб, пытаясь найти в ней остатки той, что так пришлась по душе. Восстановить в памяти её прекрасный лик.

Она шевельнулась, с трудом приоткрыв один глаз. Слеза бесшумно скатилась по щеке несчастной. Горячая и бесценная. Поймал каплю большим пальцем, утёр, коснулся губами мокрого и солёного следа.

— Всё закончилось... Прошло. Я тебя не трону. Тшц, — предельно тепло заверил я, шепча в ухо.

Она выдохнула, отводя от меня взор, и отключилась. Я же так и остался сидеть на кровати и укачивать фигурку, оберегая от случившегося зла.

Пробуждение девушки было жутким. Снова крик пронзил каждый мой нейрон. Рабыня влепила мне несколько оплеух по лицу, въехала по голове, коленями по груди. Отскочил, обороняясь. Она видела перед собой лишь только моего брата, но не меня. Всё происходящее переросло в женский вой, который раскатился эхом по стенам.

Уйди... Лишь эта трезвая мысль пришла в голову. У девушки шок, психологическая травма. Здесь теперь всё и все ненавистны ей, сейчас, в данную секунду и, скорее всего, навсегда.

— Прости, прости... — беззвучно шептали мои губы, но она не услышит, не поймет, не воспримет, не увидит.

Уйди. Оставь её. Не сегодня. Никогда...

Позже узнал, что Хулио перевёл её в другую комнату. От другой рабыни служившей в доме выяснил, что девушку звали Джилл. С каждым днём она теряла для меня абстрактность, становилась осязаемой, всё более близкой сердцу. И самое главное, приходил к выводу, что больше ни о чём не могу думать, кроме неё. Только её видели мои глаза в каждой женщине. Лишь о ней были мои лихорадочные мысли.

Я должен что-нибудь сделать! Что-то предпринять, чтобы вытащить несчастную не только из лап Хулио, но и из сети рабской торговли людьми.

Брат назначит за неё цену и, скорей всего, не маленькую. Мне нужно всего лишь выкупить Джилл под видом покупателя из другой страны, так мне будет проще её укрыть.

Но срок шёл, а цену брат до сих пор не назначал, но снова и снова посещал её по ночам.

Она больше не кричала, не молила о пощаде, а Хулио как-то изменился в лице. Через две недели он неожиданно перевел её в СВОЮ комнату.

— Чего это с ним? — Али и Скотти противно ржали в коридоре, пока я притаился у дверей своей комнаты. — Втрескался что ль под старую жопу?!

— А то! Он затребовал купить три платья её размера и кормит совсем не так, как остальных рабынь, — хмуро поддакнул Марли, раскуривая свежескрученный косячок.

— Вы, дебилы не поняли? — Али, заржав толкнул Скотта в плечо. — Он её решил оставить себе. Цыпочка-то шикарненькая. В её ротик я бы тоже чего-нибудь присунул. Интересно, будет делиться?

Раскат общего звонкого смеха разнёсся по стенам. Все мои внутренности полетели вниз.

"... Решил оставить себе". Как такое вообще возможно? Он никогда не содержал рабынь. Для него это всегда была грязь. Чистая и невинная красота растопила сердце дьявола?!

Я ушёл, понимая, что ставка значительно поднялась. Он не отдаст своё просто так. Это словно у льва отбирать добычу. А кто я?!

Пару месяц шатался по подругам-однокурсницам в надежде переболеть, перетерпеть и вытравить лицо рабыни из головы. Но всё снова вернулось и ещё с большей силой, когда по приезду домой, столкнулся с Джилл в коридоре — она несла поднос с пустой посудой.

Теперь её вид стал намного ухожен, светлые волосы убраны назад, лицо вновь приобрело своё обаяние, простенькое белое платье с голубыми нежными цветочками, невесомые балетки. Девушка шла, не поднимая головы, забито озираясь по сторонам. При виде меня резко ретировала в сторону, но слегка запнулась о небольшой выступ и полетела с подносом на пол.

Мне было плевать на посуду, я ловил её. Джилл в ужасе смотрела на убитые чашки.

— Цела? — был доволен, что не дал ей покалечиться.

— Боже... Нет, нет, нет, — девушка опрометью начала сгребать стёкла на поднос, не отражая, как ранит свои пальцы.

Видя её панику, попытался помочь, но Джилл вскрикнула и закрыла голову руками.

— Не надо, прошу... Я случайно. Случайно!

В шоке замер, понимая откуда дует ветер. Схватил её за плечи и попытался поднять.

— Ничего страшного... — но тут мощная рука отодрала девушку от меня и вlepила ей звонкую пощечину. Взвизг.

— Пошла вон в комнату! — Пунцовый от злости Хулио перехватил и меня за шкуру.

— Она не виновата..., — попытался оправдать рабыню. — Я сам не заметил её..

— Чтоб я больше тебя возле своей жены не видел, усёк? — глаза брата налились кровью. — Притронешься к ней хоть пальцем, и она будет страдать от боли. Каждый раз.

— Жены?! — в тихом шоке уставился на него, не веря своим ушам.

Но брат не станет отчитываться или делиться по душам. Он отшвырнул меня к стене и ушёл, сверкнув глазами.

Если жена, почему не сделал всё официально? Джилл — рабыня, но его личная и неприкасаемая? Наказывать её за то, что просто прошёл кто-то мимо?! Он не в себе. Что это? Ревность за правообладание рабыней или способ воспитать меня?! Я перестал видеть грань.

Для подтверждения своих слов он велел Марли избить несчастную, как бы я не умолял его не трогать девушку.

Понимая, что слишком слаб и невольно становлюсь причиной её мучений, решил отойти в сторону. Пока не придумаю способ выволить несчастную из лап братца. Рано или поздно он от неё устанет и решит отделаться.

Попросил Сэма Льюиса — младшего брата одного из головорезов Диабло, информировать меня о Хулио и его рабыне. Сам же перебрался жить в другой конец дома, чтобы не сталкиваться с ней. Лишь издалека наблюдал за девушкой, в тех редких случаях, когда она покидала комнату Диабло. Забита, вздрагивает от резких движений, по сторонам старается не смотреть. Её цель быстро выполнить поручение моего братца и вернуться обратно в четыре стены.

Со временем, ссора с братом стихла. Я больше не лез в его дела, как и он в мои. Уехал на очередную сессию. Не видеть её было для меня самым лучшим и правильным решением. Я всеми правдами и неправдами внушал себе, что жизнь какой-то рабыни не должна меня трогать. Это сумасшествие и оно пройдёт. Моя цель — учёба, выход в люди, достичь высот без грязной руки брата. Я иду к этому и успешно, а девчонка обречена с самого начала, мне не выволить её при всём желании. Войну с Хулио заведомо провалю, так как он мой брат, и

я люблю его несмотря ни на что.

Сессия закончилась, и я вернулся как раз к дню рождения Хулио. Велико было моё удивление, когда за наш стол он усадил её. Джилл осунулась, посерела в лице, сожительство с моим братцем явно не шло ей на пользу, но она послушно выполняла отведённую ей роль жены, каждый раз сжимаясь в комок при резких движениях Дьябло.

Гулянье становилось всё шумнее, хмелели гости и хозяин дома. Я, не желая больше на всё это смотреть, решил удалиться, но мой братец хотел, видимо, шоу. Знакомый сердцу вскрик вернул меня обратно.

Этот придурок повалил девушку на стол и принялся беспощадно сдирать с неё одежду под одобрителный гвалт своих псов.

Он решил сделать это при всех?! Джилл в панике попыталась храбро отбиться от него, моля и взывая одуматься. Её отчаянный рык, и Хулио резко отстранился, перекосясь от боли и хватаясь за лицо. Отнял ладонь и, в досаде обнаружив на ней кровь, со всей мощью ударил несчастную. Зная его пьяный гнев, кинулся на помощь девушке. Оттолкнул брата, свалив тюфяком на пол.

— Беги отсюда, — прошипел на неё, отдирая со стола и пихая в спину.

На шатких ногах Хулио поднялся.

— Ну всё, всё, братан, — попытался перевести ситуацию на юмор. — Перебрал. Идёмка баиньки.

— Пошёл нахуй, сосунок! — он отшвырнул меня, свалив на пол. — Лишите сучку ногтей на той сраной руке... Вырежьте ей их нахер ко всем чертям!

— Хулио! — воскликнул я, понимая, что решение его неизменно.

Али, Скотт и Марли косые от алкоголя довольно загоготали и тут же кинулись вдогонку за девушкой.

— Остановись, чёртов ты придурок! — в ужасе вскричал я и бросился к дверям за ними, но двою других братских псов перекрыли мне путь. Мне снова не спасти её.

Брат криво усмехнулся и, расплывшись в болезненной улыбке, брякнул:

— Слушай свою любимую...

Я отшатнулся, понимая, что это не попытка наказания. Он отыгрывается на ней, чтобы что-то показать мне. Что? Что я мог бы облегчить её участь, если бы сел по правую руку брата? Смысл только в этом?! Я сцепил зубы, упав за стол.

Всё ещё мучительней, чем ночь, когда он впервые насильовал её. Я хлестал текилу залпами до рвоты, моля всех святых, чтобы наконец отрубиться и не слышать больше этого ада.

На утро еле живой от похмелья, попросил одну из рабынь узнать о состоянии девушки. Джилл лишилась ногтей на правой руке.

В эти секунды смотрел на спавшее после пьянки тело брата. Ладонь в гневе машинально сжала рукоять ножа на столе. Вонзить его острие тебе в горло, скотина! Прекратить твоё бесчеловечное зло. Наказать за все искалеченные тобой души. За мою душу, которую заставляешь мучаться вместе с ней.

Навис над ним, краем глаза ловя блеск лезвия. Брат шевельнулся и перевернулся на бок. Как просто опустить нож в твою сонную артерию и избавить мир от этой язвы. Но в голове, как перед смертью тут же запорхали картинки из детства. Мне шесть, ему четырнадцать. Брат учит насаживать приманку на крючок удочки, катает меня на квадроцикле, играет со мной в прятки. Позже, уже подростка, вытаскивает из дворовых потасовок, дарит крутой

мотоцикл на шестнадцатилетие.

Брат всегда был мне другом и опорой, а позже заменил отца и мать. Он та родная кровь, которую нельзя уничтожать, даже ради Джилл. Братья... Будь проклято это слово!

Пыл ушёл, чувство совести заело сильнее, раздирая на части. Не мне тебя судить, но час твой придёт. Ты ответишь за всё рано или поздно. Выпустил оружие из рук и ушёл. Я не убийца...

После этого случая стал свидетелем ещё нескольких мучений Джилл, в которых мне снова не дали действовать.

Нет! Не могу больше. Не могу находиться в этом доме и наблюдать за её страданиями. Я покину его. Это лучшее, что я могу сделать. Плевать на всё!

Компанию мне составил тот же Сэм Льюис.

Постепенно, живя и участь в Бостоне, заставлял себя забывать её и всё то, что творил Хулио. Я верил, что моё отсутствие хоть немного облегчит мучения девушки, так как внутренне чувствовал, что часть экзекуций он исполнял для меня. Спустя несколько лет услышал о беременности Джилл, о попытке суицида, выкидыше, следствием которого стало бесплодие. Последняя новость вызвала чувство злорадства к брату. Жизнь наказала тебя, глупец! Но я даже и представить не мог, что все эти события приведут к гибели Хулио и всего моего дома, и именно от Её руки!

Она убила самого Дьябло! Моего брата. Она!

Я хотел бы, чтобы его убийцей стал кто-то другой — наркобарон, полиция, бунт из его картеля, но только не она. Не она! Такая тихая и нежная, но перешла черту, которую я презирал больше всего на свете. Стала такой же, как Дьябло, грязной и кровавой. Убийцей!

Обида, злость и горечь утраты неожиданно стали развиваться в пятно ненависти. Мне нужно снова посмотреть в твои невинные глазки и увидеть в них ту прежнюю рабыню, что покорила меня.

На помощь пришёл Сэм, который дышал мстостью, и, узнав всю суть его плана, понял, что влезаю в новую рутину. Но я хочу увидеть её... Понять, кто я рядом с ней.

Льюис спланировал её поступление в психиатрическое тюремное учреждение. Дал ей возможность побыть в замешательстве и после планировал убить самым зверским методом.

Нет! Только не убить!

— Думаешь эта мерзавка боится смерти? Это спасение для неё, — попытался переиграть его жуткое намерение. — Пусть лучше сидит в палате и медленно сходит с ума.

— Неплохо, — задумался сообщник. — Пусть... Но ты ей в этом поможешь.

— Как помогу? — растерянно поднял на него взор.

— Она должна страдать, так же как в доме твоего брательника. Делай, что хочешь, но если не буду видеть подобные увечья на её шкуре, я с чистою совестью очищу этот мир от неё.

В ужасе сглотнул понимая, что это значит.

Войдя в палату Джилл, готов был умереть прямо возле ног девушки. Как смотреть в глаза, которые любишь, но вынужден возненавидеть ради неё?

— Ты?! — уронила она в ужасе. — Значит не всё ваше проклятое отродье я истребила? Жаль. Но я и тебя, мерзавец, сотру с лица земли, дай срок, — процедила девушка с лютой злобой.

Смотрю на неё и всё, что так свято хранил в себе умирает.

Лицо любимой женщины давно стало иным — шрамы, ожоги. Жизнь с Дьябло, словнс

превратила мою хрупкую и немощную Джилл в воина, в борца за свою жизнь. Она больше не беззащитна. Она действительно стала убийцей, как и они все. В ней то, что я так люто ненавижу. Я всё, что угодно мечтал увидеть в этих голубых глазах, но не ненависть. Это чувство льдом растеклось по моим венам, сметая остатки былой человечности и сочувствия.

Она так и не узнает меня и никогда не захочет увидеть во мне не брата Дьябло. Весь мой род — чёрное пятно на её душе. Мы — вечные враги. Навсегда.

Что ж спасения мне не дать тебе, но хоть немного смогу уберечь от смерти, а твоя ненависть станет на руку. Может будет легче.

Влепил звонкую оплеуху, впуская демона в своё сердце и атрофируя жилы, отвечающие за чувства и гуманность. Испепеляя её болезненной яростью, прошипел:

— Это мы ещё увидим, девочка моя...

ЧЕЙЗ

Комната, в которой нас усадили, кишела мухами и прочей мошкаррой. Обои давние и слегка отклеились у плинтусов. Стоял лишь старый шифоньер со следами собачьих когтей и зубов. Два угловых кресла блестели засаленностью и пылью. Присаживаться я точно воздержусь. Сэма же всё это не очень смущало и он вполне резво запрыгнул в одно из них.

Я предпочёл пройтись до окна. Тяжёлые и плотные портьеры закрывали ставни до половины и прикасаться к ним хотелось ещё меньше, но вид открывшейся панорамы заставил прилипнуть к окну.

Это огромный пустырь с хилыми постройками. Мужчины, женщины, дети вели строительные работы. Таскали цемент, камни, инструменты. Каждый что-то делал, иначе, в случае остановки процесса, могло последовать жестокое наказание. Спины людей до единого в бороздах от плетей, подгнивающие на жаре и грязи раны, изорванная в хлам одежда. Люди двигались, работали, шагали, не переставая, только, чтобы жить.

Отпрянул от окна чуть ли не к противоположной стене.

Рабство! Знал о нём и раньше, но наяву и настолько обширно ещё не имел возможности видеть. Да, мне это знакомо, но у брата всё было по-другому. Он не истязал детей, он их просто сразу же убивал. Мужчин держал лишь, как охрану или другую полезную силу. А женщин, чисто и банально либо продавал, либо трахал.

А здесь? Что происходит здесь?

Кинул взор на Льюиса. Энтузиазм в его лице читался неприкрыто. Он знает больше меня и он доволен, даже немного рад.

— Что происходит, Сэм? — грозно начал наступать. — Ты знаешь всё, не вздумай врать!

Он довольно расплылся в улыбке. Прямо руки зачесались выровнять её.

— Да ладно, неужели ты не понял у кого мы? — изобразил удивление. — Однажды твой брат очень сильно выручил кое-кого, можно даже сказать, спас ему жизнь. Разборка с Саториес. Помнишь?

В голове мигом начали всплывать картины из детства. Много трупов, почти в штабеля. Я в слезах дрожу от страха в объятиях нянечки. Убитая мама погружена в носилки. Брат в крови, еле живой и за плечи приобнимает его мужчина, чуть больше сорока, тоже дико избит и с простреленным плечом. Он говорит, благодарно обнимает его и сочувствует. Их взгляд встречается с моим. Чётко читаю в них сожаление и обещание отомстить. И они потом это сделали, погибло не меньше людей, но маму всё равно уже не вернуть.

Наш общий отец умер за три года до этого, Хулио взял всё в свои руки и благосклонно отнесся ко мне с матерью. Скажем, братолюбие родители воспитали в нас крепко. Приобщить к своему бизнесу он меня не смог, но не лишил возможности выучиться и стать человеком.

Но человечность мою заглушила девчонка с голубыми глазами, угодившая в лапы моего брательника. Увидев её, я потерял покой, отчего страдаю и расплачиваюсь до сих пор.

Теперь я уже чётко сознавал чьи это мерзкие хоромы. Марселу Лима — наркобарон,

рабовладелец, бандит и пожизненный должник моего брата, тот, кто, в силу своего внутреннего кодекса, будет вечно обязанным, пока сам не сдохнет.

Вот и сейчас, стоя перед ним уже в огромной комнате с дорогим интерьером и ремонтом, прохладной, благодаря кондиционерам, я не питал благодарности.

— Как ты, сынок? — Лима смотрел на меня спокойно, несколько безразлично, но изображал из себя сочувствующего папашу. Я лишь пожал плечами. — Ты исчез после смерти Хулио. Вначале я думал, что ты тоже погиб, но нет трупа — значит жив. Почему скрылся? Я мог помочь тебе.

— Мне не нужна помощь, — твёрдо отрезал в ответ.

Я всегда тихо ненавидел его. Мой ещё маленький тогда мозг всецело винил именно его в гибели мамы. Он был для меня тем чужаком, что пришёл и отнял её. Хотя и сейчас, став взрослым, понимаю, что всё случившееся лишь стечение обстоятельств, но, всё равно, этот мужчина — напоминание о моей утрате, один из тех, кто погубил ту частичку, которая, возможно, не дала бы мне стать таким, какой я есть сейчас.

— Да, сынок, мы не общались толком, когда был жив твой брат и потом. Но я в долгу перед Хулио...

— Ваш долг уплачен, — рявкнул, вогнав его в смятение. — Мой брат мёртв! Больше никому платить!

Марселу, оборванный столь жестоко и нагло, сдвинул брови и метнул взгляд на своих головорезов. Те, осознавая, что невольно являются свидетелями сцены, которая недопустима для чужих глаз и ушей, сделали едва уловимые шаги к дверям.

Краснеющее негодованием и обидой лицо старого мексиканца снова в упор смотрело на меня. Будь я тем же прежним сопляком, то бы умер от страха, но сейчас. Штиль! Ничего!

— Этот нрав, — Лима попытался смягчиться и улыбнуться, чтоб слегка сгладить углы. — Сейчас я его помню. Потому в деле брата ни черта из тебя не вышло. Как это там? — он глянул на бугая слева от себя, ища какой-то подсказки. — Размазня! Точно! — он встал, но из-за стола не вышел. Смешок. — Ты, вроде, тогда лягушек освежёвывал да крыс. Точней изучал. Этаким ботаник. И, видимо, пригодилось. И Сэмми туда же ушёл, но тот покруче тебя будет. Даже сейчас вот, он меня нашёл, а не ты.

Я пожалел, что не убил Льюиса, ещё тогда, когда сообщил ему о содеянном в заброшенном доме. Когда был уверен, что всё кончено и можно сдать полиции. пожалел, что поддался ему, что начал скрываться. Снова слабак! Где мои силы и воля, чтобы заткнуть вас всех, уничтожить.

Убивая Джилл, я подводил черту, но теперь моя расплата закручивается в ещё большущий клубок с дерьмом.

— Я никогда не хотел иметь с вами ничего общего, — постарался произнести это, как можно, спокойнее.

— Это я понимал, потому и отеческих чувств к тебе не развивал, но сейчас появились изменения. Хулио мёртв, но ещё жив ты. А его кровь требует возмездия, — с этими словами он бросил на стол фото, которое, подобно пёрышку, спланировало на столешницу. Джилл...

Я уставился в до боли знакомые черты лица и понял, что не могу произнести ни словечка, словно это выдаст её.

— Убить эту тварь у тебя не вышло, потому за дело теперь берусь я. За время издевательств над ней в клинике, ты достаточно узнал её, поэтому мне нужна информация о ней. Любая.

В груди забились агония.

— Зачем ОНА тебе? — надрывно и низко уронил я, понимая, что земля поплыла под ногами и суть вопроса невероятно глупа.

Лима улыбнулся и смотрел на меня, как на идиота.

— Чейз, ты серьёзно не понимаешь? Или жизнь в бегах подплавила тебе мозги? Эта тварь убила ТВОЕГО брата! Думаешь, ей это должно сойти с рук?

Мной одолела паника. Нет, всё не так! Да, я мучал её, но это делал Я, всегда зная предел и точки давления. А у этого человека их попросту НЕТ, и движет им лишь месть. Я не могу ему отдать её! Вернуть снова Diablo, но в разы хуже! Уж лучше ей было умереть в той хижине. Это было бы куда гуманней.

— Не надо, — уронил я, понимая, что он сейчас видит во мне снова того мальчишку, потерявшего опору. — Она не убивала Хулио... он сам... сам, правда...

— Да, — Лима спокойно кивнул, — сам. Только вот из-за неё. А ещё она всё-таки, как не оспаривай, пришила его ребят, в том числе и моих, и брата Сэма.

Боже, мне кажется, что земля разверзлась подо мной, и я вешу над пропастью, а огонь из неё, обжигает с ног до головы. Хочется кричать. Этого всего нельзя допустить. Нельзя!

— Нет, прошу, Марселу... Не надо. Я сам разберусь. Не трогай её!

— Это не тебе решать...

Умопомешательство. Я видимо отключился в эти секунды паники. Гнев и страх за Джилл перекрыли мой рассудок. Очнулся только, когда мои руки сорвали с шеи Марселу, а после бесчисленное количество ударов ногами по рёбрам, и конечный прикладом автомата в голову.

Пришёл в себя всё в том же кабинете, лишь смена зрительского состава в лице Сэма и женщины с каре. Попытался шелохнуться, но понял, что связан.

— Суки, — буркнул я, но открыв рот, сплюнул густую кровь.

— Чейз, — Лима разочарованно покачал головой. — Я хотел лишь помочь тебе... Вам! — кинул взгляд на женщину. При чём тут она? — Познакомься, — Марселу потечески приобнял её за плечи. — Сисилия — твоя племянница и дочь Хулио.

Презрительно всмотрелся её черты лица. Да, похожа. Надо же, брательник, успел всё же наплодить своих выроdkов, но кидаться к ней с объятиями, я абсолютно не расположен. Да и руки заняты.

— Мне плевать кто она. У моего братца все детки были от проституток и рабынь. Знаться с каждой его шавкой не намерен.

Один шаг, и эта оскорблённая деваха оказалась возле меня и смачно заехала в челюсть.

— Эта, как ты смел выразиться, шавка, теперь владеет всеми его деньгами и этим местом в том числе. Эта же самая шавка умоляла меня найти тебя, — видимо, сейчас меня пытаются засовестить.

— Мне срать кто она! Мне срать на вашу благодетель! Вы не притронитесь к Джилл, иначе, клянусь, сам лично грохну вас всех!

— Закрой пасть, щенок! — Лима громыхнул так, что все вокруг всколыхнулись. Только вот у меня опять всё мертво. — Выкиньте эту неблагодарную тварь в рабочий амбар! А перед этим отделайте как следует, чтобы больше не зарывался.

И меня прямо со стулом вытащили в коридор...

Два месяца спустя

Глаза жгло от солёных ручьёв пота. Тело тихо и мирно ныло от нагруженных рук и ног. Дневная жара стала спадать, свидетельствуя о том, что скоро отбой и нас напоят долгожданной водой, а после отправят прислуживать — женщин в доме, мужчин рабочей силой в цехах по гонке наркоты.

Раз в неделю из жилого амбара забирали по паре пленных... и мы их больше не видели. Что могли сотворить с ними приходилось только гадать, но я знакомый с политикой наркокартелей, знал для чего Хулио их тушки.

За эти два месяца, может даже больше, я стал привыкать к происходящему вокруг себя. Я понимал главное — меня не убьют, лишь только потому что просто воспитывают и ждут. Ждут, когда раскаяюсь и покорюсь им. Когда осознаю всю их чёртову благодетель и воссоединюсь со своей пришлой семейкой.

Моей настоящей семьёй всегда была только МАТЬ, но вы её убили.

Они ведь абсолютно не понимают, что хуже мне уже не сделать. Глупо испытывать человека, который давно просит смерти у судьбы. Хотя, признаться, так было в начале.

Я понимал и другое — они ищут её, и скоро Джилл окажется здесь, поэтому считал своим долгом встретить девушку и... помочь. Чем смогу. Хоть самую малость. Я очень боялся, что она может не дойти до меня, погибнуть где-то там, в руках Марселу Лима и моей новоиспеченной родственницы.

Два далёких звонка. Отбой. Мы зашевелились к забору, ожидая воды. Как всегда, выставили бочку посреди пустыря. Первые, что по-сильнее, вторые чуть слабее. Детям вообще остатки. За эту неделю умер уже четвёртый ребёнок.

Металлическая жестянка, которую я перемастерил в полусферу, подобно, черпаку, блистала лужицей живительной влаги. Поднёс к губам и жадно хлебнул, пока в запрокинутой голове, не увидел девчушку, лет десяти. Карие пуговицы глаз с тоской и страхом смотрели на мою жестянку. Она даже не пыталась пробраться к бочке. Её худенькое тельце едва могло сидеть. Грязь и фиолетово-синюшные разводы мешали определить её точный возраст и уровень сил.

Горло отказалось глотать. Я спрятал жестянку за спину и резким движением нагнулся к ней, схватил под руки и быстро увёл в сторону от других, опасаясь нападения жаждущих мародёров.

— Пей, — сунул воду ей под нос.

С радостью, осознав мою доброту, девочка впилась в жестянку чуть ли не зубами. Засопела, жадные и громкие глотки захлёб. Поперхнулась, начала кашлять.

— Нет, — быстро отнял черпак и зажал ей рот, глуша кашель. — Нельзя... Тише...

Если кто-то из пленных увидит мою добродетель, стопроцентом накинется на меня с целью отнять жестянку с водой. А уж там, как получится, вплоть даже до убийства, и не факт, что это не пройдёт мимо ребёнка.

Девчушка, тем временем, тяжело и гортано дышала, капельки слёз выступили из глаз. Отнял руку, вновь сунул остатки.

— Спокойней, — тихо предупредил, стараясь не пугать голосом. — Допивай.

Отдал черпак и прикрыл её от свидетелей.

Водопой закончился. Выстроились в строй и последовали, как всегда друг за другом, только в этот раз совершенно чётко ощутил, как рука девочки уцепилась мне в пояс брюк. Понял, что невольно подписался ей в защитники.

Твою мать! Я ни к кому не хотел привязываться. И так больно от того, что тут твориться, ну а если ещё брать груз ответственности за кого-то, тогда вообще проще сдохнуть сразу.

Лишь ночью, когда амбар спал, в том числе и девочка, аккуратно придвинул малышку и уложил голову к себе на плечо. Ребёнок, почувствовав тепло и защиту, прижался ко мне и зарылся носом в мою грудь.

Странно, но это как будто успокоило меня. Впервые, за столь долгое время, осознал, что могу быть нужным кому-то. Волна ответной благодарности расстеклась по телу и крепче прижал девочку к себе, мирно уснув.

С тех пор девочка хвостиком ходила за мной, но это общение и, тем более дружбу, ни в коем случае нельзя было показывать. Наши рабовладельцы не приветствовали друзей, родственников, напарников и всех, кто здесь больше одного. Такие группы уничтожались сразу же. Потому мы держались поодаль друг от друга, но не терялись из виду.

Девочку звали Габи, то есть Габриэль. Говорила она только на испанском, к счастью, этот язык я немного знал ещё от брата. Её похитители прямо из школы. Хотели продать в публичный дом или же какому-нибудь порнорежиссёру в категории детской порнографии, но изъян — обширный ожог на теле — можно сказать, спас от подобной гнусности.

— Как? — однажды спросил я, имея в виду травму.

— Кастрюля с горячим супом. Попало на шею, грудь и ноги.

Сбоку укусило насекомое. Матюкнулся, шлёпнув по этому месту, прекрасно сознавая, что мелкий хищник уже смотался. Грёбаная мошкара.

— Нас ищут? — вдруг спросила она.

Нет, в этом был уверен. Её родители, да, ищут, но никто не сможет помочь, точнее испугаются или не станут связываться. В дела о похищении людей, тем более женщин, мексиканская полиция давно не ввязывается. Так как слаба перед армией картелей.

— Обязательно, — моя задача соврать, и она долго ещё не поймёт, что всё просто слова. Этот ответ нужен ей, чтобы просто успокоиться, обнадежить её на эту очередную ночь.

Утро началось со смерти одной из женщин. Её труп двое мужчин уложили в угол амбара. Никто уже давным-давно не пугался и не плакал от подобных вещей, это стало нормой.

К счастью, Габриэль не успела проснуться к этому моменту. Скоро рассвет, и это говорило о том, что начинается новый рабочий день. Но дверь открылась раньше положенного срока. Все испуганно вскочили и вжались в стены.

Посещение амбара не по времени значило лишь две вещи — либо кого-то заберут навсегда, либо будет новенький, что бывало не так часто.

Я прикрыл Габи спиной и вжал в покров тени.

Новенький. На пол бросили женщину. Когда она отдышалась и подняла лицо, я едва не вскричал от негодования. Замер, как статуя, голос осип в груди, сердце застряло комом в горле. Она что-то говорит. Напугана. Этот голос, вьёвшийся с годами в уши. Как же мне плохо было без тебя!

Я шагнул из тени. Даже не принял во внимание её ужас. Просто что-то сказал ей. Ноги ослабли, как от нервного перевозбуждения, так и от моральной усталости. Рухнул перед ней на колени и...

Меня прорвало. Рыдание, как избавление от прошлой моей шкуры, как просьба принять

меня и, главное, простить. Я всех богов молил не увидеть её здесь, но был всё равно счастлив, что она снова рядом.

КАСТЕР

Аккуратно поставил костыль возле стула, заботливо предложенным мне детективом Энди Миллером.

Прошёл месяц с небольшим после похищения Джилл, и мне, кажется, я начал привыкать к подобному состоянию. Кабинет следователя всё так же просторен, лучи утреннего солнца заливали шкафы с множеством папок, личных дел преступников и жертв. Легкая дымка пыли медленно и синхронно плыла в свете, изображая вихрь мелкого конфетти. Город за окном набирал звуки, оповещая о том, что достаточно проснулся для того, чтобы прожить с лихвой этот новый день.

— Не объявлялся? — спросил я, невольно глянув на кресло в углу кабинета.

Миллер мотнул головой и понуро произнес:

— Он неделю торчит, чёрт знает где. А на мои угрозы, сдал значок и оружие. Пришлось дать ему отпуск, но этот сукин сын пропал. Пару дней назад, Синди, наша секретарь, видела его в баре.

Я опустил голову, слушая терзания детектива и переживания за коллегу, напарника и может даже друга.

Марк Вайлет — самовлюбленный жеребец, любимец женщин, неотразимый ловелас, словно похоронил себя в тот день.

Похищение девушки добило всех нас, как меня, так и его. Но мне казалось, что это ерунда. Я отчего-то чувствовал, что найду её, верну, снова одолею эту новую жуткую борьбу.

Для Вайлета же всё проходило намного сложнее. Он винил себя и достаточно серьезно. Я не смог ему доказать, что случившееся было сверх наших сил. Что Чейз Ричер умён, хитёр и невероятно упрям. Что способен на всё, лишь бы добиться своей цели. А его цель — Джилл Кэйтор.

— Почему он так терзает её? — вопрошал однажды Вайлет, пьяным угрюмым вечером, когда помог мне с посещением травматолога, и после остался в моей квартире попить пивка. — Все имеют право либо на спокойную жизнь, либо на гуманную смерть. Но эта тварь держит всё на грани. То затягивает, то снова ослабляет петлю.

Я не знал ответов. И хуже всего не мог понять связь Ричера и девушки.

Я читал о том, как жертва может полюбить своего мучителя, но это лишь её болезненное восприятие, неспособность увидеть черту между заботой и безвыходностью. Это все имеет вес, но не в случае с Джилл.

Любовь и ненависть ходили рядом. Любовь — причина, а ненависть — следствие, а это оказалось главной постановкой сюжета в их истории.

Девушка была сильна духом, она боец, хоть и физически слаба. Джилл способна вытерпеть всё, пережить даже собственную смерть, но... Пав жертвой высоких чувств, она разрушила для меня все столпы своей личности. Я не смогу понять этого, наверное, никогда. Для меня это было гнусно. Я хотел ей помочь. Надеялся на то, что смогу убедить в обратном, помогу понять истину, разобраться в себе.

Я тоже любил её, любил просто за то, кто она есть, любил её существование на этой земле. И потому буду по-прежнему охранять от бед. Да, в данном случае, потерпел фиаско,

но проигран лишь бой, а не война.

— Есть что-нибудь о ней? — Имя девушки отчего-то мы избегали произносить.

— Она не в нашей стране. Об этом ты уже знаешь.

Горько опустил голову:

— Неужели, полиция Мексики не может нам помочь? — не хотел верить в их продажность.

Мексика. Жара. Песок. Каньоны. Вест. Природа. И все это на фоне несправедливости, что тщательно хоронилось правоохранительной службой.

В Мексике две главные беды всевластные наркокартели и полиция неспособная, либо нежелающая защищать граждан своей страны. Убийства среди бела дня без суда и следствия, насилие и издевательства над женщинами. Безработица. Люди выживают лишь, творя зло. Да, это в далеких районах. В бедных кварталах, в городах, затерянных среди каньонов и песчаных дорог, длиною в тысячи миль.

О том, что Джилл, именно там гадать не пришлось. Номер фургона штата Техас. Трупы в корвете числились в авторитете среди головорезов наркоманов. Но кто главарь всей операции узнать было почти не реально. Мексика не выдавала преступников и мало желала содействовать нам. Они лишь сухо отвечали, что всё проверят и два раза в неделю снабжали сухенькими отчётами о спецоперациях по задержанию очередной партии героина.

— Когда снимут гипс? — Энди оценивающе оглядел ногу.

— Через месяц, — хотел бы промолчать ещё и о реабилитации. Голеностоп раздроблен в щепки. Пластины, штыри срачивали кости, потому на лечение уйдут месяцы. Я не помощник, лишь груз.

Миллер это понимал. Вздохнул и уныло взял папку с края стола.

— Под прикрытием работать ты не сможешь...

— Но Вайлет может, — нужно уцепиться. — Энди, его надо привести в чувство. Вы знаете его лучше меня. Где нужно давить.

Но детектив помотал головой:

— Я сдох. Он не слышит меня. Мы не замечали, но он тоже влюбился в девушку, потому и воспринял всё так остро.

— Да, и поэтому предпочитает заливать горе, чем спасать, — фыркнул сердито.

— Ты тоже к ней небезразличен, — детектив поднял ноту выше. — Помогите ему, поговорите на чистоту. Ведь только ты можешь его понять. Взгляни на эту ситуацию с его точки зрения. Ты с Джилл знаком дольше него и знаешь её лучше. Дай ему сил.

Я хмуро опустил взгляд. Помочь ему? Как? Хотя он прав. Мы же с ним абсолютно в одной тарелке, идентичны, как близнецы. И оба хотим её вернуть. Молчал. Да и нечего тут говорить.

Энди с досадой выдохнул. Посмотрел в окно, молча прокручивая что-то в голове.

— Что ты знаешь о наркокартелях?

Я запнулся. Наркотики. Горы дури. Оружие. Торговля людьми. Власть...

— День в этом месте и человек до конца жизни теряет себя. Перестаёт быть человеком. Как думаешь, что с ней, если она до сих пор жива? Тяжёлый труд, побои, голод, жара. Её могут заставить работать шлюхой, могут вшить в желудок наркотики и использовать в качестве сумки. Дьябло любил её, и потому на ней была защитная плёнка, но и тогда жилось ей не сладко, а сейчас? Уверен ли ты, что те двое замешены во всем этом? А если нет, то сколько ей осталось жить?

Кровь во мне леденела с каждым его словом.

— Задумайся. Секунда промедления и мы, возможно, никогда её больше не увидим.

ДЖИЛЛ

Простить?! Да пошёл ты, сукин сын! Яростно зарычала и накинулась на него с кулаками.

Его вид меня обескуражил, ввёл в непонимание. Почему тут? Почему зверски избит? Почему, чёрт возьми, ПЛАЧЕТ? Он плачет!!! ОН?! Жестокий, беспощадный, неумолимый убийца, насильник! Снова игра! Снова вырывание моей души из тела?! Не в этот раз, ублюдок! И никогда больше!

Отчаянно колотила его, а он даже не пытался защититься, прикрыть себя от ударов. Мощно заехала ему кулаком по лицу, повалив на землю. Кровь, хлынувшая из его носа не пресекла моего гнева. Буквально надела сверху, продолжая бить, но уже ладонями, словно, боясь сделать хуже или пасуя перед его беззащитностью.

Это длилось до тех пор пока чьи-то маленькие ручонки, не вцепились мне в волосы и не оттащили от него на пол. Больно села на мягкое место, едва успев поймать себя в пространстве. Что-то железное с острыми зазубренными сверкнуло в тусклом свете прямо над моей головой. Боже! Это смерть?!

— No! — резкий крик моего мучителя. Он схватил это нечто и, вырвав из рук железку, прижал к себе. — *Está bien, Gabriel. Está todo bien.* (Все нормально, Габриэль. Всё хорошо).

Это девочка?! Она вжалась в него, обняла. Злобно глянула на меня, подобно дикой кошке. Он что-то шептал ей в ухо, глядя на меня, и гладил спутанные чёрные волосы. Ушел с ней в темноту амбара, вытирая кровь.

Только сейчас до меня стало доходить. Это был ребёнок, всего лишь ребёнок — девчушка с испачканным лицом и одеждой, диким взглядом. Она не только защищала его, но и попыталась убить за него.

Да что вообще происходит?! Я хочу уйти отсюда и как можно скорее. Метнулась к дверям, но они открылись раньше. Отпрыгнула. Все узники помещения тут же вскочили со своих мест и выстроились в колонну.

— Делай тоже, что и все. Молчи! — прошипели в ухо.

Чейз?! Как он так быстро оказался возле меня, даже не успела отобразить. Вытянулась в струну, лицезрея полуголового мужика в дверях до кончиков волос увешенного оружием, который принялся шлёпать всем на руки бирки.

— *Lechada de cemento*, — проскрипел головорез, толкая в коридор.

Чейз догнал в доли секунд:

— Цемент... Иди за женщиной в синей юбке.

Лихорадочно искала её в нашем гуське и, найдя, тут же впиалась глазами, упаси бог, упустить из виду.

Нас выпроводили на пустырь. Чейза я тут же потеряла. Всучили в руки лопаты и носилки. Несколько женщин принялись смешивать песок с цементом, другие разводить водой. Моей задачей оказалось перемешивание, просеивание и доставка к кирпичному амбару через всё огромное поле.

Не знаю через какое время, но начала осознавать, что усталость, жажда и зной скоро

меня свалят. На протяжении всей деятельности, невольно искала его или, хотя бы, ту девочку.

Когда меня везли сюда, была уверена в его абсолютной причастности к этому. Начала снова принимать на себя роль его сексуальной игрушки, но увидеть своего мучителя среди рабов, избитого и кающегося никак не ждала. Подобного не видела ни в одних из своих снов. Вся эта картина здесь, лишь сломала весь мой мысленный образ о нём. А может это всё разыгранно? Очередной спектакль? Потому и не вижу его сейчас на поле труженников. Неизвестность выедала изнутри параллельно с признаками зуда от жары и впивающегося в кожу, ноздри и рот цементного песка, который прилипал намертво за счёт пота.

Сбросив, наверное, уже сороковую пару вёдер с цементом, взглянула на ладони. Руки скрючились от тяжести, образовавшиеся мозоли уже лопнули и начали кровоточить. Рой мух и мошкары тут же завитал надо мной. Свист в воздухе, и спину обожгла давно забытая, но знакомая боль.

— Qué subió? Muévete! (Чего встала? Шевелись!)

Плеть. Снова свист и удар. Я сцепила зубы, глуша вскрик. Схватила вёдра и быстро вылила содержимое в бочку.

— Sí, sí... Muévete, perra!(Да, да... Двигайся, сучка!) — теперь он гнусно хихикнул, и оглянись я на него, увидела бы, как мексиканец облизнулся и потряс себя за гениталии.

Солнце начало опускаться, притягивая и меня за собой. Звон. В ушах?

Женщины двинулись, следом и другие, выстраиваясь в новую колонну. Я не видела, что там впереди, но потом все резко рванули, распихивая друг друга, и буквально сминая под собой. Из толпы вынырнул Чейз, толкнул меня плечом. Я упала лицом вниз.

Боже, нет! Закрыла голову руками, ожидая удары. Вот он, прежний! Мужчина накрыл меня своим телом, а опомнившись, увидела перед собой жестянку с водой.

— Пей, живее, — прорычал Ричер, не давая подняться и закрывая меня от других.

Жажда не позволила раздумывать и уж тем более выделяться, и я, изогнувшись до предела, вылебала всю жидкость. Чейз заглянул в жестянку и грубо выругался, слез с меня. Сделал пару глубоких вдохов, глядя на людскую бойню и снова нырнул в толпу.

Лишь теперь поняла, что паёк был не только для меня. Совесть резанула по сердцу. Увидела и девочку, которая сидела поодаль и злобно, даже ревниво смотрела на меня. Мужчина теперь уже выпал из кучи дерущихся и борющихся за воду. Прополз на четвереньках и рухнул возле девчушки, тяжело дыша. На лице разглядела свежую ссадину. Девчушка незаметно помогла ему попить и после допила остатки.

Как только водопой закончился, они отпрянули друг от друга. Чейз встал сзади меня. Чувствовала затылком его тяжёлое дыхание с некой хрипотцой.

— В дом... Там женщины стирают, убирают, готовят. Старайся понимать, иначе... — он не договорил, да и не требовалось, борозды от двух сегодняшних ударов не дадут забыть об этом и ночью.

В доме была всё та же духота, дополненная жаром плит и потом людей. Меня приставили к овощам, отчего немного расслабилась. Можно тихо сидеть в углу и чистить картофель и морковь. Разве что, с некоторой периодичностью относить полные вёдра женщинам у плит.

Запах готовящейся еды начал сводить с ума. Стенки желудка словно слиплись. Только сейчас осознала, что невероятно голодна. Я глотала слюни и начинала дышать, как взмыленная лошадь.

Глубокой ночью нас наконец согнали обратно в амбар, раздав уже каждому по пайку

еды — чечевичная похлебка и корка хлеба, изрядно отдающая затхлостью. Рассмотрю её при свете и не удивлюсь островкам плесени. Здесь это никого уже не волновало.

Я забила в один из углов. Пока поглощала свою долю, ни о ком вообще не могла думать. Голод настолько свёл с ума, что не ощущала отвратность пищи. Не наевшись, но успокоившись, выискала глазами Чейза. Он сидел у стены и перевязывал куском ветоши ногу, сбитую от мозолей. Ботинки его оберегала девочка, прижимая крепко к груди и опасаясь стервятников.

Глянул на меня...

Чёрт! Быстро увела взгляд. Хотя зачем? Мы оба здесь, как на ладони. Скрывать уже нечего, но этот чертов страх, ненависть и... желание снова ощутить его рядом.

Нет, нет! Прошое было ошибкой, похотью, страхом, сумасшествием, но я это вытравила это из себя. Я выскребла его след на моём сердце и больше ни за что не допущу этой чудовищной оплошности.

Передёрнуло и я, отвернувшись к стене и обняв себя руками, легла, поджав к животу ноги. Не хочу смотреть в его сторону, хоть и тянет. То, что он сегодня дважды помог мне ещё ничего не значит. Я готова биться об заклад, что всё происходящее сейчас дело его рук.

Тихие разговоры стали замолкать, пока вовсе не сменились на стрекотание каких-то насекомых и вскрики ночных птиц.

Сон не шёл, да и не придёт никогда. Боль в пояснице и конечностях ворочила меня из стороны в сторону, борозды на спине мешали думать. Пара укусов в бок и пятую точку, начали сводить с ума зудом. Закусила руку зубами, чтобы сдержать стон обиды и отчаяния. Рискнула снова взглянуть на него.

Чейз лежал на спине, а на его груди покоилась фигура ребёнка, словно на постели. Ком ещё большего непонимания встал в горле. Это несоответствие с человеком, которого я знала и до одурения всегда боялась и презирала. Это не ОН! Чейза больше нет! Это непонятный субъект в его облики.

Огонёк его чёрных угольков глаз блеснул в полумраке. Не только я наблюдаю за ним.

Вновь испугавшись, спрятала взор.

КАСТЕР

Жилище Вайлета, точнее его семьи, буйствовало пышной зеленью, кустами роз и плюща. Выбеленная калитка и дом смотрелись очень богато и уютно.

Такой же и у меня в Бостоне. Там мама, сестра, моя прошлая и осмысленная жизнь с чёткими целями на будущее. Но это было раньше, было и закончилось. Больше не имело веса. Стоял так, оперевшись на костыль, глядя в окна и почему-то пытаюсь найти в них себя.

— Вы что-то хотели, молодой человек? — громкий женский оклик вернул меня в настоящее.

За калиткой в саду возилась женщина и, видимо, увидев странного и незнакомого гостя, пошла в наступление.

— Да... эээ, простите, — понял, что всё выходит нелепо. — Здравствуйте, я Кастер Майерс. Ищу Марка Вайлета. Это его дом?

— Верно, — женщина внутренне подобралась. — Марк мой сын.

Она явно гордилась своим отпрыском и, уловив это, решил слегка умаслить:

— Ваш сын спас мне жизнь месяц назад. Сейчас он пропал, чем немного беспокоит

меня и своих коллег.

Лазейка оказалась верной. Женщина смягчилась и поспешила к калитке.

— Заходите, Кастер, — в голосе теперь явно зияли беспокойство и надежда. — Проходите.

Войдя в дом, с теплом вспомнил снова свой. Так же стоят диван и телевизор. Лестница уходящая на второй этаж. Кухня левее от прихожей, гостиная в правой стороне. Стены мягких пастельных тонов, натёртый паркет. Кругом фотографии семейных радостных улыбок, вазы для цветов, каждая занята свежими букетами. Простор и свет правил всем домом, здесь не было места для боли и тоски.

— Он уже неделю не выходит из комнаты, — сообщила она, в надежде глядя на меня. — После той аварии Марк сильно изменился, — её голос печально дрогнул. — Что с моим сыном?

Тоже, что и со мной, но у всех разная реакция на боль.

— Вы не против, если я пройду к нему?

Она сокрушенно покачала головой:

— Он всех гонит.

— Давайте, попробуем.

Женщина покорно выдохнула и повела меня вверх. На её стук отклика не последовало, и женщина вошла.

Спальня Марка оказалась сплошь усыпана фото: Diablo, Ричера, Льюиса и Джилл. Нижние фото предположительных жертв картелей. Лица пропавших женщин, которых ищут и не нашли до сих пор. Я вгляделся в их лики, они все говорили прямо в один голос, что уже мертвы. Всё в плакатах, в вырезках из газет. Среди этой черно-белой пестроты не сразу заметил хозяина комнаты.

— Какого хрена тебе-то надо? — устало проронил он.

Не брит, щетина русых волос торчала из его подбородка, шеи и носогубной складки забавными иголками, как у ежа. Волосы прилично отросли и уже зажирнились от корней. От прежнего мачо и дамского любимчика не осталось и следа.

— Надо поговорить, — спокойно информировал я и без приглашения плюхнулся на кресло у окна, выставляя загипсованную ногу напоказ — не выставишь.

Вайлет выдохнул и взглядом попросил свою мать выйти.

— Я хочу найти её, — начал я. — Хочу поехать туда. Прикинуть полицейским, дескать, меня перевели. Мой дядя подделает документы. У меня всё получится...

Тут Марк не удержал издевку:

— Ты, что совсем идиот?! В твоём состоянии? — И вот тут, в него едва не угодил мой костыль. — Оборзел?! — взвился тут же он.

— А ты?! — рявкнул я в ответ. — Я тоже люблю её, готов вылезть вон из кожи, найти, но чёртова нога и гребанный костыль... А ты?! Ты-то можешь! Но сидишь тут в четырёх стенах и лакаешь крепкую! Козёл! Джилл ждёт нас. Ждёт, когда за ней придут, снова вынут из мрака, но за эти месяцы ни одна задница не сдвинулась с места. Какое у тебя оправдание?

Марк молчал и исподлобья глядел на меня, принимая мою правоту. Сейчас он не ответит. Гордости в этом самовлюбленном подонке полный куль его человеческой тушки.

Я встал, едва удерживая баланс на здоровой ноге, поднял костыль и поплёлся к выходу. Остановился возле его галереи и парой жестоких взмахов сорвал все фото и вырезки.

— Ты знаешь, где меня найти, — буркнул я и захлопнул за собой дверь.

Что делать? Я абсолютно не знал. Калека, без помощников, без информации и даже без статуса.

Дошёл до квартиры. Здесь всё так же тихо. Джилл здесь давно нет. Не слышен её осторожный шаг, хлопотание на кухне, полотенце давно не обрамляло хрупкую девичью фигуру.

Тяжесть разлуки и тоски по ней, вновь свело тело в жгут. Я должен тебя найти. Ведь я знаю о тебе больше всех. Я был ближе всех к тебе. Я боролся за тебя. Боже, не дай мне и сейчас проиграть!

Зашёл в её комнату. Сел на кровать, которая ещё хранила лёгкий аромат девушки. Лег, укутавшись в простыни.

Разбудил меня звонок в дверь. Долгий и настойчивый, который не прекращался всё время, пока я ковылял к выходу. Щёлкнул задвижкой, но дверь открыл гость сам. Бесцеремонно прошёл в квартиру и сел на своё место на кухне. Марк.

Закрылся и прошёл за ним в кухню.

— Свяжи меня с ним. Я поеду туда.

Я дрогнул уголком губ — стена сдвинулась.

— Дядя приезжает сюда завтра. Ты можешь устроиться в моей комнате, я лягу в гостиной.

Марк помолчал и, кивнув, вдруг бросил на меня тоскливый, но твёрдый взгляд:

— Я буду спать в её комнате.

Что ж, пусть. Может это даст ему ещё больше решимости и реанимирует.

Дядя Джон приехал утром, и его фигура не сулила ничего хорошего. Вайлет ещё не проснулся, потому мне суждено было выслушать его нагоняй в одиночестве.

Джон Майерс редко участвовал в жизни нашей семьи, но никогда не уходил в тень, когда требовалась помощь и поддержка.

— Как нога? — мужчина сел в гостиной, оглядывая комнату.

— Как видишь, заживает, — пожал я плечами.

— Вижу, — он умолк, буравя меня взглядом. — Ты должен мне кое-что пообещать. Я помогу тебе. Взамен хочу быть уверен, что ты ни в коем случае туда не поедешь.

— Тогда какой смысл? Я люблю её... Не могу предать.

— Брехня! — рыкнул он. — Ей на роду написано сгинуть. Ты в эту клоаку не сядешь.

— Дядя Джон...

— Заткнись, сопляк, и слушай. Она — рабыня в наркокартеле, понимаешь это? Эта самая мощная и организованная преступная группировка, отлаженная годами. Полиция неспособна дать им отпор, потому что даже нацгвардии понадобятся недели, чтобы прикрыть, хотя бы, один такой картель. Это возвращенная и давно налаженная машина. Ваша девчонка — не жилец. Смирись и живи дальше. Не порти жизнь себе и своей семье!

Молчал, слушая его тихую тираду. Да он во всём прав, но...

— Дядя Джон, я дважды едва не погиб, спасая её, неужели, ты думаешь, что остановлюсь сейчас? Я не в той семье родился, чтобы сдаваться.

Дядя обреченно выдохнул. Он на моём месте поступил бы так же. Слово "честь" слишком много значило в нашей семье.

— Как ты собираешься туда ехать? — он кивнул на костыль.

— Туда поедет не он, — в проёме дверей возникла фигура Марка. Он приблизился к нам и пожал руку Джона. — Детектив Марк Вайлет.

— Джон Майерс, — кивнул в ответ дядя, оценивая его. Марк протянул ему свои документы:

— Вам необходимо лишь оформить мой перевод.

Джон осмотрел нас и, уже более снисходительней, продолжил обсуждать дальнейшие пункты плана.

МАРК

Толстый, в сплошных пятнах от льющегося ручьем пота, шеф полиции Энрике Навако, погрузился в кресло. Протянул руку, требуя моё заявление о переводе. Несколько минут изучал, поглядывая периодически на меня, потом скептически бросил бумаги мне обратно.

— Досье хилое, заявление о переводе напоминает фальшивку. Катился бы ты к себе домой, стажёр. У нас кадров вдоволь...

— Но все не удел, — резко ввернул я, добившись лишь пунцовости на его потной физиономии.

— Нарываешься, — довольно миролюбиво подметил Энрике.

— Я веду дело по двум беглецам, предположительно скрывшихся в вашем регионе.

— Вы знаете законы Мексики, — толстяк развёл руки. — Любых преступников, пересёкших границу, вы не имеете право преследовать. Это уже не в вашей юрисдикции.

— Похищена девушка, — тут мой голос дрогнул, — этими людьми. Ловля преступников ваша обязанность, полностью согласен, но поиски человека так же и наша.

Шеф смотрел на меня, приподняв одну бровь. Я почему-то ощутил себя приличной котлетой у него на тарелке, состав которой он изучил и готов потребить в один приём.

— Твоя цаца?! — вдруг громыхнул он и на уголке губ различил ухмылку.

— Моя, — теперь ударил словом. Навако закалён опытом и врать себе дороже.

— С этого и начинай, а не пытайся тыкать нас носом в грязь, — он поднялся и подружески хлопнул по спине. Позвоночник прыгнул к рёбрам и неблагодарно вправился на место.

— Простите, — проморгался, возвращая зрение из сумерек. — Обычно в поисках осуждают личную заинтересованность детективов.

— Ты в Мексике, — усмехнулся снова шеф. Из-за спины на стол прилетела толстенная папка. — Марселу Лима — только этот человек имел дело с Хулио Мадэри, он же Diablo, которого ваша контора всячески завуалировала, — брезгливо сплюнул.

— Как давно?

— Давно, — он снова издал смешок. — Ваши беглецы, тогда ещё совсем сопливые были, за юбку мамок держались, наверное.

— Давно, — эхом повторил я, понимая, что Ричер и Лима, вряд ли, найдут точки соприкосновения сейчас.

— Лима обязан жизнью Мадэри, а этот подонок свято блюдёт долг чести. Если их встреча состоялась и ваши ребята попросят помощи, этот говнюк им не откажет, уж поверь. Но проблема не в этом. Попасть в их притон под прикрытием невозможно. В охрану он выбирает только проверенных и изрядных отморозков, для которых человек лишь мясо для отстрела. А вот за своего хозяина они спокойно лишаться жизни. Терпеть боль для них, это семечки, потому ни одно средство пыток на допросах не имело результатов. Живут на наркотиках, как на витаминах и трахают всё, что движется, с позволения Лимы, конечно же. И последнее, Марселу исчез с наших радаров года два назад, но предположительно он недалеко от города Экатепек, по крайней мере, те двое, что вы грохнули у себя в штатах,

орудовали именно там.

Он на секунду замолк и выжидательно уставился на мою персону. Поверьте, моё выражение лица было его точной копией.

— Полиция не сунется туда. У этого засранца все шито-крыто. Если мы и найдём лазейку, то всё равно через сутки он снова свободен, а тот, кто обвинил его, через несколько дней будет лежать дома с отрезанной головой или вспоротым брюхом.

Картинки их находок из криминальных сводок тут же заплясали в моём воображении, вызвав позыв к тошноте. Подавил её, глотнув огромный глоток воздуха.

— Тогда как к нему подобраться? — эта беседа только ещё больше ввела меня в безнадёжное состояние.

Энрике развёл руками. Твою мать! Столько сил и всё без толку?! Не верю! Я потёр лоб и снова тяжело вздохнул.

— Вы оформите мой перевод? — начну тогда с малого.

— Твой ЛИПОВЫЙ перевод? — уточняя, переспросил он, уже в открытую смеясь. — Убеди меня. На Чака Норриса ты не тянешь.

— Да, — кивнул я и поднялся, максимально приблизившись к нему. — Я тот ещё таракан и ничтожная букашка, которая пролезет в любую щель.

Шефа продолжала веселить моя клоунада, и он неожиданно подмигнул мне:

— О, я бы хотел посмотреть на это, с половиной месячного оклада. А если провалишься, я тебя знать не знаю, идёт?

Я выдохнул, кивнув. Хотя бы так.

— Приступай.

Он улыбался, подобно чеширскому коту. Я же направился к дверям, делая вид, что благодарен.

— И ещё, — приостановил шеф, — тебе даже напарник найдётся. Сид Васкес — огонь, а не детектив, лучший наш сотрудник.

— Нет, мне не нужен лишний груз.

— Минутку, — толстяк изобразил обеспокоенность, но продолжал свой фарс. — Ты заблудишься в городе уже через десять минут. Не-не, даже не возражай. И мне старику будет спокойней. — Вот козёл! Сцепил зубы, чтобы не вылетело. — Всё иди устраивайся. С детективом познакомлю позже.

Я выпустил горячий пар из ноздрей и толкнул дверь в коридор, продолжая слышать его нарастающее хихиканье. Вот же старый хрыч! Ладно, с ним я позже разберусь, а пока мне необходимо найти себе жильё.

Проснувшись утром в душевой комнате, с досадой осознал, что кондиционер — единственное спасение от лютой жары — сдох. В груди разрастались обида и злость на эту точку мира на карте. Я уже ненавидел всех вокруг.

Ополоснул тело под потоками прохладной воды, чем частично настроил себя на позитивное расположение духа, но рой мух, разгуливающий по буханке хлеба, вернул всё снова на свои места. Я осознал одно, что хочу поскорее найти Джилл и вернуться домой. Но если бы я знал, что все это лишь цветочки.

Приехав в участок, и вовсе ошалел от невероятной духоты. В таком количестве народа в отделении кондиционеры абсолютно не справлялись с проблемой.

Я оглядел контингент и слегка присвистнул. По правую сторону участка сидели правонарушители, начиная от административных до уголовных — последних в разы больше.

Облава публичного дома с его шлюхами и сутенёрами. Наркокурьеры и воры, пристёгнутые наручниками к стульям. Всё это несло с собой дикий гвалт и неразбериху, что ещё больше напрягало и нервировало без того измотанных полицейских. Одним словом — адское пекло!

Плюя на эту суматоху, пробрался к кабинету шефа, но меня грубо остановила девушка: — В очередь, самец. Я тут следующая!

Это была молодая женщина-полицейский с несколько смешанной мексиканской внешностью. Короткая стрижка, майка обрамляющая её фигуру и чересчур аппетитную грудь, джинсы, натянутые на бёдра, едва не трещали от сексуальных объёмов. Клянусь, ей надо в бодибилдеры, а не бюсти тут порядки среди отморожков. Её тело было просто тщательно прокачено тренажёрами, с целью не разбавлять своими эстрогенами мужской тестесторон. Она вливалась в неравное ярмо, оттого и теряла свою женственность под грудой мышц. Мне стало немного неловко от её вида.

Я сдал назад, невольно покорившись хамству, хотя, скорее, это был просто шок от её персоны.

Девушка влетела к толстяку, не теряя свой нарочитый гонор. Дверь срикошетила об стену и захлопнулась, поглотив её.

Хамка!

Хмуρο уставился в пол, понимая, что, возможно, ждать мне не меньше четверти часа, но двери кабинета снова раскрылись буквально через минуту. Нет, это не ворота рая.

— Вайлет! — приказ. Я вошёл, немедля. — Дверь закрой!

Дамочка испепеляла меня взглядом, пока я не поравнялся с ней.

— Знакомьтесь, детективы. Марк Вайлет переводом из США и Сидни Васкес, наш лучшая сыщица и полицейский.

— Сид Васкес, — прорычала девушка, формально пожав мне ладонь.

Смешок во мне агонией всколыхнул мозги.

— Погодите, шеф... Баба?! — этот взгляд с её стороны, прозвонил мне не спешить с выводами и тем более с оскорблениями.

— Не баба, а детектив Сидни Васкес. Лучший наш сотрудник...

— СИД! Васкес, — видно, это уточнение для неё было очень важно.

Мне показалось или я услышал с её стороны ехидный смешок? Она, походу, нам обоим жаждет поправить части тела.

— Мне не нужен напарник! — я снова открыл рот.

— Тогда пошёл на хрен отсюда!

Лицо толстяка ещё больше распухло от мгновенной ярости, глаза метнули молнии. Я сжался, ощутив себя и правда тараканом. Свиду забавный старикашка, но шефами полиции просто так не становятся.

— Хорошо, хорошо, — примирительно приподнял руки. Если мне нужно чего-то добиться, впору примолкнуть и сбавить спесь. — Вероятно, я спешу с выводами.

Толстяк выдохнул со свистом и обмяк, словно сдувшийся надувной матрас.

— Ты работаешь, впервые очередь, на нас. Моих сотрудников вмешивать в твои делишки я категорически запрещаю. Всё своё свободное время ты можешь использовать по своему личному усмотрению, ресурсы тебе предоставят. А сейчас, — швырнул на стол папку, — начинайте уже работать. Аврал за вас никто не разберёт. Пошли отсюда оба.

Васкес схватила папку и, едва не сбив меня лобовым, точнее грудным, вылетела в коридор.

Суматоха в отделении не спадала. Детектив пробралась к одному из столов, за которым уже сидела возмущенная женщина, видно не первый час ожидавшая помощи правоохранительных органов.

Васкес швырнула папку на стол, выдвинула стул, но не села, а обогнула меня и подтолкнула к рабочему месту.

— Столов здесь довольно мало для работы, потому можешь воспользоваться моим. — Осваивайся, — нагло сверкнула зубками и поспешила прочь, но я стальной хваткой впился пальцами в предплечье. Детектив возмущённо опешила.

— Нет уж, красавица, — зашипел прямо в её нахальное личико. — У меня мало времени, можно сказать, почти нет и тратить его на эту бабку, я не могу и не хочу. Помогите мне, или мы не сработаемся.

— Мы не сработаемся, — чётко рявкнула Васкес и вырвала руку.

В это же мгновение ощутил глухой удар в пах. Охнул, согнувшись от боли. Ничего себе у них тут готеприимство! Ладно, сама напросилась.

Детектив устремилась на улицу. Матюкаясь на ходу, мчал следом. Поймал у машины. Заломил болевым приёмом руку и швырнул напарницу лицом на капот.

— Пусти, козёл! — яростно завопила Васкес, мешая речь мексиканским. Сунул ей под нос фото Джилл:

— Эту девушку похитили более двух месяцев назад. Она в одном из наркокартелей. Она — рабыня, а за такой срок, возможно, уже мертва. Я убью каждого, кто будет мешать её найти, я убью ТЕБЯ, если ты будешь мне мешать!

Васкес затихла. Какая-то тень мелькнула на её на лице.

Сзади обрушились чьи-то удары. Две секунды, и я так же был обездвижен, но уже мордой на асфальт. Чёртовы защитники! Сплошная непонятная португальская бесовщина между Васкес и незнакомцами, но меня отпустили. Поднялся.

Сид оценивала меня скептическим взглядом. Теперь ощутил себя голым.

— Обычно за рулем Я, — девушка хмуро поставила в известность и направилась к машине.

Это, видимо, приглашение. Поспешил на пассажирское. Дамочка намерена быть у руля во всех смыслах. Что ж я могу ей это позволить.

Оглянулся на двери участка. Фигура Энрике Навако сверлила наше авто напряжённым взглядом. Он смотрел на НЕЕ. Васкес одарила шефа улыбкой и газанула с места.

ЧЕЙЗ

Старался избегать её. Всё наше общение ограничивалось лишь моими короткими пояснениями и советами, что делать девушке в том или ином случае.

Один раз Джилл всё же рискнула доверить мне свои ладони. Мозоли от ношения вёдер переросли в кровавые нарывы, из-за которых девушка с трудом могла сжимать кисти. Смазал раны кашицей из чеснока — единственным доступным способом, которым могли воспользовались пленники нашего амбара.

— Воняет жутко, но завтра станет легче, — говорил я, осторожно крепя поверх самодельный бинт из чьей-то разодранной цветастой рубахи.

Женщины снимали с умерших более или менее пригодную одежду, стирали и полосовали её на повязки и верёвки. Кто-то бинтовал ими стоптанные ноги, кто-то раны,

кто-то просто подвязывал разодранную или начинающую спадать с исхудавшего тела одежду.

— Спасибо, — благодарно посмотрела на меня, но потом тут же быстренько ушла в другой угол амбара.

В груди резануло, но без обиды. Я понимал её, поэтому требовать, доказывать и тем более снова молить о прощении не имел права.

Житья ей не давал только Марселу. Пару раз я едва успел отбить её у картелевских головорезов, за что непременно поплатился плетями и сидением в выгребной яме.

— Они должны были за это тебя убить?! — девушка подозрительно смотрела на меня, когда я еле живой вернулся в амбар.

Врать или скрывать от неё больше ничего не буду. Хватит.

— Он не убьёт меня... Пока.

— Почему?

— Ждёт твоей смерти либо от моей руки, либо от этого места.

Она запнулась, вникая в смысл мной сказанного.

— Так убей. В чём проблема? — вскинула гордо голову, буравя взглядом, в котором прочёл лишь обиду и боль. Презрения больше не было?!

— Я не только за тебя в ответе, — уронил устало и, словно в подтверждение моих слов, Габриэль обняла меня за талию, прижавшись.

Но гнев Марселу мне всё же было суждено вызвать.

Швырнули на паркет. Щекой осознал его прохладу, приятную и невероятно желанную.

— Меня попросили дать тебе ещё один шанс, — проронил Лима, всем видом показывая, что делает кому-то всего лишь одолжение.

Я, кряхтя, приподнялся, перекатился на колени и, преодолевая боль в суставах, встал в полный рост. Тут же страшно захотел рухнуть обратно, принять горизонтальное положение, но нельзя себе этого позволять, я не буду тешить эти мерзкие рожи. Стоял твёрдо, но лишь страдальческая мимика лица периодически предавала мой героизм.

— Шанс? — хмыкнул в ответ.

— На свободу, — Лима развёл руками. — Девчонка здесь. Это то, что нам было нужно. Ты уже достаточно доказал, так что хватит с тебя спеси. Одумайся и возвращайся в дом.

— Дом?! — смотрел на него исподлобья.

— Мы все твоя семья.

— Заткнитесь, — только и смог проронить.

Не хочу слушать всю эту псевдоправду. Мой дом не здесь и нигде. У меня его просто нет.

— Хочешь сдохнуть на этой каторге? Или готов быть там, чтобы охранять её?

Лицо Лимы покрылось красными пятнами — плохой знак. Я благоразумно сцепил зубы. Молчание сейчас лучший спутник.

— Или эта малявка?! — осенило негодяя. — Габриэль, да-да. Милая девчушка.

Я не знаю, чего мне стоило, чтобы держать себя в руках, тонна сил, терпения и контроля над собой. Не подавать виду — это достойней любого Оскара.

— Почему её, а не Джилл? — Лима улыбался откровенно и даже задиристо. Я, наверно, литра три слюны проглотил, чтобы только держать себя в нужном русле разговора.

— Догадайся, — резкость в общении то, что даёт нейтральность в происходящем. — Это ребёнок.

— Хулио бы сейчас волосы на себе рвал, — продолжая улыбаться, сетовал он. — Его брательник обзавёлся состраданием. Вы подумаете!

— Мы братья лишь по отцу.

— Да, помнится, такие же овечьи глазки твоей матери погубили Федерико Мадери. А ты — плод её матки.

Я терпел, много терпел, но мать никто не смеет оскорблять, тем более это ничтожество. Злость дала сил, и я снова свалил старикана, непрерывно одаря жестокими ударами.

Когда пресловутая охрана наконец оттащила меня, уже я ржал над ним, а точнее страх и ненависть перешли в истерику.

— В карцер! — Марселу гневно орал своим головорезам, сплёвывая кровь и раздавая тумачи. — И его сучку туда же, — диким взглядом смотрел на меня. — Я верну твои руки в нужное русло, мразь.

В коридоре были люди и, похоже, та же Сисилия, которая в панике побежала к старику. Успокаивать, видимо. Сучка!

ДЖИЛЛ

Вылила очередную партию в цементный бак. В этот раз строительная смесь оказалась низкого качества, поэтому женщинам приходилось промывать и просеивать её несколько раз, тем самым снижая показатели работы.

Солнце стояло в зените, раскаляя песок и камни. Сегодня Габриэль впервые работала неподалёку от моей группы. Девочка перетягивала грузы с песком верёвкой, надёжно скрепляя их воедино.

Смышленная, тихая, с волосами цвета вороньего крыла. Как она могла оказаться вместе с ним? Как вообще возле него мог оказаться ребёнок? Но они верно держатся друг друга. За него эта малышка готова была убить, пытаясь защитить от меня. Сейчас мне лишь хотелось знать — на что готов он ради неё? Ожидать долго не пришлось.

Из глубины дома показался один из головорезов и окинул взглядом пустырь. Поймала на себе его суровый взгляд. Нет! Только не это. Опять?! Он и ещё двое ступили на трудовое поле. Мне же оставалось молиться о том, чтобы они просто прошли мимо.

Рывок за волосы, и я сжала губы, давя вскрик. Грубый толчок с пустыря, и вдруг визг сзади. Изогнулась, как могла, чтобы увидеть, как следом за мной тащат Габи. Ярость и страх убили во мне тихоню:

— Нет, не надо её... Отпустите, пожалуйста. Не надо... Не трогайте её!

Вывернулась в руках мексиканца, лишившись клока волос и заехала ему кулаком в нос, абсолютно не думая о последствиях. Женский инстинкт несостоявшейся матери вёл меня на убой.

Головорез брызнул кровью, но его лицо ничуть не изменилось, разве что стало злее. Удар мужчины был вне всяких сомнений мощней. Последнее, что увидела щёбёнчатый песок...

Открыла глаза. Заботливая рука гладила по волосам. Встрепенулась. Я лежала на полу, а голова покоилась на коленях. Тело зверски ныло, вызвав грудной стон.

Столкнулась взглядом с ним. Чейз?! Резко вскочила, но головокружение и резь в висках сбавили мой пыл, уронив снова наземь.

— Никогда здесь так не делай, — сурово потребовал мужчина. — Они запросто могли

тебя убить.

Содрогнулась, уличив противоречие:

— Но не убил... Почему?

Чейз сглотнул:

— Потому что привели тебя сюда для другой цели.

Он говорил загадками. Рискнула снова встать, на сей раз более осторожно. Огляделась.

— Это карцер, — ответил он на мой немой вопрос.

— Зачем мы здесь?

— Не знаю. Воспитывают.

В память вернулась девочка.

— Боже, а Габи?! — Чейз осекся, всем телом поворачиваясь ко мне. — Её тоже взяли на пустыре, — пояснила, дрогнув губами.

То, что с ним начало происходить дальше, ошарашило настолько, что боялась пошевелиться. Мужчина диким зверем кинулся на металлическую дверь, пытаясь убить её ногами, руками и всем телом. Смесь английского и испанского рвала слух. Имя Габриэль, проклятия и:

— Лима!!!

Это продолжалось, пока Чейз без сил не упал на пол возле дверей и затих.

В страхе за девочку глотала слёзы. Отчего-то чувствовала его боль, как свою. В тяжелом дыхании различила всхлипы. В груди всё сжалось с невероятной силой. Не сдержавшись, приблизилась к нему, тронула за плечо, опустилась рядом. Видя его в таком состоянии на секунды забыла, кто передо мной. Тело мужчины лишь вздрогнуло от моего касания, но больше никак не реагировало, погрузившись в себя.

Дверь натужно лязгнула, впуская людей. Увидев их, Чейз тут же поднялся и потянул на ноги меня, увёл за спину. Двое головорезов держали в капкане скрученного ребёнка.

Мужчина лет за пятьдесят, молодая женщина и... Льюис?! Он тоже здесь? Но, судя по виду, совсем на обратной стороне.

— Ну что, сынок, — старик злобно смотрел на пленника. — А вот и урок, — швырнул на пол плети. — Выбирай, малявка или эта тварь?

АНДРЕС

Только зеркало знало меня настоящим. Оно в точности отражало каждый изгиб моего тела, каждую татуировку на загорелой коже. Лицо полное игривости и хулиганства. Губы чувственные и желанные для всех актрис, что я трахал перед камерами. Их возбуждает во мне всё — тело, голос, размер и форма члена, но больше всего моя жестокость в сексе.

Жестокость — это то, что, оказывается, любят все эти силиконовые курицы. Грубое и дикое совокупление, не имеющее никакой схожести с любовью. Они все товар, а я его имею за деньги перед камерой. И хуже всего, что я тоже продаюсь наравне с ними.

Всё это видно во мне, когда смотрю на своё отражение... Но не в глазах. Именно они выдают. В них можно явственно увидеть всю мою тошноту к этому делу. К тому, что кто-то умудряется назвать искусством.

Грязь, мать вашу, теперь стала искусством! Это лишь деньги, хорошие денег, которые манят молодых людей и, тем более девушек, которые либо нуждаются в них, либо просто любят трахаться. И, как я начал всё больше замечать, вернее второе.

Признаюсь, хорошие деньги и шикарный секс мне даже нравились по началу, но теперь я настолько привык к этим ролям, что, действительно, относился ко всему, как к работе, низкой, постыдной, но многодающей.

— Андрес, — в комнату просунул голову мой младший брат Мигель. — Мне через полчаса в школу. Чего ты копаешься?! — и тут же сердито смылся.

Натянул рубашку и потянулся за запонками.

— Анди, — следом влетела сестрёнка Морена и плаксиво взобралась ко мне на руки. — Оливия снова кашу даёт. Я не хочу-у-у! Уволь её.

В комнату просунула голову и няня. Миловидная девушка застенчиво замаячила в проходе, пряча от меня глаза. Да, на мой полуобнажённый вид не каждая девушка посмотрит с равнодушием.

— Сеньор Андрес, не стоит ей во всем потакать. Мигель слушается, а она нет...

— Оливия, давайте позже, — не хотелось сейчас это обсуждать.

Чмокнул сестру в лобик и посадил на свою кровать. Повернувшись к няне, снова уловил этот взгляд — томный, вздыхающий, вождедеющий. Чёрт! И эта туда же. Я подозревал, что давно в плодах её мечтаний. Нянька, читающая по вечерам романчики, наверняка, представляет, как я, однажды, ночью врываюсь в её спальню, признаюсь как давно и страстно желаю её, а потом мы сливаемся в поцелуе и ласкаем друг друга в ночи любви. Тьфу! Хорошо, что она не знает чем я зарабатываю на хлеб. Слегка передёрнуло, и я поспешил вниз.

— Прошу вас, Оливия, сделайте ей то, что она съест без истерик, — разбираться во всём этом мне очень не хотелось и я поспешил прочь из комнаты, застёгивая рубашку. Для чего мне услуги Оливии — гувернантки и по совместительству няньки?

— Да, сеньор, — девушка кусала нижнюю губу и смотрела куда-то ниже моего уровня глаз. Я уже спустился вниз, но Оливия окликнула с верха лестницы. — Сеньор Андрес.

— Ну что такое, Оливия? — устало оглянулся, теперь в её глазах плескались

беспокойство и даже страх. — Ваша мама, — напрягся. — Утром у неё снова были судороги.

Теперь ломанулся обратно вверх по лестнице, но няня умоляюще остановила меня.

— Всё прошло. Не надо. Она спит. Я вызвала врача. Он придёт после полудня. Ни о чём не беспокойтесь. У больных такого рода это бывает. Идите на работу, я со всем справлюсь.

Несмотря на всю мою брезгливость, я всё же был обязан отдать ей должное. Её тихая симпатия ко мне часто решала подобные проблемы, отчего чувствовал себя иногда свиньёй, но мысль о том, что довольно неплохо ей плачу, тут же успокаивала.

Благодарно похлопал её по плечу, как бравого друга, и позволил себе слегка ущипнуть её за нежно-розовую щёку. Няня залилась краской, а я понял, что теперь точно нужно удирать.

— Ты чудо, Оливия, — дежурно бросил я и поспешил к машине.

Мигель уже давно сидел внутри, нервно скрестив руки на груди.

— Андрес, я ни фига не успею!

— Следи за ртом, — недовольно рявкнул я, пристёгиваясь.

— Я обещал пацанам...

— Обещай мне лучше, что выполнишь тест на хорошо в этот раз, — резко перебил его, — а если будешь списывать, то, хотя бы, имей достоинство не палиться.

Мигель надулся и что-то пробубнил в ответ. Замолк.

Это хорошо, теперь я могу подумать.

Снова судороги. Они становятся частыми, врач предупреждал об этом, и ничего хорошего сей факт не сулило нашей семье.

Инсульт — обширное кровоизлияние в мозг — случился у матери три года назад, парализовав тело и лишив речи. Гематома в голове со временем преобразовалась в доброкачественную опухоль, которая поселилась в центре мозга. С недавних пор, гемангиобластома растёт и давит на него. Осмотр врача не дал надежд, опухоль неоперабельна, а точнее сама пациентка не перенесёт последствия операции.

Нам же, как последним эгоистам, хотелось, чтобы мама побыла с нами ещё, оттянуть час смерти. Мы не могли её отпустить. Я не мог.

Отец погиб за год до болезни, скорей всего, его кончина и послужила причиной. Дети не успели оправиться от первой травмы, как тут же грянула вторая. Но мама просто болеет, она с нами, она жива, ей нужно всего-то пролечиться и все наладиться. Именно это я говорил Мигелю и малышке Морене, стараясь не травмировать детей. Девочка переживала всё вполне спокойно, так как в силу своего возраста смутно помнила маму здоровой, но парню давалось всё очень тяжело — частые истерики, низкая успеваемость, драки в школе. Дети ждали, а я отчаянно искал выход.

Жизнь, имея свои планы, безжалостно и с каждым днём всё больше забирала мать от своих детей.

Молил всех святых дать нам время и найти рентабельного нейрохирурга, который вернёт нам шанс на выздоровление.

— Я всё слышал, — проронил наконец брат.

Сжался, но не подал виду, безразлично ведя машину. Ещё один квартал и мы будем на месте. Скорей бы.

— Чего ты слышал?

— Утром, — голос ребёнка дрогнул. — Маме было плохо. Оливия выгнала меня. Я видел...

Тяжело вздохнул, катастрофически соображая, что ответить. Благо мы подъехали к школьному сектору.

— Мигель, ты уже взрослый парень и скрывать от тебя уже не имею права. У мамы есть некоторые осложнения, после инсульта, но это лишь вопрос времени и денег. Средства есть, я лишь подыскиваю ей хорошего врача. И я его найду. Не бойся, с мамой всё будет хорошо.

Брат, понуро кивнул, улыбнулся уголком губ. Он не поверил мне, и я это почувствовал.

— Уроки до трёх, — Мигель толкнул дверцу наружу и выпрыгнул из машины.

— Оливия, заберёт тебя. Дождись её, будь добр.

Брат разочарованно захлопнул салон авто. По губам понял, что парень выругался. Ему она явно не нравилась. Что ж, возможно, тут с ним соглашусь, но менять её пока не хочу и точка.

Крутанул руль машины в клуб. В будний день здесь в это время обычно всегда спокойно. Клуб не блистал светодиодами, не слепил так, что не видно собственных рук. Днём он — обычная забегаловка с ланчами, кофе и бургерами. Зал ещё пуст. Пышногрудые красотки не виляли своими упругими попками вдоль столиков среди возбужденных клиентов, готовых выложить все свои деньги ради шикарного и незабываемого секса с незнакомкой.

Этим мужчинам плевать, что у них жёны, ждущие их дома в одиночестве или с ребёнком, который недавно родился и забрал их супругу. Ведь они же тоже грёбаные, но только взрослые дети, которых отняли от сиски матери, но теперь они хотят обратно на ручки с помощью сексуальных утех будь то жена или шлюха. Они всё те же дети, что хотят ласки и понимания. Хотят ту, что беспрекословно выполнит все их сексуальные фантазии, какими бы они не были. Ту, что поймёт их и воплотит в жизнь, не назвав чокнутым или извращённым ублюдком, и, главное, станет такой же "грязной" как и они.

Содрогнулся и, забрав у бариста чашку кофе, уселся за столик у окна. Я никого не ждал, просто наслаждался вкусом напитка и безоблачностью нового дня.

Захлопали двери. Кто-то пришёл. Официантка Мерседес закрутилась у столов. Я звал её просто Мерси. Милая и скромная девушка двадцати двух лет, которую угораздило забеременеть в шестнадцать и родить. Но она не сдавалась, в одиночку растила дочь и пыталась притворить мечты в жизнь, дав своему чаду достойное обучение и благосостояние. Признаюсь, за это её уважал и был готов защитить от уродов, что ровняли девушку в ряд с другими шалавами нашего клуба.

— Привет, — она в спешке буквально содрала с меня пиджак — я вечно забывал его снять — и послала в гардероб.

— Привет, как ты, красавица? — всегда держал планку фамиллярности и даже флирта, несмотря на истинно дружеские отношения. К счастью, и она воспринимала это правильно.

— Сегодня лучше, чем вчера, — Мерси остановилась и с лёгким возмущением толкнула меня в плечо. — Ты жёстко меня подставил вчера. Знаешь об этом?!

Округлил глаза, лихорадочно примеряя варианты своего проступка перед ней.

— Ты снова отымел ту пышногрудую брюнетку, а вчера пришёл её муженёк. Тебя искал, между прочим. Оливера тут же маску идиота, а мне пришлось клясться, что ты обкололся и где-то валяешься у своих дружков.

— Ну, спасибо, — поражённо засмеялся, даже не зная за что благодарить больше — за спасение или за то, что опустили ниже плинтуса.

— Всегда пожалуйста, — девушка ехидно улыбнулась в ответ и вильнула к другим столам.

Улыбался ещё пару секунд, пока всё не испортил сам Оливера, который грузно опустился напротив.

— Настроение гляжу хорошее? — он оскалился гнилыми зубами и погладил себя по лысине.

Жара за окном набирала силу отчего босс начинал, словно разбухать и сильнее сипеть. Немудренно, с его довольно пышными формами.

— Было секунду назад, — повёл взор обратно на уличную панораму.

— Ну так я тебе ещё добавлю, — он зашипел, максимально приблизившись ко мне. Скажем, аромат из его кладези брани тоже оставлял желать лучшего. — Если ещё раз выползишь в зал подцепить очередную шлюшку, я сам лично твой член в узел завяжу.

— Ауч, — хмуро усмехнулся.

— Серьёзно, Андрес, тебе баб мало, что ты перед камерами трахаешь?!

Ну все мой кофе-тайм испорчен окончательно. Брякнул чашку на блюдце, звоном оглушая пустой зал.

Мерси, мгновенно уловив опасность боя посуды, напряглась.

— Напомни мне поговорить об этом, когда ТЫ кого-то трахнешь перед камерой.

Оливера задумался и противно облизнулся. Чёрт, неужели, представил?! Фу, блядь! Я поднялся.

— Я не закончил, — громыхнул босс.

— Обсуждать это я не буду.

— Прижми жопу, Андрес! — его свиноподобная физиономия покраснелась ещё больше.

Я замер, полоснув толстяка взглядом. А не пошёл бы ты на хрен?

— Ещё кофе? — Мерседес появилась из ниоткуда.

Оливера крякнул пару раз и выдавил благодарный кивок. Официантка виртуозно зажонглировала кофейником, чашками и блюдами. Даже сахар положила. Бросила взор на меня. Стыд проскользнул тенью по моему лицу. Девушка вмешалась нарочно, почуяв накал. Я ей снова благодарен.

— Тебе? — поднесла кофейник к моей чашке.

Мотнул головой, но без толку, Мерси решительно заполнила её.

— Спасибо, Мерседес, — Оливера теперь более спокойно вытер свои вспотевшие ладони о брюки.

Официантка кивнула. Ловить её предостерегающий взгляд совсем не хотел, потому и проигнорил учтивую улыбку.

— В общем, у нас новый контракт. Порностудия Видаля захотела поработать с нами, но сначала хочет провести кастинг с нашими порноактёрами. Уклон у них больше на БДСМ и хардкор, немного классики, потому актриски либо, пиздец, страшные, либо новенькие в этом и побаиваются. Так что, твоя группа вторая, воспитывай и раздраконивай их дырочки. За тебя словечко я замолвил, если понравиться, то будут и более выгодные предложения.

— Видаля я не уважаю, ты в курсе, — сердито отставил чашку.

— Я в курсе, что тебе нужны бабки, а Видаля никогда не скупился для актёров.

— Как и на извращения и унижения, — добавил я. — Помни, что троих его актрис так и не нашли.

— Шалавы отработали отличный гонорар и купили себе по острову в океане. Хорош уже бузить! Это работа, это много зелёных, в особенности для тебя. Трахал цыпочек ты

всегда мастерски. Так, что за дело. Сегодня вечером вводный кастинг.

— Сегодня?

— Не строй из себя занятого. Повторюсь, это большие бабки. Помни. — Босс залпом осушил свою чашку и поспешил к себе в кабинет. — К шести вечера будь готов.

Я лишь молча опустил голову. Да, чёрт его дери, он прав, это, прежде всего, бабки, а мои личные чувства никого на хрен не волнуют, как их, как мою семью, и меня уже давно не должны. Хотя...

Поймал взгляд Мерси. Сосредоточенный, обеспокоенный, но понимающий. Последнего давно уже ни от кого не ждал.

Очнулся. Девушки уже и след простыл. Тупо пялюсь на место, где её давно нет. Встрепенулся, потёр с силой лицо, словно заставляя себя снять маску усталости. Соберись! Не хватало ещё провалить кастинг. Двинулся наверх, где находился спортзал, душевые и гримёрки. Надо выпустить пар.

ЧЕЙЗ

Сейчас весь этот поганый мир смотрел на меня и ждал решения.

Габи вся в слезах дрожала и озиралась по сторонам. Щека её заметно распухла от чьей-то безжалостной руки. Захотел отобрать малышку у них, обнять, успокоить, но дуло пистолета в ладонях Марселу, которое воткнулось ребёнку в голову, велело врать в пол. Девочка ещё пуще заплакала.

— Нет, нет... Тшш, — вытянул руки вперёд, тщетно пытаюсь успокоить, заверить... непонятно в чём.

Лима зыркнул на Сэма. Тот в пару шагов оказался возле Джилл, которая почему-то отступила от меня, и швырнул девушку на пол. Рванул за волосы, ставя на колени.

Как можно выбирать между незащитным ребёнком и женщиной, которую люблю всей душой?

— Возьми их, — Лима кивнул на плети. — Давай!

Всё внутри бастовало, кипело яростью и безысходностью. Я не могу. Не могу выбирать между ними.

— Бери! — с неистовой злобой закричал Марселу, сильнее вдавив пистолет Габриэль в висок. Девочка заплакала уже навзрыд:

— Papi! (Папа!)

Сердце сжалось с немыслимой силой, проклятые слёзы выступили из глаз. Я шагнул к плетям и поднял их. Повернулся к Джилл, хотел увидеть её глаза. Хотел узнать, что она видит сейчас? Кого видит во мне? Но Льюис тут же крутанул девушку спиной и спустил с хрупких плеч мешковатое одеяние.

Девушка вжалась в себя. Помнил эту позу. Поза готовности к боли. Готовность к мукам. Я снова мучаю её.

— Бей, мать твою! — крик Лимы, плач Габи...

Срыв...

Замахнулся и беспощадно полоснул оголённую спину. Жуткий крик боли врезался в стены, в уши и в мои вены.

— Ещё раз!

Свист — удар. Вскрик — боль. Я отключился, сошёл с ума. Взмах — полоса, ещё взмах

— борозда. Бордовые полосы расчертили спину моей Джилл. Кровь с траншей устремилась вниз. Взмах — удар. Снова, снова и снова... Девушка умолкла. Тело обмякло. И Джилл упала ничком на пол.

Дико зарычал и швырнул плеть в Сэма. Тот едва успел увернуться.

— Суки! — взревел я. — Бездушные твари! Вы все сдохните! Все! Клянусь...

Видя моё сумасшествие, Марселу удовлетворённо кивнул головорезам. Один потащил Габриэль вон из карцера, а второй вышел на меня.

— Габи! Нет! Отдай... Не трогай! — только успел крикнуть, прорываясь к ней, но меня жестоко вырубил.

АНДРЕС

Час в качалке наконец убил во мне размазню. Поплёлся в душевую.

Увы и ах, душевая была общей. Это психологический ход Оливеры, в особенности для новеньких. Так он учил актёров привыкать к телам своих потенциальных партнёров по сексу, отучивал от синдрома внезапной скованности и был не против случайных оргий мокрых и красивых тел.

Когда-то и меня коснулась эта участь, равно как и сейчас тёлочки были не прочь соития со мной в душе, но я давно насытившийся их голыми титьками и жопами, резко и оскорбительно посылал их на члены других мужиков. Пару раз, кстати, получал за это нагоняя от Оливеры и даже от коллег-членоносцев, возмнивших себя супергероями и защитниками местных шалав.

Прохладные струйки осыпали моё разгорячённое тренировками тело. Боже, как хорошо. Облакотился руками о кафель, подставляя дурную голову милости живительной влаги. Закрыв веки.

"Судороги всё чаще"

"Я всё видел"

Глаза Мигеля одинокие, взрослее своих ровесников, понимающие и неверящие больше в чудеса и обещания.

К спине кто-то прислонился и скользнул рукой вниз к члену. Ни минуты не думая, развернулся, сдавил шею и впечатал в стену. Смех, довольный и вождедеющий. Марла? Тварь!

— Андрес, — девушка похабно обнажила свои лошадиные зубы и как-то умудрилась обхватить мою талию ногами и впечатать бёдрами в себя. Лишь сталь моей руки не позволяла ей приблизиться ещё больше. — Чувствуешь как горячо?

Стало гадко, но чётко ощутил тепло её промежности, а мой младшенький тут же среагировал должным образом. Почувствовав нужный эффект, Марла облизнула губы. Резко разжал пальцы и девушка полетела на пол. Ударилась жёстко спиной и головой о стену, но мне было плевать. Скинул с себя её цепкие ноги, которые абсолютно не амортизировали её шлепок на мокрый кафель.

— Ты скотина, Андрес! — гневно вскричала она и попыталась пнуть в отместку.

Прытко отскочил подальше и уже не смог сдержать смех.

— Пора это уже запомнить, идиотка! — и подтолкнул её ногой по заднице. — Свали!

Девушка на четвереньках отползла на безопасное расстояние и поднялась. Отборный мат нёсся в мою сторону, но я лишь удостоил актриску средним пальцем и повторил свой туалет, дабы смыть её срамоту.

Достиг своего гримёрного стола, но за ним сидела Мерседес. Выражение лица девушки было обеспокоенным.

— Значит Видаль, да? — смотрела на меня в отражении зеркала.

— Мерси, тебе лучше сюда не ходить! — Лицезреть лишний раз голых актёров этой девушке совершенно ни к чему. По ночам хватает.

— Андрес, — она поднялась и уже оглянулась ко мне. — Ты же знаешь, что это за режиссёр.

— Мерси, пожалуйста, — её нужно прервать. Не дай бог, кто-то услышит и стуканет. Женская половина как раз этим не поскупишься, так как знали моё отношение к Мерседес как к единственной девушке, которую я уважал.

— Андрес, он спекулирует с картелями.

Тут уже мне пришлось прикрыть ей рот ладонью и увести к шкафчикам. Проклятое полотенце от резких манипуляций сползло с бёдер.

— Не здесь, прошу тебя, — прошипел я.

Отпустил, слегка отступая, но засветился перед ней наготой.

— Чёрт! — Мерседес тут же зажмурилась и, закрыв лицо ладонями, попыталась отвернуться. — Андрес, молю — полотенце!

Я тут же покраснел.

— Прости, — мигом вернул махровое прикрытие на должное место.

— Ты прав, не здесь, — пунцовая от стыда Мерси поспешила прочь из гримёрных, глядя на потолок. — Позже поговорим, извини.

— Д-да позже, — заикаясь, смотрел вслед убегающей девушки и понимал, что после этого мне будет очень трудно с ней общаться в прежнем русле. Зараза!

Со злостью шархнул по шкафчику, деформируя хиленький металл.

МАРК

Это совершенно другой город. Старые убогие домики, вымощенные камнем дороги, пара достопримечательностей. Бедные кварталы кишили молодежью, шумными компаниями, дворовой рваньёю.

— Экатепек, — Васкес наконец открыла рот. — Добро пожаловать.

— У тебя есть наводка или же ты просто решила погостить? — раздражённо буркнул я, оглядывая округу.

— Экатепек — родина пропавших душ, — она указала на мою сторону.

Повернул голову. Местность шла в гору. Лестница старых строений, возведенных прямо друг на друге, а на их стенах огромные фото... Дети, девушки, мужчины, женщины, даже старики — они все добродушно улыбались, смотрели в наши глаза и говорили, что прощают нас, что всё понимают и что теперь им хорошо и спокойно... там. Даже не пытаюсь разобрать все надписи, уже понимал о чём они.

— Это крик о помощи их семей, который теперь больше походит на мемориал, — проронила Сид, проезжая дальше. Лицо её приобрело сосредоточенную хмурость.

— Которая из них? — разгадав суть гримасы, спросил я.

— Та, что ближе к дороге, слева. Жулио Васкес — мой двоюродный брат, — коллега с горечью выдохнула. — Мы нашли его со вспоротым животом. Он был "сумкой".

Уткнул кулак в губы, глуша в себе эмоции.

— Извини, — вина вперемешку с сочувствием.

— Это было четыре года назад. — мотнула головой. Снова выдохнула. В её интересах перевести разговор в другое русло. — И ты прав, есть наводка. Бенисиу Гутьерес — наркокурьер.

— То есть стукач, — уточнил, с долей презрения.

— Нет, Бени — бывший коп. — А вот тут осекся. — И он не под прикрытием. Его жену и сына убили в одном из картелей, полиция само собой спрятала нос. Найдя убийц и расквитавшись, пошёл по наклонной. Алкоголь, потом наркотики, воровство. Стал мелким наркокурьером. Копов всей душой презирает... Кроме меня.

Усмехнулся:

— Ты же сама прелесть.

— Точно, — кивнула Васкес. — А ещё мы оба копа, у которых картель забрал родных, ну и бывшие напарники плюсом, — последнее она кинула как бы между делом.

— Считаешь он может помочь? — скептически смотрел на напарницу.

— Думаю, ты придёшься ему по душе.

Она притормозила возле клуба, который пока спал. Зал тоже был пуст. Шуршали мусорными пакетами уборщицы, мыли столы, бармен полировал стаканы, рюмки и пивные кружки. Клуб отходил от ночного веселья, но готовился к очередному.

Васкес только глянула на бармена с длинной шевелюрой и в джинсовом дресс-коде. Мужчина кивнул головой в самый угол зала за диванами, где сладко спал мужчина, уткнувшись носом в спинку своей колыбели.

— Бени? — Сид слегка потрепала его за чёлку.

Спящий недовольно шевельнулся и продрал один глаз. С минуту вглядывался в её лицо:

— Цветочек? — и расплылся в улыбке.

Я чуть не раскрошил себе зубы, пытаюсь подавить смешок. Уж такого обращения к девушке, никак не ожидал услышать. Сид это тоже било по самолюбию, потому хлестнула меня злым взглядом.

Бенисиу — смуглый коротышка с крепким торсом бывшего копа, ветвистой татуировкой вокруг шеи и выбеленным цветом волос — тяжело поднялся, оценивая своё состояние.

— У тебя печень ещё не отказала? — Васкес двинула к дивану столик и села с ним рядом.

— Не-е, живучая паскуда, как назло, — усмехнулся он и наконец заметил меня. — Честь имею?

— Это Марк Вайлет, переводом из США, — Сид потёрла под носом.

— М-да, ты решила, что тех копов я ещё могу потерпеть? — он хихикнул. — Себас, кофейку сделай, будь другом! Да, и Цветочку с её другом тоже.

Я старался не глядеть на этот Цветочек, чтобы не допустить катастрофы.

— Бени, — она стойко глотала издёвку. — Тебе что-нибудь известно о Марселу Лима?

Гутьерес откинулся на спинку и ехидно посмотрел на неё:

— Твои вопросы каждый раз хлеще предыдущих.

— Что ты знаешь? — Васкес смотрела на него твёрдо. Мужчина вздохнул:

— Ну, до Пабло Эскобара немного не дотягивает. Мотивы грязноваты. Зато лучший продавец наркоты и человеческого товара. Соседний город почти полностью под ним. А ты что, Цветочек, решила к нему на огонёк заскочить?

— Нам нужен связной.

Он хмыкнул, с минуту раздумывая:

— Есть такой...

— Кто? — тут же подалась грудью вперёд.

— Погоди-ка, — Бени останавливающе приподнял руки и, как положено любому

мужику, опустил взгляд на её прелести. Чертыхнулся и перевёл глаза на меня. — Пора бы и вам отвечать. Я с весела, но не кретин полный. Зачем вам Лима?

Бармен принес кофе.

— Спасибо, — Бени благодарно улыбнулся.

— Пропала девушка, — ввернул я. — Моя девушка...

— Тогда похорони, — бросил Гутьерес, явно изменившись в лице.

— А ты когда похоронил своих? — жестоко посмотрел на него, мгновенно словив на себе его молнии гнева. — Положил в гроб тела и всё как полагается, правда? Ты видел их и точно знал, что их больше нет, верно? Я тоже должен точно знать, что её больше нет, а не гадать — жива ли или же мучается годами и ждёт меня.

Гутьерес презрительно отодвинул от себя кофе:

— Суки вы, всю обедню испортили, — буркнул наркокурьер, и Васкес снова опалила меня сердито взглядом. — Ладно, в тебе погиб проповедник, — фыркнул в мою сторону. — Начо Сепеда. Получает наркоту от приспешников Лимы, работает с клубами и мелкими притонами. Отгружает небольшими партиями, переправляют через границу или полицейский контроль.

— "Сумки"? — Сидни болезненно посмотрела на него.

— В частности, — кивнул он.

— Помоги нам, Бени, — Васкес умоляюще посмотрела на него. — Его надо взять.

— Цветочек, я в том году едва не посыпался, помогая тебе. Слишком много совпадений.

Мне начнут недоверять.

— Тебе так необходимо их доверие? — я пренебрежительно скривился.

— А по-твоему, болван, я как должен доставать информацию и срать им исподтишка?

— Бени, это нужно. Это же Марселу Лима! — подчеркнула девушка.

— Дай мне неделю, — он хмуро вернул чашку кофе себе обратно. — И лучше свалите отсюда по-скорей. У этого щёголя рожа слишком коповская.

Я усмехнулся. Уже садясь в машину, всё-таки не удержался от улыбки:

— Цветочек?!

— Заткнись! — посоветовала Сид, срывая авто с места.

ДЖИЛЛ

Всё моё нутро издало болезненный стон. Тело превратилось в камень. Больно вздохнуть полной грудью, траншеи словно натягиваются на рёбра. Попыталась найти себя в пространстве. Лежу животом на полу, голова на чьём-то теле. Мозолистая рука гладит волосы и лицо.

Чейз сидел, облакотившись о стену, а я покоилась на его коленях. Мгновенно забыв о боли, тут же отползла от него поскорей, легла на бок, свернувшись калачиком.

— В той хижине мы умерли оба, — низко прохрипел он, возвращая меня в прошлое. — Ты стала корнем моего зла, и я именно так по-зверски решил его вырвать, — горький смешок. — И всё потому что трус. С самого начала. Я трусил перед братом, потом перед Сэмом. Каждую секунду я всё больше загонял себя в угол. Но не в этот раз! — слышу как болезненная злость и досада пробираются из его груди. — Я сел в амбар, чтобы защитить тебя хотя бы от Лимы, но и тут снова проиграл. Мне на роду написано причинять тебе боль.

Попробовала сесть, взглянуть на него. Полумрак поглощал его в тень, но я видела

шрамы и следы побоев на этом когда-то красивом теле. Исхудавшее до невозможности, шрамах и в нарывах от палящего солнца и мошкары. Сколько он тут? Неужели, ждал меня? Ждал, чтобы охранять на трудовом пустыре и расплачиваться наказаниями? Ждал, чтобы выбивать для меня глоток воды?

Вдруг вспомнила, как он пытался защитить меня от Дьябло, потом в тюрьме во время бунта. Я забыла это всё. Он заставил это забыть. Как понять этого человека?

А сейчас? Я не могла осудить его поступок. Его выбор между мной и маленькой девочкой. Ведь я бы поступила так же. Тогда, всем сердцем призывала его спасти именно Габи.

— Ты сделал лишь правильный выбор, — проронила я, снова поморщившись. — Здесь тебе не в чем каяться, — подчеркнула единичность случая.

Дверь снова громко лязгнула и на пороге карцера возникла та женщина с каре. Она сурово смотрела на нас, даже больше на него.

— *Essa cadela é mais preciosa para você do que sua própria família? Quanto mais você vai mexer com ela?* (Эта сучка для тебя дороже собственной семьи? Сколько ты ещё будешь возиться с ней?), — брезгливо бросила мексиканка.

— *Quanto é necessário. Há quanto tempo Lima se tornou sua família?* (Сколько потребуется. Давно ли Лима стал твоей семьей?) — Чейз с таким же выражением смотрел на неё. — *Você provavelmente não sabe que seu papai, da mesma forma cometeu atrocidades com sua mamãe* (Ты, видимо, не знаешь, что твой папочка точно так же зверствовал над мамочкой).

— *Cabra!* (Козёл!), — сердито уронила она.

За её спиной маячила женщина-пленница. Получив благосклонный кивок от мексиканки, вбежала в карцер, поставила возле меня ведро с водой и стремяглав, убежала. Женщина приняла из рук другой рабыни свёрток с тряпками и, пройдя к мужчине, бросила ему на колени.

— *Você não se importa com suas raízes, mas não comigo. Mude sua mente.* (Тебе плевать на свои корни, но не мне. Одумайся.) — она окинула его сочувственным взглядом, — *Pequeno po celeiro. Ela está bem.* (Мелкая в амбаре. С ней всё в порядке), — и направилась к выходу.

— *Sicília!* — вдруг позвал он. Женщина остановилась, не оборачиваясь. — *Obrigado* (Спасибо).

Она опустила голову и решительно ушла.

Чейз развернул свёрток. Внутри баночка с вонючей смесью, губка, бинты и чистое женское платье огромного размера с парой дырок.

— Снимай эту тряпку, — без задней мысли велел он, начав помогать стягивать мешковину с плеч.

Моя оголенная грудь с мгновенно выступившими сосками вогнала его в краску. Чейз тут же, опомнившись, увёл взгляд, а я прикрылась руками.

— Прости, забылся...

Примирительно кивнула, впервые видя на его лице конфуз.

— Накройся чем-нибудь и повернись спиной ко мне. Я обработаю раны.

Послушно выполнила. Через минуту прохладная вода изогнула спину ломотой. Зашипела себе под нос.

— Потерпи, — мужчина заботливо убрал мои волосы на бок.

Ощутила его тёплую ладонь на плече. В память врезалось, как эти же руки страстно ласкали, гладили, придушивали за горло. Те дни, когда память стёрла всё его зло, когда я без

остатка отдала себя, не думая о мести. Как же снова захотелось этих мгновений без боли, обиды и ненависти. Как хочется снова всё забыть!

Струйки воды стекали по спине, омывая мои раны. Лёгкое пощипывание сбивало ровное дыхание. В воздухе запахло травами. Чейз осторожно начал обрабатывать борозды. Я снова зашипела от неприятных ощущений, но за ними последовал полный штиль, словно раны исчезли. Я расслабилась, дав ему понять, что мне стало гораздо легче.

— В мази похоже тонна лидокаина, — усмехнулся он. — Я теперь не чувствую пальцев. Закончив с лекарством, принялся накладывать бинты.

— Кто она? — наконец решилась спросить я.

— Ты ревнуешь? — он не хотел отвечать, потому просто отшучивался. Нахмурилась и умолкла. — Выходит, что племянница, — хмуро произнёс он.

Опешив, я как-то резко дёрнулась. Палец мужчины из-за этого больно ткнулся в рану. Снова зашипела.

— Легче, малыш, — по-старому проронил он.

— Сисилия значит?!

— Знаешь, но спрашиваешь?

— Полиция знала, — пояснила я. — Кастер рассказывал. А ещё племянник...

Чейз горько хмыкнул и, подав мне новое тряпье, отсел в сторону.

— Наградил бог семейкой, да?

Оделась и медленно повернулась к нему. Мужчина смотрел мимо меня, и по выражению лица не сложно было понять, его нежелание обсуждать это.

— Льюис значит тоже с ними? — перевести тему никак не выходило.

— Значит тоже, — он просто поддакнул, уходя в свои тяжёлые мысли.

Захотелось вдруг погладить это ненавистное лицо, скользнуть пальцами в его чёлку, коснуться губами виска, обнять за шею, утешить. Встрепенулась, отгоняя порыв.

— Если ты убьёшь меня, — вдруг выдавила я. — Что будет? Он освободит тебя? Габи?

Повернул голову, сдвинув брови.

— Ничего не будет! — сурово отрезал мой мучитель. — С Габи всё хорошо, а ты всё ещё жива — за это и буду благодарен...

— Она же ещё совсем ребёнок, — скорбно уронила я.

Ведь он должен это учитывать. Моя жизнь клоака с самого моего рождения и потому проститься с ней не жалко, ради детского счастья. Это святое!

— Джилл, молю, замолчи, — отрезал он и в полумраке разглядела блеск слезы, которую он быстро смахнул. — Я не буду больше выбирать! Ты — мой проклятый смысл к существованию, а она — первый человек, который видит во мне хорошее и боготворит. Габи — моя таблетка от себя самого. И я лучше сдохну тут, чем позволю Марселу загубить одну из вас. Вы обе моя жизнь, а больше мне терять нечего.

Он умолк, погрузившись в нелёгкую думу.

Поверила. Впервые поняла, что в словах горячая и искренняя правда. Тут, в этих стенах, в этом физическом изморе лгать не имело смысла.

И что теперь я должна сделать с этим? Гнать и ненавидеть его дальше? Логично, но уже неразумно. Как бы я не сопротивлялась, но я, он и та девочка сплотились под гнётом этой злой машины и, чтобы выжить, нужно держаться друг друга.

Я осторожно пододвинулась к нему и нерешительно взяла за руку. Чейз всколыхнулся, поражённо глядя на меня.

"Втроём мы справимся. Всё получится" — моё немое заверение и, словно соглашаясь, он благодарно сжал мою ладонь в ответ.

АНДРЕС

Ступил на порог. С виду обычный дом. Ремонт в светлых тонах, плазменный телевизор на полстены, недорогая стереосистема, светлый паркет, панорамные окна, пропитывающие гостиную тонной дневного света. Большой угловой диван, журнальный столик из калёного стекла. И всё бы напомнило о домашнем уюте, но камеры расставленные по периметру чётко свидетельствовали о том, что мы на студии. Порностудии.

Ближе к окну на пуфиках сидели операторы, звукооператор, гримёр и девушка-менеджер.

Серхио Видаль — порнорежиссер студии "X-hardgames", которая чаще специализировалась на хардкоре, БДСМ и других подобных направлениях. Серхио, порой и сам не гнушался использовать себя во время съёмок, чего актрисы всегда побаивались, так как его болезненное воображение не щадило ни одну красотку.

Актрисы всегда были либо умудренные опытом женщины, либо боязливые и заносчивые молодухи. Последние мне более непонятны. Хотелось всегда спросить, чего им в жизни не хватает — мозгов или стыда?

Видаль опоздал на пятнадцать минут, но с собой привёл миниатюрненькую брюнетку, обтянутую латексной мини-юбкой и топом, который с трудом удерживал стремящуюся вон грудь.

Я скептически оглядел фронт работы. От моего оценивающего взгляда девушка слегка стусевалась и масленно поглядывала. Ясно. Любительница.

— Привет, — Видаль поприветствовал всех. — Серхио, — пожал мою ладонь, представляясь.

— Андрес Конга, — представил себя по прозвищу.

— Элайза, — режиссёр указал на девушку. — Сценарием загоняться не будем. Донеси просто суть, — Видаль явно спешил и желал всё поскорей закончить. — Задай малышке трёпку, — и подтолкнул её к дивану. — Только тебе, красавица, нужно изобразить испуг, поняла? Представь, что он тебя насилует.

Она расплылась в довольной улыбке.

— Камеры? — повернулся к рабочей бригаде и, дождавшись их готовности, хлопнул в ладоши. — Начали!

Не дав опомниться ни ей, ни им со всего маху залепил актрисе звонкую пощечину. Вот прямо мечтал. Не твои родители, тогда хотя бы я. Элайза вскрикнула и упала на пол.

— Козёл! — взвизгнула обиженно.

Знаю. В два шага настиг, схватил за волосы и поставил на колени.

— Нет, не надо, пожалуйста, — актриса наигранно застонала и забрыкалась. — Я не хочу. Перестаньте!

Продолжая удерживать девушку за шевелюру, шлепнул ещё пару раз по щекам.

— Нет, хочешь! Ещё как хочешь, сучка, — прогнусавил в ответ и двумя пальцами раскрыл ей рот.

Залез по самые гланды, имитируя глубокий минет. Горловые звуки и рвотные позывы

наполнили студию. Элайза стукнула меня по бедру и попыталась оттолкнуть, за что получила ещё один шлепок по лицу. Рот её я всё же освободил и обхватил лицо руками. Нароботанная мной слюна тут же потекла с её приоткрытых губ по подбородку. Поймал жидкость и грубо растёр по девичьему лицу, уничтожая маску кричащего макияжа. Актриса тяжело дышала и не сводила с меня покорного взгляда. Достал свободной рукой член. Упёрся его головкой в щеку Элайзы.

— Не трогай меня, скотина!

М-да, с игрой у неё скверно. Актриса забила кулачками мне по ногам и животу. Ладно, сейчас усмирим. Рванул с неё вверх топ. пышная грудь спружинила враспаяс. Стянул латексную тряпку к запястьям и крепко обмотал их. снова ткнулся членом ей в лицо. всей длиной приложился к её щеке, накрыл сверху своей рукой и начал двигаться, изображая фелляцию.

Камера начала движение, давая понять, что угол съёмки неудобен. Я развернул бёдра, упрощая обзор. Сделал ещё несколько незамысловатых движений и вновь откинул Элайзу на пол.

— Ты ублюдок... ненавижу! — прохрипела актриса, наблюдая, как стянул с себя джинсы с трусами и футболку.

Её тоже не желал оставлять в облачении. Актриса завизжала и попыталась пинаться, заехала в грудь. Мне медаль надо за такие мучения. Поймал злосчастную ногу, зажал под мышкой. Элайза крутила бёдрами в воздухе, пытаясь вырваться. Своей большой ладонью почти полностью накрыл её живот и припечатал к полу. Коленом блокировал вторую ногу, освобождая себе доступ к промежности.

слева над ухом, опять замаячил оператор. Шёл бы ты, приятель, а то ещё достанется ненароком.

— Гад, свинья... Тебе это даром не пройдёт, — продолжала фальшиво разоряться актриса.

Тут каким-то "мылом" сейчас запахло. Я скривился, принимая её глупость и просто с силой рванул кружево трусиков вон. интимной стрижкой партнерша заморачиваться не стала, а просто всё девственно выбрила. тоже пойдёт. плюнул пару раз в женское лоно, увлажняя все проходы.

Так, красотка, не дёргайся, а то больно будет. Я сильнее вдавил её поясницу в пол и скользнул двумя пальцами во влагалище. Девчонка натужно охнула, не в силах играть данную ей роль. Она просто хотела секса, а все эти прелюдии жанра лишнии. Нет уж, подождёшь.

Большой палец устроил на горошине клитора и начал движения. Элайза выгнулась, колыхая возбужденными сосками и затряслась в мощном экстазе.

— Класс, — услышал сбоку сиплый и восхищенный шёпот оператора.

Извращенец!

Освободил свою пленницу, и, не давая ей отойти от оргазма, снова рванул за волосы и потащил к дивану. По законам хардкора, после того, как актриса кончает, она больше не должна изображать сопротивление. Уместил её голову на подлокотнике, свесив вниз, тело девушки устроил на диване, максимально распластав ноги в стороны. снова залез рукой ей в рот.

— Возьмешь? — спросил её игриво.

Актриса кивнула и вынула язык наружу. плюнул ей в глотку. Член касался кончика

девичьего носа.

— М-м, какой большой, — пропела она и облизала уздечку. Низ тела содрогнулся от подобной фелляции, погнав судорогу по мышцам.

— Да, детка, — прошипел я, погружаясь в тёплый и такой опасный ротик.

Дойдя до гланд минул давление и прошёл дальше в глотку. Горловое хрипение снова заполнило комнату. Элайза задержала дыхание, давая мне возможность подольше пребывать в ней, затем слегка коснувшись рукой бедра, отодвинула меня. Дал девушке вдохнуть и выплюнуть накопившуюся слюну, которую снова поймал и размазал по её лицу и грудям. Вновь подался бёдрами вперёд, погружая член в рот. В этот раз вдавил себя полностью. Шлепки рук помогли ей не сразу. Снова отпустил. Она тяжело дышала, хрипами оглушая комнату. Пока переводила дух, играла с мой членом.

— Да, шлюшка, полижи их, — одобрил её энтузиазм, когда она язычком ласкала мошонку.

Мышцы тела снова свела судорога. Я, претерпевая позывы к эякуляции, велел себе сдержаться. Ещё не время. Потеребил груди, облизал соски, играл пальцами на клиторе. Элайза теперь сама заглотила член и начала рьяно двигаться на нём. Всё тело налилось бешеной дурью блаженства. Чёрт! Вполне неплохо, но, прежде всего, работа.

Схватил её сорок килограмм и перегнул через подлокотник, ставя раком. Резко вошел в её тугую дырочку. Актриса наигранно застонала, осыпая моего дружка комплиментами.

Оператор снова маячил под ногами, ловя сочный кадр. В помощь ему, поднял ногу Элайзы и, согнув, поставил коленом на подлокотник.

Смотреть туда не хотелось. Пусть лучше камера снимает. Вторым оператором устроился возле её лица, снимая сладостные муки девушки.

По законам жанра, двигался в ней быстро и своим членом касался чуть ли не дна её матки, повергая актрису в бешенный экстаз. Девушка, трясясь в судорогах, кончила, значит, снова пора менять позу. Плюхнулся на диван и посадил её сверху, лицом к камере. Теперь пусть она работает.

Элайза раздвинула ноги, сев на корточки, облакотилась руками на мои плечи и начала насаживать себя на член, томно охая и ахая.

Когда запыхавшая девушка устала, уложил её на спину и просто начал трахать по-миссионерски. В этом удобном для себя положении, Элайза теребила киску, пока снова не достигла оргазма.

— Тебе тоже пора кончать, Конга, — услышал нетерпеливый голос Видаля.

А вот это для меня всегда самое трудное. Нелегко кончить на лицо девушке, которая тебя только раздражает, а вокруг спуют камеры.

Поставил её на колени. Актриса снова заглотила член, продолжая искусно феллировать и причмокивать от удовольствия. Но лишь спустя несколько минут, я смог себя настроить. Ноги затряслись, мышцы сковала болезненная судорога, вышел изо рта девушки и, в два движения мастурбации, брызнул спермой в мордашку молодой порноактрисы.

Оператор, сука, отснял мой член и её обрызганное лицо, наверное, со всех ракурсов.

— Снято!

Элайза довольно рассмеялась и, приняв от гримёра салфетки, счастливая соскочила с колен.

Мне же пережить эякуляции было не так просто и быстро. Я, прихватив с собой брюки, упал на диван, прикрыв ими своего работника.

— Сработал неплохо, — Серхио смотрел удовлетворённо. — Там на столе контракт. Можешь передать потом через Оливеру. Два дня меня не будет в городе. О месте следующей съёмки сообщу позже, через менеджера, если конечно согласишься на условия.

Устало кивнул. Видаль стремительно удалился.

— На, — один из операторов кинул на диван корешок от чековой книжки. — За работу. Оливера был прав, на хороших актёров Серхио никогда не скупится.

ЧЕЙЗ

Джилл перестала избегать меня и, вроде бы даже бояться. В глазах нет ненависти и недоверия. Она просто существовала, была рядом, разговаривала со мной по ночам, когда девочка засыпала. Это те минуты и дни, когда я больше не возвышался над ней. Мы впервые были равны — с одной проблемой, с одной болью, с одной жизненной передрыгой.

— Почему встал на одну линию с рабами? Действовать во благо, ты мог и на их стороне, — однажды, она всё-таки задала этот вопрос, на который мне не хотелось исповедоваться.

— Я говорил уже, — отмахнулся, обматывая разорванными тряпками её ноги.

Умолкла. Чёрт, никогда не спорит, не требует. Не удержался и поймал за подбородок, серьёзно глядя в глаза.

— Только твоя смерть — мой билет туда. Лима жаждит моей покорности. И, справедливости ради, считает, что за смерть Хулио должен воздать его брат, то есть я.

— Ты уже это сделал, — она усмехнулась. — Но, сучка, опять выжила.

— Льюис напел ему много ненужного. Попав в клинику под моё чёртово крыло, мы оказывается отсрочили твоё попадание сюда. Они знали о тебе давно. Я, сам того не подозревая, был их правосудием на тот момент.

— И кто ты сейчас? — её голос дрогнул.

Джилл спустила ноги на землю, выскользнув из моих ладоней. Глянул в глаза. Я всё тот же чужак. Та же мразь. Не забудет. Никогда не забудет.

— Тот, кто рядом, насколько сможет. Потому и среди рабов. С тобой, с Габи.

Она вновь горько усмехнулась и опустила голову, качая головой.

— Мне всё время кажется, что это снова твоя игра, — тихо проронила Джилл. — Какая-то мерзкая и извращённая. Я всё время жду твоего удара в спину. Мне тяжело тебе верить.

Я знал это, чувствовал и не ждал иного, но услышав это воочию теперь ещё больше пал духом.

— Понимаю, — только и смог произнести в ответ. — Но я рядом, а принимать меня или нет тебе вовсе необязательно. Я исчезну, как только пойму, что с тобой всё хорошо. А пока... Мы нужны друг другу.

Только ни я, ни она не знали, что времени оставаться вместе у нас не будет. Рано утром амбар посетили вне положенного часа. Вжал своих девочек в самый угол, телом уходя с ними в тень. Но визит оказался целенаправлен. Меня толкнули к двери. Джилл заслонила собой Габи, но и девушку тоже потянули за шкурку следом. Она лишь успела заткнуть ребёнка за спину одной из женщин.

Блокировав все сопротивления, нас потащили в дом. Слышал в адрес Джилл гадкую испанскую лексику. Меня же больно пихали в рёбра постоянно и нарочно толкая, как

неваляшку.

Снова его кабинет. Снова его физиономия. Снова этот дешёвый театр с людскими судьбами, но в этот раз среди зрителей был новый гость. По крайней мере, раньше его я не видел.

Коротышка с авторитетным пузом и давно разгулявшейся по голове лысиной, вытянувшись, подобно солдатику, он чего-то ждал.

— Этого зачем? — немного растерялся лысый, глянув на меня и на Лиму.

— Не он, — мотнул Марселу головой. — Вон эта! — кивнул на девушку.

Мужчина скептически скривился.

— На мордашку вроде ничего... На лице шрам что ли?

Внутреннее предчувствие всколыхнуло мой мозг, но, не слыша пока объяснений, ждал.

— Разденьте её, — спокойно попросил мужик.

— Лима! — злобно успел вскричать я, но голловрезы картеля одним движением стянули с девушки безразмерную тряпку. Джилл лишь успела прикрыть срамные места руками. — Какого чёрта?!

— Не ори! — рыкнул Марселу и конвой, державший меня, рьяней сцепил на мне хватку.

— Ну, девочка, руки-то убери, — как-то миролюбиво, даже по-отечески попросил незнакомец.

Конвой тут же распял девушку в воздухе. Джилл зарычала и ткнула поддых головореза, за что получила оплеуху.

— Тихо-тихо, грубиян. Не порть актрисе личико, — отдёргнул Лима.

Актрисе?!

— Нет, Марселу, не смей, пожалуйста! — В ужасе забарахтался в руках конвоя, окончательно осознав с какой целью смотрины. — Прошу тебя, не надо! Марселу!

— Смотрите-ка, голодный, а удержать аж целых два остолопа не могут. Мне такие бы как ты не помешали, — вдруг придвинул ко мне нож. — Покончи с ней и всё. Вполне милосердное решение. В долгу не останусь. Даже малышку Габриэль могу ради этого отпустить, а цаца твоя обретёт покой. Просто, все в выигрыше и всем хорошо.

— Я тебя прикончу, клянусь, — просипел загробно я. — Каждая мразь поплатилась за свои поступки... И ты не будешь исключением.

— Правильно, как она и ты сейчас. — Марселу устало откинулся на стуле. — Ну что, Серхио, берёшь? Милейший отпускает.

Мужчина брезгливо оглядел Джилл. Надежда затеплилась в душе. Она может не подойти, как Габи когда-то. Серхио провёл ладонью по грудям девушки, притормозил на животе. Джилл закусила сильней губы, тщетно пытаюсь изогнуться и уйти от его поганых рук.

— Такая же дикая будешь? — спросил он, оглядев с задоринкой.

— Отпусти и увидешь, — прошипела девушка в ответ.

Он отошёл, напряженно думая.

— Да хорош ломаться! — вспылит Марселу. — Ты у меня и похуже баб брал. Эту крошку я тебе даром отдаю ведь.

— Не даром, а напрокат, — хмуро поправил покупатель. — Слышь, может плюсанёшь ещё парочку? Я могу и купить, — Серхио с надеждой смотрел на торговца.

— В другой раз! — рывкнул Лима, растряся по груди свой второй подбородок.

— Ладно на БДСМ или хардкор может и сгодиться, — сдался он.

Я не мог больше всё это сносить. Мысль о том, что ждёт Джилл и что с ней будут вытворять, вконец расшатало психику. Представив в голове, как мою любимую будет иметь какое-то извращённое ничтожество и, возможно, даже не в одиночку, как будут измываться над ней, так же как и я когда-то и, скорей, даже ещё хлеще, дико взревел. Силы появились из ниоткуда. Рванул заблокированные руки вперёд, сбросив парня справа, освободившейся рукой размазал нос второму.

— Держите его, кретины! — в панике привстал Лима.

Сумел добраться до головореза удерживающего Джилл с одной стороны. Тот был более сноровист.

Полусвободная девушка в этот момент атаковала другого, что пленил её.

Ударом ноги сложил пополам конвойного, затем цепким ухватом обеих рук снял его голову с оси, убив.

— Игнасио! — взревел Лима, смотря на поверженного. Жирная морда старика зарделась яростью. — Ах ты сукин сын!

Сзади на меня буквально легли, подмяв к полу, вывернув до боли руки и прорабатывая почки и живот.

— Уводи эту шавку! — брызгая слюной, орал Марселу на незнакомца.

Джилл пыталась сопротивляться не меньше, но её за волосы выкрутили, как куклу, заломив бьющие руки за спину. В ладонях Серхио прямо перед её носом сверкнуло лезвие канцелярского ножа, с целью умерить пыл девушки. Она сдалась, обмякла и её поволокли вон из кабинета, из картеля, из моей жизни.

— ДЖИЛЛ! — истошно завопил я, беспомощно погребенный под ногами конвоя.

ДЖИЛЛ

Внедорожник привёз к большому трёхэтажному особняку, вокруг простиралась обширная придомовая территория напичканная садовыми аллеями с фонтанчиками, бассейнами с шезлонгами, баскетбольной площадкой и всем необходимым для досуга.

Этот Серхио бросил в меня брюки и футболку.

— Переоденься в это. Местных шалав пугать не стоит. — Метнула в него протестующий взгляд. — Живо, а то Санчо поможет.

Глянула на обезьянью морду, восседающую впереди. Лучше покориться.

Дождавшись когда я сменю облачение, направились к дому. Цепкая пятерня Санчо вела за мужчиной, я же крутила головой, смотря по сторонам. Здесь было хорошо. Никакого душающего зноя и пыли. Пение птиц в палисаднике. Запах воды от бассейна. В шезлонгах нежелались полногрудые красотки, прямо так нагишом. Весело смеялись и прыгали в воду мускулистые парни. На баскетбольной площадке шло сражение за мяч. Проходя мимо всех этих беззаботных людей, всем телом ощутила их возрастающий ко мне интерес. Вжалась в себя, стараясь не обращать внимание на любопытные взгляды.

В доме не менее богато — дорогая техника, интерьер, мебель. Коллекция виниловых пластинок. На стенах фотографии обнажённых мужчин и женщин в пикантных позах. Я уставилась в пол, чтобы не смотреть туда.

Свело желудок. Откуда-то из недр дома шёл пьянящий и терзающий запах еды. Не тухлая похлёбка и плесневелый хлеб, а аромат мяса, специй, свежеспеченного хлеба. Слезинка не удержалась на веке.

— Тебя накормят, как устроишься, — Серхио вдруг сочувствующе оглядел меня. — Потерпи ещё чуть-чуть.

Удостоила его лишь каменным взглядом, на что он усмехнулся:

— Расслабься, детка. Я не такое зверье, как Марселу. Ни одна его рабыня ещё не захотела отсюда назад в картель.

Он вёл по лестнице вниз на цокольный этаж. Открыл железную дверь, представляя взору огромную комнату.

Десятки женских глаз уставились на меня. Кто с интересом, кто с болью даже различила презрение и конкуренцию.

— Знакомьтесь, девушки, Джилл — ваша новая соседка.

Комната была оборудована кроватями по типу хостела по два яруса с каждой стороны. На каждой койке-место ящик для личных вещей, шторка и выключатель. В эпицентре стояла вереница гримёрных зеркал, в углу гардеробная с костюмами и актёрскими аксессуарами. Окон не было, но порадовало наличие человеческого туалета с папой умывальников и душевая. Всему этому была бы счастлива, не зная я цену данных удобств.

— Располагайся, — подтолкнул в спину и ушёл. Застряла на входе.

— Топай уже, — недовольно бросила выжженная блондинка у зеркала. — Не укусят тебя тут!

Все койки разобраны либо имели личные вещи, только одна в самом неудобном месте

по виду обжилаась хозяйкой. То, что нужно. Поспешила её занять. Залезла с ногами и зашторилась.

Смешки некоторых девиц меня не интересовали. Я старалась собраться с мыслями, что делать дальше. То, что это обычный публичный дом богатого убранства, меня почему-то маловолновало. Я привыкла быть вещью. Беспокоило другое — Чейз и малышка Габи по-прежнему в картеле. Мысль о их мучениях сводили болью зубы. Но если Ричер не врал, то теперь у него только одна забота в лице ребёнка. Пусть. Так даже лучше. Я сама позабочусь о себе либо сгину.

По каркасу моей кровати скромно постучали. Высунула нос. Девушка со слегка нависшим на глаз веком миролюбиво протянула мне старенькое, застиранное постельное бельё.

— Осталось от прошлой девушки. Возьми, будет твоё.

Прошлой? Это слово заставило содрогнуться. Спросить, что стало с прежней хозяйкой не рискнула.

— Спасибо, — проронила я, принимая её дар.

— Я — Джулия, — рабыня слегка улыбнулась.

— Джилл, — нелюдимо буркнула в ответ.

Видя мою одичалось, Джулия стушевалась и, ещё раз мило улыбнувшись, отошла к себе.

В комнату впустили тучную женщину, которая ввезла тележку с едой. Постоялицы поочередно начали принимали от неё свои порции и, прямо так жуя на ходу, шествовали к койкам.

— Ну? Кто последняя? — женщина с раздачи раздражённо оглядела всех. Определила меня. — Чего? Особого приглашения ждёшь?

Повар выругалась себе под нос, покачав головой, выставила мою тарелку на гримёрный стол и укатила из комнаты. Молодой человек, впустивший её, взял тарелку и подал мне.

— Давай порасторопней, милая, — деловито бросил он, затем громко обратился к девушкам. — Дамы, сегодня вечером нужны две сопровождающие девушки для двух клиентов. Можно пока по желанию, — оглядел аудиторию. Девушка с рыжими волосами и с соблазнительной грудью подняла руку. — Катя... Ещё есть? Луна? Не желаешь? — блондинистая красотка, скривила мордашку.

— Я пойду, — вызвалась девушка с иссиня-чёрными волосами.

— Хорошо, Элеонор. Готовьтесь к девяти вечера. Джулия? — девушка вздрогнула и обречённо повернула к нему голову. — Через два часа твоя съёмка. Приводи себя в порядок.

После ухода мужчины Катя ехидно проворчала:

— Только аппетит испортил, хозяйственный индюк.

Кто-то хихикнул ей в унисон, кто-то молча принялся за трапезу. Я же долго смотрела в свою тарелку. Паста с грибами, овощной салат, упаковка сока. Там, в тёмном амбаре картеля несчастные пленники только мечтают вкусить хотя бы ложку этой простой еды.

— Джилл, всё скоро льдом покроется, — Джулия вырвала меня из мыслей.

Я тяжело выдохнула, оставив паёк.

— Не могу, — осознала совершенно чётко.

Девушка понимающе смотрела на меня.

— Надо, Джилл. Ты — кожа да кости...

Это ерунда. Мне просто невероятно стыдно, кажется, что я предам Чейза с Габи и всех людей из картеля, если съем хотя бы кусочек. Мне чудилось, что они обступили меня кругом

и вожделено смотря в мою тарелку. Глаза увлажнились.

— Я попозже, — пообещала соседке.

— Тут все сначала выделяются, гнут из себя несчастных, а как голод берёт вверх, лопают будь здоров, аж до рвоты, — визгливо фыркнула Луна, всасывая в себя сок через трубочку.

— Луна — наш главный эксперт по психологии новоиспеченных порноактрис, — поддела оппонентку Катя, вызвав смех девушек. — Богатый стаж.

— Пошли вы, курицы тупые, — обиделась блондинка и уселась вглубь своей койки.

Словесная перепалка быстро сошла на обособленный круг, оставляя возможность оставшимся продолжить свой обед и спокойно перейти на досуг.

Я же переваривала информацию о Луне. Выходит, она здесь довольно давно, а значит многое знает и видела. Какие-то лазейки должны быть, чтобы выбраться отсюда.

А когда выберусь, что потом? Идти в полицию? Сообщить им о картеле Марселу Лимы и молить вытащить оттуда Чейза и Габи?

Вряд ли кто-то возжелает спасти из плена преступника в федеральном розыске и малоизвестную девочку.

Связаться с детективами? Они заберут меня домой, а о вызволении Чейза не будет и речи.

"Там ему и место!" — уже слышу слова полиции.

Кастер? Даже не знаю жив ли он после той жуткой аварии на автостраде. Вспомнились тихие вечера с ним, прогулки в парке. Те считанные месяцы покоя. Хотела бы я туда вернуться? Безусловно, но знаю, что, вернувшись, снова потеряю что-то важное.

Тогда, вкушая прелести свободы, по ночам сердце щемила тоска. В мыслях и перед глазами всё время был человек, которого люто презирала лишь потому что полюбила, вопреки всему нормальному. Сны о нём выжимали из меня всю душу. Каждый раз смотрела на его жуткие методы ухода из моей жизни и каждый раз кричала, в скорби и панике пытаюсь остановить.

Я люблю этого человека, потому не могу отпустить из мыслей, и ненавижу от того подсознательно убиваю его в каждом своём сне.

Но в картеле что-то перещёлкнуло. Да, я попрежнему злилась на Чейза, не доверяла, но моё презрение и страх улетучились. Я начала считаться с ним, прислушиваться и знала, что в любой ситуации он примет нужное и спасительное решение.

Нет, я не имею права оставлять его ТАМ. Пусть лучше отбывает срок на зоне за всё, что натворил, чем в том аду.

— Джулия, — тихо позвала соседку. — Девушки могут свободно перемещаться по дому?

— Нет.

— Тогда кто все те люди в доме? Я видела молодых девушек и мужчин...

— Актёры. Они живут здесь, согласно, контракту. У кого месяц, у кого полгода, у кого и больше. Но они не рабы, как мы.

— Они знают о нас?

— Новенькие — нет, старички — да, но только с одобрения Видаля.

— То есть, актёр, придя сюда, даже не догадывается, что в этом доме сексуальное рабство? — изумленно смотрела на неё. — Почему вы все молчите?

— Мы рабыни из картелей, Джилл, как и ты. Нас били, морили голодом, насиловали и

унижали, но придя сюда мы впервые можем быть спокойны. Нормально поесть, поспать в тепле на мягкой постели, тут даже разрешают ходить на свидания с клиентами, выходить в свет.

— Свидания? — округлила глаза ещё больше.

— Бывают очень богатые клиенты. Девушка может прийти по душе и они выкупают её у Видаля...

Девушка вдруг поникла, и стало не сложно догадаться почему?

— Чаще это не всегда взаимно?

— Мою подругу купили в прошлом месяце. В Турцию. Неделю назад Густаво сказал, что её нашли мёртвой.

Я тяжело выдохнула и сочувствующе сжала руку Джулии. Взглянув на мою "отманикюренную" ладонь, девушка опешила:

— Как?

— Это было давно и уже не важно, — отмахнулась. — Кто-нибудь из рабынь пробовал сбежать отсюда?

— Тут только два пути — обратно в картель или же Видаля продаёт в другой притон. Но вряд ли там будет так спокойно, как тут, и девушки это понимают, потому и послушны. Видаля не станет мариновать себя в чужой крови. Мягкотел для этого.

— Да уж, — я тут же вспомнила канцелярский нож в его руке возле своей шеи.

— Прости, мне пора собираться, — Джулия помрачнела и, взяв полотенце, направилась в душ.

АНДРЕС

До глубокой ночи всматривался в каждую букву контракта. Оплата довольно впечатлительная — за месяц работы и проживания в доме Серхио Видаля, я мог срубить столько, сколько не заработаю и за полгода в клубе Оливеры.

Однако, во всём этом оставалось большое НО. Соглашаясь работать по контракту, я не имел право выходить за периметр владений Видаля. Питание и проживание мне предоставлялось, но покидать дом нельзя.

Что, если с мамой или с детьми, что-то случится, не дай бог? Я не смогу даже отлучиться. Доверить их Оливии? Нет, бред. Я не в праве. Слишком много и так возложено на неё.

Отложил ручку, оставив графу пустой.

Весь дом давно спал, поэтому решил сходить до комнаты мамы, как раньше, когда нуждался в её совете и ласке. Этого сейчас нет, но маленький мальчишка внутри меня отчаянно ждал и верил в чудо.

Тусклый свет ночника мягко освещал фигуру матери на постели. Господи, я уже и забыл её прежнее лицо не перекошенное инсультом. Забыл ту ласковую улыбку и задорный говор. Вернись к нам, мам! Вернись ко мне!

Взял тёплую сухую ладошку и зарылся в неё носом, пытаюсь уловить запах фиалки и лаванды от крема, которым она всегда мазала руки. Ни следа. Только запах лекарств и камфоры.

В дверях услышал шевеление — Оливия. Девушка поёжилась и запахнула потуже халат.

— Сеньор Андрес? — голос заспанный. — Всё в порядке?

— Простите, думал, что никого не разбужу. Что сказал врач?

— Стабильна, — её невесомые шаги звучали за моей спиной.

— В твоём голосе чувствуется какое-то "но". Ей хуже?

— Я не сказала вам...

— Что не сказала?

— Неделю назад доктор брал у вашей матери материалы на биопсию и кровь. Я не сказала вам, чтобы заранее вас не...

— Какой результат, Оливия?! — девушка испуганно сжалась от звука моего голоса.

— Опухоль перешла в карциному... Это рак, сеньор Андрес. Пошли метастазы... В горле и лёгких, — пискнула она, блея в лице.

Сердце ухнуло замертво вниз. Я уже не слышал, что она говорит. Сжал одеяло мамы и, уткнувшись в её тело головой, задавил хлынувшие слёзы. Пару секунд чувствовал только непреодолимую боль, как от удара ножом, но после только злость, которая начала расти с сумасшедшей скоростью. Ты всё же решила уйти? Бросить нас?! Чёрта с два!

— Сколько?

— Несколько месяцев. При хорошем лечении, возможно, и год.

Руки Оливии легли на мои плечи, чтобы поддержать, показать, что она рядом, но это только сильнее меня разъярило.

— Уйдите, Оливия... Пожалуйста. От греха, — процедил я.

— Сеньор Андрес...

— Пошла вон! — рявкнул, напугав до полусмерти.

Девчонка отскочила от меня, глядя глазами полными слёз и, кивнув, стремглав убежала. Я снова повернулся к маме, но неожиданно столкнулся с её взглядом. Ком застрял в горле...

В обед следующего дня проснулся оттого, что меня настойчиво растрясывают. Продрал глаза. Похмелье аукнулось эхом. Во рту сухость и першение, а от сердитого выражения лица Мерседес стало вообще скверно. Огляделся. Это квартира, а хозяйка... Мерси? Тут мгновенно протрезвел, вскочив с дивана, на котором похоже и вырубился.

— Успокойся, к счастью, ребёнка я отдала бабушке на пару дней.

— Я не... Я вчера... Извини, — блеял, не зная за какую половину памяти уцепиться. Ни одна не работала. — Напомни, как я... что я...

— Расслабься, — но её лицо этого не позволяло сделать. — Вчера ты не мог стоять на ногах. Оставить тебя пьяным у порога квартиры было жестоко. Может, сейчас сможешь рассказать, что всё-таки с тобой случилось?

Я вздохнул и, потирая глаза, снова вернулся в жуткое будущее, которое настоящим уже наступило на горло.

— Ей осталось немного, — скорбно уронил я, зная что девушка способна понять о чём речь. — Всего пара месяцев.

Мерседес быстро перебирала в памяти суть моего приговора, а когда поняла, осела рядом на диван. Вновь ощутил эти проклятые капли на щеках.

— Андрес, мне очень жаль.

— Да... — вдруг почувствовал, что готов к решениям и должен действовать. — Это рак. Есть метастазы. Но нам нужно ещё время. Детям оно нужно. Я займусь её лечением. Мама побудет с нами ещё... Врач обещает, что лечение продлит жизнь ещё на год, а может и больше.

— Андрес, — Мерседес мягко положила ладонь мне на колено, призывая послушать

её. — Тебе не кажется, что твоя мама просто давно хочет уйти? Ты решил мучать её изнурительным и тяжёлым лечением? Подумай о Мигеле, он взрослый и уже всё понимает. Парнишка уже носит в сердце эту травму. А Морена? Оставь лик матери святым в их памяти. Они должны знать и помнить её красивой, доброй и ласковой. Не срами всё жуткими картинками её ухода.

Голос правды звучал в моём мозгу огромным колоколом, но сердце бунтовало. Я старший сын, и должен сделать всё от меня зависящее для своей матери. Я не могу её отпустить, не могу осознать, что больше никогда не увижу, не поговорю с ней, не смогу спросить совета и её ласковая ладонь не погладит мою буйную голову. Нет!

— Я могу тебя попросить?

— Конечно.

— Поможешь Оливии с детьми? После работы приходи к нам, сходите куда-нибудь все вместе. Детей своих тоже бери...

— погоди, Андрес, — Мерседес ещё больше заволновалась. — Что? А ты куда?!

Но я нарыл в кармане банковскую карту и всучил ей.

— Вот... На расходы. Я вернусь через месяц.

— Месяц?! — подруга округлила глаза.

— Да, кстати, можешь с ребёнком переехать пока ко мне. Мои сумасброды найдут ему занятие.

Мерседес, обезоруженная моим напором, не могла и слова вставить. Собственно, этого и добивался. Затем, быстро чмокнув девушку в щёку, поспешил обратно домой.

Предстоял трудный разговор с Оливией, а на столе ждал контракт Видаля, который мне нужно подписать.

ЧЕЙЗ

Разум беспорядочно витал в голове, путая и мешая мысли. Голова Джилл покоится на моей груди. Я счастлив, что она рядом, что всё было просто ещё одним жутким сном. Но силуэт, словно распадается на мелкие осколки. Опять один в темноте, в которой не видно ни пола, ни стен, ни потолка.

Очнулся от грубого толчка в плечо.

— Очухивается, — чей-то картавый голос сообщил кому-то эту бредовую информацию.

Мерзко зашлёпали по щекам. Попробовал закрыться руками. Всё оказывается наоборот, я всего лишь спал, а теперь очнулся от прекрасного бреда.

— Иди на хер, козёл! — простонал я, отмахиваясь и толком не осознавая до конца расплату за мою нецензуры.

Грубо рванули за шкуру вверх, резко посадив. Дикая и чудовищная боль в животе, обожгла все рецепторы. Охнул, сразу же прозрев, желудок упёрся в рёбра и начались бесплодные рвотные позывы.

— Легче, придурок! — сурово прошипела длиноволосая женщина, глядя на головореза. — Швы порвёшь ему!

Швы?! В ужасе залез под одежду. На животе красовались ровные и белоснежные бинты.

— Что... Что это? — в панике потянул к женщине руки, пытаюсь ухватить, но она проворно увильнула.

В комнате материализовался Марселу, с ненавистью глядя на меня.

— Наркота, — чёткий и грубый ответ.

ЧЕЙЗ

Дорогие джинсы, футболка, ботинки на толстой подошве. Увесистые золотые перстни имитирующие костеты, две цепи на шее, широкий браслет. Коротко стриженные чёрные волосы с первыми седыми бликами, модно уложены и зачёсаны. Всё как раньше, когда жил с братом, учился и не знал отбоя от девчонок. Всё то же самое, но не лицо. Шрамы, впалые щёки, тусклый взгляд, слишком загорелая и пересушенная кожа, закладывающиеся в мелкие траншеи морщины от ослепляющего солнца. Ни дорогостоящий наряд, ни золотые побрякушки не могли скрыть измученное мором и побоями тело.

Тронул живот, который напоминал камень. Прошло лишь двое суток после операции, но я заставил себя подняться. Непрекращающаяся тошнота и слабость. Мне ввели обезболивающие, тем самым ещё больше превратив в ничто...

— Я никому не позволю убивать моих людей, — перед глазами всё ещё стояло это переполненное гневом лицо.

Марселу возвышался надо мной, пока я обреченно понимал, что из меня сделали "сумку".

— Я в федеральном розыске, — буркнул тогда, — первый же патруль скрутит при проверке.

— Не попасться в твоих же интересах.

— Смысл отправлять меня, если шансов для переправы почти нет?

— Если выполнишь всё гладко, мелкая свободна, — фраза на миллион. — Твоя сучка вернётся обратно в картель, где ты снова сможешь её "оберегать".

— Ты врешь, — покачал я головой.

— Вот и проверишь. — Есть подвох, и я это чувствую. — У тебя будет сопроводительная группа. Начнёшь рыпаться, вскрыют брюхо без анестетика и даже не удосудятся зашить. Так и подохнешь с кишками наружу. И постарайся быть аккуратным, если лопнет хотя бы одна капсула, сдохнешь от передоза наркотой...

Сейчас, глядя на свой живот, боялся лишний раз удариться, резко выдохнуть и вообще минимально воздействовал на него вплоть до резинки от трусов. Паранойя, но лучше с этим не шутить. Цена удачной авантюры — свобода Габи и возвращение Джилл. Даже, если он и солгал, я обязан попытаться.

— Тебе идёт, — сзади донёсся понурый голос Сисилии. — Хотелось бы тебя больше видеть таким, чем там на пустыре.

— Значит, буду почаще переправлять вашу дурь в брюхе. Может это станет моим призванием? — прорычал в ответ, зная, что она совсем не это имела ввиду.

Племянница хмуро фыркнула и ушла. Марселу сменил собой её фигуру. Сзади него передёргивали оружием ещё двое.

— Начо, — старик указал на долговязого хряща в растёгнутой клетчатой рубаше без рукавов. Его волосатая потная грудь бросалась в глаза, вызывая тошнотворные позывы. — Нанду, — второй был с длинными тёмными волосами, убраными в хвост, на шее выступала внушительная вена. — Завтра с утра вы должны быть на месте. У вас будет два перехода

через патруль. Перевалочный пункт в Экатепек.

Марселу кивнул Нанду, и головорез толкнул меня к выходу.

— Ричер, — приостановил наш уход Лима. — От меня тебя избавит только смерть, неважно твоя или моя. Если сунешься к легавым — голова соплячки будет доставлена её родителям в тот же миг.

Посмотрел в эти глаза. Если раньше в них читалась насмешка и отеческая злость, то теперь на меня смотрел абсолютный враг, который больше не намерен просто так отступить.

ДЖИЛЛ

Девушки затихли. Каждая разбрелась по своим койкам, только Элеонора с Катей наводили марафет и о чем-то тихо беседовали.

В комнату снова вошёл тот важный "индюк", как его окрестила Катя и по прошествии времени, я смогла узнать и его имя — Густаво. Он впустил домработницу, а мне протянул большой пакет.

— Иди в душ. Через полчаса, я за тобой приду. Не успеешь, пеняй на себя.

Мужчина ушёл, а девушки столпились в угол комнаты, давая домработнице прибраться.

— Не бойся, — успокаивающе шепнула мне на ухо Луна. — Тебя просто приведут в надлежащий вид. Все то, что делают девушки в обычной жизни — эпиляция, парикмахер, ноготки и прочая балуда, но перед этим медицинский осмотр. Актёры не используют защиту, поэтому все должны быть проверены. В пакете твои личные вещи. Разбери, а то запретят. — Я отрицательно начала качать головой, но девушка, приложила палец к губам. — Лучше выполняй, как они говорят. Девчонки мало знают, но я здесь дольше всех. Видаль однажды убил здесь пару девушек. Он не настолько безобиден, как рассказала тебе Джули.

Желудок свело от понимания, что рабство, всегда было рабством. Густаво, действительно, вернулся через полчаса и с одобрением оценил моё послушание. Меня провели на второй этаж дома. В медицинском кабинете взяли кровь, осмотрели кожу, пропальпировали живот. Гинеколог уложила в кресло.

— Что это? — неудержалась я от вопроса, когда она распаковала т-образную скобу.

— Спираль. Если не хочешь рожать от порноактёра..

— Я и не смогу, — мотнула головой. — Я бесплодна.

— Кто тебе это сказал? — фыркнула врач.

— Серьёзный выкидыш пару лет назад. Механическая травма. Гинеколог поставила диагноз — непроходимость фаллопиевых труб. Рубцы.

Акушер-гинеколог скептически скривила губы и придвинула УЗИ-аппарат. Холодный гель заставил содрогнуться. Через пару минут осмотра она хмыкнула.

— Всё чисто у тебя там. Ври в другом месте, — недовольно рыкнула она.

Чисто? Как?! Усиленно начала соображать, как такое возможно. Насилуя и убивая меня в хижине, Чейз старался как мог — разрывы, травмы, обширные кровотечения. Свежие хирургические швы внизу живота свидетельствовали о скором медицинском вмешательстве. Возможно, именно так были устранены и старые травмы, которые делали меня бесплодной.

Неужели, я теперь и правда могу иметь детей?! В груди застучало. Глаза увлажнились. Огонь радости, затеплился в сердце. Женщина хмуро вернулась к моей промежности.

После осмотра врачей, я поступила к деятелям красоты. Три часа женских пыток —

которые почему-то многие женщины интерпретируют, как отдых — удостоили меня освежённым цветом волос, градуированными локонами и французским маникюром для оставшихся ногтей. Что-то непонятное наделали в бровях и нашлёпали немного новых ресниц, отчего мне сильно захотелось растереть веки. Неужели, женщины всегда вытворяют всё это с собой, только ради того, чтобы нравиться мужчинам? Феминизм, видимо, стал мне свойственен.

Возвращаясь, в гостиной столкнулась взглядом с одним из актёров, по крайней мере, так решило моё сознание. Молодой парень сидел на диване, понуро уставившись в пол. У его ног покоилась дорожная сумка, а рядом с коленом виднелась книга. Услышав шаги, поднял голову. Копна непослушных жгуче-чёрных волос, сильный, крепкий торс, крупные руки, на левом предплечье разлапистая татуировка в виде кельтских рисунков.

Я невольно уставилась на этого мужчину, который чем-то напоминал античного бога.

Он так же с интересом пронаблюдал за мной и даже позволил себе подмигнуть мне. Серdito отвернулась и прошествовала за Густаво вниз.

Вернувшись в комнату, не могла не заметить взгляды соседок: удивленные, скептические, восхищённые, завистливые. Похоже, стилистам этого публичного дома получилось из меня что-то слепить.

Взглянула на кровать Джулии. Девушки до сих пор не было. К вечеру покинули нас и Катя с Элеонор. Комната начала затихать, побуждая ко сну, который ко мне абсолютно не шёл — я поглядывала на дверь. Наконец ввели Джулию. Приподнялась, пытаюсь разглядеть её в полумраке. На ней была лишь простыня, скрывающая наготу. Девушка прошаркала в душевую. В звуках различила всхлипы.

Тихонько спустилась на пол, намереваясь последовать за ней.

— Лучше не надо, — голос Луны с нижнего яруса, заставил вздрогнуть. — Поверь, после тех вещей, что снимает Видаль, не хочется ни говорить о них, ни вспоминать. Слезы в душевой — единственное, что очищает от этой грязи, но никак не слова. Джули — сильная девушка, справится.

Замерла, вспоминая сцены из своего прошлого. Это было правдой. После всех зверств, что выпадало на мою долю, я лишь "набирала в рот воды", не готовая ни к утешениям, ни к прикосновениям. Вернулась на койку и опустила взгляд вниз.

— Сколько ты уже здесь? — помолчав, решила задать Луне вопрос, мучающий столько времени.

— Это место скоро станет мои проклятым домом, — грустно усмехнулась она.

— Луна...

— Луиза, — поправила вдруг девушка.

— Луиза, — кивнула я. — Ты пыталась, хоть раз сбежать отсюда?

— Да, с подругой, но нас поймали. Её убили, а я лишилась пальцев на ноге, — девушка высунула ногу из-под одеяла, и я мгновенно прочувствовала эту боль.

— Как они нашли тебя?

Она снова спрятала ногу.

— В детстве мне удалили яичники. Детей иметь я не могу, но мне всё равно установили спираль. Девушкам говорят, что это просто метод контрацепции, но я уверена — это не только прямое её предназначение.

Внутри всё упало. Маячок внутри меня ломает все планы на корню.

Шум воды в ванной прекратился.

— Дай Джули тихо занять место. Завтра ей станет лучше, — проговорила Луиза и закрыла свою шторку.

Лучше сделать, как она говорит. Я тоже спряталась на своей койке, напряженно слушая шлепки босых ног.

АНДРЕС

Хоромы Видаля внушали удивление. Охрана проверила моё приглашение и сопровождала в дом, где меня встретил услужливый дворецкий. Предложил кофе, на я что учтиво согласился. Правда от услуг транспортировки моей ручной клади отказался.

Серхио был занят, когда освободится еще неясно. Дворецкий откланялся, оставив меня одного. Осмотрелся — фото порноактёров, одни даже были известны, режиссёрские премии на полках, коллекции виниловых пластинок, диски, дорогая техника. В углу комнаты возвышался высоченный стеллаж с книгами. Порывшись в них, выудил Гюго.

Тормознул, наткнувшись взглядом на статую непонятного человекоподобного сбоку от стеллажа. Лицо, смотрящее вверх, больше смахивало на маску. Само чудо сидит по-турецки, а из его промежности восходит вверх подобие фалоса невероятных и непропорциональных размеров. Мда, глядя на тебя, даже я могу закомплексовать. Отошёл от недоразумения и сел на диван за книгу.

Чтение скоро ушло в мои невесёлые мысли и, поняв, что не отражаю смысла в строках, отложил произведение.

Уронил взгляд вниз, вспоминая истеричное заявление Мигеля, который поклялся сбежать из дома, когда я сообщил ему об отъезде. Он долго угрожал, пока я сердито и бездумно не рявкнул ему:

— Твоя мать умрёт через полгода, если я не уеду сейчас!

Оливия просверлила меня совестливым взглядом, дав осознать свою ужасную оплошность в общении с братом. Мигель в слезах убежал из дома во двор.

Я до сих пор ругал себя за вспыльчивость, но Оливия заверила, что с братом уже всё в порядке.

Звук шагов заставил поднять голову. Дворецкий вёл девушку. Красотка была завернута в банный халат, волосы уложены в эффектную причёску. Лицо невероятно красивое, только глубокий шрам по краю от виска к подбородку невольно акцентировал внимание на себе.

Мы уставились друг на друга и, понимая где я, удостоил девушку лёгким заигрыванием, подмигнув. Однако, красотка, сдвинула брови и отвернулась. Ушла с дворецким вниз.

Видадь уделил мне внимание через час. Провёл в свой кабинет.

— Главные правила ты прочёл ещё в договоре, поэтому оглашать их нет смысла. Вопросы есть? — я отртцательно мотнул головой. — Густаво устроит тебя в одной из гостевых. У съёмок есть расписание, твоё тебе распечатают позже. Завтра пройдёшь медосмотр. Знаю, Оливера вас гоняет по медпараметрам, но мне нужен документ заверенный моими специалистами. Если всё хорошо, послезавтра приступишь к работе.

Снова кивнул. Комнату мне пришлось делить с соседом, что немного расстроило. Сезар был, к счастью, малоразговорчив и немного угрюм. Как смог выяснить позже, он тут живёт аж два года. С перерывами между контрактами отдыхает на воле. Родственников парень не имел, потому посвящал всего себя этому бизнесу.

Предупредил потом, что в цокольный этаж ходить запрещено. Странно, ту девушку увели именно туда. Может там только дамская обитель и мужской половине ход туда закрыт именно поэтому? Но вот сисястые актриски у бассейна совсем не проводили ограничений в общении полов без камер. Ладно, нельзя так нельзя.

Первые две съёмки сдал на ура! Вторая даже просила о встрече вечером. Скоротать время без операторов и соседа был совсем не против. В целом три дня существовал здесь в своё удовольствие.

Следующую съёмку предложили вне графика и за дополнительную оплату. О таком в договоре не читал, но денежки не лишние.

Студий в доме было пять, но меня отвели в самую тусклую и оборудованную лишь голым матрасом и камерами.

— Невесело, — оглядевшись, буркнул я.

— Для сцены с хардкором нормально. Сценарий-то прочёл? — оператор проверял свою камеру.

— Там особо и читать не нужно. Скверно и банально, — проворчал я.

— Зрителю просто нужен дикий и жёсткий секс, — хмыкнул парень. — А рабыня и её хозяин — стандартный сюжет.

Дверь в студию открылась и два охранника втолкнули блондинку. Девушку бросили на пол.

Когда актриска подняла голову, невольно замер, узнав в ней позавчерашнюю незнакомку в гостинной.

— Привет, — миролюбиво улыбнулся девушке, но в ответ та вскочила на ноги и побежала обратно к дверям, которые зачем-то закрыли на ключ.

— Нет! — не своим голосом вскричала актриса и в ужасе уставилась на меня. — Не смей приближаться ко мне, мразь!

СИСИЛИЯ

У меня никогда не было семьи. Я выдумала себе её. Мать скончалась от передоза наркотикам, когда мне было двенадцать. Вся наша родня, точнее, которая не зналась со мной и которую никогда не видела, существовала вне зоны моей дислокации.

Мама работала стриптизёршей в местном клубе, так как это был единственный способ свести концы с концами. Пару раз социальная служба пыталась забрать меня и лишит мать родительских прав, но все два раза они каким-то чудом терпели неудачу.

Трижды в нашем доме появлялся мужчина грубого и сурового вида, со шрамами на лице, но очень богато одетый. Все эти мелких раза я получила от него в подарок компьютер, велосипед и в последний коллекцию золотых монет.

Мать погибла в клубе во время какой-то пьяной потасовки, во время которой её пырнули в живот. Соцслужба сразу же определила меня в приют. Ребят я мгновенно не взлюбила и часто дралась с ними за любую мелочь и несправедливость. Я осталась одна в этом мире, значит позаботиться о себе обязана самостоятельно.

К получению знаний подошла с энтузиазмом, глотала запоем информацию из учебников и литературы. Выпустившись из приюта, поступила в институт военной инженерии. Смекалка и сноровка быстро ввели меня в ряды высших умов Мексики. Я гордилась собой, но спустя некоторое время узнала о смерти своего отца.

Испытала настоящий шок, когда на фото увидела того таинственного мужчину из детства. Детективы, расследующие его смерть, ввергли в неопишемую злость, когда сообщили кем являлся мой отец, причём преподнесли это с явным презрением ко мне. Эти люди пытались выяснить вела ли мама с ним какие-то дела, обыскивали мою квартиру. Но весь этот процесс, я думала лишь о том, почему этот человек и мать, не сообщили мне эту важную вещь? Боялись за меня? Пророчли иное будущее? Об этом я теперь никогда не узнаю.

Дело закрыли, основная версия — самоубийство. В наследство от отца достался дом в США и прочие вещи, что имели цену.

Но, спустя год, на пороге моей квартиры появился человек, заявив, что отца на самом деле убили и он знает кто это. Последняя новость о моей родне основательно окрылила — у меня остался родной дядя.

Я последовала за этим человеком. В его руках оказалось всё оставшееся состояние моего отца, которое он тоже завещал мне. Махинациями ему удалось сохранить всё, и это была огромная сумма.

Картель, наркотики, рабы — всё это отчего-то не смущало меня. Все эти люди безразличны мне, как и я им, когда была маленькой девочкой и жила в приюте, брошенная всем этим миром.

Когда я нашла брата своего отца в подвале местного бара, в жалком виде, едва сдержалась, чтобы не кинуться ему на шею. Позже в Мексике испытала дикую боль в груди, поняв, что всего лишь придумала себе любимого дядю. Этот человек с ним и близко не стоял. Дядя отказался от меня и предпочёл сесть с рабами в амбар. Что ж, да будет так.

Но родная кровь всё время била и била по венам, когда смотрела на его мучения, невольно поражаясь силе духа. Когда появилась убийца папы, была сражена неумолимым стремлением дяди защитить её. Почему?! Ведь она сгубила всю нашу семью!

Звоночки совести постепенно селились в сердце. Именно тогда не выдержала и принесла в карцер всё необходимое, чтобы он обработал этой девке раны на спине. Это было моё поощрение для них и, возможно, моей первой попыткой сменить тактику воздействия на чувства Чейза по отношению к родной племяннице.

Но сейчас, я не могла успокоиться от мысли, что последний член моей плачевной семейки сейчас там, где может запросто погибнуть.

— Зачем это нужно было делать? — с обидой смотрела на Марселу. Да, всё шло не по нашему плану, но вытворять с ним такое было уже из ряда вон.

— Чейз зарвался, — сердито бросил мужчина. — Никому не позволю просто так убивать моих людей.

— Думается мне, что он и не планировал. Ты вынудил его.

Старик оценивающе смотрел на меня, затем подошёл и утешительно приобнял.

— Не волнуйся, этот таракан везде выживет, а наказать его нужно было.

— Все эти месяцы ты только этим и занимался, — плавно выскользнула из его рук. Марселу подозрительно осмотрел меня.

— Что с тобой? Ты начала его жалеть?

— Его я всегда жалела, — буркнула в ответ. — На его девку мне плевать, но Чейз мой дядя...

— Мой дядя, мой дядя, — раздраженно передразнил старик. — Заладила! Чихал этот говнюк и на меня, и на тебя. Он отца-то твоего ни во что никогда не ставил. Дырка этой шавки для него всегда была превыше всего.

Я опустила голову, сознавая эту горькую правду. Но ведь Чейз даже не узнал меня, не увидел, что я за человек. Зато теперь поставил вровень с этим беспощадным и жестоким душегубом. Лишь сейчас поняла, что грань между наказанием и пытками давно стёрлась, а я прочно заняла сторону зла.

В кабинете нарисовался Льюис, лицо его было вспотевшим и обеспокоенным. Белый халат абсолютно не катировался с отросшей бородой.

— Невеселые новости с полей. У нас похоже вспышка эпидемии. По первым симптомам — атипичная холера. Двое скончались в третьем амбаре, в первом и пятом появились ещё трое с теми же симптомами. А так же один наш. Я всех изолировал от здоровых. Работы необходимо приостановить и посадить на карантин. В дом никого не впускать. Надо бы полностью прочистить и продезинфицировать канализационные стоки, обеспечить людей чистой водой.

— Мать вашу, час от часу не легче, — Лима грузно поднялся. — Зашли двоих в город. Я сделаю пару звонков. Сисилия, изолируй здоровых, выдай средства защиты. Мёртвых выкиньте на хер за периметр.

— Лучше сжечь, — покачал головой Сэм.

— Трупную гарь за километры понесёт, хочешь дать пищи копам?

— Что делать с заболевшими? Нужны антибиотики и водно-солевые растворы...

Странно, что о лечении не было речи, потому просто спросила, для интереса.

— Хрен им, а не лечение, — рявкнул Марселу. — Доживут оставшиеся часы в изоляции, потом избавьтесь. Холера, к счастью, быстро убивает, поэтому распространение ещё можно

пресечь.

Я шокированно уставилась на него.

— Марселу, среди них уже наш человек, твой человек. И не факт, что это может ограничиться одним.

— Я не могу рисковать здоровыми.

— Отлично, — презрительно зыркнула на него.

— Сисилия, с тобой чего?! Бабскую демогогию тут не разводи. За дело! Ситуация идёт на секунды.

Одарила его гневным взглядом и удалилась.

КАСТЕР

Преосторожно наступил на больную ногу. Дыхание перехватило, неприятные ощущения, но голеностоп мой.

Энди медленно отошёл, освобождая от своей страховки.

— Как?

— Отлично, — соврал я, балансируя на неустойчивых ногах.

— С завтрашнего дня у вас начнутся физпроцедуры, зарядка и массаж, — сообщил ортопедический хирург. — Сильно не напрягайте стопу, иначе рискуете сорвать пластину.

Кивнул и попытался сделать шаг. Получилось, но боль атрофированных мышц и страх за только что сросшееся место перелома, сбавили мой пыл. Я бросил взгляд на костыль. Подпрыгнул на здоровой и снова взял его.

— Как скоро я смогу самостоятельно передвигаться?

Врач устало посмотрел на меня.

— Майерс, вы хотите, наверное, известить меня этим вопросом? Говорил и продолжаю говорить — перелом был очень серьёзный, месяцы и месяцы реабилитации. Спешка только усугубит положение.

Хмуро смотрел в его учтивые глаза. Энди подбадривающе постучал меня по плечу. В машине он уже понимающе проговорил:

— Марк выложится до остатка. Ему можно доверять.

— В начале, он повёл себя совсем не так, — хмыкнул я.

— Все ошибаются, но не забывай из всех нас, он сейчас ближе всего к опасности.

— Сидеть тут с ногой — не мой выбор, Энди, — с обидой произнёс я и легонько стукнул кулаком себе по коленке. — Я всегда старался быть с Джилл рядом, пытался защитить. Но теперь что?! Её прямо вырвали из моих рук, а я продолжаю сидеть в этом гребаном пассажирском кресле и питаться верой в человека, который шелохнулся только после моего жёсткого пинка.

— Слушай, — Миллер решил остановить мой пыл. — Я не знаю Джилл, не вёл с ней бесед о смыслах бытия, но, опираясь на факты её чудовищной жизни, скажу лишь то, что эта женщина пройдёт через всё и выживет назло врагам. Я верю не в Марка и даже не в тебя, а верю в неё. Она боец, хоть и слабый пол.

Эти слова звучали сильно и правдоподобно, но и у каждого героя есть слабое место.

ЧЕЙЗ

Отрыжка одолевала при каждом ухабе на дороге, переводя меня на лёгкое оханье. Кондиционер в тачке подарил лишние часы счастья. Пустынная дорога начала постепенно сменяться на городские кварталы, старые домики с малообеспеченными жильцами, унылые улочки, выжженные жарой вывески магазинчиков, запыленные тротуары.

Нанду и Начо болтали о своём, непрестанно сплевывая в окно. В смысл беседы связывать свой слух я не стал. Португальское наречие противно резало слух.

Вконец, Начо задремал, всем своим видом искушая меня поступить так же, но я боялся закрыть веки. Та страшная вещь внутри меня, не внушала спокойного сна, так как мне всё время казалось, что могу так и не очнуться.

Наконец на закате солнца, выехали на окраину очередного городка. Машину припарковали возле хиленького дома, на входе которого сидел мужик, жуя во рту косячок и точа груды ножей. Плавное и размеренное смакование металла о камень гадким звуком разносилось по округе.

Меня толкнули вперёд. Начо широко улыбнулся охране и перекинулся похабными словечками, вызвав всеобщий бурный смех. Речь определено обо мне. В гробу я вас всех, сука, увижу!

Дом был ветхим, половицы скрипели от каждого шага. Обои местами выдраны, местами изрисованы пошлой графикой. Мебель смердила затхлостью и пылью. С кухни шёл запах пригоревшей еды. Кажется, пахло ещё освежителем воздуха, цитрусовый запах которого смешивал всё это в единый кислый шлейф пота и мочи. К счастью, в амбаре я успел привыкнуть к ароматам похлеще.

Меня ткнули мягким местом на стул, который плаксиво закрипел под моим никчёмным весом. Из-под него мигом трусануло что-то мохнатое, рыжее и сигануло в окно, сердито рыча.

— Брысь! — в кота тут же влетел массивный ботинок, который выбросил несчастное животное вон. Его недовольное мяуканье за окном свидетельствовало о том, что живности не привыкать к данным обращениям. Однако, странно было другое — речь, обращённая к коту, звучала на чистом английском. Хотя, хрен их тут знает!

Я ждал. Мухи жужжали и бились о стёкла, пытаясь вылететь обратно на улицу. Как я их понимал.

Наркоторговцы тем временем обсуждали план передачи дури. Я же поймал на себе взгляд того, что выгнал кота. Этот явно не интересовался их беседой.

— Чего уставился? — зло рыкнул на него, с удовольствием сознавая, что эта обезьяна не сможет припечатать меня. Нельзя. Расквашеная физиономия "сумки" не сулит удачной передачи товара.

В ответ ожидал его злобный зырк или матерок в мой адрес, но бандит ехидно улыбнулся мне ещё шире. Теперь быть к нему равнодушным просто преступление. Оценил. На нарика и любителя мараТЬ руки в крови он не похож. Не похож. Но похож...

Мать твою! Нет, только не это! Я мгновенно вскочил и что есть мочи заорал:

— Pugilistas! (Легавые!)

Полицейский тут же направил в меня оружие, но я оказался быстрее. Ветхий стул полетел в копа, лишил пистолета и погиб об его тушку.

Зашумела рация. Звон стёкл. Какофония португальского диалекта на американском мате заполнила дом.

Сиганул вглубь. Кухня рассыпалась на визжащих мексиканок, которые в панике едва не

затоптали меня. Через секунду увидел что или кто их пустил в бегство. Полицейский в потной рубаше и с засаленными от жары блондинистыми волосами смотрел на меня так словно нашёл клад. Правда пистолет направленный мне в голову не сулил радость от встречи.

— Ты?! — его лицо расплылось в победном оскале.

Меня знают — чётко понял я. Коп явно ободрился от моей персоны, что даже не заметил, как в мои руки попал жирный сотейник. Своеобразное оружие, свистя, прилетело ему ровно в переносицу. Мат и проклятия.

Кинулся к окну, но чёртов блондин успел схватить за шкуру и швырнул на пол. Занёс ногу для удара в голову, но я успел увернуться вперёд, подставив и ему подножку. Коп тюфяком рухнул рядом, прозвенев своей черепушкой о пол. Не мешкая, взобрался на него и нанёс несколько хороших ударов по лицу.

Хорошие?! Жаль, но так казалось, только мне. Видимо, месяцы рабства и издевательств похоронили во мне былую силу.

Блондин перехватил кулак одной рукой, а второй схватил мою голову за затылок, чтобы соединить лоб с моим нос.

Боль в переносице защекотала слёзные железы. Я отлетел прямо в чьи-то цепкие объятия, которые скрутили руки и уткнули лицом в пол.

Нокаут. Принял поражение, но, видимо, этот блондинчик чересчур разошёлся. Мощный и яростный удар ботинка мне в живот, выбил из лёгких весь воздух.

Сука! Я испустил дух боли и ужаса. Нет, только не в живот! Ещё удар и ещё! Нет!

— Где она?! Где Джилл?!

Адская боль растеклась от брюшной полости к голове, не давая вникнуть в суть вопросов.

— Вайлет, уймись! — скрутила меня оказывается женщина-полицейский.

— Где ты её держишь, тварь?! — меня оттянули за волосы.

Наручники клацнули на запястьях, кто-то отлепил от пола, держа за шкварник. Дамочка тут же кинулась на моего обидчика. Вытолкала его вон из дома.

Конвой поволок мою никчёмную тушку к машине, но, дойдя до их кареты, я свернулся в приступе рвоты и рухнул на землю от их брезгливого броска. Картинка в глазах побежала, а тело утонуло в конвульсивном припадке.

АНДРЕС

Что ж прямо так сразу и с порога?! Я немного обескуражено глядел в дикие глаза блондинки, не сулящие мне лёгких съёмок. Красивое лицо уродовала маска гнева, ненависти и... страха?! Но я помнил, что такое актёрская игра и насколько она бывает разной — от чудовищно бездарной до великой.

Ладно, красотка, я тебе почти поверил. Сыграю тогда по-твоему.

— Закрой пасть, сучка, — прорычал я, но слова застряли в горле комом.

Рванул девушку к себе за локоны, что тогда заморозили меня. Подобная хватка обычно убавляет пыл актрис, но эта начала колошматить меня с такой силой и прытью, что был вынужден отступить.

— Тише ты, ненормальная! — недовольно процедил я, стараясь увильнуть от опасных рук.

В секундное мигание глаз, получил мощный удар по лицу кулаком. Отлетел к противоположной стене, едва устояв на ногах. Ни хрена себе! Где тот сценарий? Хочу его теперь внимательней прочесть.

— Ты за это ещё ответишь, скотина! — шипела блондинка.

Злость обожгла вены. В хардкоре актриски никогда себе не позволяли бить актёров. Ладно, паршивка, хочешь жестче — будет. Я зарычал хищным зверем и стеной попёр на неё. Наградил парой приличных пощёчин, вновь схватил за копну и поволок к матрасу.

Актриса громко закричала, упираясь в меня ногами и руками, и не прекращала наносить оплеухи и удары по телу. Кричала проклятья и клятвы отомстить.

— Уймись, сука! — швырнул её на матрас и придавил своим весом.

В запястье врезалась жуткая боль. Девчонка впиалась в мою кожу зубами, едва не вырвав из меня кусок. Кровь на ране и её губах. Ну ни хрена себе!

Не чувствуя себя от ярости и негодования, со всей силы ударил девушку по лицу. Блондинка взвизгнула и обмякла, потеряв себя в пространстве. Оседлал.

— Ничего себе какая дикая! — в шоке захихикал оператор.

— Где вы вообще откопали эту профи? — злобно рычал я, сдёргивая с пояса брюк ремень и, не мешкая, пытался закрепить у неё на запястьях.

Но, перетягивая, ей руки, не на шутку оробел — на правой нет ногтей! И это не последствия травмы, не ампутация фаланг, они просто вырезаны, тщательно и безвозвратно. Ярая поклонница БДСМ?! Не может быть! Потому так тщательно обороняется? Да ну бред...

— Конга! — прошипел оператор, выводя из ступора.

Опомнился. Плевать. Это наша с ней работа! Стянул с себя брюки, освобождая своего бойца, который опечаленный побоями, слабенько смотрел "на девять". Просунул его между её ладоней, феллируя от головки к основанию члена. Эрекция начала наполнять кровотоки.

Блондинка прозрела, слабо зашевелилась подо мной.

— Нет, прошу... Не надо... — в голосе вдруг различил слёзы и продолжать это действие не смог.

Ну, же, красотка! Да что с тобой? Куда подевалась столь колоссальная актёрская жила?

Сорвал с блондинки хлипенькое шёлковое платьице. Девушка взвыла и слабо крутанулась на бок, пытаясь скрыть от меня наготу. Тщётно забила связанными руками по моему бедру, хваталась за матрас, брыкалась, стремясь выползти из-под меня.

Грубо развернул к себе обратно, и взору предстало тело. Здесь картина оказалась не лучше — ожоги, шрамы, ссадины и синяки.

Проглотил ком отвращения к ней и к её увлечению, с трудом веря, что такая красавица могла позволить таким, как я, настолько изуродовать себя.

Силы наконец вернулись к ней. Актриса резко привстала и, ухватившись за оставшуюся на мне майку, со всей силой ударила меня лбом по переносице.

Рефлекторно схватился за нос, теряя пленницу. Упал на матрас, сходя с ума от жуткой боли. Слёзная железа мгновенно выпустила из моих глаз солёную воду. Я больше не видел происходящее, только звуки.

— Ах, ты дрянь! — крик оператора, грохот, удар, взвизг.

Нашёлся себя в пространстве. Капельки крови из носа есть, но не много, — к счастью, не сломала. Посмотрел перед собой. Блондинка распластана по паркету и не в себе, но пытается оклематься. Оператор собирает с пола разбитую камеру.

Мне вдруг показалось, что я покоряю Эверест.

— Вот, с-сука! Камеру убила. Ненормальная. Видаль потом сам тебя за неё отымеет, дрянь! — злобно шипел мужчина, а до меня слабо начало доходить, что девушка борется сейчас не на жизнь, а на смерть. Это не актёрская игра, это самозащита.

Оператор рванул девушку с пола и швырнул обратно рядом со мной на матрас.

— Кончай с ней! Сниму на вторую.

Посмотрел на блондинку. Девушка уже без сил, тяжело дышит. Щека вспухла, изо рта выступила струйка крови, по лицу градом текут слёзы. Опустил взгляд ниже — на животе свежий операционный шрам, на колене тоже и, готов был поклясться, что пулевой. Сомнений уже не было, это тело не плод любовных жестоких игр, а жертва чьей-то безжалостной пытки.

Я не смел больше продолжать, но мне не позволят остановить съёмку. Глянул на оператора, который спешно настраивал вторую камеру.

Успею. Накрыл девушку собой, нависнув сверху и пленив запястья. Слабое сопротивление и тихий стон. Опустился к ней и, нежно поцеловав за ухом, тихонько шепнул, вкладывая в голос всю теплоту, на которую был способен:

— Тише, девочка, — её тело вздрогнуло, как от удара током. — Не дай мне продолжать, — навис над ней, поймав взгляд.

Раздвинул свои ноги, оставляя её в свободе между ними. Всей магией взгляда, позволял ей сделать то, на что не согласится ни один мужчина в мире.

Девушка всё поняла. Удар ногой. Будущие дети, простите меня. Согнулся от невероятной боли, ударившей по всем рецепторам. Не в состоянии держаться, упал на матрас рядом с ней.

— Твою мать, — простонал откатившись.

Оператор тут же подлетел ко мне, оценивая нанесённый ущерб.

— Живой?

Я не мог ответить, просто свернувшись в три погибели лежал на боку, убаюкивая убитые в фарш гениталии.

— Ах, ты, мразь! — Жуткий звук удара, короткий взвизг и тихий плач. — Заберите её! — крикнул оператор на двери.

В студию вошли те же два охранника, скрутили и без того ослабшую девушку и поволокли прочь.

— Стой! Куда её?! — обеспокоенно вскричал я, глядя на оператора.

— Не твоё дело, — рыкнул он. — Перевоспитается. Вали к себе. И лёд приложи.

Да, что здесь вообще происходит, мать вашу?! Где я? Порностудия или публичный дом с секс-рабынями? Стало жутко, но разобраться в этом я теперь просто обязан. Я хоть и снимаюсь в насилии, но всегда был против этого.

МАРК

Хирург вышел в коридор, сняв повязку с лица. Седина в его бровях требовала проявить к нему уважение.

— Пациент в токсикологической коме.

— Бляжь, — я в гневе сжал кулаки, готовый оторвать себе голову.

Сид же пыталась мыслить спокойно и уверенно:

— Какой прогноз?

— Из желудка мы изъяли триста сорок грамм кокаина. Порвалась одна из капсул, сколько в ней было неясно, но доза очень высока. Пациент сейчас на аппарате. Мы промыли пищеварительную систему, форсировали диурез, но наркотик в сосудах и головном мозге. Сейчас пытаемся восстановить кислотно-щелочной баланс крови и наладить полноценную работу сердечно-сосудистой системы. Пациент получает антидот. Все меры приняты, остальное зависит от больного и его метаболизма. Нужно ждать. Если он переживёт эти два дня и динамика его состояния не ухудшится, то можно надеяться на лучшее. Сейчас пока всё прозрачно и адекватный прогноз дать сложно, детектив.

— Спасибо, — кивнула Васкес, отпуская доктора.

— Эта падла выкарабкается, потому что я сам лично его должен грохнуть, — прорычал я.

— Марк, ты ослеп или отупел от своей ненависти? — она толкнула меня в угол коридора и зашипела. — Тебя нисколько не смутило, что у него в брюхе триста слишком грамм дури? Думаешь, он в поставщики вызвался самовольно? А его тело! Ты видел?! Он истощено и сплошь в побоях, разной степени давности. Он пленник, Марк! Самый настоящий! И наркота в животе, говорит, что из него сделали "сумку", и то, что он попался нам во время облавы — огромная удача для тебя, но ты, болван, решил сводить с ним счеты прямо с ходу. Вот теперь молись, чтобы он выжил и хоть что-то знал о твоей девчонке, потому что если Ричей сдохнет, то зацепок у тебя больше не будет!

Сид метнула в меня осуждающий взгляд и устремилась прочь по коридору.

Он пленник?! Да ладно! За это время поисков у меня была тонна вариаций на его счёт, но только не такая. Абсолютно, не такая! Если он пленник, тогда что с Джилл? Точнее сказать, кто теперь наш враг? Дочь Diablo? Девушка и эта тварь тогда могли находиться в совершенно разных картелях. С каждой секундой тревожных мыслей всё больше осознавал, что снова упёрся в тупик, а время мой главный враг. Твою мать! Устремился за Сид.

— Васкес! — Девушка обернулась. — Те двое, что были с ним. Я должен их допросить.

— Уйми пыл, сначала, — Сид направлялась к машине. — Шеф допрашивает их первый, а на это уйдет немало времени...

— У меня нет этого времени! — проскрипел я.

Васкес посмотрела на меня в упор и неожиданно заговорила мягко и понимающе:

— Марк, ты рвёшься вперёд, как гончая, потому что наконец взял след, но ты должен помнить о том, что Джилл иголка в мире картелей. Если ей суждено выжить, мы её найдем.

Я выдохнул из себя ком напряжения, пытаюсь заглушить инстинкты и включить разум. Догнали до участка моментом и велико оказалось моё удивление, когда обнаружил шефа у себя в кабинете. Он закончил допрос?

Поспешил в комнату допросов, но суровый оклик заставил обречённо притормозить. Шагнул за порог.

— Закрой дверь и прижми жопу на стул! — Возражать не смел. Опустился на предложенное место. — Прежде чем я допущу тебя к подозреваемым, ты обязан кое-что изучить, — кинул в меня две папки с личным делом. — Читай.

— А вкратце нельзя? — лениво пролистнул страницы.

— Нет.

Открыв первую и вовсе возмутился — всё на мексиканском.

— Да я же не пойму тут ничего!

— Учись, детектив, ты в Мексике, — он встал и прошествовал к дверям.

Взорвалось. Я дерзко швырнул в шефа всей этой бесполезной макулатурой, не опасаясь его гнева. Он остановился, нагнулся и подобрал документы, повернулся ко мне.

— Это важно, — кинул их мне обратно в лицо, усмехнулся и ушёл.

Манёвр. Теперь четко это понял. Меня не допустят, так как я чужак, а своё говно показывать они не намерены. Не та страна. Ну уж нет, я переведу это гребаное личное дело, переводчики и словари мне в помощь. Закорпел над текстом. Спустя полчаса одна страница была готова.

В кабинет влетела Васкес.

— Идём! Живо!

Секунды — и я несся вприпрыжку за ней по коридору. Месяц работы с детективом Васкес давно убедил в том, что доверится здесь я пока могу только ей. У нас разные истории, но враг один.

— Десять минут, — предупредила напарница.

Я заглянул в кабинет. Скованные наручниками ноги и руки, засаленные жарой и грязью волосы, следы засохшей крови на лице и руках, рваная клетчатая рубаша — Освальдо Начос, по кличке Начо, — мелкая сошка, работающая на Лиму. Собственно и верность свою он ещё не доказал.

— Сид, время, — рядом вырос один из детективов — Панчо, вроде. Мы буквально влетели в кабинет. Освальдо Начос заблистал зубами.

— Вот они герои, — он скудно зааплодировал наручниками. — Занавес! Вы избраны для моей исповеди!

Я приблизился к нему и посмотрел в упор.

— С вашии курьером была эта девушка? — положил фото Джилл перед его носом.

— Неа... С нами такой не было. Знатная цаца, я бы запомнил.

— Мы знаем, что ты работаешь на Лиму, — гневно проскрипела Сид. — Мне нужны имена всех. С ним есть эта женщина?

Следующее фото — Сисилия Мортес. Тень скользнула по лицу заключённого, но Начо скептически заколыхался:

— Прямо парад баб. Вы идиоты? Мне нет теперь обратного пути, ни при каком раскладе, но он сохранит мне жизнь в дальнейшем, если я не превращусь в крысу. Так что пошли вы на щхрен. Я ничего не расскажу, — и его плевков полетел в меня и Сид.

Предел нервов достиг своего пика, и я обрушил на мерзавца свои кулаки.

— Вайлет! — крепости Васкес было не занимать, девушка оттащила меня от голлвореза и выставила за дверь, передав Панчо. — Держи руки при себе!

— Васкес? — протестующе процедил я, но дверь за детективом захлопнулась.

— Шёл бы ты остыл, а! — Панчо сурово смотрел на меня. — Сид, знает о чём допрашивать, а ты только смуту наводишь. Угомонись!

Сердито матюкнулся и направился прочь по коридору. Да, остыть мне и правда не мешало бы, а то всё хладнокровие и логика летят в трубу. Мои ответы сейчас лежали в реанимации и пытались выкарабкаться из лап смерти, а я впервые желал, чтобы эта гадина выжила, но ждать придётся прилично. В течение двух дней Ричера всё-таки стабилизировали, но из комы выводить не стали, позволяя организму приходить в норму. За следующие три дня, показатели заметно улучшились.

— Думаю, завтра будем снимать с аппарата, — кивал его лечащий врач.

Пока читал отчёт медика, невольно холодел внутри. Жизнь и правда настоящий бумеранг. Ричера били и регулярно. Сросшиеся переломы, множественные гематомы разного срока давности, рубцы на всю поверхность спины, истощение второй степени и обезвоживание. Он раб. Мысли накручивались в снежный ком.

— Поехали, — лицо Васкес выражало, крайнюю сосредоточенность.

— Куда? — но я следовал за ней.

— Дворовая шпана, шныряя по автомобильной свалке, наткнулась на массовое захоронение.

Внутри всё полетело вниз, представив, что Джилл может быть среди них. Нет, пожалуйста, нет!

— Трупы подброшены недавно, ещё не успели толком разложиться, — продолжала вещать девушка. — Только надо поторопиться, путь не близкий и уже темнеет. Часть группы выехала туда.

— Ты рулишь, — процедил я, садясь в авто.

— Марк, — Васкес опустила на водительское. — Ты меня беспокоишь.

— Не парься.

Детектив обречённо вздохнула и тронула тачку с места. Лишь спустя полчаса молчания она снова произнесла:

— Картель, которым все эти годы управлял Лима, принадлежал всегда Хулио Мадэри, — проронила наконец она. — Diablo оставил его в управление Лиме. Так он рассчитывал уберечь своё состояние от копов и не прогадал. Прокуратура смогла забрать только то, что было в штатах. После смерти Мадэри прямые наследники картеля его дочь и брат. Сисилия, скорей всего, там, но вот с Ричером что-то пошло не так.

— Видимо, захотел хапнуть всё в свои руки, — идей других не видел. — Но родня не согласилась.

— Возможно, потому и сделали "сумкой", — скривилась она.

Мы были на месте ближе к вечеру. Солнце лежало уже на горизонте, превращая свалку в

настоящее кладбище машин. Груды металлолома разлапистыми монстрами возвышались в тенях от прожекторов.

Почти сразу же нас тормознул судмедэксперт, всучил нам маски и перчатки.

— У нас тут похоже холера, осторожней, — грозно осведомил он. — Детей, что обнаружили трупы, уже отправили в карантин на диагностику.

Я и Сид пораженно натягивали перчатки.

— То есть все трупы умерли от какой-то заразы? — переспросила Васкес.

— Полностью это сможет подтвердить только вскрытие, но судя по предварительному осмотру смерть не насильственная. В слизистых скопище холерных вибрионов.

— Они умерли и их просто выбросили на свалку?! — я в тихом шоке переваривал его слова.

— К несчастью, да. Полнейшая безалаберность. Трупы упаковали сейчас в изоляционные пакеты, чтобы ограничить скопление насекомых.

— Сколько они здесь пролежали? — старался дышать через раз, так как трупный запах сумел пропитать воздух.

— День или два, и, к счастью, собака малышни обнаружила их. Сейчас эпидемиологи проверяют почву на продукты разложения тел и есть ли рядом источники воды. Если вибрионы проникли в почву, то недолго и до водоёмов, а это уже эпидемия.

— Твою мать, — обеспокоенно прошипела Сидни. — Этого нам ещё не хватало. Где тела?

— В карантинном блоке, — указал на трейлер левее места захоронения. — Пройдите, вас встретит эпидемиолог.

В трейлер нас пустили только, когда упаковались в защитный костюм. На полу лежало семь пакетов.

— Кого-нибудь удалось уже опознать?

Женщина-эпидемиолог всучила нам готовые фотографии мертвецов и их живые фото.

— Да, четверых. Двое мужчин, женщина и ребенок.

Я скорей выудил фото женщины. Мариэль Сетаво — гласила надпись. Камень спал с души. Не ОНА! Это не Джилл...

— Ничего себе, — присвистнула Васкес, вытянув ещё одно фото. — Кайо Рапало. — Вопросительно глянул на нее. — Головорез и заядлый нарик. Сбежал из тюрьмы три года назад. Судя по последним данным разведки, находится на попечении Лимы. Теперь понятно, кто избавился от тел.

Внутри всё похолодело. Значит, у них вспышка! Бог, мой! Распознав мои мысли, Васкес покачала головой.

— Марселу постарается пресечь инфекцию, он не глуп. Это в его же интересах.

Меня это мало успокоило. Васкес пролистнула кадры. Последнее комом застряло в горле.

— Боже, — печально провела рукой по кадру.

Милые черты лица изуродовала маска смерти, заострив в мраморные грани, глаза впали, волосы цвета вороньего крыла прилипли прядями к её бывшим щекам.

— Бедная девочка.

Прочёл на фото выше — Габриэль Коста.

ДЖИЛЛ

Жестоко бросили на каменный пол. Доброжелательный, на первый момент, Густаво сурово пробасил:

— Дура неблагодарная! Посиди тут без воды и еды денёк, может одумаешься.

Дверь захлопнулась и я, обняв свою наготу, выпустила всю боль криком в пол. Спокойно, Джилл, всё пока обошлось. Тот парень понял тебя и даже спас. Только после него будут другие и на подобную милость рассчитывать уже не придётся. Тело ныло хлеще, чем после трудовых работ в картеле. Пережитое атрофировало все эмоции, окончательно превратив меня в размазню. Погрузилась в бредовый сон.

Разбудил шум дверей. Вошёл мой новый мучитель. Господи, когда же вы забудите о моём существовании?!

— Клянусь, я бы прямо сейчас придушил тебя за то, что калечишь моих актёров и портишь дорогостоящее оборудование, только вот не могу. Лима сделал запрос на твой выкуп обратно. Но за эти проделки ты ему дорого теперь обойдёшься. Ну, скажи, что такого? Ну трахнул бы тебя этот парень, кайфанула бы. Он довольно неплох. Зачем бить, да и ещё по самому драгоценному?

— Верни меня в картель, — процедила я. Серхио смотрел на меня, как на умалишенную.

— Марселу сейчас не до тебя. — Я напряглась. Что это значит? — В общем, дорогуша. Не хочешь так, будем по-другому. Через несколько дней для одних моих богатых постоянников требуется сопровождение. В этот раз пойдёшь ты. Если вдруг кто-то из них решит тебя выгодней перекупить у Лимы, что вряд ли, я без раздумий тебя продам. А сейчас ты вернёшься в свою комнату и, если ещё что-нибудь выкинешь, вместо тебя расплатиться ДРУГАЯ девушка.

Я сглотнула. Только не такая цена. Он ушёл.

Знать бы что происходит на этих званых вечерах? Что должна буду там делать? Я даже ложку до сих пор толком держать не научилась.

На пороге снова появился Густаво и, грубо схватив под руку, ткнул в меня простынь и сердито прошипел:

— Я бы на его месте, продержал бы тебя здесь, пока на стены от голода лезть не начала. Покалечила бедного парня..., — толкнул на выход.

Пока он причитал и жалел "бедного парня", с трудом сдерживалась от вопроса о его ориентации. Чем чёрт не шутит! Или же это просто мужская солидарность? Меня втокнули в комнату.

— Мы уже подумали, что больше не увидим тебя, — Джулия кинулась мне на плечи.

— Все нормально, — больная щека среагировала на неаккуратное прикосновение.

— Ха, — Катя, смеясь смотрела на меня. — Оказывается, можно и не раздвигать ноги, а просто надавать по яйцам актёру.

— Ты с ума сошла? — Луиза была не на шутку напугана. — Видаль мог серьёзно тебя наказать.

— И, думаю, наказал. Он вернёт меня в картель, — буркнула я.

Девушки притихли, переглядываясь.

— А ты, гляжу, не очень-то об этом переживаешь? — Элеонора прищурила один глаз.

Решила оставить её вопрос без ответа.

— Господи, твоё лицо, — Джулия заботливо смотрела на меня. — Здорово тебя ударил.

Надо приложить лёд.

— Не стесняйся, у нас его всегда целая морозилка, — Катя снова задорно улыбалась, не прекращая юморить. Видно, это часть её защитной оболочки. — Нас тут чаще бьют, чем кормят.

Джулия подала мне пакет со льдом и проводила до кровати. Помогла подняться наверх и учтиво зашторила. Теперь можно подумать. Выход из четырёх стен неплохой шанс для побега, но этот сутенёр пригрозил девушками. Что он может сделать им? Они товар, а он на этом неплохо зарабатывает.

Сбегу? Потом куда? Местная полиция мне не помощники, но может Энджи сможет мне помочь? Надо лишь связаться с ним. О том, как уговорить вызволить Чейза и Габи я подумаю позже. Есть ещё одна проблема, если верить логике Луны, во мне отслеживающее устройство и куда бы я не спряталась, меня найдут. Но если бежать очень быстро? Бред. Я вернусь в картель. И снова вдвоём с Чейзом мы что-нибудь придумаем. Выход есть всегда.

Оставалось лишь молиться, чтобы я не приглянулась клиентам Видаля, а это будет другая проблема.

АНДРЕС

Проснулся и тут же охнул. Между ног камень. Врач хоть и сказала, что всё в норме и просто сильный ушиб, это отнюдь не утешало. Мне с этим ходить ещё недельку точно. Выпил обезболивающее и откинулся назад на подушку.

Соседа в комнате не было. Полвечера я пытался намёками выпытать из него хоть какую-то информацию, но тот был, как могила. Наконец меня посетил сам Серхио.

— Как ты? — он сел напротив.

— Хотелось бы лучше, — буркнул я. — О буйных актрисах, нужно предупреждать в контракте.

— Это нестандартная ситуация. Девушка перенервничала. Не беспокойся, она будет наказана.

— Наказана? — переспросил я.

— Не получит премию, — пояснил режиссер.

— Серхио, я в этом бизнесе не один год, и много слышал о тебе. Слухи не врут. Ты используешь не только профессиональных актрис. И девушка НЕ актриса, потому и дралась, про камеру вообще молчу.

— Тебя это не касается! — Видаль грозно подобрался, перевоплотившись в дикого медведя. Затряс пухлыми щеками.

Я мужественно пытался изображать безразличие.

— Меня не касается, но зато касается его, — указал на область паха. — Да ладно, тебе. Мне плевать на твой сексуальный гарем, не моё это дело, но позволь хотя бы, поквитаться с этой мерзавкой. Она должна моим яйцам.

Видадь скривился в усмешке.

— Ты пока не сможешь выполнять свои обязанности.

— Нет, Серхио, — я привстал. — Не оставляй меня без дела. Я могу выполнять другую работу. Несчастный случай на производстве у тебя в контракте не предусмотрен, а деньги мне позарез нужны.

Видаль прикинул в голове.

— Хорошо, пока включу тебя в штат охраны, раз ты и так всё понял. Может ещё и успеешь спустить с той девчонки спесь.

Я довольно улыбнулся. Мне бы оскара за великолепную игру, а ему, пожалуйста, медальку с гравировкой "осёл". Видаль ушёл.

Но глядя на закрывшуюся дверь, вдруг задумался. А зачем мне это всё? Мстить ей я точно не собираюсь, а увидеть хотелось бы.

Рабыня. От этого слова бросило в холод. Одно дело, когда актрисы играют эту роль, а другое жить с этим. Бездонные и голубые глаза сейчас отчего-то смотрят на меня и, словно, просят помощи. Моё ли это дело? Я здесь, чтобы заработать денег, помочь маме...

Но слова Мерседес снова молю ели мой мозг и сердце:

"... Оставь лик матери святым в их памяти. Они должны знать и помнить её красивой, доброй и ласковой. Не срами всё жуткими картинками её ухода."

Мама хочет уйти? Правда хочет?! Оставить детей?! Но всё к тому и шло. Несколько месяцев или год. А для чего?! Мучить её дальше для себя, детей? Выздоровление никто не обещал...

Господи, Андрес, о чём же ты сейчас думаешь? И зачем ты об этом думаешь? Продлить жизнь матери ещё на пару месяцев, но позволить калечить ту девушку, глаза которой отпечатались в сознании? Или сделать иначе? Отпустить наконец ту, что мечтает уйти, и выволить из беды ту, что может жить счастливо и спокойно до глубокой старости. За то та рабыня и боролась, когда я едва не изнасиловал её. Бог мой! Я чуть не стал преступником!

От жуткого вывода схватился за голову и в груди всё перевернулось, рухнув вниз. Мука перед принятием верного решения засвербила под рёбрами. Мне нужно увидеть ту девушку. Понять и принять правильное, но жуткое решение. Жуткое по отношению к моей семье.

На утро мой дух выжал сон. Видал, как ту девушку погрузили в странный фургон с другими и увезли, а я знал, что потерял её из вида навсегда. Нет, я не могу этого допустить! Мама самое дорогое, что у меня есть, но узнай она, какой ценой дались ей лишние и ненужные месяцы жизни, она проклянёт меня, как своего сына навечно. Нет! Я найду другой способ достать деньги для её лечения, более честный и безобидный. За жизнь матери я не должен платить жизнью той несчастной. Решено.

В комнату рабынь просто так никого не пускали, но я старался, как можно ближе быть к цокольному этажу, чтобы в нужный момент оказаться рядом.

С одной стороны я понимал, что рискую. Но она должна быть за стенами этого дома, а не сосудом для мужских извращений.

Перед началом действий решил обезопасить сперва своих. Набросал Оливии сообщение, чтобы она срочно укатила на курорт с детьми, прямо сегодня же. Мерси сообщил, что маму необходимо перевести в интенсивную палату. Девушка прокляла меня, но я знал, что всё выполнит. На смайлик с воздушным поцелуем, просто ограничилась средним пальцем.

Через несколько дней ожиданий и бдения, после обеда блондинку повели наверх. Втиснуться в сопровождающие, я не успел, но увидел, как она меня заметила и даже кивнула слегка головой. Давай, красавица, я доказал тебе, что на твоей стороне, теперь ты не сглупи.

— Опять на съёмку? — мою суровость, второй охранник расценил иначе.

— Неее, — он слегка улыбнулся. — Этой дикой кошечке, пока не доверят члены актёров. Скорей всего, готовят клиенту, на выездной приём.

Облегчение, что никто пока не поставит её на колени, хоть и сделает это чуть позже. Я обязан попасть на этот приём. К счастью, немногие мои коллеги приветствовали данные вылазки, потому вызываться в добровольцы, даже не пришлось. Для полного состава нужна была группа из шести человек, а набиралось с трудом три.

Необходимым дресс-кодом я не располагал, потому меня упаковали в стандартную чёрную костюм-тройку. Щетину было велено сбрить. Покрасоваться в зеркале не имел времени. Сунул в пиджак свой сотовый, перочинный нож, одел часы и само собой не забыл про обезболивающие.

Выезд в девять вечера, потому вооружившись рацией ждал у машины. Не знаю отчего, но внутри всё замирало то ли от нервов, то ли от страха перед тем, что намерен совершить.

Когда девушку вывели в компании ещё одной блондинки, я остолбенело уставился на неё. Чёрное платье-футляр, которое совершенно точно соответствовало названию, прозрачный стеклярус по всей поверхности ткани, V-образное декольте, высокие каблуки, волосы уложенные в струящиеся волны, крупные висячие серьги, вечерний макияж. Невольно улыбнулся, но вовремя передёрнул губами.

Смотрит на меня, удивлена. Явно не ждала увидеть здесь мою персону да и ещё в сопровождении.

Провёл девушку к нашей машине и, открыв дверцу, незаметно подмигнул. Сел на пассажирское впереди, второй охранник устроился на заднее рядом с ней, третий — водитель. Глянул на неё в зеркало заднего вида — лицо каменное, не прикопаешься.

Подъехали к клубу, в котором проходила закрытая вечеринка. Девушки вышли из машин. Я безапелляционно взял её под свой контроль. Поддерживая за локоть, провёл ко входу. На каблуках, признаюсь, ходить она абсолютно не умеет.

Зал полон богатых гостей с арабской внешностью, в современном одеянии, а так же в национальном вплоть до хиджабов и сари.

— Через полчаса, попросись в дамскую комнату, — шепнул ей на ухо, отпуская в толпу. Не ответила, но по взгляду определил, что поняла.

У меня было тридцать минут, чтобы изучить клуб. Схема эвакуационных выходов?! Тоже пойдёт. Прошёл к женским туалетам. Указатель к аварийным выходам направлял по коридору дальше. Ладно. Дошёл и упёрся в дверь с автоблокировкой. Понял. Глянул на часы время подходит.

Клиенты мило беседовали со своими оплаченными протеже. Поймал её мимолетный взгляд, приблизился ближе. Она натянуто улыбалась арабам, затем откланялась и направилась к туалетам. Перегородил ей путь, едва успев обогнать другого охранника. Взяв грубо под локоть, повёл по коридорам к уборным.

— Полегче, — прошипела пленница, но руку вырвать не пыталась.

— Кто бы говорил, — парировал в ответ.

— Что происходит? Ты уже охранник?!

— Мою карьеру порноактёра ты сгубила, — достигли дамской. Небольшая очередь. — Только не входи.

Подтолкнул её к гостям вечеринки, выстроившихся в шеренгу, а сам отошёл к стене, на которой терялась под цветом красных стен кнопка пожарной тревоги. Выждал.

Пока впереди стоящие гости вечера трещали сороками и больше не обращали на меня внимания, рванул рычаг. Оглушительный сигнал тревоги сотряс стены и безмятежность гостей.

— На выход, — деловито начал инструктировать растерявшихся женщин, направляя их по указателю. — Пожалуйста, по скорее. Без паники...

Подхватил и пленницу. Медлил, ожидая увеличения эвакуируемых из клуба.

— Сними их, — процедил, кивнув на туфли. Исполнила. Выкинул рацию. — Приготовься бежать со всех ног.

Под "приготовься" не ждал, что девушка задерёт вверх узкое платье до самой талии. Хотя логично.

— Миленко, — съязвил я, оценив соблазнительные ножки и попу.

Три. Две. Одна... Мы рванули сквозь толпу людей, успев минуть начинающуюся давку.

— Сюда, — утянул её за угол в проулок. Сквозной пролёт с выходом на соседнюю параллельную улицу. На другой стороне дороги, увидел, как мужик выползает из своего старенького шевроле пикапа, груженого складной стремянкой и прочим строительным инвентарём.

— В ту машину, бегом.

Девушка мигом юркнула на пассажирское, а я вовремя отпихнул владельца и отобрал у него ключи.

— Сукин ты, сын, — мужичок в панике и гневе, кинулся на защиту своего имущества.

— Я верну, — по-честному соврал я и газанул.

— Грабят!

Набирая скорость и удаляясь от клуба, издал победный клич, подобно марьячисту. Но выражение лица девушки, не давало спокойно насладиться триумфом:

— Ты там лимонами питалась?

— У меня отслеживающее устройство, — проворчала она.

— Проблема... Сними или оно в лифе, а ты смущаешься?!

— Нет, в матке, — указала на низ живота.

— А вот это облом, — теперь усиленно соображал.

Точно, телефон! В нём есть устройство глушащее GPS, которое, когда-то установил у китайцев, чтобы Оливера не мог меня контролировать, когда я пропадал с какой-нибудь его стриптизёршей. Всучил ей аппарат.

— Телефон? — не поняла она. — Звонить гинекологу? — сарказм вдруг попёр из неё фонтаном. Такая тихая была, а теперь голос прорезался.

— В нём глушилка для GPS-трекеров. У отслеживающих похожая система, поэтому помехи создать должно.

— Мне что его в трусы засунуть? — девушка метала молнии.

Я ехидно оскалился:

— Можешь... Как раз на вибрации.

— Ты невозможен, — она покраснела то ли от конфуза, то ли от злости.

— А ты задаешь слишком много вопросов! Можно я пока закончу с твоим спасением? — Девушка умолкла, но посмотрела благодарно. — Кстати о птичках — у нас хвост. Пристегнись и не высовывайся.

Преследоваль мигал фарами, требуя остановиться. Сейчас, олень! Не дождёшься!

Вдавил педаль газа в пол до упора, но чахленькая тачка, видно, давно уже отгуляла свою

молодость, потому двигатель натужно зачихал.

— Хьюстон, у нас проблемы, — вспомнил знаменитую фразу Джеймса Лоуэлла.

Адреналин выбрасывал из меня лишь сарказм, когда в боковом зеркале увидел коллегу с пистолетом в руке. Резко завилял. Едва минуя пули, пущенные по колесам. Ещё и ещё.

— Рулить умеешь? — спросил в скудной надежде.

— Нет, — абсолютно искренне замотала головой.

— Умница, — показал большой палец, поднятый вверх. — Держи руль, смотри на дорогу и жми вот на эту педальку.

— Всё время? — испуг гулял в её глазах.

Блондинки!

— Нет, как захочешь сдать, отпускай. — Я схватил её ногу и поставил на педаль, руку прицепил к рулю. Дёрнулась, резко вильнув авто. — Держи ровно, чтобы не случилось, иначе сбросишь меня.

Кивнула, в панике глядя на дорогу.

Вылез через заднее окно в гружёный прицеп. В темноте ночи ни черта не видно, но свет фар от преследователя, давал кое-какие очертания.

Обойма у них закончилась, выходит есть фора пока сменят. Осмелел. Первым делом в форд полетело десятилитровое ведро с краской.

Преследователь вильнул, но часть белоснежной жижи всё же попала на лобовое, растекаясь по нему изящной кляксой. Неплохо. Запустил ещё пару мелких. Набор с инструментами? Почему бы и нет. Форд превращался в мятого и разноцветного монстра. Венчала всё стремянка. Я расправил её поперёк дороги, длина которой перекрыла почти всю проезжую часть. Пока, ребята! Мощным броском запустил железную машину в преследователей.

Форд натужно взвизгнул шинами об асфальт. Стремянка въехала в морду преследователя, смяв кузов. Тачка ушла в раскрут и, потеряв управление, съехала с дороги, сделав пару сальто.

Да. Победа... Но истошный гудок и яркий свет фар за спиной, дал понять, что наш пикап движется совсем не по своей полосе.

— Влево, влево! — истошно заорал я, уже ныряя по пояс обратно в кузов. Крутанул руль. Машина ушла со встречки, но девушка не отпустила ногу с газа. Я завилял, выравнивая тачку. Пронесло. — Когда на тебя к носу едет другая машина, в особенности фура, стоит попробовать свернуть, — прорычал я, устраиваясь по-человечески за руль. — Ногу можно убрать.

Посмотрел на девушку, которая была белее снега.

— Порядок? — Учащенно закивала, переводя дух. — Весело прокатились, — попытался её отвлечь. — Я — Андрес. Твой спаситель, прошу любить и жаловать.

Сработало, повернула на меня взгляд.

— Джилл... Спасибо.

Ладно, тускло и без фанфар, но для начала сойдёт.

ЧЕЙЗ

— Чейз? Ты меня слышишь? Чейз... — голос эхом врезался в моё сознание. Уже не темно, мягкий свет струился сквозь ресницы закрытых век.

— Джилл? — позвал в ответ я, пытаюсь её увидеть, разглядеть сквозь туман. Мы где-то разминулись. Руки кто-то коснулся.

— Давай, Чейз, возвращайся оттуда, — голос приобрёл незнакомый тембр, который я раньше не слышал. Он хоть и был заботливым и ласковым, но абсолютно сбивал с толку.

Движение век вызвало боль в голове. Стон изошёл непроизвольно. Как же плохо! Ни одно жуткое похмелье не сравнится с тем, что я испытывал сейчас.

— Ты слышишь меня? Чейз? — теперь женский голос свёл судорогой мой слух и виски.

— Да, — шевельнул губами. Только, пожалуйста, замолчите.

Голос ушёл вглубь. Спать. Ещё немного. Новое сознание накрыло более явственной. Реанимация, аппарат жизнеобеспечения, катетеры с физрастворами. Тело непослушно.

— Чейз, — в лицо заглянула женщина с мягкими мексиканскими чертами. Голос её тоже был бархатным и даже знакомым. Как у мамы. Я расплылся в блаженной улыбке, решив, что я дома и снова отключился, поддавшись покою.

Только вот третье пробуждение, заставило возмутиться.

— Хорош, очухивайся уже!

Тормошили требовательно и даже принудительно.

— Уймись ты! — женский суровый голос.

Тюрьма, камера, пустырь, амбар, волны жажды, страх, повсеместная смерть. Тело само отреагировало на брызги памяти. Рванул вверх, но руки упёрлись в преграду. Резь в висках откинула назад. Мучительно огляделся. Мужчина и женщина. Да, я видел раньше. Где-то...

— Вроде, очнулся, — женщина приблизилась ко мне. — Чейз Ричер, как вы себя чувствуете?

Как куча навоза на солнце...

Я отвернулся от неё и глянул на парня. Помню, как сцепился с тобой и ссадина на переносице моих рук дело. Но где же? Боль в животе, ноющая, сковывающая. Снова стон из недр моего тела. Тошнота.

— Дайте ему опомниться, — требовательный голос бархата, к которому уже питал тёплые чувства — медсестра. — Интоксикация — суровая вещь для любого организм.

Интоксикация? Да, наркотики! Во мне. Потому боль в желудке. Память огромным весом ударила по сознанию. Приборы зашумели, среагировав на ритм сердца и пульс.

— Уйдите! — бархатный голос стал суровым. — Пациент ещё нестабилен. Ему нельзя напрягаться.

— Я должен знать, — блондин упёрся.

— Уйдите, детектив!

Детектив! Точно. Из-за тебя я тут! Почему, тогда ещё жив? Что-то ещё нужно знать. Что-то важное...

Джилл. Она в картеле... Нет, нет уже не там, но не свободна. Что-то ещё... Кто-то...

"Papai!" — детский отчаянный вскрик. Слезы. Я тут же всколыхнулся.

Девочка. Все ради неё. Как же её?! Наручники на запястьях так же помогли вспомнить, что я у копов. Облава. Удары ног по животу. Дичайшая боль.

Габи! Да! Девочку зовут Габриэль. Цена моего полного брюха дряни — её свобода. Но я облажался! А это значит...

Заёрзал на кровати, пару раз рванул оковы — тухло.

— Нам нужно допросить пациента, — властная женщина вкрадчиво говорила с медсестрой. — Это очень важно, поймите.

Медработница наконец вынужденно кивнула.

— Чейз, я — детектив Сид Васкес, — женщина деловито представилась. — Со мной детектив Марк Вайлет. Вы помните, что подозреваетесь в убийстве двух человек, в покушении и похищении людей?

Я лишь исподлобья смотрел на неё. Ты явно кивка ждёшь?

— Давай, мразота, ты помнишь, — второй детектив едва сдерживался, чтобы снова не вцепиться в меня. — Где Джилл? Не смей врать... Ты знаешь!

— Вы были в картеле Марселу Лимы? С ним дочь вашего брата? — женщина-детектив старалась игнорировать своего напарника. — Почему вы в следах от побоев?

Я, лишь сцепив зубы, молчал. Любое моё неосторожное слово может стоить жизни Джилл и Габи.

— Чего молчишь, гадёныш? — снова рявкнул Вайлет. — Прикрываешь своё мерзкое отродье? Свою паршивую семейку? Все опять ради своих? Твои руки утонули в крови невинных людей! Ты хоть знаешь, что тебя ждёт? Здесь ЕСТЬ смертная казнь, ублюдок! И я добьюсь, чтобы тебя грохнули...

— Вайлет! — грубо окликнула его Сид, но его, похоже, несло.

Только наручники сдерживали меня, чтобы не сомкнуть руки на его глотке.

— На, гляди на них, — швырнул в голову несколько фотографий, которые, срикошетив, беспорядочно рассыпались по моему животу и бёдрам. Одна из них приземлилась прямо у руки.

Сердце перестало биться. Чья-то огромная ладонь растёрла его о рёбра. В голове запульсировало. Это милое личико замерло в таком чудовищном виде. Ведь оно совсем не такое! Оно не бывает таким! Это монтаж! Жуткая кукла похожая на неё! Это не она! Это не может быть она!

Слезы потекли из глаз, дыхание перехватило. Ярость и эхо нарастающей боли вырвались наружу. Наручники врезались в мои руки, прорезая кожу насквозь.

— Это не она... Не она. Вы врётё! — истерично заорал на всю палату, безнадежно вырываясь из оков.

Мне хотелось схватить этих людей и вытрясти из них любые фразы, которые бы опровергли этот ужасный факт утраты.

Аппарат жизнеобеспечения заорал на всю реанимацию. Я больше не мог дышать, а тело изогнулось дугой от тщетных попыток вдохнуть.

— Покиньте палату! — звук голоса сквозь пелену судороги. — Код синий!

Темнота пленила сознание.

ДЖИЛЛ

Дорога сменилась на городок. Было ещё ранее утро. Солнце едва выглядывало из-за горизонта, но уже пробуждало земных и небесных тварей. Мой спаситель припарковал пикап у небольшой автозаправки.

— Её лучше оставить, — Андрес порылся в бардачке и кинул мне подобие платка. — Сотри все пальчики. — Послушно приняла ветошь. — О, спасибо, папаш, — парень выловил пятьсот долларов под козырьком от солнца.

— Ты решил у бедного старика ещё и деньги забрать? — совестливо сощурила глаза.

— Нет, я просто голоден и ты, думаю, тоже, — парировал он, сунув деньги в брюки. — А пользоваться кредиткой сейчас пока чревато. Не смотри так, были бы нужны старику эти деньги, он бы не держал такую сумму на виду.

Жара постепенно набирала свою силу, вытесняя ночной прохладный воздух. Бросила тряпку на капот. Плотное чёрное платье противно начинало липнуть к телу. Андресу же в этом плане чуть проще — он просто остался в одних брюках.

Снова замороженно уставилась на его торс, татуировку раскинувшуюся на всё плечо, руку и правую грудь. Чёрные чернила и вспотевшая смуглая кожа, довольно аппетитно гармонировали друг с другом.

— Я классный, я знаю, — он задиристо сгримасничал.

Тут же опомнилась, но не подала виду, скептически хмыкнув:

— У вепря бивень кривоват.

— Не плюй мастеру в руки, — ухмыльнулся он, захлопнув дверцу пикапа, затем оглядел меня. — А вот тебе я не завидую.

— Переживу.

— На босу ногу?

Туфли я опрометчиво сбросила ещё в клубе, даже не подумав, что потом могут пригодиться. Щеголять на шпильках я, разумеется, не собиралась, но каблук можно было просто сломать.

Андрес горой направился ко мне и, не дав толком опомниться, поднял на руки. На высоте около двух метров дыхание перехватило, и я перепуганно заболталась в его мощных руках.

— Будешь барахтаться, отправлю через плечо, — недовольно буркнул Андрес. Смотреть всю дорогу на его пятую точку совсем не прельщало, поэтому крепко вцепилась в могучую шею и уткнулась носом в плечо. — Джилл, — прохрипел он, — ты меня задушишь. Легче.

— Я не хочу... Отпусти, пожалуйста, Андрес, — молебно запищала я.

— Мы дойдём так только до ближайшего магазина, — заверил он. — Таскать тебя всю дорогу не собираюсь, как и вытаскивать потом стёкла из твоих ног.

Спрятала лицо в его грудь, чувствуя кожей тепло мужского тела. Ощущать всё это и смотреть на него настолько близко к себе не могла. Краска стыда и смятения не должны порадовать его спесь.

Обещание парень сдержал. Кинул меня на диван в первом же вещевом магазинчике.

— Здравствуйте, — милое молодое создание в женском облике очарованно посмотрело на нас глазами кошечки, точнее на него. Я же удостоилась взгляда стервозной мигеры.

— Доброе утро, — Андрес кивнул ей и, заигрывая, приобнял продавщицу за талию. — Мне нужна одежда для этой девушки, более удобная практичная, обувь соответственно.

Продавщица ревниво оценивала меня. Шрам на лице вызвал в ней презрение. Ком

маленькой обиды, закрался в душу. Видимо, мой спаситель и это заметил.

— Похищенную принцессу лучше переодеть, слишком заметна, сами понимаете, — и лукаво подмигнул продавщице.

Я спрятала смущённую улыбку.

Через пятнадцать минут на нём была уже майка, а на мне джинсовые шорты.

— Лучше брюки, — спорила с ним, пряча искалеченные ноги.

— Нет, шорты. Преть от жары ты не будешь!

В карман положила телефон. Поверх белый топ с розовыми сердечками, за что удостоила Андреса ненавидящим взглядом (нарочно выбрал именно этот), а на ноги простенькие балетки.

— Всё идём, красавица, — он легонько подтолкнул меня под локоть, выводя из магазина.

Следующим местом посещения стало уличное кафе.

Мексиканец таверны прислужливо выглянул из окошка своего душного ларька. Андрес говорил с ним по-португальски. Через несколько минут вернулся с едой для себя и меня. Мы устроились на одном из пластиковых столиков.

Мужчина не желал вести беседы, пока не утолил свой волчий голод. Запивая всё добротным стаканом эспresso, довольно окинул меня взглядом.

— Так намного лучше, — затем посмотрел на мою порцию, к которой я не притронулась. — Горячее намного приятней есть.

Неловко взяла вилку в руку. Воткнула зубья в яичный желток, дербаня блюдо. Перехватив неумело прибор, понесла кусочек в рот, но всё-таки обронила по дороге прямо на новые шорты.

— Чёрт, — виновато посмотрела на него, в груди ёкнул знакомый страх. — Прости.

Андрес смотрел на еду с минуту, а затем беспардонно забрал её себе. После, шумно выдохнув, схватился за мой стул и прямо вместе со мной двинул максимально к своему. Едва удержалась попой за сиденье. Мужчина взял вилку и, зачерпнув ей пищу, направил ко мне.

— Открывай рот, — велел он.

Отупело смотрела на него, но гордость не позволяла покориться его выходке.

— Я могу руками...

— Шорты ты уже погубила, нет уж. Открывай!

О, боже! Меня, как маленькую девочку, кормит из ложечки шикарный мужчина. С ума сойти. Девушки, рвите волосы! Хотя, наверное, вырвут их мне. Пока жевала, Андрес выдвигал, дальнейший план действий.

— Телефон к вечеру разрядится, поэтому нужно либо его зарядить, либо избавиться тебя от устройства.

— Найдём ближайшую больницу, — в перерывах между набитым ртом и следующей вилкой, ввернула я.

— Мыслишь неплохо, красавица, — кивнул и сунул другой рукой мне в рот сырную лепёшку. — Но есть большое НО. У тебя, как я понимаю, нет страховки и документов, поэтому нам в помощь только бесплатная клиника для малоимущих.

— Зачем страховка? — это было новое понятие для меня.

— Страховка оплачивает все медицинские услуги, а так как её у тебя нет, то платить нечем, — вновь сунул в рот еду. — До бесплатной сутки ходу, так как в этом городишке её нет, нужно топтать в следующий. — Я согласно кивала, тщательно жуя новый кусок

лепёшки. — Но зарядка сдохнет ещё до того как мы туда доберёмся, — покачал он головой. — Потому есть мысль найти по пути мотель ближе к этому времени. Там и отдохнём, и зарядимся по полной, — он улыбнулся мордой хитрого котяры.

А вот тут я против. Ночевать с ним в одном общем пространстве я не могу. Открыла рот, чтобы высказать свой протест, но он мигом заткнул мне его едой.

— Значит решено, — поставил мне под нос кофе и соскочил со стула. — Допивай, а я пока расплачусь и спрошу заодно направление.

Я поняла лишь одно, моё мнение он никогда не будет рассматривать, ни при каких условиях. Мужики.

МАРК

После сердечного приступа в реанимацию к заключенному нас несколько дней не пускали, как бы я не требовал и не убеждал. Сид занималась ситуацией с массовыми выбросами трупов по свалкам. После первого инцидента было ещё два в разных точках города. Опасаясь всплеска пандемии, полиция прочёсывала все свалки, отдалённые уголки, заброшенные стройки и все места, где можно было сбросить тела.

Динамика сброса немного утешала, если в первой страшной находке было семь трупов, то в третьей она снизилась до трёх. Оставалось лишь верить, что холера идёт на спад, и мы нашли все массовые захоронения, а так же молиться, чтобы инфекция всё же не проникла в почву и воду.

Начо и Нанду продолжали молчать и, по решению суда, их переправили из ИВСа в федеральную тюрьму. Теперь светом в конце тоннеля по-прежнему оставался Ричер.

Его поведение за секунды до приступа обезоружило меня и Васкес. Это был убитый горем человек, но никак не бывший и бездушный брат владельца картеля и притонов. Сид грешила на фотографию покойной Габриэль Коста. Она была уверена, что Чейз знал этого ребёнка, и известие о её гибели как раз и вызвало приступ.

Васкес продолжала пытаться убеждать меня в том, что прежнего Чейза Ричера, возможно, давно нет. Ох, видела бы ты, что он сотворил в старой хижине с девушкой, которая забрала мой покой, ты бы мыслила совершенно иначе. Хотя о чём я?! Бабский эстроген по природе своей всегда испытывает жалость и понимание к самым заядлым отморозкам на планете.

По прошествии этих дней, доступ к задержанному мы наконец получили. Точнее медсестра сама нашла нас и привела к пациенту.

— Он ещё слаб, так что не давите на него, — она сурово посмотрела на меня.

— Вы вроде сами нас приглашаете, значит, в курсе о его состоянии, — раздражённо фыркнул ей в ответ.

— Я бы вас и за километр не подпустила, — зашипела она, но потом сбавила голос. — Парень сам просил вас позвать.

Сам? Я и Сидни переглянулись. Пациент уже сидел на кровати. Его руки бесхозно висели в оковах, тусклый, загробный взгляд устремился на нас.

— Здравствуй, Чейз, — Васкес неуверенно улыбнулась. Она что и так умеет?! — Рады, что опасность мино...

— Я хочу увидеть тело, — заключённый оборвал её на последнем слове.

— Тело? — Васкес уточняюще смотрела на него.

— Габриэль Косты, — уточнил он.

— Это невозможно. Увы! — скорбно покачала головой Васкес. — Девочку кремировали.

Ричер тяжело выдохнул. Вся его фигура символизировала просто такую скорбь и боль, что я невольно оробел.

— Как её убили?

— Её никто не убивал, Чейз, — проговорила Васкес, отчего задержанный вскинул удивлённый взгляд. — Девочка скончалась от болезни.

— Болезни?!

— Холера. Возможно, в картеле, где пребывала малышка, эпидемия. Мы насчитали уже пятнадцать человек.

— Холера?! — Ричер удивлённо поднял брови. О чём-то долго соображал, а потом совершенно неадекватно и даже истерично начал смеяться. — Холера?! Та тварь сдохнет от собственного дерьма?

Мужчина хохотал с минуту, пока не замер на выдохе, уставившись вникуда.

— Чейз, — я рискнул всё же привлечь его внимание к насущному. — Джилл там? В картеле?

Его больной взор столкнулся с моим.

— Я отвечу на все ваши вопросы, — вдруг заявил он. — С условием, что я самолично прикончить Марселу Лима...

МАРК

Когда-то я бы может и поддержал тебя, но нет, не теперь. Ты и Лима — оба пойдёте под суд. Так как должно закону. Вы ответите за всё, что совершили. Я и Васкес смолчали. Такова цена правды.

Заключённого перевели в палату интенсивной терапии под круглосуточное наблюдение врачей и полиции.

От него удалось узнать, что Джилл не в картеле. Она в доме Серхио Видаля, порнорежиссёра. Первый говнюк, который не выпутается и по гроб жизни. Но спустя сутки облава порнодома ничего не дала. Её там не оказалось.

— Девушки там нет, — сообщил ему, вызвав панику на лице преступника. Погрузив пальцы в волосы, Ричер напряженно что-то прикидывал в голове. — Она могла сбежать, — продолжил я. — Помимо рабов в доме жили и нанятые порноактёры. Судя по количеству действующих контрактов, их было двадцать три, но мы насчитали только двадцать. Одного уже нашли по адресу его проживания, второй на радарх появился сегодня, он у своей девушки. Остался только один — Андрес Катеяру.

— Кто он? — мужчина заволновался ещё сильнее. — Он может работать на Лиму?

— Думаю, вряд ли. Парень обычный порноактёр, работает в клубе. На его иждивении мать-инвалид и двое несовершеннолетних. Мать сейчас в пансионате для онкобольных, а дети с гувернанткой во Флориде отдыхают.

— Неравнодушный спаситель? — Чейз презрительно сощурился.

— Всё может быть. Как с Майерсом, например, которого ты едва не убил в той хижине, — мне хотелось видеть его реакцию, но это лицо не передавало никаких эмоций.

— Видаля — старый и постоянный клиент Лимы, вдобавок Марселу собирался перекупить Джилл обратно и он это сделал бы, даже после того, как я облажался с наркотой. Если она сбежала до вашей облавы порностудии, то Видаля, скорей всего, сообщил уже о её побеге кому следует. Джилл нужно найти раньше Лимы.

Я оценивал его дедукцию, понимая, что логика в ней довольно весомая.

— Мы допрашиваем сейчас всех девушек-рабынь из дома Видаля, но это бесполезно, девушки молчат.

— Потому что боятся, — понуро кивнул он. — Все рабыни куплены в картелях, плата длинного языка — возвращение туда или смерть.

— Картель Лимы терпит потери. Ему пока, думаю, не до сбежавшей рабыни.

— Он мечтает убить Джилл. Желательно, моими руками. Я отказался, поэтому оказался в амбаре с рабами. Сейчас Лима испытывает давление со многих сторон, поэтому может пойти на отчаянные меры, доберётся сначала до Джилл, а после до меня.

Я опустил голову вниз, переваривая все его слова. Потом не выдержал:

— Ведь ты же убил её! Ещё там в хижине. Думал, что убил. Ты перешёл уже эту черту, однажды. Почему теперь превратил себя в мученика? Что мешает повторить тоже самое и освободиться от гнёта Лимы?

Ричер лишь с ненавистью и болью сканировал меня.

— Шёл бы ты, детектив, — наконец процедил он и отвернулся, но умолкнуть и не получить ответ я не мог. Пнул по ножке его кровати.

— Не пытайся, мразь, быть героем, заглаживая свои грешки. Не выйдет! Это Я тогда выкапывал голыми руками её из земли, Я вытягивал искалеченное тобой тело из лап смерти. Это Я гнал на бешеной скорости, чтобы успеть, Я пытался вернуть ей полноценную жизнь, дать снова ощутить себя человеком, женщиной. Это все был Я и другие люди. А ты? Ты тот, кто уничтожил её, тот, кто топтал и издевался над ней всю её жизнь. Как теперь ты смеешь изображать из себя жертву? Хочешь сгладить наказание? Чёрта с два. Ты сполна ответишь за всё, что сделал с ней. Набора преступлений хватит на то, чтобы я смог добиться смертного приговора для тебя.

— Так начинай, — глаза Ричера смотрели на меня спокойно и безразлично.

Не устояв, размахнулся и вмазал ему. Звук удара. Яростное дыхание. Мужчина сплюнул кровь. Затем посмотрел на меня.

— Наднюсь, полегчало, — щека мужчины пылала.

Как ни странно, но и правда полегчало.

— Мы найдем Джилл, а после я займусь тобой, паскуда, — пообещал ему и стремительно ушёл.

КАСТЕР

В спешке собирал сумку. Только самое необходимое. Документы, деньги, ну и еда. Вылет через два часа.

— Кас, ты ещё не способен самостоятельно передвигаться. Тем более на такие расстояния, — Энди битый час пытался меня образумить. — Там опасно. Зря я тебе сообщил.

— Я с самого начала должен был быть там, — пыхтя шёл к дверям, опираясь на клюку. — Я больше не могу сидеть тут и ждать новостей от Марка. Не имею право перед Джилл.

— Успокойся, — Миллер тормознул меня за плечо. — Я подброшу до аэропорта, но там никто тебя не встретит. Вайлет настоял, чтобы ты был пока не в курсе.

— Тем более...

Своевольность Марка, меня подбешивала, хотя мотив его был понятен. Тот желал быть тем рыцарем, что вызволит девушку из когтей дракона и уйдёт с ней в закат. Трижды! Нет уж!

— Я бронирую тебе хостел в аэропорту, — Энди давал наставление. — Не несись, сломя голову. Береги себя.

Легко говорить, когда внутри всё стораёт от нетерпения. Чейз найден. В тюремной палате. Все обстоятельства Миллер не раскрыл, но мне и не нужно. Я знаю Ричера. Считал его своим другом когда-то. Мне просто необходимо было посмотреть ему в глаза. И я ехал именно за этим.

АНДРЕС

Спустя полдня, мы всё же выбрались из этого городка. Идти я принял решение вдоль дороги. Через несколько часов, должен быть придорожный мотель. Девушка шла твёрдой

поступью, не требуя привалов и без прочих женских нюансов. Даже воду из бутылки отхлебывала маленькими глотками.

— Пей, если хочется, — всучил ей бутылку обратно. — Купим ещё.

Мотнула головой и потопала дальше. Солнце плавало асфальт и накаляло песчаный воздух. Майка прилипла от пота к груди и спине. Тёмный ежик волос я полил водой. Глянул на девушку, улыбнулся и тоже слегка брызнул на неё из бутылки.

— Андрес, — хотела возмутиться блондинка, но почувствовав облегчение от полученной влаги, тоже улыбнулась. Мне это нравилось и я не против видеть её улыбку снова и снова.

— Ты плохой актёр? — вдруг спросила она, спустя некоторое молчание.

— Что? — вопрос её хоть и задан издали, но смысл я, кажется, понял. — Думаешь, в порно идут только бездарные актёры? — усмехнулся я. Девушка пожалала плечами. — А почему ты оказалась в картеле? — не остался в долгу, но её взгляд заставил опомниться.

— У меня были мировые родители, — буркнула она.

Подавился своим вопросом.

— У меня больная мать и маленькие брат с сестрой. А в Мексике простому парню тяжело найти хорошую работу. Потому и попал к Оливере. Внешние данные позволяют, баб обычно всегда пользовал в своё удовольствие, а притворить это в доход посчитал неплохой идеей.

Она молча слушала. Вроде бы и не осуждала.

— Я благодарна тебе, — проронила она. — Не только за то, что вытащил меня от туда, но и за то, что правильно понял тогда всё.

Молча кивнул. Невольно разглядывал её. Как же много хочется задать вопросов. Как долго она в картелях? Историю каждого жуткого шрама на её теле, но понимал, что каждый такой вопрос чудовищен и нетактичен.

Девушка охнула, вздрогнув. Мелодия сотового дошла до моего слуха. Она вынула телефон из кармана и посмотрела на дисплей.

— Не определен, — проронила девушка.

— Они ищут. Не трогай.

Вызов прекратился и телефон предупреждающе пиликнул. Заряда осталось двадцать процентов.

— Стоит поторопиться, — велел я и, взяв её за руку прибавил ход.

Солнце село уже за горизонт, когда я определил нужные очертания мотеля. Вывеска "Созвездие Орион" мигала лишь семью буквами. В холле царил тишина, а администратор скусающе пялился в телевизор.

Через некоторое время Джилл скептически осматривала одноместный номер с небольшой кроватью, неуверенно топчась на пороге.

— Без вариантов, да?

— Экономлю, красавица.

Настойчиво усадил девушку в кресло, выудил из ящика портативный зарядник с шестью видами разъёмов и, найдя подходящий, включил в сеть. — Посиди тут тихонько, а я сбегаю куплю что-нибудь перекусить.

Закусочная не бедствовала лишь на пиво и бургеры, но найти банку содовой всё же умудрился. Девушка встретила меня со встревоженным лицом.

— Звонки очень частые, Андрес.

Поставил продукты на столик у окна. Снова трель. Вызов неопределен. Решил отключить звук.

— Они не смогут найти нас, не бойся, — вернул ей аппарат. — Я взял тебе бургер, думаю, проблем он у тебя не вызовет, — подмигнул. — Мне пиво, тебе содовая.

Она скромно расплылась в улыбке и поблагодарила. Через пару минут наблюдал, как мясной жир котлеты и соус стекают по её подбородку. Сдержал смех и сунул ей салфетку. Бургеры были и вправду неплохи и я довольно откинулся на стуле, смотря в окно.

— Что будет с нами? — вдруг спросила она, вытирая рот.

— Ты про долго и счастливо? — попытался пошутить, но прекрасно понимал о чём она. — Местная полиция опасна. Чаще всего там можно напороться на связных с картелями. Лучше в большой город. Там с этим поостороже.

— Полиция? — Джилл напряженно поджала губы.

— Ну да, — немного не понял её реакцию. — Не бойся, я останусь с тобой пока не буду уверен, что ты в безопасности.

— Спасибо, — кивнула девушка, но облегчения ей моё обещание не доставило.

— Джилл? Что не так?!

Она мотнула головой.

— Нет, ты всё верно говоришь, — девушка попыталась выдавить улыбку.

Стукнув дном бутылки о столешницу, поднялся из-за стола.

— Так, красавица, я в душ. Ты пока располагайся.

Прямо на ходу стянул майку и брюки, украдкой смеясь над тем, как девушка пытается не смотреть. Это забавило от души.

Прохладная струя воды реанимировала натруженные долгой дорогой ноги и спину. Из головы не выходили звонки. Я беспокоился за детей и за маму, но Оливия не будет звонить, а просто отправит сообщение, если что-то не так. Мерси ни к чему трезвонить мне с кучи левых номеров, поэтому вывод напрашивался только один.

Выйдя из ванной, с удовлетворением плюхнулся в уже разобранную девушкой кровать.

— Ты ляжешь здесь? — Джилл напряженно смотрела на меня.

— Ну да, — понял её опаску и разочарование, но хотелось немного над ней позабавиться. — Ты против?

Красотка мотнула головой и, удрученно выдохнув, потянула из-под меня подушку. Ну уж нет. Поймал за наволочку и рванул обратно, зацепив Джилл за ней. Лицо максимально сровнялось с моим. Невольно глянул на приоткрытый рот, нежные губы, по спине прошёл разряд тока.

— Я не против уступить тебе половину, — сглотнул, отгоняя непонятое желание.

— Ещё чего! — девушка сильнее дёрнула подушку на себя. — Посплю на полу, не привыкать.

— Женщины! — простонал возмущенно. — Я не смогу тебе ничего сделать, даже если очень захочу. Мой боец ещё на больничном, забыла?

Красотка, тормознув, оглядела меня, вспоминая недавний инцидент. Сплотнула, решаясь.

— Да не дрейфь ты, если мне надо будет и пол меня не остановит. Ложись, живо! Завтра ещё топать, хрен знает сколько, — снова вырвал из её рук подушку и, бросив под голову, улёгся, накрывшись простыней.

Тишина, а после тихое шевеление и кровать робко прогнулась за моей спиной. Улыбка победы скользнула по лицу. Дождлся, когда фигурка сзади меня обмякнет и раскрепостится. Затем перевернулся к ней и, укрыв своей простыней, тихо шепнул на ухо:
— Спокойной ночи, красавица.

ДЖИЛЛ

Духота и страх. Много людей, кто-то кажется мне знакомым. Рука держит за локоть Андреса. Чувствую, что только он сейчас меня понимает. Поодаль от нас идут Марк, Кастер, Энди и другие полицейские. Они все предатели. Только им удалось причинить мне самую страшную боль.

На мне чёрное платье, волосы убраны назад. Тяжело дышать от чёткой уверенности в утрате. Андрес заботливо усадил на стул в галерее. Подняла глаза перед собой.

За стеклом располагалась ещё одна комната. В ней находился стол оборудованный ремнями и патрубками, дальше с другой стороны ещё одна комната, где стояла та самая установка.

Сердце с каждой секундой билось всё сильнее и сильнее, дыхание уходило вниз живота. Шаги. Последняя прогулка. Увидела его. Смирение. Покорность. Взгляд чёрных глаз, смотрел на меня со всей нежностью.

— Чейз, — шепнула, и слёзы хлынули, уже не таясь. Рука Андреса сжала мою. — Это ошибка... Это всё неправильно, — шёпот перерастал в молитву. — Не справедливо...

Моего любимого человека уложили на стол, перетянули ремнями вены, закрепили голову. Медик ввёл в обе руки иглы, подсоединяя к патрубками.

Я встала и прильнула к стеклу. Это не правда. Глупый розыгрыш. Но приговор начальника тюрьмы начал оглушать меня и стены. Ноги стали ватными. Облокотилась о стекло.

Руки Андреса поддерживали сзади за талию.

— Пожалуйста, не надо, — тщетно пыталась кого-то убедить. — Он изменился. Он другой...

За стеклом приговор уже был зачитан.

— Чейз, ты хочешь сказать что-нибудь?

Его глаза продолжали смотреть на меня.

— Прости меня, малыш... Я всегда буду тебя любить.

— Я тоже люблю тебя, родной! — прошептала одними губами и послала воздушный поцелуй.

Он ласково улыбнулся. Столько любви и нежности в этом взгляде. Как это можно уничтожить? Кивок тюремщика палачу. Священник начал читать молитву.

— Нет! Не надо, пожалуйста, — нервное напряжение вырвалось наружу. Я кинулась на стекло. — Это ошибка... Вы звери! Не надо, не надо. Чейз! Чейз...

Беги, любимый, беги же. Спасайся. Руки Андреса обняли сзади, крепко удерживая моё мечущееся тело.

Я забыла, как дышать, когда взгляд проследил за ядом, быстро поступающим по патрубку к венам смертника.

— Нет, нет, нет! — истошно вскричала, безнадежно болтаясь в руках мужчины.

Яд проник в его тело, в моё сердце. Снова прильнула к стеклу, смотря в любимые глаза.

Они чёрные... Жестокие, красивые, любимые... Пустые. Веки Чейза опустились.

Вскричала в последний раз и глухое рыдание вышло наружу. Медленно сползла по стеклу на пол, мечтая уйти за ним...

СИСИЛИЯ

Долго смотрела на пустырь. На нём непривычно тихо — ни рабов, ни конвоя. Ветер играл песком, закручивая в незамысловатый вихрь. Работа давно остановилась в этих стенах. Чёрная косматая ходила по картелю, заглядывая в комнаты и выискивая достойных её внимания.

— Тебе лучше уехать отсюда, — проронил Марселу. — Риск заражения по-прежнему велик.

Муха, севшая на стекло, заставила невольно отойти от окна.

— Вновь заболевших нет уже несколько дней.

— Как Сэмми? — Лима обеспокоенно смотрел на меня.

— Ещё держится.

— Он выживет?

— Не знаю, — честно призналась я. — Он очень слаб. Ему вводят физрастворы и антибиотики, но этого недостаточно. Ему нужна квалифицированная помощь...

— Больше не смей посещать его, — резко велел он.

— Марселу, — обескураженно посмотрела на него. — Когда ты позволял умирать своим наёмникам, я старалась понять тебя. Но Сэм не чужак. Именно, благодаря, ему болезнь не погубила больше человек. А сейчас ты готов кинуть и его? А если заболею я? Или ты?

— Не говори чушь! — раздраженно громыхнул он. — И так голова болит из-за твоего Чейза и его шавки. Натворил делов...

— Их нужно вернуть, — сцепила руки на груди.

— Их давно пора грохнуть, а не возвращать, — поправил он.

— С его девкой делай что хочешь, но издеваться над Чейзом я больше не позволю, ты выходишь за рамки нашего уговора.

Марселу грузно выдохнул.

— Уговор, — буркнул недовольно мужчина. — Не получилось воссоединения семьи. На что ты ещё надеешься?

— Точно не на его похороны.

— Сисилия...

— Больше никаких пыток, я сказала! Найди его девку, если хочешь, но Ричера трогать не смей!

— Чего это с тобой? — Лима раздраженно смотрел на меня. — Решила добиваться его расположения добренькими делами?

— Он моя родная кровь, Марселу! И я никогда её не пролью, как бы не злилась, как бы не обижалась, как бы не ненавидела.

Лима смотрел исподлобья. Мне был знаком этот взгляд. Я рисковала одеть на себя роль его врага, но я не настолько глупа, чтобы это не учитывать.

— Что говорит Видаль? — лучше сменить тему.

— Ей помог один из нанятых актёров, — проронил он.

— Отслеживающее устройство?

— Его глушат. Девка Ричера не так глупа и невинна.

— Убрать спираль они смогут только в клинике. И только в бесплатной. Поставь в известность врачей всех медучереждений в радиусе её исчезновения. Как только она появится, пусть известят.

— С чего ты решила, что они сразу же пойдут в клинику?

— До полиции надо ещё добраться, а глушилки частенько дают сбой. В противном случае, воспользуйся "разменной монетой".

Бросил в меня просиявший взгляд.

КАСТЕР

В отделении никого не оказалось. Энрике, поприветствовавший меня, отправил в больницу. Медрегистратор, однако, отказалась пускать меня к заключённому без разрешения следователя. Отлично, это мне и нужно.

Глаза Марка разочарованно и смущённо поглядывали то на меня, то в пол.

— Энди — трепло, — с досадой уронил он.

— А ты тихушник, — парировал в ответ. — Я хочу видеть этого мерзавца.

— Уверен, что стоит? — Вайлет скептически качнул головой.

— Где его палата?

Коп нерешительно указал по коридору. Я заковылял туда. Сквозь жалюзи окна разглядел его фигуру. Ворвался, но увидел совсем не того, что знал раньше. Он давно не тот Чейз Ричер — болезненный покров кожи, опавшие скулы, истощённое тело, лицо изменившееся от побоев.

— Боже, — невольно уронил я, уставившись на него.

— Можно, просто Чейз, — сердито буркнул заключённый и опустил голову.

— Жизнь и правда возвращает каждому своё. Бред какой-то! Обозлённый и недолюбленный Чейз Ричер стал героем? Не верится.

— Думай, как нравится, — он отвернулся от меня к окну.

— Скажи, каково это измываться над девушкой и любить её одновременно?

— А ты попробуй и узнаешь, — злобно процедил заключённый.

Я замахнулся, а Чейз зажмурился, просто ожидая удара. Чем же я тогда лучше тебя? Бить того, кто не способен ответить в его стиле. Кулак опустился сам собой.

— Из мучителя в мученики за несколько месяцев? Не верю, — хмыкнул, отступив. — Но тебя накажут. За Эмму, охранника, за всё. Максимально.

Он обреченно кивнул, съязвив:

— Уповаю на справедливое правосудие.

Окинул его ненавистным взглядом и вышел из палаты.

Смятение брало верх над моими чувствами. На вид этого ничтожества без слёз взглянуть невозможно. Он добровольно сел в амбар с рабами и ждал Джилл?! Этого не может быть! Но факт бил сильнее моих эмоций. Все эти месяцы Ричер был с ней там и, возможно, только благодаря ему девушка до сих пор жива. Сердце невольно раздвоилось на два фронта. Благодарность за то, что был там и взял на себя все муки ада, но и презрение, выработанное прошлыми его деяниями.

Но этот единственный поступок не способен перечеркнуть в моей памяти истерзанное им женское тело. Мразь всегда останется мразью.

Новости о Джилл по-прежнему не утешали. Порнодом, побег. Новый фигурант на её дороге. Таинственный спаситель и спаситель ли? Но то, что она уже не в картеле, конечно же, радовало. Остаётся лишь надеяться, что девушка идёт к нам.

АНДРЕС

Её отчаянные крики посреди ночи, заставили сгрести девушку в охапку.

— Джилл, Джилл, Джилл, — кричал ей в ухо, гладил по голове. — Проснись. Всё хорошо. — Девушка широко распахнула веки, глаза полные ужаса. — Тихо, тихо... — Огляделась, окончательно приходя в реальность. — Это просто сон, Джилл, — прижал её к груди. — Всё хорошо. Всего лишь кошмарный сон.

Её фигурка испустила облегченный выдох, и девушка горько и неудержимо заплакала, вжавшись в меня. Оставил на коленях и стал укачивать, как обычно делал с Мореной, если девочке снились чудища по ночам. Через четверть часа Джилл затихла, и абсолютно вымотанная ночным кошмаром и слезами, отключилась прямо в моих руках.

Осторожно лёг с ношей обратно на кровать и завернул в свой защитный кокон. Посмотрел на вздрагивающие во сне веки.

— Что же делали с тобой всё это время? — шепнул я, целуя девушку в лоб.

На утро проснулся от осторожных шевелений в моих руках. Джилл претихо и настойчиво пыталась высвободиться. Разжал объятия, выпуская, а сам перевернулся на другой бок и сладко засопел. Когда проснулся основательно, обнаружил её в кресле, снова заряжающей телефон.

— Доброе утро, — потёр веки. — Выспалась? — Кивок. — Поделишься тем, что тебе снилось сегодня? — Молчание. — Ладно. Но помогает, учти. Морена всегда мне рассказывает, чтобы сон не сбывся.

— Морена?! — Джилл непонимающе глядела на меня.

— Да, — встал и начал поправлять постель. — Самая необыкновенная женщина на свете.

Девушка улыбнулась уголком губ.

— Необыкновенная? — задорно подчеркнула.

— Да. Ей четыре. И от жутких чудищ спасти её могу только я.

Девушка умиленно засмеялась. Наконец-то.

— Ей невероятно повезло, — одобрительно закивала Джилл. — С таким спасителем ничего не страшно. Проверено мной, — и подмигнула в моей манере.

Изобразил смущение довольный тем, что пелена ночного кошмара ушла с её лица.

Завтракать пошли в закусочную вместе. В этот раз она попросила ложку вместо вилки. Пронаблюдал за её успехами и тоже принялся поглощать.

— Кто такой Чейз? — Всё-таки не удержался от вопроса.

— Лучше тебе не знать, — хмуро буркнула она.

— Отчего же? Из-за него я полночи не спал.

— Прости, — виновато склонила голову.

— Его убили или что? Живой ещё?

— Надеюсь, что да, — тень страха проползла по её лицу.

— Любимый, походу?

Мне было горько сейчас это понять, но лучше сразу знать о таком. Вскинула на меня

немного дикий взгляд. Смотрит вроде на меня, но куда-то сквозь. Лицо словно осенило, как будто она получила ответ на какой-то мучивший её вопрос.

— Джилл, ты тут?

Встрепенулась. Фигура собралась в комок.

— Он остался в картеле, — уронила понуро.

Виновато замер.

— Прости.

Опустила голову. Мне больше не хотелось продолжать этот разговор. Она права, всего этого и правда лучше не знать.

В другой город мы пришли уже к обеду. Больница "Святой Магдалены". Остановился, собираясь с мыслями.

— Надо проговорить легенду.

— Легенду? — удивилась она. — Просто скажем, что нужно убрать.

— Ага, тебя на приём запишут и отправят ждать неделю, а нам нужно сейчас.

Джилл резко согнулась в три погибели. Застонала.

— О, Боже... Что это? — тяжело и истерично задышала, схватилась за живот.

Понял. Подхватил её на руки. В приёмном покое находилось несколько человек.

— Помогите, — закричал я одной из медсестёр. — Жене очень больно.

Каталка подоспела к моим рукам. Уложил артистку.

— Сеньора, где болит? Здесь? — медсестра пальпировала живот девушки.

— Дорогая, где болит? — гладил Джилл по голове, изображая бесконечно любящего и перепуганного мужа.

— Да... Как же больно, — моя псевдожена прям настоящий талант на актёрском поприще.

— Несколько дней назад гинеколог установил жене спираль. Вчера у неё весь вечер ныл живот. А сегодня уже... вот. Может не подошла? Умоляю помогите ей, сделайте что-нибудь!

— Понятно, в гинекологию, — сзади выросла врач.

— Потерпи, дорогая... Тебе помогут.

— Сеньор, заполните документы, — кликнула администратор.

— Я скоро приду, милая, — и для пущей игры или, чтобы немного позлить Джилл, впился в её губы. За это я поплачусь чуть позже, прочёл в её глазах. Зато оно того стоило.

Каталка с Джилл скрылась.

К сожалению, ни она, ни я не подумали об ещё одной немаловажной вещи.

Спустя час, ко мне вышла врач.

— С вашей женой всё хорошо. Мы убрали спираль, но у неё обширные травмы по всему телу, разных сроков давности. У вашей жены множественные гематомы, неправильно срослись кости малого таза, нижних рёбер... Она жертва побоев?!

С каждым её словом, понимал, кого она сейчас видит перед собой. Вот, чёрт! Оглянулся. В коридоре из ниоткуда выросли два полицейских.

— П-погодите, вы ошибаетесь, — начал отступать, нервно улыбаясь их глупому подозрению. — Всё не совсем так.

— Там потом и разберёмся, — коп хлопнул меня по плечу. — Давай-ка, порно-папа, идём, — взял под локоть.

Порно-папа?! Я никому не сообщал здесь, кем работаю! Сука!

Резко выкинул кулак. Коп упал без чувств. Успел выхватить из его кобуры пистолет.

— Ах, ты сукин сын, — взвизгнул второй, видя как дуло пистолета его напарника уже смотрит на него. Крутанул оружие в ладони и вырубил полицейского рукояткой.

— Какая палата? — пистолет теперь смотрел на женщину-врача.

Доктор стойко сцепила губы. Женская солидарность, мать её! Ладно. Держа женщину на мушке, устремился по коридору ища свою красотку в окошках палат. Нашёл!

— Джилл, — влетел в палату.

Анастезия. Блядь! Убрали, называется, жучок!

В спешке отсоединил от катетеров. Глянул в коридор. Звуки тревоги — туда нельзя. Быстро забаррикадировал дверь каким-то увесистым шкафом. Схватил тяжёлый металлический стул и разбил окно.

— Идём, женушка, — взял на руки и сиганул с ношей на улицу, благо первый этаж.

Звук полицейской сирены оглушил округу. На задворках отдышал запыленный кадиллак седан. Шмыгнул в проулок. Вскрыл тачку. Заводить пришлось дедовским методом, спасибо дворовой шпане и хулиганскому детству. Соединив нужные проводки, различил желанный звук мотора.

— Вылезай, козёл, из моей тачки! — обернулся на бородатого мужичка с ножом в руке. — Я порежу тебя, шкет.

В ответ красноречиво наставил на него коповский пистолет. Мужик, струхнув, ретировал, подняв руки вверх.

— Только тебя не хватало, — рыкнул ему и газанул.

Ладно, шутки кончились. Решил гнать в город. Передам девушку квалифицированным полицейским и всё. Дело в шляпе. Всё заходит уже слишком далеко. Лишь через полчаса понял, что жёлтый мустанг едет по моему следу.

— Блядь, блядь, блядь! Ладно, за тебя, красавица, — и ударил резко по тормозам.

Неожидавший такого резкого манёвра мустанг въехал мне в зад. Выкрутил руль, разворачивая тачку, пересёк собой встречку и газанул, боднув мустанг в бок. Преследователь попытался уйти от тарана, но его машина поднялась на правые колеса, норовя лечь на бок. Протащил мустанг на капоте до отбойника, окончательно уложив.

— Держите, суки! — отъехал и, прицелившись в бензобак, спустил курок. Искра. Жуткий взрыв заставил звенеть стекла. Вдавил педаль газа, уходя от них окончательно.

Не с тем связались, мрази!

КАСТЕР

Я смотрел на Марка, пытаюсь вникнуть в масштабность возникшей проблемы. В картеле Марселу Лимы свирепствует холера. Интересная новость, конечно, но меня она мало волнует, пока там нет Джилл, а вот поисками девушки занимаются здесь слабовато.

— Все посты располагают данными о ней, Кас, — ответствовала Сидни Васкес. — Нс тот, с кем девушка, довольно не глуп. Он не пользуется банковскими картами, обходит все наши посты, непонятно почему.

— Непонятно?! — я откровенно усмехнулся. — У вас на каждом посту картельная крыса сидит. На его месте, я поступил бы так же.

Васкес вспыхнула и умолкла.

— А если он уводит девушку в другом направлении? — вдруг предположил Вайлет.

— Куда? — Сид скептически ухмыльнулась. — Клуб, в котором он работал и его дом

уже под наблюдением, там он не объявлялся. Андрес сильно рискует ради неё, ведь у него есть кого терять — мать и брат с сестрой.

— Значит он придёт сюда, — проронил я. — Он обычный парень, и думаю ему не захочется влезать в её ад с головой.

Словно подтверждая мои слова в кабинет влетел младший сержант.

— В зале парень с девушкой на руках. Думаю, наш.

Все кинулись в фойе.

ДЖИЛЛ

Не думала, что отрублюсь. Открыв глаза, поняла, что так же на больничной койке и в палате. Да, мы в больнице. На моё шевеление тут же отреагировали.

— Джилл?

Милые слуху голоса. Повернулась на звук и счастливо расплакалась, увидев Кастера и Марка.

— Вы! — обняла их и буквально расцеловала. Сердце впервые почувствовало себя в покое и безопасности.

— Как ты? — Кастер разглядывал меня. — Я уже думал, что больше не увижу тебя.

— Пока в порядке. Вы живы. Я так боялась, что вы погибли в той аварии.

— Нет, целы... Ну, почти, — смешок.

Только сейчас поняла, что не вижу Андреса.

— А где Андрес?

— Его пока опрашивают, — ответил Марк. — Просто формальность. Он придёт чуть позднее.

— Как вы нас нашли? — я была уверена, что всё ещё в больнице "Святой Магдалены".

— Тебя Андрес принёс в участок. Мы же привезли сразу сюда. Я так рад, что с тобой всё хорошо, — Кастер крепко обнял меня. — Наверное, жутко хочется домой?

Я отстранилась.

— Чейзу нужна помощь, — с мольбой посмотрела на Майерса.

Они переглянулись.

— Ему нужна пуля в голову, а не помощь, — прорычал Вайлет.

— Пожалуйста, послушайте. Это был не он. Это дочь Дьябло. Та самая Сисилия Мортес.

— Мы уже знаем, Джилл, — Кастер кивнул. — Полиция Мехико теперь сама разберётся с этим. Ты цела и в безопасности. Можно ехать домой.

— Нет, нет... Послушайте! Он помогал мне. Спасал от жутких вещей... Его нельзя там бросать. Прошу вас. Кас!!!

Майерс, игнорируя, наклонился и чмокнул меня в лоб:

— Ты измотана. Отдыхай. Мы позже зайдём.

Молящим взором проводила мужчин, понимая, что переубедить их мне никогда не удастся. Ни сейчас, никогда.

Спасти Чейза — всё, что хотело моё сердце. Я не имею права оставить его там, даже не попытавшись помочь.

Но, если вызволю из картеля, разве спасу? В голове всё ещё воочью видела тот последний сон о нём. Да, там он снова умер, но в этот раз не так, не от своей руки. Его казнили. Смертная казнь. И я нутром начинала понимать, что у сна есть все шансы, чтобы стать вещим.

В теле до сих пор леденящий душу осадок и страх, что больше никогда не увижу эти чёрные глаза. Раньше я была уверена в его зле, он мой губитель, и потому переносила, всё

более менее спокойно. Но теперь?

Я не могу по-другому, не могу без него! Кричали уже не только сердце и душа, но и мозг. Рассудок сдался под непонятные выводы тех чудовищных дней в плену, на трудовом поле, в карцере, где он вывернул мне душу, своим истинным Я. Где моё сердце дрогнуло.

Сон не шёл. Я лишь, мучаясь, ворочилась на кровати, пребывая в тонне своих горьких мыслей.

Наконец, на пороге палаты вновь появился Кастер. Пронаблюдала, как он проковылял до меня, неся в руке поднос с соком и фруктовое желе.

— Спасибо, — благодарно приняла.

Мужчина сел на край моей кровати и, судя по его лицу, видела, что его что-то беспокоит не на шутку.

Зачерпнула ложкой десерт и отправила в рот. Шло плохо, глотательному рефлексу мешал ком в горле, но вкус на языке был приятен.

— Какой он? — этот вопрос заставил растеряться, но, глянув на мужчину, поняла, что речь совсем не о желе. — Я знаю, он тебе небезразличен и давно. Эту вашу связь до сих пор не в состоянии понять. Мне противно думать об этом. Но теперь... Я хочу разобраться. Я видел как и твою ненависть, так и какую-то сумасшедшую тягу к нему. Скажи мне! Может, я просто слеп и не разглядел того, что видишь ты?

Я опустила глаза, уткнувшись в поднос, судорожно выдохнула. Смогу ли донести верно? Это тяжело объяснить самой себе, это можно только чувствовать.

— Он хочет измениться, несмотря на то, что нет шансов. Чейз наделал много ошибок, каждая из которых всё сильнее тянула его в яму. Но там, в картеле, он смог совладать со всеми своими слабостями и дать верный ответ злу. Он изменился...

— Изменился, — хмыкнул Кастер. — Странно, что ему понадобилось для этого десять лет.

— Не тебе его судить! — резко бросила я. — Хорошо говорить, когда выбор очевиден. А ты попробуй встать на его место. Представь, что у тебя секунда на то, чтобы выбрать, кого ты спасёшь сестру или любимую. И спасти можно лишь одного... Кого ты выберешь?

— Джилл, не носи ерунду! — Майерс подпрыгнул от возмущения. — Конечно же, я спасу сестру. Но Чейз не стоял на подобном выборе! Что ему мешало после смерти брата, отпустить тебя с миром? Или же, найдя тебя, повести себя иначе. Хотя бы натянуть такую же маску мученика, что сейчас несёт так прилежно. Там был не вопрос выбора, а вопрос его паскудной чести. Голая и тупая месть!

— Все могут ошибиться! Обида и месть не друзья, когда нужно принимать решения. Но он опомнился! Лучше поздно, но сделать! И сделал! Кас, я была обречена с самого начала. И если бы не попала к Чейзу, то попала бы к Лиме. Его, как ты говоришь, паскудная честь, невольно уберегла меня, потому что, в том случае, некому было бы меня спасти! Некому было бы сесть со мной в амбар. Никто не приехал бы сюда за мной! Я бы умерла ещё год назад! Поэтому благодарна, чёрт возьми! Если такова была цена моего спасения сейчас, то я буду благодарить его вечно за плен в психбольнице. Это и решило наши судьбы...

— Джилл, остановись. Ты несёшь полную околесицу, — устало покачал он головой, но я знала эту позу. Он понял мою мысль и соглашался, хоть и всячески сейчас хочет опровергнуть, замаять.

Я сжала ладони в кулаки, усиленно веря, что достучусь:

— Господи, Кас, ты не был в наших шкурах. Зачем упорствуешь?! Я даже Дьябло

благодарна. А он, именно тот, кто причинил мне больше всего зла, но я говорю и ему "спасибо". За что? Да за то, что обучал меня, воспитывал! А главное, за то, что отпустил. Он выстрелил себе в голову, чтобы я была абсолютно уверена в том, что свободна. Его казнь на моих глазах была самым лучшим подарком от него.

— Было бы неплохо и Ричеру сделать тоже самое, — с издевкой скривился он.

— Он делает это каждую ночь! — голос сорвался и ушёл в слёзы. Мужчина осекся, внимательно слушая. — Мне постоянно снится его смерть! Сниться, как он говорит, что любит, а после убивает себя, чтобы подарить свободу. Выстрел в голову, нож в сердце, прыжок с высоты — тонна вариантов. Но, в итоге, я всё время хочу остановить его! Каждый раз знаю исход сна и каждый раз просто смотрю, как он гибнет. Я кричу в ужасе и проклиная себя, что не смогла ему помочь, не смогла верить его в обратном. — Снова память вернула в комнату со столом и смертной казнью, от которого сердце моё умерло навсегда и я воскликнула ещё отчаянней: — Я не хочу его смерти! Я не переживу её! Любое наказание, но не это! Он достоин жить. Достоин второго шанса! Поверь мне!

— Джилл! — Кас в ужасе смотрел на меня. — Ты любишь его. Ты понимаешь это? Любишь, несмотря ни на что. Я не могу в это поверить! Ты не в себе!

Я уставилась на него, не слыша дальнейших слов. Сначала вывод Андреса, теперь его. Одно дело маячить эту мысль в себе, принимать и тут же опровергать, быть уверенной, а следом сомневаться. Но сейчас, услышав этот вердикт от человека, которого всегда считала для себя авторитетом, тут же с чистой душой пустила диагноз в своё сердце.

Да! Я люблю его! Люблю Чейза! Очень! Безумно! До дрожи внутри! До остановки дыхания!

Сомнений больше нет. От ясности в голове вдруг стало хорошо и тепло. Сердце зародилось новой силой.

— Люблю, — повторила, поражаясь своей уверенности. — Очень, — слёзы полились сильнее, — люблю...

— Ты сумасшедшая! Я не могу на тебя даже смотреть теперь! Это собачья любовь! — бросил он с презрением и стремительно направился прочь, окончательно разрезая мою душу на куски.

Я не подлежу пониманию, а нужно ли оно мне? Если моя жизнь с самого начала несёт в себе все краски ада и бесчеловечности, то и самые высокие чувства уже спокойно уживаются со всей этой неадекватностью.

КАСТЕР

Я забыл даже о боли в ноге, когда несся в палату Чейза. Хотелось выбить из него дух. Заставить ответить за то, что внушил ей эти чувства. Ответить за то, что ввёл в заблуждение. Я хотел вновь увидеть того Ричера в хижине, убедиться в своей правоте и после с чистой совестью и даже силой, увезти Джилл домой.

Она не отступит. Это видел на её лице. А самое жуткое и неподвластное моему пониманию это то, что именно он превратился в её смысл к существованию. Я никогда этого не захочу принять.

А он?! Стал вдруг хорошим? Все его нечеловеческие приёмы не уйдут в лету. Такое нельзя понять и тем более простить.

А истина о том, что все его измывательства над ней в тюрьме, оказывается были

спасением, раздавило тело, как под прессом. На что способен человек, чтобы убедить тебя?! Он готов сослаться и на судьбу, чтобы оправдать свои гнусные выходки. Хрен тебе!

Полицейские спокойно пропустили меня. Влетев, замер, глядя на него уничтожающим взглядом. Его болезненный вид опять рубанул по груди. Снова, какая-то непонятная и постылая жалость к этому чудовищу.

— Чего тебе? — он хмуро смотрел на меня. — Созрел, наконец, и пришёл набить мне морду? Давай. Я пока свободен.

— Почему?

— Что почему?

— Почему до сих пор ты крутишься рядом? Ты убил её в хижине. Исполнил свой жуткий план мести. Вот и вали теперь! Оставь её! Дай жить спокойно! Миссия выполнена!

Глядит в упор, анализируя.

— Она здесь?!

Сцепил руки на груди, не желая отвечать, но взгляд карих глаз видел меня насквозь.

— С ней всё в порядке? — лицо мужчины вдруг стало невероятно смиренным и спокойным.

— В полном, — поддался на язык его тела.

— Хорошо, — облегчённо выдохнул. — Увези её отсюда, — проронил он, удивляя отсутствием спектакля. — Забери домой. Дай ей полноценную жизнь. Она её заслуживает и давно.

— Джилл уверена, что ты в картеле и намерена вытащить тебя оттуда, — покачал я головой, в шоке оценивая неподдельность его слов.

— Нет, нет, — он испуганно впился в меня взглядом. — Не позволяй ей лезть туда. Придумай что-нибудь! Что угодно! Скажи, что я перешёл на сторону Лимы или что убит. Отведи её от картеля любой ценой. Прошу тебя! Это необходимо пресечь.

Да. Он сейчас произнёс именно то, что я хотел услышать. Но что будет, если скажу ей это всё?!

Я помню все те ночи, когда будил девушку в холодном поту. Её кошмарные сны, которые оказываются связаны с ним. День, когда Марк сообщил о ложном трупе Ричера.

Раньше она отрицала свою любовь к нему, но переживала её на подсознательном уровне, а сейчас она только что признала, что любит его и отныне все потери, связанные с ним, станут для девушки новым средством пытки.

Я сделаю то, что должен. Так, как будет правильно.

Вернулся в палату Джилл, которая продолжала украдкой утирать набегающие слёзы.

— Пойдём со мной!

ДЖИЛЛ

Вывел меня в коридор.

— Может быть, я потом об этом пожалею, — сердито буркнул Кас.

Я повернула голову и, увидев своего мучителя в окне палаты, уже влетела туда и бросилась мужчине на шею.

— Джилл? — выдох и искра радости на его лице.

— Наручники... Их можно снять? — с мольбой глянула на Майерса.

— Я заключенный, Джилл... Не надо, — прошелестел Чейз и бросил на Кастера странный взгляд, словно осуждал его.

— Теперь всё в твоих руках, — сурово проговорил Майерс и ушёл.

Мне было всё равно, что могут значить эти слова. Душа наполнялась покоем. Заглянула в чёрные глаза. Живые, любящие, мои... Больше не потеряю.

— С тобой, наконец, всё хорошо, — отстранился.

— И с тобой, — попыталась улыбнуться.

— Да, — горький выдох. — Только Габи... Черт, — его голос дрогнул и по щекам побежали слёзы. Я всё поняла.

— Боже, — в груди заклокотало и снова обняла его, отдавая себя в утешение.

Мужчина перевёл дыхание, приходя в себя, и заскрежетал зубами:

— Лима ответит за всё. Клянусь, он — покойник...

Гладила скованную ладонь мужчины, изподтишка поглядывая на него и боря желание поцеловать. Взобралась на койку и села рядом, положив голову ему на плечо и обвив рукой его талию. Моё близкое присутствие его явно успокоило. Почувствовала, как он легонько коснулся губами моего лба. Вновь вспомнила ту жуткую ночь бунта в больнице, когда он отбил меня у психопата, когда ужас сменился невероятными ощущениями принадлежности ему. Невольно содрогнулась от воспоминаний.

Я хочу сейчас забыть обо всём плохом и ненужном, простить и отпустить всё, что хранят раны на теле. Это уже так неважно, это прошлое жуткое и полное ошибок. Отныне, я мечтаю стереть того Чейза навсегда, похоронить вместе со всем. Должны остаться только я и он, тот, кого так неожиданно и противоречиво полюбила.

Палата наполнилась вязким воздухом, в котором время обязательно остановиться, обязательно сжалиться и дать нам возможность побыть вдвоём, хотя бы чуть-чуть. Но вакуум постепенно рассеивался, звуки мира просачивались в пелену пространства. А все мои страхи вновь заполняли сердце.

— Что они говорят? — спустя некоторое шепнула я.

— Я- покойник, — он усмехнулся.

Вспомнив сон, в панике привстала:

— Нет, они не посмеют. Я не дам им.

— Тише, тише, — он нежно посмотрел на меня. — Я не намерен пока помирать, учитывая ещё, что Лима по-прежнему жив.

Настороженно посмотрела на него. Что же в твоей голове?

— Что мне сделать, Чейз? — проникновенно смотрела в его лицо, готовая стать его абсолютной сообщницей.

— О чём ты? Ты свободна, спасена. Возвращайся с Кастером домой, живи, наконец, своей жизнью. С тебя довольно!

Он гонит меня?! Гонит, когда впервые хочу быть рядом, когда не смогу отпустить.

— Нет, не смей меня прогонять, — взмолила я. — У меня никогда не было своей жизни, а без тебя эта жизнь и вовсе ничья.

— Ты ошибаешься, — он покачал головой. — У тебя ещё есть выбор, а у меня его давно нет. В чём сам и виноват. Я отвечу за всё, что натворил. Я обязан перед тобой, Касом, Эммой... перед всеми.

— Но ты ошибся...

— Джилл, перестань! — он скривился, не желая услышать меня. — Это было моё решение! Только я переступал пороги зла. Пусть где-то не по своей воле, но трусость тоже преступление, а, иногда, основной двигатель. Это даёт лишь скидку, но никак не прощение. И ты не должна прощать! Не имеешь права! Я твоё проклятие с самого начала.

— О чём ты? — напряглась.

— Это я указал брату на тебя, — выпалил он и его голос снова сел. — Тогда, когда тебя привезли в его притон. Я влюбился в тебя сразу, как увидел и проявил неосторожность. Пару раз он зверски избил тебя, назло мне, потому что я пытался заговорить с тобой. Я ушёл тогда, так как боялся быть причиной наказаний братца, боялся смотреть, как ты страдаешь. Я всё делал, как трус. Вместо того, чтобы дать Хулио отпор и укрыть тебя от него, я просто бросил всё на самотёк. И в больнице измывался над тобой лишь потому что раны на твоём теле, останавливали Сэма, который мечтал убить тебя.

Он задохнулся от откровений, выплеснутых на одном дыхании. Умолк, справляясь с внутренним напряжением.

— А Эмма? — если говорит, значит пусть говорит до конца. — Её почему убил?

— Она стала грузом. Сэм принял решение её убрать, — его руки сжались в кулаки. — Он хотел, чтобы я переступил черту. Стал убийцей. И пошёл на шантаж.

— Шантаж?

— Джилл, это уже не важно, — он нервно дёрнулся.

— Говори! — в моём голосе прозвучали грозные ноты.

— Он угрожал провести операцию на твоём мозге... Он бы сделал из тебя овощ. Я не мог этого позволить.

— То есть ты решил, что лучше убить невинного человека?! — возмущённо уставилась на него.

— Эмма в любом случае была обречена. Не сделай этого я, то сделал бы он и плюсанул бы ещё тебя. Мне снова пришлось выбирать. Больше или меньшее зло... И меня это вконец, заебало! — он снова тяжело задышал. — Лучше уйди и уйду я. Как можно дальше.

— Думаешь так будет лучше? — в груди заскреблись кошки. — Тогда моя жизнь была в твоих руках. Теперь она в моих. Я буду решать сама.

На пороге палаты возникли силуэты Марка и Кастера.

— Я сказал! Тебе лучше уйти с ними, — в голосе нотки суровости, он, словно срывал с раны пластырь.

— Джилл? — зов Марка.

— Чейз, не надо так, — с мольбой посмотрела на него.

— Заберите её! — рывкнул он мужчинам, подобно, ударам плетей.

— Чейз! Прошу...

— Пошла вон! — снова этот жестокий, дикий взгляд. Я в страхе отлетела от него.

Угодила в объятия Майерса.

— Джилл, идём, — Марк отгородил меня телом от моего бывшего мучителя.

Смотрела в любимые глаза. Нет, в них нет ненависти, нет жестокости, только боль и страх за меня...

К вечеру внизу живота начали нарастать болезненные ощущения. Странно, раньше не чувствовала. Дали обезболивающее.

— Её нужно оформить. У кого распоряжение? — слышала возмущения врача в адрес детективов. Повернулся ко мне. — Мы запросили документы из клиники, в которой вы были. Врач, что вас осматривал диагностировал множественные старые переломы, которые срослись неверно, гематомы. Я бы посоветовал вам пройти курс небольших операций по восстановлению и коррекции, так как это, безусловно, влияет на сосудистую систему организма.

Я не слушала его. Просто дежурно кивала, продолжая думать о Чейзе.

Врач ушёл. Нужно ли мне это всё? В груди ком. Я должна уже быть счастлива, потому что свободна, потому что о мне заботятся, но не могу. Счастье не с тем привкусом и цветом. Оно серое и пустое.

Откинулась на подушку. Усталость и нервное напряжение клонили в сон, но я боялась. Боялась, что тот сон снова вернётся, боялась, что он станет явью. У меня был шанс увидеть будущее и теперь я должна его пресечь. Но как? Кастер с Марком мне не помощники и я не судья им.

— Привет, красавица, — Андрес просунул лицо в мою палату и широко улыбнулся.

Я рада его видеть. Огонёк затеплился внутри. Он прошёл в палату, оглядывая углы.

— Ты чего?

— У тебя тут оказалось столько поклонников и защитников, что я нервно курю в сторонке. К тебе даже на пушечный выстрел не подпускают.

Грустно кивнула:

— А толку?

— Как Чейз?

Осеклась. Он уже знает о нём?

— Он прогнал меня.

— Слышал, — Андрес присел у моих ног. — Ты можешь мне всё рассказать. — Подняла на него взгляд. Он слегка усмехнулся, пытаясь спрятать неловкость. — Я несколько дней рисковал жизнью ради тебя, теперь хотелось бы понять успели ли мы к хэппи-энду.

Я протянула к нему ладонь, прося взять её и двинуться ближе. Исповедь всегда давалась нелегко...

— Если этот придурок и правда тебя любит, то он впервые поступил правильно. Я бы сделал так же, — проронил он после долгого молчания, когда откровение закончилось. — Его присутствие в твоей жизни губит тебя. Он это понимает, только ты вдруг перестала понимать.

— Он не должен сейчас решать за меня. Он делал это раньше, когда хотел уничтожить.

— Джилл, если бы твоё присутствие лишало ЕГО кислорода, ТЫ бы ушла, чтобы сохранить ему жизнь? — Я уставилась на него немигающим взором. — Он спасает тебя,

потому и гонит. Пойми.

Я опустила голову, зарывшись в колени. Не хочу такой правды. Она мне не нужна. Сильные руки крепко обняли.

АНДРЕС

Девушка уснула. Идти мне было некуда, поэтому решил остаться на кушетке в её палате. Посмотрел на телефон. Пара сообщений от Оливии. Фото смеющейся Морены на "банане". Мигель с маленькой обезьянкой на руках. Я скучал по ним.

Ещё одно от Мерседес.

"Где ты?"

Нашёл в телефонной её номер. Гудки. Автоответчик. Сбросил, глянув на часы. Два ночи. Дурак. Кто звонит в такой час?

Откинулся. Звуки больницы затихли ещё пару часов назад. Только дежуривший медперсонал периодически сновал по коридорам.

Джилл зашевелилась, глубоко вздохнула, слегка простонав:

— Андрес?! — тут же подоспел к ней.

— Я здесь, красавица, — она держалась за живот. — Болит?

— Да, опять.

— Потерпи. Сейчас схожу на пост, до медсестры, — повернулся к дверям и вздрогнул. В окно на нас смотрела тучная фигура. Затем гость, прошёл в палату. Переведя дух, узнал в нём шефа полиции — Энрике Навако.

— Шеф? — отступил назад, инертно прикрывая Джилл собой, непонятное предчувствие закралось под рёбра. — Девушка отдыхает. Может с утра?

Чёрное дуло его пистолета неожиданно посмотрело на меня.

— Ладно, раз настаиваете, — поднял вверх руки, так чтобы максимально прикрыть девушку собой.

— Тебе всё весело, гляжу, — рявкнул шеф. Я пожал плечами. — Ты звонил ей?

Станный вопрос, но где-то в недрах моего мозга зашевелилась страшная мысль.

— Да, вижу, что звонил, — он кивнул. — А ты позвони на другой номер. — Рука Джилл впиалась в мою. — Ах да, у тебя его нет, — он кинул на кровать свой сотовый, предварительно набрав.

Я не решался поднять трубку. На том конце провода голос. Женский голос. Взял трубку в руку, как приговор, поднося к уху.

— Андрес? — всхлип. — Это ты? Андрес...

— Мерси, — душа упала вниз.

— Андрес, что происходит? — голос Мерседес дрожал от страха и ужаса. — Андрес...

— Делай, что они говорят. Не бойся. Я скоро приду за тобой..., - её вскрик на другом конце провода, звук удара, плачь, мольба. Связь оборвалась. — Мерси! — В ярости швырнул телефон в толстяка. — Ты покойник, — в бешенстве процедил, брызгая слюной ненависти.

— Твоя девка нам не нужна, — Энрике посмотрел на Джилл.

— Я нужна? — её голос звоном врезался в мои уши.

— Не только. У тебя и Ричера в распоряжении трое суток, чтобы вернуться в картель. Через полчаса, я отзову часть охраны у заключенного, — кинул на пол шприц. — Введёте это охраннику, что в палате. У вас будет десять минут, чтобы покинуть больницу. Как

доберётесь до Лимы, мне плевать, но если не успеете, то девчонка умрёт, — он посмотрел на меня презрительным взглядом, — прежде, чем решаться кого-то спасать, в следующий раз задумайся о плате.

— Твоей головой на весах, крыса! — процедил я.

Он усмехнулся, глянул на часы на стене, затем на свои.

— Время... — и ушёл.

Я заметался по палате. Джилл сползла с кровати.

— Нет, ты не должна, — мотал головой.

— Должна, им нужна я и Чейз. Пора возвращаться.

— Я иду с вами.

Теперь она отрицательно мотала головой.

— Слишком много жизней на карте.

— Она мой друг, ты — мой друг. Слишком много...

Мне было тяжело говорить, думать, даже дышать. Угодил в её объятия.

— С ней всё будет хорошо, обещаю.

— Я иду с вами и точка, — сурово посмотрел на неё. Переубеждать меня нет смысла.

Через полчаса в коридоре, действительно, не было охраны.

— Сначала ты. Проси разговора с Чейзом. Как только охранник вытолкает тебя из палаты, в дело вступаю я.

Девушка послушно отвечивала кивки. Джилл буквально ворвалась в палату заключенного.

— Чейз, — видел, как порхнула к нему. Дверь закрыла обзор. Врос в косяк. Слышал возмущенные голоса всех троих. Мольба. Звуки стали сильнее и дверь вновь распахнулась. Девушку вытолкали, но она с силой вытянула конвойного из палаты. Перехватил охранника сзади и, не дав опомниться, вогнал поршень шприца в шею. Подхватил вмиг обмякшее тело и заволок обратно.

— Вы чего творите? — Чейз ошарашенно смотрел на бесчувственного сторожа и, как я забираю у него ключи от наручников. — Джилл?

— Чейз, мы уходим, — девушка пыталась открыть окно.

— Марселу Лима взял в заложники мою подругу, в обмен на тебя и на Джилл, — отчеканил я, отстегивая его левую руку от оков. — Я спас твою девушку, теперь спаси мою. Ты мне должен, чёрт побери, как мужик мужику.

Он смотрел на меня сосредоточенным взглядом, кивнул головой. В палату подул ночной воздух из открытого окна. Я перегнулся через заключенного ко второй руке, отстегнул, но тут его жёсткая хватка и вскрик Джилл.

— Чейз, нет!

Его стальные руки перевернули меня на спину и надавили на горло. В висках дико запульсировало. Замолотил противника руками, тщетно пытаюсь высвободиться.

— Отпусти его! — требовательный голос Джилл, постепенно уходящий в гул. Потом её падение, грохот, стон боли. — Нет, не убивай! Не надо!

— Ты, падла, — прохрипел я, слабея с каждой секундой.

— Андрес! — последнее, что смог услышать, прежде чем сознание ушло.

ЧЕЙЗ

Ещё секунда. Сейчас. Главное, не перегнуть палку. Камень в руках, ярмо на плечах, боль в шее. Отпусти! Всё...

Отшатнулся от бесчувственного тела. Нет, живой ещё, я уверен, не впервые так делаю. Знаю грань. Я и с ней уже так делал. Там в больнице, бинтами. Я знаю...

Боль в швах. Кол в животе. Дыхание рвёт грудную клетку.

Болезненный стон на полу, где-то в ногах. Джилл. Нашёл под кроватью, забившуюся в ножку и обнявшую живот. Дёрнул к себе, насильно ставя на ноги. Заблел:

— Андрес?! Ты убил его...

— Живой он, — прорычал я, подталкивая девушку к окну. — Тихо.

От рывков она охнула сильнее, сгибаясь пополам.

— Джилл? — скинул руку с её живота — кровь. Поранилась, когда грубо оттолкнул её в момент борьбы с испанцем?! Я как всегда, сука, в своём репертуаре! В груди защемило, виновато посмотрел на неё. — Прости... Я не хотел. Ты останешься тут!

— Нет! — толчок, твёрдое сопротивление и девушка лезет в окно. — Мы нужны оба!

Спорить? Нет смысла, решу эту проблему позже. Помог ей прыгнуть на землю, оглядел двор в поисках подходящего транспорта. Фольксваген Поло припаркованный на стоянке левой больницы сообщал о своей свободе.

— Тихо, — шикнул снова на девушку. Потянул за руку через пустырь больницы к автопаковке. Яркие прожекторы свидетельствовали о том, что машины охраняются. Усадил её за соседней тачкой, веля притихнуть. — Жди тут.

Но вскрывать тачку спокойно не вышло — тихая поступь по асфальту заставила вращать крыло машины. Звон ключей, цоканье дорогих мужских ботинок. Остановка. Чёрт! Шуршание гравия о подошву.

Больничная рубашка, босые ноги... Что я могу против тебя? Вновь звук шагов. Обходит, идёт ко мне. Сейчас! Я вышел из укрытия и зверем кинулся на ничего не сообразившего охранника. Только злость и ярость — моё оружие. Уложил его на капот, буквально придавив телом, нанёс несколько оглушающих по голове. Вовремя лишил табельного, выбив его на траву газона. Адреналин пульсировал в венах.

Охранник просёк кулаком по рёбрам, скидывая меня с себя. Удар в челюсть, в грудь, по ногам. Тело растянулось по асфальтированной дорожке. Он сильнее, он больше, он здоровее...

Тут противник икнул, стеклянея в глазах, замер и рухнул рядом, открывая моему взору девушку. Джилл трясущимися руками держала его табельный рукояткой вперёд.

— Умница, — выдохнул облегченно, кряхтя поднимаясь с земли. — Лучше отдай-ка его мне, — забрал оружие.

Вскрыв, наконец, фольксваген, выехал с парковки.

— Что он говорил? — черёд полной информации

— Он сказал, что у нас три дня. Они правда убьют девушку? — морщась, ответила она.

— Им это невыгодно, но могут, — кивнул я.

— Ты мог убить Андреса, — взывает зачем-то к ответственности.

— Тебя же не убил, тогда в душевой, — парировал я. Лучше бы молчал. Девушка поникла, вспоминая прошлое. Пусть. Мне нужно подумать. — Андрес даст нам уйти?

— Да. До конца ночи о нашем побеге никто не узнает, это точно, но потом.

— В его интересах убедить копов нам не препятствовать.

— Для Марка ты — красная тряпка, — понуро покачала головой Джилл. Да, это я на себе уже ощутил. — У Лимы подруга Андреса... Он не отступит.

Да, малышка, ты этого парня неплохо уже узнала. Укол ревности задел сердечную мышцу, но... Это меня не касается! Больше не должно касаться!

— Самое главное, чтобы не помешал раньше времени.

Джилл смотрела на меня взглядом, который я не видел прежде.

— Что?

— Ты, словно жаждешь, снова попасть туда.

— Ты не права, — хмуро отмахнулся, понимая, что меня раскусили.

Она умолкла, удерживая в себе тяжелую думу. А у меня в голове было лишь две мысли добраться до Лимы, и как бы скинуть где-нибудь Джилл. Тащить собственноручно её обратно в картель было шуткой судьбы, но цена этой шутки — жизнь неизвестной девушки. Да и Джилл не переубедить.

До картеля менее трёх суток пути, но гнать, не останавливаясь — не выйдет. На заправку денег нет, значит нужно будет менять тачку за тачкой. Про больничный дресс-код лучше вообще не думать. Опустил глаза на окровавленный бок девушки.

— Тебя нужно залатать.

Посмотрела в ответ, выдавила улыбку:

— Я пока в норме.

— Вздремни немного. В ближайшем городке разбужу тебя и найдём аптеку.

Послушно кивнула.

КАСТЕР

Андрес с компрессом на шее, охранник потирающий место укола. Что это всё значит? Очередная махинация Ричера для побега и тот случай, когда все кругом снова враз отупели? Хотя в обоих случаях с Чейзом одно другому непомята. В палате появилась Васкес с сосредоточенным лицом.

— Шефа не видели со вчерашнего вечера. Дом пуст, машина брошена на парковке.

— Ну а вы чего ожидали? — в очередной раз процедил Кате́йру. Сид бросила на него сердитый взор, но сцепила зубы.

— Почему Ричер вырубил тебя? — прогремел Вайлет.

— Он меня скинул. Разве не ясно? Я ненужный балласт.

— Они напали на охранника парковки. Фольксваген Поло числится в угоне, — информировал статист, сидящий с ноутбуком в углу.

— Узнайте есть ли в нём отслеживающий маячок. В подобных моделях он часто присутствует, — велела Сид.

— Какая разница где они? Берите этот чёртов картель! И всё! — Андрес нервно вскинул руки.

— Умный нашёлся, — фыркнула на него Васкес.

— Всё не так просто, Андрес, — я старался миролюбиво общаться с мексиканцем. — У картеля приличная оборона, взять их не так просто. Так же, как владельцы частной территории, они имеют права защищать свою собственность. Без улик и ордера мы лишь мошки по их дерьму.

— Они же взяли на себя ответственность за похищение Мерси! Это не улика?! — взвизгнул он.

— Уликой будет либо её мёртвое тело и двусмысленная запись телефонного разговора, — скорбно поправил я, — либо её показания, которые она не даст, как плату за жизнь, что ей сохраняют.

— Шутите?! У хвалёной полиции ничего нет на наркобарона, рабовладельца, насильника и убийцу?! Чему вас в школе учили?! Вы даже в собственном шефе не увидели крысу!

— Шёл бы ты, — снова рыкнула на него Сид.

— Да, сеньорита, я тоже от вас не кайфую, — Андрес заводился всё больше, потому просто поднялся и вышел.

— Проследите за ним, — велел Вайлет охранникам.

Тишина наполнила палату комом мыслей и никчёмных предположений.

— Для Ричера это не спасательная миссия, — проронил Марк. — Он движем мстью.

— Уверен? — только этого не хватало.

— Он молчал, как рыба, о Лиме, картеле, даже о Джилл, пока не увидел фото погибшей Габриэль Коста. Возможно, он и не причинит больше девушке вред, но о ней, навряд ли, подумает в первую очередь. Про Мерседес я вообще молчу. Его цель Лима, а Джилл дала ему шанс.

Я обеспокоенно смотрел на него.

— Хочешь сказать, он будет готов пожертвовать девушками, лишь бы удовлетворить свою мсть?

— Да, — твёрдо кивнул.

Мне не хотелось это принимать, но огромная доля правды во всём этом была. Чейз по-прежнему преступник, убийца, животное и он запросто может поступить так, как рассуждает Марк.

— Есть, — ассистент-статист подал голос из своего угла. — Фольксваген Поло, номера соответствуют. Маячок запущен.

— Едем, — Вайлет двинулся к дверям, прихватив с собой Васкес.

Отлично, а мне стеречь Катейру. Чёртова нога! Злобно пнул клюку здоровой.

ДЖИЛЛ

Видя его лицо, как он душит Андреса, как вступает в неравный бой с охранником парковки, поняла, что снова встретила этот жестокий взгляд, беспощадность, гнев. Сердце бешено забило тревогу. Забытое чувство самозащиты и животного страха снова заработало во мне, как бы умом и разумом я не пыталась это отогнать. Так было нужно, он поступил правильно, никто сильно не пострадал — внушала тщательно во все синапсы своего мозга.

Слегка успокоившись, столкнулась с ещё одной проблемой.

— Джилл, проснись, — Ричер слегка коснулся моей щеки. — Нам нужно сменить

машину. И неплохо бы ещё одеяние. Магазины пока закрыты, но лучше посетить их до открытия.

— Да, — кивнула я, вылезая за ним следом. Голова кружилась. Боль внизу живота нагревала все рецепторы. Согнулась пополам.

— Джилл? — Чейз испуганно подхватил меня, убрал руки с живота. Сукровица с кровью медленно, но верно окрашивали больничную пижаму. Задрал одежду. Рана выглядела гадко. Я даже не помню на что я тогда налетела. — Сначала лучше навестить аптечный пункт. Держись за меня.

Я мотнула головой.

— Нет, не могу, — села обратно в салон машины. — Я подожду тебя. Без обузы ты справишься быстрее.

— Хорошо, — он мягко провёл ладонью по моим волосам. — Потерпи, я быстро, — стремительно исчез.

Прикрыла веки, мысленно усмиряя головокружение и тошноту. Я ни крошки не ела со вчерашнего вечера. Возможно, организм бунтует. Хотя, ходить голодной для меня не в новинку.

Мужчина вернулся через полчаса. Уже переодетый в чёрную футболку и джинсы.

— Я наложу пока антисептическую повязку. Она с лидокаином. Как найдём место, где можно осесть, обработаю и наложу швы. Выпей это.

Сунул мне в рот пару таблеток, помог запить. Горько. Антибиотики?! Сморщилась.

Помог стянуть больничное. Вместо него натянул сарафан песочного цвета, сливая меня с пейзажем. Неплохо для конспирации.

— Нужна другая машина. Идти сможешь? — осмотрел моё лицо.

— Да, смогу. Мне лучше, — немного соврала, но чувствовала себя обязанной. — Идём.

Набравшись смелости, поднялась. К счастью, машину он искал недолго. Бьюик девяносто седьмого одиноко спал у дороги. Пока Чейз гнал по трассе, старалась отвлечь голову от мыслей, которые отогнать было очень не просто.

— Почему он сделал тебя сумкой?

— Когда Видаль забирал тебя, я убил его племянника. Сердобольный ублюдок, — мужчина презрительно оскалился.

— Он убьёт тебя. Теперь точно, — сверлила его взором.

— А чего ты ждала? — небольшое раздражение. — Джилл, нам позволили лишь слегка прогуляться на свободе, теперь велено вернуться. Нужно вернуться. Я должен вернуться.

Ноты напряжения с протестом.

— Ему нужны мы оба, — ввернула.

— Я не хочу, чтобы ты снова оказалась там, только ради какой-то дамочки.

— Я обязана Андресу, — возмущение перевело меня на дрожь. — Ведь всё из-за меня!

— Прости, прости... ладно, — нервно отмахнулся, сдаваясь ещё на начале. — Я понимаю тебя, но если будет лазейка избежать картеля, клянись, что сразу же уберёшься оттуда.

Смотрела на него и понимала, что не слышу ещё одной главной вещи. Он не говорит о себе. Он идёт обратно без всяких отступных.

— А ты? Ты можешь пообещать мне тоже самое?

— Не могу, — грубо отрезал он.

В груди всё упало в бездонную пропасть. Снова бьёт, но теперь по сердцу.

— Я больше не твоя рабыня, — мне тоже захотелось ударить его словом, как он сейчас меня. — Не тебе больше решать, как поступлю я.

Он впился руками в руль с такой силой, что костяшки пальцев побелели. Тебя я больше не боюсь. Злись сколько влезет. Отвернулась от него в окно.

В сумерках Чейз повторно сменил машину. Он явно устал. Глаза, осунувшись, смотрели на дорогу.

— Тебе нужно поспать, — проронила я. Он был согласен. Через час резко свернул на просёлочную дорогу и выехал на тёмные безмолвные дома.

— Вылезай, приехали, — послушно выполнила. — Подожди тут.

Мужчина юркнул за тёмный дом. Жильё небольшое, плохо ухоженно, но заброшенным я бы его не назвала. Детские игрушки покоились на скамейках у крыльца, прополотые садовые цветы. Чейз вернулся через пару минут.

— Здесь есть хозяйева, — испуганно заупиралась, когда он провёл меня к калитке.

— Не сегодня, — слегка усмехнулся.

— Откуда такая уверенность? — зашипела, позволяя себя тащить в дом. Он вскрыл окно и залез вовнутрь. — Чейз?

Поджилки нервно сжимались. По чужим домам я ещё не лазила. Он недовольно высунулся наружу.

— Так и будешь здесь стоять? — схватил за руку и потянул следом. В доме было тихо и темно. — В этих местах нет хорошей работы, для того, чтобы содержать подобные дома. Люди вынуждены уезжать в город на заработки, надолго оставляя быт. Летом чаще это делают полными семьями, потому что в школу детям не нужно. Смотри, даже собаки в конуре нет. — Я расслабленно развела плечи. — Поищи на кухне, что-нибудь съестное, а я пока найду свет и включу бойлер.

Кухня была небольшой, но просторной. Столик у окна, скромный кухонный гарнитур, небольшой холодильник с фотографиями, которые придерживали магниты. Семья. Любящие родители, счастливые и беззаботные дети. Я коснулась низа живота...

Вздрагнула от резко вспыхнувшего яркого света.

— Нет, чуть убавим, — Чейз прокрутил выключателем влево, убрав резь. — Горячая вода будет через полчаса.

Я открыла холодильник.

— А у меня пусто, — слегка улыбнулась. Сунулась по шкафчикам. Дойдя до конца, собрала небольшой набор. Пачка кукурузных хлопьев, спагетти, тапиоковая мука и пара мясных консервов. — Здесь гостеприимство лучше, чем у Лимы.

— Бесспорно, — кивнул он, усмехаясь. — Давай, сначала твою рану обработаем.

— Позже. Я очень голодна. Та повязка хорошо помогает, — искренне воспротивилась я.

После ужина, Чейз, наконец, принялся за мой живот. Промыл, обработал антисептиком и обезболивающей мазью. Запыхтел над кетгутом и иглой.

— Пара швов. Рана неглубокая, — он виновато смотрел на меня. — Прости ещё раз...

— Ничего.

Чтобы не глядеть на него, смотрела на фотографии детей на холодильнике. Семья. Какое великолепное чувство вызывает это слово! И я тоже могу?! А если гинеколог Видаля не лгала? Так захотелось поделиться с ним об этом. Захотелось сказать, что у меня теперь вновь есть возможность на будущее, на свою семью, но эта новость застряла в горле.

Не получается! У меня не получается увидеть ЕГО там. Все мои чувства и мечты тут же

врезались в комнату со стеклом, столом и патрубками с ядом.

— Готово. Кетгут рассосётся с течением времени, так что снимать швы потом не нужно.

— Спасибо, — молвила благодарно. Он поднял на меня взгляд, сощурился испытующе.

— Джилл. Ты странно смотришь, — его было не обмануть. Чёртова слезинка выступила из глаз. Я выдохнула и, не сдержавшись, крепко обняла его. Замер, переживая мой порыв, гладил волосы.

— Нужно поспать. Мы вымотанны, аккуратно отстранился. — В душ не желаешь? Швы вроде крепкие, не должны пострадать, потом я после тебя. — Мотнула головой. — Ладно, — он встал, направился из кухни, но всё же тормознул. — Джилл, мы справимся...

Ушёл.

Оставшись на кухне одна, сдвинула руками градом хлынувшие слёзы.

Страх перед неминуемой потерей парализовал лёгкие с невероятной силой, не давая дышать.

Он исчезнет, оставит меня. Так или иначе. И очень скоро, в считанные часы. Я могу его больше никогда не увидеть. Не коснусь его тёмных волос, не услышу голос, не почувствую тепло дыхания. Он мне нужен любой, добрый или злой, ласковый или грубый, потому что только мой и я лишь для него.

Хочу насладиться остатками этих часов. Они обязаны быть нашими. Мы оба это заслужили!

Решительно поднялась.

ЧЕЙЗ

Я знал этот взгляд. Так смотрят на тебя, когда понимают, что видят в последний раз. Она боится не меня, а за меня. Раньше бы за этот взгляд душу бы продал, но не сейчас, не теперь.

Я отпустил тебя! Давно отпустил! Потому, что по-другому быть не может. Потому что люблю больше своей паршивой жизни. Мы не будем вместе. Нельзя! Только не нам! Хищник не любит свою жертву, он её убивает ради себя. А я — хищник, преступник, убийца и убивал её. Из-за своей гордости, обиды, трусости. Это всё было, но закончилось. Я её похоронил тогда во всех смыслах, освободил окончательно. Избавил от себя. Ушёл. Она вольна. Джилл больше не рабыня моей семьи, не моя вечная пленница.

Но выпустив, неожиданно понял, что привязал ещё крепче. Жертва не должна любить своего мучителя, это психологический феномен, совсем ненужный природе человека. Это болезнь, которую неверно интерпретируют. Джилл приняла покорность за любовь.

Да, я больше не такой. Я искоренил демона в душе, но это ничего не меняет.

Опёрся руками о кафель, позволяя тёплым каплям бить моё уставшее тело. Перед собой видел лишь один смысл — убить Лиму и сгинуть. Не важно где, не важно как. В картеле — смерть, за ним — смертный приговор. Я получу то, что заслужил! Обязан для неё.

Вздрыгнул, когда тонкие пальцы скользнули по швам на животе. Невесомый поцелуй в плечо и сзади всё тело накрыла обнаженная фигура девушки. Низ тела наполнился теплом, судорога прошла по мышцам, когда вспомнил её тело в своих руках.

— Джилл, не надо, — смотрел на неё через плечо, но горло предательски сдавило желание.

— Я тоскую по тебе, — тихий голос оглушил всю мою тленную душу.

Ещё один поцелуй в спину, осыпал тело мурашками. А как тоскую я!

— Джилл, тебе нельзя сейчас... — пытался вразумить.

Вторая её рука, что гладила плечо, скользнула вниз. Мой член оказался в её ладони. Мука! Разряд тока прошёл через всю спину. Я натужно выдохнул, храня последние силы стойкости. Рука мягко и сладостно гуляла от головки к основанию, окончательно поработав меня ласками.

Она- садистка, а я- глупый мазохист!

— Пожалуйста, — шёпот у самого уха. Только не так, только не ты. Ещё один поцелуй на спине. — Этого может больше не быть. Пожалуйста...

Плотину прорвало. Развернулся и припечатал её к стене поцелуем. Отвечала, жадно, страстно, благодарно. Потянул за волосы вниз, слегка отстраняя лицо, заглянул в глаза:

— Даже если и так... Кто я буду в твоих глазах? Той же мразью?! Кем буду?

Погладила по щеке, ласково улыбнулась:

— Тем, кого люблю больше жизни.

Вся моя внутренняя стена развалилась. Все псевдотеории рухнули. Всё растворилось в этих глазах. Поднял любимую на руки и унёс в спальню.

В полумраке восковых свечей целовал и осыпал поцелуями её тело, которое раньше так беспощадно калечил. Зализал каждую ссадину, каждый шрам, каждое место, где жестоко надавил ножом. Накрыл губами лоно, даря всё самое сладостное и незабываемое и выгнув девушку в дугу, от пика ощущений.

Целовал и ласкал живот, груди и плечи, пальцы на правой руке, шрам на её лице.

— Люблю тебя, девочка, люблю, — шептал в рот, целуя и присасывая губы.

— Чейз, — хрипло слышал своё имя, которое говорило всё. Я буду нежен. Как никогда раньше, словно в руках фарфоровая статуэтка.

Плавнo вошёл. Давая ей привыкнуть ко мне, ощутить меня вновь, по-другому, вспомнить. Она содрогнулась, раскрепощая бёдра, пропуская меня дальше в себя, отдаваясь полностью.

Моя! Моя! Моя! Целиком и полностью, как и я твой без остатка.

Начал плавнo и осторожно двигаться в ней, помня насколько искалеченно и измученно это тело. Опёрся на локти, охватил её голову руками, уткнулся лбом в лоб, ощущая энергию и отдавая ей свою. Холмики груди размеренно покачивались в такт моим движениям. Капля пота скатилась от её шеи к соскам. Поймал на ареоле, пройдясь языком по ожогу на ключице. Джилл издала томный стон снова судорожно вцепилась в меня и выгнулась, преодолевая ещё одну сладостную муку.

Да, малышка! Приостановился, давая ей передохнуть. Гладил груди, втягивая возбуждённые соски. Утомлённое мной тело лежало на моей руке, полуприкрыв глаза.

Повернул любимую на бок, лёг за её спиной, слегка приподняв девушке верхнюю ногу. Снова вошёл, плавнo играя пальцами на клиторе и прикусывая мочку уха. Вторую руку переплел в её пальцах.

Она эротично дышала, постепенно уходя в своё тело и близя ещё один эпогей.

Я откинулся на матрас. Отдохнув, она плавнo перекатилась ко мне и снова взяла член в руки. Очередной заряд тока разорвал вены и мышцы. Она заметила эффект. Едва не вскрикнул, когда она поцеловала его в головку.

— Джилл, нет, — живо помнил в памяти, когда заставлял её феллировать его ртом. Как тогда яростно душил её этим, унижая. Нет, этого не будет. Не сегодня. Сегодня Я твой раб.

Она не вздрогнула, не отстранилась, а просто скользнула губами от паха к моему животу, тормознула у ключицы, снова осыпав тело мурашками. Оказалась сверху, осторожно насадив себя член. Плавно начала двигаться по нему вверх вниз, покачивая грудями, закусывая сладостно губы, упираясь пальцами мне в грудь. Волосы слегка залипли её вспотевшее лицо и лоб.

Как же ты, красива! Судорога прошла от желёз книзу. Мышцы начали каменеть, отдаваясь подходящей эякуляции. Я сел, оставляя девушку на себе, выгнул её тело за волосы назад. Джилл, чувствуя меня сильней сжала и расжала мышцы влагалища, даря незабываемое ощущение. Глуша стон неземного блаженства, впился в ложбинку между грудями. Содрогнулся ещё пару раз, выпуская из себя все соки, и упал с ней на кровать. Волна моей бесконечной благодарности и страсти накрыла её губы мягким полным любви поцелуем.

Я сделаю всё, но боли это тело больше никогда не испытает. Клянусь! Чего бы мне это не стоило!

ДЖИЛЛ

Лучик солнца настойчиво сочился через ставни, игриво гуляя на моём лице. Как не хотелось выходить из этой сладкой счастливой дрёмы. Побывать ещё немного счастливой женщиной. Чувствовать на себе негу взаимной любви. Протянула руку на соседнюю половину кровати...

Пусто. Приподнялась, чтобы осмотреть комнату.

— Чейз? — Никто не откликнулся. Сползла на край кровати, максимально прислушиваясь к звукам в доме. Гробовая тишина. — Чейз, — сердце начало разваливаться, падая вниз.

Взгляд упал на клочок бумаги на столике. Досада и горечь капканом держали грудную клетку. Он ушёл, а это послание с последним прощанием. Дрожа руками, развернула:

" Ты самое лучше, что есть в моей жизни и я обязан тебя сохранить."

Закусила губу, проклиная себя, что не проснулась раньше, что не успела вовремя остановить его, переубедить. Куда теперь? Что делать сейчас? Я, словно лишилась смысла жизни.

Надела платье, втянув запах, словно пытаюсь выискать в нём его, мужчину, что был сегодня ночью со мной.

На кухне послышался звук. Шаги! Тихонько скользнула по полу. Присмотрела цветочную вазу на комод. Шёпот. В груди всё зайцем запрыгало, распознав в мужских голосах португальскую речь. Не раздумывая, юркнула к окну, бесшумно просочилась в створку. Огляделась. Скрыться в соседних двориках, переждать, потом остановить попутку — не плохая мысль. Выглянула на подъездную дорожку. Машины, на которой мы приехали не было. Пугающий факт. Что-то не так. Они должны были подумать, что нас здесь нет, а значит и нет смысла кого-то искать.

Боже! Они уверены, что я здесь! Беги! Обогнула двор, стремясь к задней калитке, не добежать до неё так и не успела. Грубые, мощные руки поймали моё тело, зажали рот огромной лапищей, утопив в ней мой крик ужаса.

АНДРЕС

О том, что попаду в данную ситуацию, я предположил, но, решаясь тогда спасти Джилл, отодвинул на задний план мысли о не членах своей семьи.

Полиция мне не поможет, хоть и будут делать вид, что движутся. Слова того инвалида вконец разломали мою маленькую долю веры в органы правопорядка. Кругом одни уроды и твари жадные до денег. Я сам! Мерседес должна быть спасена, даже ценой моей шкуры, так как вина лежала только сугубо на мне.

Первой моей лазейкой к миру наркопритонов был шеф полиции Энрике Навако. Эта крыса должна была наследить! За такой срок просто обязана!

Кабинет главного копа был закрыт и не охранялся. Его хоть и обыскали, но я не я, если сам всё не проверю. Замок простенький, стандартный, чтобы вскрыть, много ума не нужно.

Внутри уже всё было помечено и опечатано для следствия, потому ходить приходилось очень аккуратно. Перчатки, что стянул в больнице, были мне в помощь.

Ящики уже пусты, шкафы с делами тоже. Валялись мелкие канцелярские предметы, рамки с благодарностями и наградами, фотографии по бордюру стеллажа с энциклопедиями и справочниками. Всё это было полем моей работы.

— Может помощь нужна? — от дверей донёлся миролюбивый голос хромого. Кастер, кажется.

— Вы все и так изрядно помогаете, — буркнул я, неотвлекаясь от рамок с наградами.

— Кроме меня, — парень вздохнул. — Я тут, как пятая нога собаке.

— Потому ко мне и приставили? Чтоб не мешался? — ехидно фыркнул.

— Ну да, а теперь хочется показать, как они ошиблись.

Кинул на него насмешливый взгляд, но полезная мысль мелькнула. А почему нет? Хромого кто в чём заподозрит?

— Что-то должно быть, — уронил я, идя на контакт. — Этот крысёныш тут столько лет, он не мог не наследить. Проверь карманы пиджака, — указал на коричневый рукав, торчащий из шкафа. Кастер кивнул и изъял из гардероба мужскую одежду.

— Он явно не любитель чистоты, — хромой сморщился, вытряхивая содержимое карманов: хлебные крошки, ошмётки чеков, скорлупа от фисташек. Я злорадно оскалился.

— Ты не похож на копа.

— Как и ты, — парировал он.

— Дилетантам обычно везёт, — протянул довольно я, вытягивая из очередной рамки визитку хорошо знакомого стриптиз-клуба с частными услугами. — Этот жирный ублюдок любит поиметь молоденьких девочек. Как не стыдно, служивый?!

Кастер прихромал ко мне, взял карточку из рук.

— "Розовые звезды"?! — усмехнулся.

— Клуб славится малолетними проститутками, потому и нагнали на него пастилы с мишурой, — проронил, скривившись. — Но навестить их, думаю, стоит.

— И пообщаться с Венерой, — Кастер прищуренного рассматривал розово-чёрный глянец визитки. — Мы не из полиции, с нами вести беседы никто не будет.

— А с клиентами? — озорно улыбнулся ему. — Цыпочки на таких, как мы, вешаются пачками. — Хромой усмехнулся, но спорить не стал. — Только экипировку лучше сменить. Посыпемся.

К вечеру он ждал уже возле клуба и вид его был вполне приятен глазу, во всяком случае, в его компании было не стыдно. Только вот его вспомогательная нога уже отсутствовала.

— Неее, приятель, под ручку ты со мной не пойдешь. Не та легенда.

— Я справлюсь, — буркнул он, сдвинув брови.

Хмыкнул. Наши внешние данные не доставили хлопот на фейс-контроле и мы углубились в неоновый мир соблазна и возбуждения.

Я, давно привыкший к подобным местам, в силу профессии, чувствовал себя вполне комфортно, но Майерс то и дело невольно застывал глазами на какой-нибудь красотке. Мои лёгкие толчки, помогали двигаться к бару.

— Я возьму пива. Займи место у сцены с пилоном, — велел ему, протискиваясь к огромному бару. Место он занял довольно выгодное, хоть тут не сглупил. Красотка в металлизированном серебряном бикини на высоченных каблуках мастерски выгибалась на пилоне. Из полушагата вдоль шеста блондинка эротично ушла в крутку "Балеринка",

улеглась в партере и выгнулась в полумостик, развернувшись к моему лицу, поиграла грудями. Я одобрительно ей кивнул бокалом.

— Не сиди истуканом, — шикнул на Каса, отпивая напиток.

— Станцевать с ней на пилоне? — рыкнул в ответ хромой, поправляя штаны.

— Ты в последний раз когда был в стриптизе? — мне было смешно за ним наблюдать.

Тишина в ответ, поразила. — Никогда? Да, ладно!

— Было не до этого, — сердито рыкнул в ответ, проводив попку танцовщицы носом.

Я изъял из кармана купюру и поманил красотку к себе. Девушка одобрительно улыбнулась и, прильнув ближе, подставила бедро. Сунул плату ей в трусики. Получив эту своеобразную команду, девушка улеглась в партере ближе ко мне и невероятно широко раздвинула ноги, едва не полоснув меня каблуком. Скользнула попой по сцене, двинувшись к моему лицу. Игриво пройдясь пальчиками по волосам, двинула за голову к себе, уложив моё лицо на лобковую часть своей промежности. Эротично задвигала бёдрами, имитируя волну. Почему-то стало смешно, но улыбку усиленно погасил. Отпустила. Пока выравнивал голову, успела перевернуться на колени и уже трясла передо мной своими упругими ягодицами. Невольно мелкнул страх, что она может умудриться засунуть мой нос себе между булочек. К счастью, в её программе этого не случилось. После танца пригласил танцовщицу к нам. Видя во мне благодарного клиента, красотка разместились у меня на коленках.

Завёл разговор издалека, максимально включая своё обаяние. К проклятию, Кастер был весьма пустоголов, отогнав со своих колен ещё одну девушку, решившую составить и ему компанию. Идиот!

Вникая в суть всей беседы, понял, что танцовщицей здесь работает довольно недолго, потому невинна в общении с профи.

— Камилла, мне друг один девушку посоветовал. Она соглашается на "увольнение". Венера.

— Для тебя? — красотка расплылась в улыбке. — Для тебя я бы тоже могла устроить подобное.

Чёрт. Этот поворот дела мне не выгоден. Решил рискнуть.

— Ммм, — довольно пропел. — МЖМ?

Девушка ретировала, сконфуженно мотнув головой. Алиллуя.

— Тогда ты не прогадал, красавчик. Венера в этом мастак.

Камилла, словно сдавая свой пост, поцеловала мою щёку ближе к губам и проронила:

— Я ей передам о тебе, — погладила волосы. Поцеловал её в воздух. Девушка слезла с колен и, игриво шлёпнув меня по щеке напоследок, скрылась.

— МЖМ?! — яростный голос Кастера напомнил противные радиопомехи в машине.

— Не интересуется?! — мне, как всегда хотелось кого-то побесить.

— Охренел?! —

— Я профессиональный порноактёр, но тройничок с мужиком как-то пропустил. Надо же когда-то начинать?

Вот оно, лицо готовое сравнять меня с землёй. Всё, всё идём на попятный!

— Да расслабься! До этого не дойдёт. Я только по части баб. Венера- явная извращенка, спит со старыми толстяками, потому и на МЖМ не побрезгует... Там и допросим со всеми пристрастиями.

— С чего ты решил, что она может быть связана с картелями?

— Она?! Нет. Но она — проститутка, а он старый, никому ненужный тьюфак, уставший

от тяжёлой работы и одиночества. Проститутки иногда ещё и отличные психотерапевты, которые выслушают, поймут, пожалеют. Не зря он так часто пользуется её услугами. Она его громоотвод. — Майерс умолк, прислушиваясь ко мне. — Мы лишь закажем ей услугу, но потом я душу из неё вытрясу.

ЧЕЙЗ

Я сделал всё правильно. Джилл здесь нет места, при любом раскладе. Потому оставил её сладко спать в том доме. С неё хватит. Больше ни я, ни эта мразь, никто её не тронет.

Мне, конечно, было плевать на ту неизвестную пленницу, но постараться вытащить её из картеля хоть немного я обязан. Хотя надежд не питал никаких.

Картель освещался тишиной. Следы холеры?!

— Лима!!! — закричал я на ворота, что было сил. Глаза чёрных дул винтовок следили за мной с высоких стен, ещё когда моя машина за полкилометра подъезжала к воротам. — Лима!!! — Ждать. Он слышит. Впустит. — Лима!!! — поднял с земли камень и швырнул в камеру на левой платформе. Разбил. Тут же автоматная очередь, прошившая землю вокруг меня. — Лима!!! Мать твою! Я тут... Давай!!! Впускай меня!!! — тишь. Птица крикнущая где-то в нежно-голубом поднебесье. — ЛИМА! — эхо разрезавшее пески, каньоны и воздух этой суровой страны.

Ворота ухнули и приоткрылись. Устремился к ним. Небольшой проём. С десятков дул пистолетов смотрели на мою фигуру. В центре впереди стояла Сисилия.

Я наградил её лишь брезгливым взглядом, стремясь к дому, но короткий жест женщины головорезам, мигом тормознул меня.

— Ты-то как могла? — наконец, проронил я. — Ты росла вдали от моего братца, мать худо-бедно, но любила тебя. Пыталась дать тебе дерьмовую, но человеческую жизнь. Чего ты сунулась сюда? Папочкина недолюбовь? Бред. Мой братец не умел любить! Его любовь лишь убивала и калечила. Он и сам понял какая он мразь, когда пускал пулю себе в лоб.

Она смотрела без единой эмоции. Её сила духа заткнула мне рот. Она круче. Круче Лимы, меня, даже своего отца.

— Ты хочешь быть один? — вдруг уронила она.

Я сглотнул, пытаюсь вычислить верную сторону вопроса.

— Никто не хочет.

Она как-то с болью глянула на меня.

— Ты прав.

Меня поволокли в картель. Точней в карцер. Снова голый мерзкопахнувший пол. В том углу я бил любимую девушку плетями. Ради девчушки, с которой даже не успел проститься. Ради той, что перечеркнула моё эго, той, что вернула меня из мира злобы, обиды, ненависти. Габи — та страница, перевернув которую, меняется всё: сюжет, эмоции, жизнь, смысл. Она мой ключик, что я не сберег, путь, что засыпали песком тлена.

Лишь месть освятит её детский святой лик, оправдает мою потерю, скажет ей слова благодарности.

На утро меня ввели в кабинет Марселу. Вид старика заметно поплохел — серое лицо, опавшие скулы, даже сдулся живот. Ему хреново, но он держался.

— Мило, что мгновенно отреагировал на мою просьбу, — просипел старик.

— Спасибо, что не забываешь, — прорычал в ответ я.

— Обидно, правда, что свою сучку ты где-то по дороге потерял. Но я позаботился и об этом. — От этих слов рванул вперёд, но заблокированное тело тут же срикошетило обратно на пол. Плечи и запястья ещё сильнее скрутили, а ноги едва не растёрли сапоги наёмников. — Знаю, ты не за той девкой пришёл. Ты пришёл за мной. Мстить хочешь за свою мелкую паршивку. Хотя, если подумать, мы теперь квиты.

— Где Джилл? — я не мог слушать его паскудные напевы.

— И правда, где она? Ты же её сюда не привёл, а зря. Может смог бы снова оберегать, а теперь не выйдет.

— Где она?! — с нажимом процедил я.

— Я продал её Видалю, помнишь? Но она жестоко покосила его бизнес, неблагодарная. Вот и должна расплатиться, как положено. Серхио очень обижен на неё. А я не мог отказать старому приятелю. Пусть хотя бы он расплатиться с ней, раз ты не в состоянии.

— Когда-нибудь, хоть раз, хотя бы на одну секундочку, но мои руки освободятся и тогда в них окажется твой раздробленный хребет.

— С этим спорить можно вечно. В канистру его!

Глаза стоящей неподалеку от него Сисилии в ужасе расширились.

— Марселу! — вскрикнула Сисилия, подавшись вперёд.

— Молчать! — грубо рявкнул он на неё и, кивнул двоим своим головорезам. Племянницу скрутили и вывели из кабинета...

Меня выволокли на пустырь. В адову бочку, в которой погибло на моём счету около полусотни рабов.

Высоченная канистра на самом возвышенном месте рабочего пустыря. В неё сажали полуголого пленника на несколько суток и лишь слегка поливали водой, но только для того, чтобы жестокое солнце сильнее выжгло ему кожу, а металл настойчиво допекал оплавленную плоть.

Ослабленные рабы умирали, не дождавшись часа освобождения. Мне же не пророчили скорую гибель.

КАСТЕР

Камилла сдержала обещание. Через полчаса к нам подседа грудастая рыжеволосая девушка.

— Вижу, гости особенные, — эротично провела пальчиком по моему плечу. Ей явно нравилось, что она видит.

Андрес запустил всё своё мужское обаяние, работая за двоих. Венера заказала самый дорогой коктейль и мило беседовала.

Наконец, Андрес отлучился на откупные и позже вернулся. Девушка прошествовала с нами в верхние комнаты клуба.

Интим в номере был создан на высоком уровне. Тёмные бархатные портьеры. Черный диван с красными прошивками, полированная мебель из красного дуба.

Венера легким сексуальным взмахом рук провела ладонями по нашим членам. Я охнул от неожиданности, а Андрес даже не повёл бровью. Зато моментально перешел в игру. Придушил её слегка за шею и подтолкнул к дивану.

— Любишь подчинять? — проститутка облизнулась, покорно отступая к ложу. Но сексуальное удовлетворение получить ей было несуждено. Андрес, грубо впечатал её в диван лицом вниз, больно скрутил руки на спине.

— Эй, придурок! На жесткач другая оплата, — недовольно попыталась увернуться.

— Энрике Навако твой постоянный клиент, — начал я без лишних нюансов.

— Кто?! Урод, пусти! — Венера зло завертелась в хватке Андреса.

— Твой клиент причастен к похищениям и связан с картелями, — продолжал я. — Предлагаем пока быть свидетелем в этом деле, а не соучастником.

— Покажи удостоверение, козёл! — на что Катейру рьяней вдавил её в обшивку. — Больно! Хорошо... Он лишь всегда просит стриптиза, больше ничего, — прошипела девушка, в очередной раз дёрнувшись в руках мужчины.

— Ничего?! — Андрес просто не мог помалкивать.

— Он приходит сюда, в клуб? — задал я следующий вопрос.

— Я отвечу, если этот урод с меня слезет, — прошипела она.

— Ага, ты тут же сиганёшь в дверь, — Катейру усмехнулся.

— Отпусти её, — я почему-то верил, что не уйдет.

— Уверен? Я уже вижу как ты бежишь за ней... прихрамывая.

— Андрес, убери от неё руки, — повторил с нажимом.

— Хорошо, как знаешь, — он отпустил её, поднявшись.

Венера села на диване, поправляя выскочившую из лифа грудь. Зло глянула на Катейру.

— Он заказывает меня себе на квартиру. — Я назвал адрес, но девушка мотнула головой и огласила другой. — В старом районе, да и дом не элитного класса, — она поморщилась.

Многозначительный взгляд Андреса.

— Давно он пользовался услугой?

— Не очень. Меньше недели назад.

— Спасибо, — вопросов у меня больше не было. — Прости, за грубость.

— Да, ладно, ей по-любому понравилось, — хихикнул мексиканец.

— Foda-se você! (Пошёл нахрен!) — прошипела проститутка.

— Buraco sujo! (Грязная дырка!) — рыкнул в ответ мужчина.

— Идём же! — уличив начало перепалки двух, по сути, коллег, подтолкнул Андреса к выходу.

Покинув номер, не сговариваясь, устремились к предположительному месту нахождения Навако.

Квартира действительно была в неблагополучном районе города. В подъезде слышны были голоса жильцов. Ругань мексиканских домохозяек. Детские вопли и смех.

— На пятом, — высчитал я по номерам квартир.

Сверху вприпрыжку спускался паренёк-подросток.

— Эй, пацан! — Андрес живо окликнул его.

— Чего те? — парень недовольно обернулся, но увидев в руке Кате́йру сто долларов, жадно осекся.

— Плачу за звонок в одну квартиру.

— Триста, — пошёл на торг шкет.

— Двести, — Андрес сдвинул брови. — Сто сейчас, сто после.

— Ладно, идёт, — сдаваясь, немного разочпрованно протянул паренёк, возвращаясь наверх и выхватывая из рук актёра купюру.

Дверь нужной нам квартиры была обшарпанной и вонючей. Пахло бифштексами и, похоже, ещё собачьим кормом.

Парень нажал на звонок, мы же спрятались из зоны видимости дверного глазка.

— Чего надо?

— Ты нас топишь, гандон! — парень явно был асом по вранью. Долбанул по двери. — Открывай, старая пьянь!

Андрес одобрительно глядел на мальчика. Неуважение к старшему было хорошим ходом. Гордость Энрике не позволит так с собой говорить. Замок щёлкнул и в эту же секунду Андрес пнул со всей дури дверь. Шеф полиции завалился на пол, пистолет в его руке, выстрелил, пробив косяк. Паренёк тут же унёс ноги, позабыв о положенной награде.

Кате́йру навалился на толстяка, пытаясь выбить пистолет. Но скрутить самого главаря коповского семейства было не так-то просто. Энрике отпихнул его ногой, но тут подоспел я. Парой жестоких ударов, оглушил его. Опомнившийся Андрес, рванул его с пола и заблокировал руки. Припечатал его толстую морду в грязный паркет, а пистолет вырванный из его руки, уткнулся в его висок.

— Теперь можно и пообщаться получше, — прошипел ему в ухо Кате́йру. — Ты признаёшься, а мы милуем.

— С какого перепугу? Вы к картелю и на сто метров не сможете подойти.

— Он прав, — я начал набирать номер. — Как думаешь, Андрес, как копы относятся к крысам? Особенно в тюрьме?!

— Ладно, ладно, — этот жирный ублюдок не хотел встреч с коллегами. — Девчонки не в картеле...

— Девчонки? — опешили напару.

Тут Навако хрипло заржал.

— Да, щенки. До картеля ваша цыпочка не доехала. Ваш Ричер глупо оставил её на середине пути. Герой хренов.

Почему-то ощутил на секунду облегчение. С картелями всё же во сто крат сложнее, а здесь взять штурмом с парой копов не так сложно.

— Где они? — Андрес навис над ним.

— Серхио ждёт тебя, — вдруг злорадно прыснул слюной Энрике. — Ты его главное блюдо. А девочки, так на закуску.

ДЖИЛЛ

Здесь было темно и, на удивление, холодно.

— Зачем я им? — на меня смотрела пара глаз в темноте. — Ведь я ничего не сделала. У меня ребёнок. Мне нельзя умирать, — придушенный всхлип.

Как ей сказать, что это всё из-за меня?

— Ты Мерси, да? — осторожно спросила я.

— Так меня звал лишь один человек, — она хмуро отстранилась.

— Он придёт за тобой, — я отчего-то была уверена в этом. — Нужно только подождать.

- Кто ты такая? — она нахмурилась.

— Всего лишь рабыня, — горько проронила я.

Видаль вырос в проёме дверей. Вся его тучная фигура, выражала крайнюю злобу и ярость. Парой широких шагов приблизился ко мне.

— Что, мразь, не сиделось тебе? — он размахнулся и несколько раз ударил по лицу. Схватил за волосы. — Ещё бы Андреса мне на блюдечке и счастьем не будет предела. Я буду вас убивать на его глазах, смакуя по одной.

Снова удар. Мерси в ужасе забилась в угол. Он выпрямился и осмотрел нас.

— Подождём ещё одного гостя и начнём.

— Он думает что мы в картеле, — прорычала я презрительно.

— Наводку ему я дал, не расстраивайся, — он направился к дверям. — Не скучайте.

Дверь громко хлопнула.

— Значит из-за тебя? — скорбно проронила Мерседес. — Нас убьют из-за тебя...

Прости. Но произнести это вслух не смогла.

ЧЕЙЗ

Оно садится. Оно пощадило меня и, наконец, опускается за горизонт.

Как я хотел упасть. Высота и небольшой диаметр канистры не позволяли ни лечь, ни сесть. Я не мог даже облокотиться о бока бочки, так как металл невероятно сильно раскалён от солнца. Но ночью он остынет и я смогу немного отдохнуть. Уже в глубокой темноте, висая на скованных руках, ощущал на коже солнечные ожоги, которые натягивались при шевелении. В горле была пустыня, ни капли слюны.

Прикрыл веки. Отключил сознание в бредовую дрёму. Очнулся от шагов. В ночи что-то разглядеть было невозможно, но три фигуры четко очертили зону моей видимости.

— *Daq água*(Дайте воды), — узнал голос Сисилии. Она снова пришла, когда нужна поддержка. Странная у неё стратегия.

Звук воды льющейся в алюминиевую миску, заставил возбужденно занервничать и жалко дышать. Какое унижение, но все рецепторы и инстинкты убили во мне даже грамм гордости. Наёмник пролез через верх бочки и поднёс к губам, позволяя вылебать всю

жидкость. Я глубоко и натужно дышал, уравнивая сбившееся дыхание.

— Девочку нельзя было спасти, — проронила скорбно она. — Как и многих других. От холеры гибли как и рабы, так и наши.

— Решила исповедью оправдаться? — бросил хрипло.

— Марселу ничего не сделал. Ничем не помог им. Теперь его черёд умирать.

В груди что-то подпрыгнуло.

— Что мешает тебе это сделать? — мне был непонятен этот разговор. Если она решила его убить, вперёд. — Разрешения от взрослых ждёшь?

В руку вложили холодную и хорошо знакомую вещь.

— Это сделаешь ты, — она почти велела.

Подарок? Сыр в мышеловке? Но мне плевать. За этот шанс я уцеплюсь. Я убью эту мразь любой ценой. Ладонь сильней сжала пистолет.

— Algemas(Наручники), — приказала она. Головорез снял браслеты. — Его травят под видом холеры. Он держится, но плох. Сэм скончался пару дней назад, потому спасателей у него нет. Сейчас Марселу в кабинете.

Меня вытянули из канистры. Накинули простынь. Я с трудом удержался на ногах, чтобы не рухнуть. Сбоку кто-то поддержал, причинив боль ожогу на теле.

Сисилия отступила, давая пройти.

— Препятствий быть не должно.

Я усмехнулся. Зачем она это делает? Почему выбрала меня мечом возмездия? Хотя не всё ли равно? Я близился к цели, а с ней разберусь потом.

Заставил своё никчёмное тело шагать. Просто иди к цели и не останавливайся, тем более, когда она уже так близко.

Покинул пустырь и вправду без проблем. В доме же всё было несколько сложнее. Адреналин мигом побежал по сосудам, налил мышцы обезболивающим. Двигаясь бесшумно по коридорам дома, шёл уже по заученному пути.

У дверей Лимы был наёмник. Я врос в пол. На пистолете глушитель. Никто не услышит. Вздрогнул, когда понял, что он уже целится в меня. Сука! Но головорез размышисто расправляет руки в стороны, поднимая оружие вверх. Отступает от дверей и жестом приглашает идти дальше, усмехнувшись, уходит. Свой?!

Не теряя больше ни секунды стартанул к дверям. Но едва ступив за порог, рухнул на пол и перекатился в укрытие. Лима палил по мне из двух обойм. А вот и подстава.

— Я ни одной шавке здесь не доверюсь, тем более выродку Diablo. Я и сам неплохо способен себя защитить, — пара пуль свистнули над головой. — Что спелись?! Продуманный ход, — слышу звук щёлкнувшего предохранителя. — Помочь грохнуть меня, чтобы заслужить твоего одобрения. Малолетняя дрянь! Вся ваша семейка чокнутая. Вы все идиот на идиоте. Ты с братцем текёшь от пизды рабыни. А племянница ваша всё нужной вам пытается стать. Надо было сразу вас всех кокнуть.

Пули прошли моё укрытие, едва не задев меня. Снова тишина. Но за дверями донеслись звуки другой стрельбы. В картеле шла бойня! Это бунт! Лиму тоже обеспокоило происходящее, отвлёкся от меня.

Молниеносно. Цель. Спустил курок три раза — грудь, шейная артерия, плечо. Марселу тяжёлым грузом завалился на пол. Грохот.

Я покинул своё укрытие, подошёл к нему. Кровь из шеи, рта, груди начала уже заливать пол. Смотрит на меня, ждёт моей последней фразы, слова ненависти и проклятия в

последний путь. Но мне не хотелось ничего говорить. Он знает всё и так.

В кабинет влетели люди. Даже не желал знать кто, стоит ли обороняться. Я был пуст. Никто не схватил, не втоптал в пол. Сбоку поравнялась Сисилия.

Из тела старика шла уже предсмертная агония. Он посмотрел на неё.

— Я тебя... из дерьма... достал.

— Ты ошибаешься, — мотнула головой, а после подняла взгляд на меня. Ясно прочёл — кончай с ним.

Прицелился в лоб. Пистолет отдачей дёрнул плечо. Марселу Лима смотрел теперь стеклянными глазами мимо нас, дальше этого потолка, дома, вникуда.

Тело вспомнило свои травмы, усталость и боль. Я упал на колени не в силах даже мыслить. Убив Лиму, я словно утратил главный стимул двигаться.

Сисилия обошла стол и встала за него, как за поупетр, призывая всех присутствующих смотреть и слушать ее. Португальская речь затихла.

— Это картель Хулио Мадэри, известного вам Diablo. Я его дочь. Он — родной брат. Мы те, кто по праву принимаем владение над его собственностью и над вами.

Наёмники одобрительно загудели.

До моего слуха медленно, но доходила суть её слов. Он наш! Наркокартель с рабами, убийцами, тоннами дури, целой армией военной техники — НАШ.

Все стоящие здесь в кабинете смотрели на меня.

— Чейз? — позвала она. — Ты должен занять это место. Картель с этой минуты — твой.

Как страшный и жуткий сон, но это неожиданное право на обладание мощной человеческой машиной дало сил. Я больше не пленник двух систем. Отныне у меня появился выбор.

Поднялся с колен. Сисилия отошла, уступая мне место за столом. Встав за него, оглядел этот сброд. Жестокие, сердитые, но исполнительные. Убили своего лидера, сменили на нового, чтобы обладать всем миром и дальше.

У меня теперь СВОЯ АРМИЯ!!!

АНДРЕС

Как интересно. Чтобы достать меня, воспользовался двумя невинными девушками. Падла!

Это новая информация, но с новыми проблемами. Где сейчас осел Видадь после разгона публичного дома, было неизвестно.

Энрике благополучно погрузили в полицейскую машину. Ему ещё долго предстоит сидеть и отвечать за свои поступки.

— Тебе бы копом работать, — Васкес одобрительно смотрела на меня. — А не девок шпилить на камеру.

Тебя не спросил. Мы снова были в участке, чтобы продолжить топтаться на месте. Теперь понятно от чего растёт уровень преступности в стране. Он прямопропорционален уровню бездействия нашим уважаемым блюстителям закона.

Вконец, я раздраженно вышел на улицу. Глянул в телефон. Пропущенный и сообщение из пансионата, где находилась мама. Мне нужно к ней. Это я понял точно. Беспокойство в душе толкало на общение с родными.

Набрал няню.

— Здравствуйте, Андрес, — тихий и робкий голос на другом конце провода.

— Привет, Оливия. Как вы там? — голос невольно дрогнул.

Им было хорошо и весело. После слушал тараторящую Морену, как она насобираала целую кучу ракушек, накупила огромную коллекцию бусиков и браслетов. Мигель же конючил, что хочет уже домой, спрашивал о маме. Заверил, что с ней всё хорошо, что она лечится у лучших врачей.

Мам...

Я решительно направился к машине, но сев в неё, матюкнулся от неожиданности. На соседнее сиденье уместился Кастер.

— Всегда думал, что инвалиды медленней движутся.

— Ломаю стереотипы, — ухмыльнулся он. — А ты мой. Куда спешишь?

— Это уж точно не твоё дело, — я недовольно посмотрел на него.

— Пусть. Но компанию я тебе, пожалуй, составлю, чтоб не натворил глупостей.

— Великолепно, — я сердито стукнул по рулю, завёл и стартанул машину с места.

Молчание висело в воздухе не долго.

— Как это получилось? — всё-таки он хотел общаться.

— Получилось, что? — лучше уточню.

— С чего ты решил её спасать? Ты рисковал и не мало.

— Кому-то же надо было. Не тем же остолопам!

Кастер снова умолк. Я понимал, что именно его интересовало, но про что он не решался спросить. Мне вдруг стало его жаль. Джилл рассказывала мне о нём. Как он единственный верил ей и пытался вызволить из больницы, как заботился о ней. И даже сейчас со сломанной ногой он старался двигаться, а не выжидал в стороне.

— Я должен был снять с неё сцену насилия, — тихо проговорил я, усиленно глядя на

дорогу. — Я не знал, что у Видаля были ещё и рабыни. Сначала не понял, думал она хорошая актриса, а шрамы лишь следы её любовных утех. До сих пор вздрагиваю от мысли, что бы было, если бы я всё-таки это сделал, — картинка ушла в мою память, вспомнил детали той драки в студии, горько усмехнулся, — она укусила меня в кровь и сломала оператору камеру. Только после этих её действий понял, что это не актёрская игра.

Лицо Кастера выражало лишь скорбь, вздохнув, произнёс, как заклинание:

— Я хочу, чтобы для неё это всё закончилось. Хочу увидеть её счастливой и уже навсегда. И для этого сделаю всё от себя зависящее.

На горизонте замаячил пансионат.

— Это что больница? — Майерс слегка поёжился.

— Пансионат, — буркнул я, поправляя. — Я отправил сюда маму. Когда организовывал побег для Джилл, решил обезопасить родных. Только вот с Мерси просчитался.

— Мне жаль, — Майерс смотрел на меня с грустью и уважением. Нет, этого я точно не заслужил.

В палате пахло цветами и лекарствами. Лицо мамы было повернуто к окну. Вид её не внушал добрых мыслей. Тонкая рука, обтянутая дряблой кожей, бледные покровы, синяки под глазами. Я осторожно взял её руку.

— Мам? Как ты, родная? — знаю, что ответа не будет, но её глаза ответят. Повернулась. Рот лишь слегка шевельнулся. — У Мигеля с Мореной всё хорошо, — я начал быстро делиться с ней новостями, чтобы отогнать накапывающиеся слёзы. — Они сейчас на море отдыхают. Скучают по тебе. Просили передать тебе привет.

В палату вошла женщина-врач.

— Сеньор Кате́йру? — поднялся, быстро отгоняя воду из глаз, надавил на переносицу, тяжело вдохнув.

— Да, здравствуйте.

— Я лечащий врач вашей матери Сандра Жильдосо. Рада, что вы, наконец, объявились. Здесь была ваша девушка, но и она куда-то исчезла.

— Я был в командировке, — невинно соврал.

— Понятно. Вчера мы провели первый курс химиотерапии. Но сердце пациентки оказалось слишком слабым, потому лечение мы вынуждены приостановить.

— Ей нужна операция? — в замешательстве глядел на неё.

— Просто необходима. Мы можем предложить вам своего кардиохирурга.

— Да, спасибо. Я понял, — рой мыслей обуревал мою голову. Вспомнились слова Мерси, что моя мама просто хочет уйти. — Это сложная операция?

— Шунтирование, — кивнула врач.

— Можно мне обдумать всё? — ком в горле мешал говорить.

— Сеньор, вы не понимаете, — врач настойчиво смотрела на меня.

— Я понял, спасибо, доктор Жильдосо, — пусть уйдёт.

Она сдалась и вышла из палаты. Опустил голову на край кровати, замер. Всё не вовремя, абсолютно всё.

Волос коснулась слабая ладошка. Тут же поднял взгляд на маму, взял её руку.

" Всё хорошо, сыночек " — прочёл в этих выцветших глазах.

— Мам, я облажался, — теперь проклятые слёзы полились по щекам. — Я хотел помочь тебе... Хотел, чтобы ты побыла с нами ещё дольше. Чёрт! Но я не смог пройти мимо несправедливости. Ты учила всегда делать правильный выбор. И я выбрал. Впервые, выбрал

не тебя. Прости меня, мам... умоляю прости. Я придумаю ещё, что-нибудь. Без жертв. Только для тебя.

" Не плачь, родной! Я знаю. Ты сделал всё правильно. Ты, моё солнышко" — снова тёплый немой ответ, бесполезное шевеление губ.

— Я люблю тебя, мамочка. Очень люблю, — зарылся носом в её ладонь и замер.

Мы пробыли в больнице ещё три часа. Кастер, который больше прогуливался по коридорам, проголодался и ушёл в буфет. В палате появилась медсестра.

Я поднялся, чтобы уйти. Глядеть за туалетом мамы мне всегда было сложно и неловко. Лучше оставлю это профессионалам.

— Её нужно будет перевернуть. Вы не могли бы мне помочь, — пожилая медсестра, миролюбиво смотрела на меня.

Да, конечно. Я вернулся. Помог приподнять больную, но в эту долю секунды в шею вошла игла.

— Ах, ты сука! — я отлетел от кровати, но поршень уже вогнал что-то в меня. Ноги тут же подкосили к полу. — Кастер...

Картинка стремительно ушла в темноту.

ЧЕЙЗ

Сисилия обработала спину знакомой мне мазью, разместила в одной из комнат. Прохладный воздух от кондиционера постепенно возвращал меня к жизни.

Она достала из бара бутылку виски, разлила по стаканам. Посмотрел на карамельного цвета напиток, вспомнил его терпкий вкус. Хулио его любил пить каждый свой тяжёлый вечер.

— Нет, спасибо, — отверг стакан. — Лучше просто воды.

Кивнула и протянула мне бутылку с прозрачной жидкостью.

— Почему сразу не свергла Лиму? — только это мне пока не ясно.

— Когда он привёз меня сюда, то пообещал, что отдаст картель в твои руки, лишь при условии, что ты убьёшь девушку. Он считал её помехой для нас. Папа застрелился из-за неё, а ты был в бегах. Я же просто ждала встречи со своим дядей. Но счастливого воссоединения не получилось, — горько усмехнулась. — Ты разозлил Марселу, обидел меня. Самолично сел в амбар. Я всё ждала, что ты одумаешься, но когда привезли Джилл, поняла, что не откажешься от неё. Никогда. Только потому что очень любишь, — снова смешок. — Стало страшно за тебя, была уверена, что и тебя она погубит, как папу. Но больше наблюдая за вами, видела, что и она равнодушна к тебе, хоть и боялась. Нам женщинам виднее. Дальше всё было просто полным идиотизмом со стороны Лимы. Какой-то старческий маразм. Холера полностью раскрыла его сущность. Он позволял людям умирать, даже нашим. Даже Сэму, — она замерла, словно вспоминая прошлые события. — Его люди начали бунтовать и рано или поздно Лиму убили бы вместе со мной. Мне нужно было что-то придумать.

— И ты решила отдать лидерство мне? — я горько усмехнулся, отпил воду из бутылки. — А с чего ты взяла, что я тебя теперь не грохну?

— Я не враг тебе. И всегда пыталась помочь. Даже следила за Габриель, чтобы псы Лимы не изнасиловали или не убили девочку, в твоё отсутствие. Болезнь сломала все.

Я умолк. Мне тяжело было слушать о малышке из её уст.

— Помолчи, — попросил я. Она сцепила зубы, глуша обиду. — Ты знала, что Джилл

попадёт к Видалю?

— Нет, — она не врала. — Я посоветовала Лиме пленить Мерседес, девушку Андреса в качестве разменной монеты. Но тащить её сюда было опасно из-за холеры. Как никак, но её смерть была бы против картеля, так как мы уже взяли ответственность на себя. Серхио предложил своё укрытие, так как тоже хотел отомстить своему бывшему порноактёру. Но, видимо, Марселу договорился с ним и об остальном. Оставив девушку одну в том доме, ты сам толкнул её в лапы Видаля.

— Надо же, — теперь усмехнулся я. — Ты сейчас меня виноватым сделала. Серхио способен на убийство?

Она повела плечами.

— Не любитель, но да. Может, если сильно захочет или будет вынужден.

— Знаешь, где он держит девушек?

Сисилия кивнула, но затем, напряженно выдохнув, покачала головой:

— Чейз, за стенами картеля, тебя ждёт тюрьма и смертный приговор. Ты здесь защищен. Полиция сама сможет найти девушек. Дадим им наводку...

— Бред не носи, — резко оборвал её. — Ни одна коповская рожа и на дюйм не сдвинулась в поиске Джилл, когда она была здесь. Сидеть тут как трус, я не буду.

— Хорошо, — она покорно подняла руки. — Я выделю тебе двоих. К утру будете готовы. А сейчас, поспи хоть немного. Не хочу потом в новостях видеть, как твой труп уносят в мешке.

Я улыбнулся:

— Не дождёшься.

— Спокойной ночи, — она тоже улыбнулась и направилась к дверям.

— Сисилия, — её имя вырвалось само, как тогда в амбаре. Она оглянулась. — Спасибо. Робко кивнула и ушла.

КАСТЕР

Не было меня не так долго. Когда вернулся, палата была пуста.

Козёл! Неужели, смылся?!

Я помчал, точнее захромал вниз к машине. Но тачка стояла там же, где мы её оставили. Что ушёл на двоих? Нет, это глупо. Решил вернуться в палату. На посту сидела медсестра.

— Мэм, то есть сеньора, в триста пятой мы с другом навещали его маму, я...

— Да, да, сеньор, — её лицо приобрело обеспокоенную гримасу и она залепетала на чудовищном английском. — Нянечка, что пришла к его матери, обнаружила его без сознания на полу. Молодого человека увезли вниз в приёмный покой.

— Без сознания?! — вот это поворот. Этот здоровяка, да без чувств?! Что-то не так.

Я поспешил вниз в приёмный покой. Там было тихо, лишь пара пациентов.

— Сеньорита, — вцепился в молоденькую медсестру. — К вам только что моего друга привезли с верхних этажей. Ему плохо стало.

Девушка растерянно мотнула головой.

— Сеньор, никого не привозили. У нас лишь пара пациентов с болью в животе и ожогом.

— Вы уверены?

— Можете сами удостовериться, — сделала приглашающий жест головой. Думаю, я и

так всех вижу, как на ладони.

Снова бросился на улицу. Весёлое солнце, парковая дорожка, скамейки, пациенты. Точно. Подбежал к двум бабушкам.

— Добрый вечер. Сейчас не отъезжала какая-нибудь подозрительная машина?

Бабушка лишь указала на фургон в конце аллеи. Явно не больничный.

Твою мать! Устремился к нему, но машина мигнула стоп сигналами и поехала. Номер! Сто процентов краденый, ну и что!

Ссука! Запыхавшись уселся прямо на гравий.

Через полчаса Васкес и Вайлет были уже в пансионате.

— Он просто навестил свою мать, — ответил на немой вопрос Марка, когда персонал разместил нас в комнате охраны. Васкес уже штудировала камеры.

— За палатой матери следили. Андреса пасли. Логично. Вероятней всего, Мерседес уволокли, подобным методом.

— Это личное, — недоумение во мне росло. — Видаль не мог об этом знать, даже я не сразу понял для, чего мы здесь.

— Номера крадены, — статист развёл руками.

— Следовало предположить, — лишний раз убедился.

— Ребята, — Сид остановила ход плёнки. На стопкадре двое мужчин в халатах, вывозят тело.

— Это он, — кивнул я. — Лиц совсем не видно. А на других?

— Лица нам ничего не дадут. Но то, что его увели из-под нашего носа, — хмуро констатировал Вайлет, — это уже мы себе доказали.

— О его матери знала Мерседес, она же и ухаживала за ней, — попытка включить дедукцию. — Андрес работал с ней в одном клубе. Его босс свёл его с Видалем.

— Надо бы потолковать с Оливерой, — уцепился Марк.

— Идите, я запрошу видеокamеры с других точек. Выясним хотя бы их направление.

Мы же поспешили на прежнее место работы нашего порноактёра.

АНДРЕС

Всю ночь пил... Нет, неправда.

С трудом открыл левый глаз. Как же больно. Правый? Не могу. Его закрыла распухшая гематома. Помню...

— Убить тебя сразу слишком просто. Хочется, чтобы тебе было так же хреново, как мне, — голос порнорежиссера. Ну тогда всё ясно.

— Да ладно тебе, — я ехидно ухмыльнулся. — Наживешь ещё проституток.

Он яростно зарычал и выбросил кулак мне в лицо.

— Мелкий гадёныш, — оттянул меня за волосы. — Ты сорвал моё кино, но учти оно всё равно будет снято. Актриски у меня теперь есть.

Понимать здесь можно было лишь одно. Я рванул из лап его охранников, свалив того, что послабее. Второй же был более цепким. Засадил кулаком мне поддых, локтями по спине. Сквозь оглушительную боль слышал его довольный смех:

— Отделайте его как следует...

Сейчас уже я лежал на полу, какой-то комнаты. Стон вырвался из груди.

— Андрес?! — два перепуганных женских лица, тут же нависли надо мной. Джилл и Мерси. Пока помню вас. — Мы уж подумали, что всё, — Джилл перепуганно гладила меня по голове.

Не надо, там тоже больно. Я тяжело повернулся на бок, пытаюсь сесть. Голова тут же поехала. Девушки решили мне помочь. Теперь ясность ума стала лучше. Глянул на Мерси — тоже избита ссадина на губе, синяк на щеке.

— Мерси, прости, — виновато уронил я.

— Сначала выберемся отсюда, — сурово проговорила девушка, бросив мимолётный взгляд на Джилл, — прощения потом просить начнёшь.

Мерседес отошла в другой угол, уместившись там.

— Что он сказал тебе? — тихо спросила моя красотка.

— Что фильм будет снят, — проронил я осиплым голосом.

Джилл судорожно крутила что-то в голове.

— Они её не тронут, я не дам, — пообещала девушка.

— Даже не вздумай, — сердито прошипел я. — Я тут кладёшь идей.

Выжидательно уставилась на меня. Чёрт! Только мозги в какой-то фарш.

— Камеры у него не здесь. Поведут в студийную комнату. Охраны у него не так много.

Это только факты, но не идеи.

— Он хочет, чтобы ты смотрел, — дополнила она.

— Да. Не говори только, что отобьёшь мне второй глаз, — изобразил страх.

— Ты никогда, наверное, не унываешь? — она сердито сдвинула брови.

— Прости, когда мне страшно, несую ахинею. Защитная реакция. Продолжай.

— Пока ты будешь в отключке он не начнёт.

— Резонно, но постоянно быть в ней не получится. В конце концов он может сделать это без меня.

— Тогда месть будет не так сладка, — парировала Джилл. — Он захочет привести тебя в чувство любыми способами, главное не оплошать.

Легко сказать, да сложно сделать. Но время пришло и все планы полетели к чертям, когда Мерси скрутили и поволокли из комнаты.

— Иди вперёд, — глаза Серхио почернели, толкнул меня вон из комнаты. Я покорно зашагал, отдаваясь в лапы ещё двоих охранников.

Глухой женский стон заставил обернуться.

— Джилл?! Нет!!! — я в ужасе кинулся назад, наблюдая, как девушка осела на пол. Из её грудной клетки торчала рукоять ножа.

ЧЕЙЗ

Постепенно подъезжали к небольшому дому. Местность пустынна, но вокруг буйствовали невысокие кустарники. Жилье его явно было временным и не оборудовано для обороны от врагов или конкурентов.

— У него шесть охранников, — вещал лысый дрыщ по прозвищу Рохе, жуя в зубах косяк. — Два на входе, остальные в доме. Дело простое. Этот траходилер не умеет выбирать себе охрану да и стратег из него — говно.

— Рохе, ты со мной через главный, — велел я. — Жулио держи периметр и подчищай хвосты. В доме без моей команды ничего не предпринимать.

— Понял...

Снять двоих у входа было не сложно. Трудней уже будет в доме, когда там присутствуют заложники. Тихо проникнув в дом, моему взгляду предстала картина.

Гостиная. Три видеокamеры. На стол бросили девушку лицом вниз. Должно быть, подруга порноактёра. Один вяжет ей руки, другой ноги к ножкам стола. Девушка плачет, дёргается, молит о пощаде.

Впихнули громилу, тыча пистолет ему в затылок. Его поставили на колени и рванули за волосы назад, чтобы смотрел.

— Копы знают, что это ты, — Андрес был сильно избит, потрескавшиеся губы, опухшее веко накрыло глаз.

— Первую камеру включай! — скомандовал Видадь, одному из охранников.

— Найти тебя лишь вопрос времени. Не марай руки в крови, Серхио!

Видадь подошёл к пленнице и стянул с неё шорты, шлепнул по ягодице. Девушка вскрикнула больше от ужаса, чем от боли. Забренчал ремнем на брюках и спустил штаны.

Меня перекосило. Девушка закричала ещё сильнее, но, прижатая лицом в стол одним из охранников, обреченно снизошла на рыдание, дыша ртом в столешницу.

— Сука! Не трогай её! Я пришью тебя, падла! — громила метался в руках охранников, которые с трудом его могли сдержать. — Я из-под земли тебя, мразь, достану! Где потом будешь скрываться?! В картеле? Думаешь, Лима приютит?!

— Уже не приютит! — наконец, громыхнул я, резко выходя из укрытия. Двумя выстрелами убил тех, что держали Андреса, третьего и четвертого грохнул Рохе.

Видадь в ужасе попятился, подбирая штаны, но четко угодил в руки порноактёра.

— Сказал ведь, что пришью, — прошипел он, ловя его своей огромной рукой за горло.

Я лишь молча протянул ему пистолет. Парень выхватил его и, отступив на пару шагов, ни капли не сомневаясь, спустил курок в лоб Серхио Видаля. Порнорежиссёр упал замертво.

— Развяжи девушку, — скомандовал я Рохе. — Где Джилл?

В глазах Андреса теперь появился неопиcуемый страх.

— Живей, она там! — и помчал вглубь дома.

В следующие секунды я рухнул на колени возле неё. Она лежала на боку с ножом в груди, из-под рукоятки выступало немного крови.

— Нет, нет, любимая, нет, — гладил по лицу, боясь задеть или сдвинуть нож. Сейчас

только оставшееся в теле лезвие, не давало лёгким заполниться кровью. — Родная?

Джилл слегка приоткрыла веки. Прохрипела, выдавив подобие облегчённой улыбки.

— Скорую, живо! — истерично крикнул я Андресу. — Девочка моя!

— Ты тут, — она слабо улыбалась уголком губ.

— Да, я здесь, милая. Не разговаривай, тшш, — в груди сдавило просто с невероятной силой. Я не могу её потерять, не теперь. Только не сейчас!

Она коснулась моей руки, слегка поморщилась. Ощутил лёгкое касание её губ внутри своей ладони.

— Они едут, — Андрес маячил вокруг, но, увидев, как Рохе привёл до смерти перепуганную Мерседес, принял девушку из его рук. Обнял, пытаюсь успокоить.

Я отчаянно соображал.

— Рохе, уходите. Вам нельзя здесь оставаться, — велел им.

— И тебе, — снова прохрипела Джилл.

— Я не могу уйти, — мотнул головой, поцеловал в сухие губы. — Не могу снова тебя оставить. Держись, девочка моя... Только не уходи от меня, пожалуйста.

— Я люблю... те-бя, — еле слышно проронила она.

— Нет, нет... ты прощаешься, не смей, — целовал холодные щёки, лоб. — Не закрывай глаза, прошу, не закрывай! — Но голова обмякла в моих руках, глаза закатились. — Нет, нет, нет, — в панике вскричал я, не отпуская ее лицо. Проверил пульс — слабый. Чёрт! Скорей! Скорей же! — Джилл, посмотри на меня, пожалуйста... пожалуйста, — молил, шепча ей в лоб, глаза, виски, — пожалуйста. Не бросай меня... родная!

Я не осознал, когда приехали, наконец, парамедики. Андрес отодрал меня от Джилл. Пелена проклятых слёз застилала мне всю видимость.

Парамедики, погрузили её в карету скорой, увидел, как экстренно занялись ею, отъезжая от злосчастного дома. Мерседес и нас погрузили во вторую.

В больнице Джилл моментально увезли в реанимацию, я же, как сторожевой пёс уселся у её дверей. Я буду здесь, я должен быть здесь, с ней. Мне страшно, а ей ещё страшней.

Какой же я придурок! Если бы я знал о бунте Сисилии, то взял бы Джилл с собой. Она бы была в безопасности.

Андрес остался с Мерседес в приёмном покое, а через полчаса был снова здесь, в реанимационном боксе.

— Прости, это все..., - начал вдруг извиняться мексиканец.

— Помолчи, — резко оборвал его. Мне не нужно это было сейчас. Никто ни в чем не виноват, кроме меня одного. Начало всему этому положил я. Ещё тогда, когда выискивал её в Бостоне, когда упёк в камеру психбольницы, когда истязал и унижал, когда гордость и обида не давали отпустить. Только моя вина, ничья больше.

В реанимации появились грёбаные блюстители порядка, а точнее Кастер, Марк и Сидни.

В груди начала расти паника. Нет. Не сейчас. Я должен остаться здесь. С ней.

Первый пошёл в атаку, видя как Вайлет идёт лбом на меня. Заехал ему хуком справа, повалив на пол. Вайлет засмердил определениями поднимаясь. Боль и страх во мне разбудили зверя.

На удивление, ни Кастер, ни Васкес не желали ему помочь. Но Андрес снова себя проявил. Парень блокировал копа, влезая между нами, и заорал на Сид с Кастером.

— Он не уйдет. Дайте ему остаться! Кастер! Он спас её! Нас... Пусть останется!

Порноактёр зарычал и отпихнул Марка в стену, а я обессиленно осел на скамью.

Майерс с болью сканировал мою фигуру. Чего это?! Тебе жаль меня?! Пошли вы все!

Кас забрал у Васкес наручники, подошёл ко мне. Протянуть тебе запястья? Нет. Но и сопротивляться сил уже не осталось. Кастер сам дотянулся до моих рук и аккуратно пристегнул их к скамье. Я могу остаться! Хоть отдаленно, но я был благодарен.

Время потянулось в километровую ленту. Вайлета насильно увела Васкес. Андрес тоже ушёл к Мерседес.

Кастер протянул мне стакан своего кофе. Я уже не помню его вкус. Не благодаря, покорно принял, отпил.

— Это правда? Лима мёртва? — спросил он.

— Да, — кивнул я, сжав ладонь в кулак.

— Ты?

— Я, — новый глоток.

— И кто же теперь глава картеля? — Майерс знал ответ, но, видимо, хотел услышать. Я посмотрел на него многозначительно. — Ты?!

— Был. Теперь будет другой.

— Ты мог остаться там, — лицо Каса пораженно вытягивалось. — Ты же знаешь, что тебя здесь ждёт!

— А ты бы остался?! Стал бы отсиживаться в укрытии, пока твоя любимая в руках у смерти?!

Мужчина мотнул головой и сглотнул, погружаясь в свои мысли.

— Спасибо, что спас её, — вдруг совершенно искренне и благодарно проронил он.

Через три часа всеобщего ожидания, вся группа из детективов, Каса и Андреса дождалась выхода хирурга из реанимации. Мужчина снял защитную маску и выдохнул.

Я вскочил отчего браслеты тут же больно врезались мне в кожу.

— Девушка в тяжёлом состоянии, но стабильна. Кровотечение удалось локализовать. Лёгкие вентилируются пока за счёт аппарата. Картина будет ясна лишь спустя пара суток. — Я радостно опустил голову. Жива. Пока жива... Благодарю тебя, боже! — Есть другой момент. Анализ крови, что был забран анестезиологом показал рост уровня ХГЧ, очень низкий, но всё же.

— Она беременна? — только женщина смогла разгадать его шифр.

Я дёрнулся, в груди бешено застучало сердце.

— Судя по всему, да, но критическое состояние пациентки перевесило чашу весов в пользу матери. Было принято решение, прежде всего, спасти девушку, так как беременность ещё не укрепившаяся. Сейчас велик риск выкидыша. За последствиями наркоза для плода, на данном этапе, следят акушер и перинатолог.

Мой ребёнок! Я снова упал на скамью и потянул себя за волосы. Моя любимая женщина ждёт от меня ребёнка и жизнь обоих сейчас в опасности. А я сижу тут, скованный наружниками и ничего не могу сделать. Проклятые слёзы вновь выступили из глаз.

Ладонь Андреса сжала моё плечо, стараясь поддержать.

— Спасибо, доктор, — проронила Васкес.

— Буду держать вас в курсе, — хирург откланялся и удалился обратно в операционный бокс.

Я не поднимал головы, не хотел, но чувствовал, как все присутствующие переглядываются. Теперь они, словно боялись меня потревожить или обидеть словом. Даже

Вайлет притих.

— Чейз, пора, — уронила приглушенно Васкес.

Я устало поднялся, покорно опустив голову. Марк принялся за наручники, освобождая меня от скамьи. Васкес же загробно читала "правило Миранды":

— Чейз Ричер, вы арестованы по подозрению в убийстве двух и более лиц с отягощающими обстоятельствами, а так же подозреваетесь в похищении людей и покушении на убийство, — наручники щёлкнули за спиной. — Вы имеете право хранить молчание. Всё, что вы скажете, может и будет использовано против вас в суде. Ваш адвокат может присутствовать при допросе. Если вы не можете оплатить услуги адвоката, он будет предоставлен вам государством. Вы понимаете свои права?

— Да, понимаю, — будто поставил подпись или печать под всеми этими словами. Взглянул на Андреса и Кастера.

— Берегите её, — почти приказал я и меня повели прочь из больницы, прочь от неё, прочь из этой свободной жизни.

АНДРЕС

Спустя неделю Джилл отключили от искусственной вентиляции. Я разрывался между больницами и Джилл с Мерси. Последняя не желала со мной разговаривать. Она считала меня виновным во всём случившемся и, отчасти, была права. Я не смог ей объяснить, почему решился на спасение секс-рабыни, подставив под удар её и свою родню.

Оливера уволил меня из клуба, чему я не очень-то расстроился. Между тем Сид Васкес продолжала прочить мне судьбу полицейского-детектива, договорилась даже с новым шефом полиции Хорхе Бельтрамо, чтобы он включил меня в новый набор полицейской школы. Я безразлично соглашался, так как кормить семью ещё был обязан.

Маму готовили к операции. Оливия вернулась с детьми из Флориды. Жизнь постепенно возвращалась на круги своя.

Для Ричера я запросил самого хорошего адвоката прямо из Мехико — Рикардо Вельдосо. Я считал своим долгом помочь ему, не только из-за того, что он спас жизнь мне и Мерси, но и потому, что он являлся любимым человеком Джилл, как бы мне это не претило. К её пробуждению мне хотелось сказать ей, что всё будет хорошо, что у её Чейза самая крутая сторона защиты и её любимого не только не казнят, но и выпустят с почестями на свободу. Но это лишь были мечты моего идиотского разума. На самом же деле всё обстояло гораздо сложнее. Тонна улик против него и его чистосердечное признание в совершённых преступлениях полностью ломали все линии защиты.

Вайлет передал дело самому безжалостному и беспринципному прокурору — Диего Ильдиго.

Кастер поднял все дела по Бостону и по брату заключенного, пытаясь с моральной точки зрения объяснить мотивы подозреваемого.

Оставалось лишь ждать главного свидетеля и саму жертву его преступлений Джилл Кэйтор, пробуждение которой я и Кастер, наконец, дождались.

— Девушка сегодня пришла в себя, — сообщила нам радостную новость её лечащий врач. — Она идёт на поправку. Ребёнок ещё в зоне риска, поэтому лучше её не волновать лишней раз.

Не волновать — легко сказать. Мы с Майерсом обреченно переглянулись.

— Как только все узнают, что она в сознании, сразу же начнётся цирк, — скорбно проронил Кастер. — Следователи, прокуроры и вся полицейская свора будет тут.

— Мы должны ей сказать, а не они, — чётко решил я.

Получив разрешение врача на посещение больной, мы вошли в палату.

Увидев нас, она слабо улыбнулась:

— Ребята...

— Привет, красавица, — поцеловал её в лоб.

— Здравствуй, Джилл, — Кастер взял девушку за руку. — С тобой, наконец, всё хорошо.

— Перепугала ты нас до смерти, — хихикнул я.

Она улыбалась, но в глазах явственно отражалось беспокойство и надежда.

— А Чейз? Он был в том доме...

Тут я опустил голову. Мне было сложно это говорить, как бы раньше я не репетировал, не тренировался, но сказать ей о нём язык не поворачивался.

Кастер в этом деле оказался сильнее:

— Его здесь нет, Джилл.

— Его... его, — произнести свою догадку ей уже мешали дрожь и слёзы, накотившиеся на глаза, — арестовали?

— Да.

Она выскользнула из его руки, сжала ладони в кулаки, героически принимая в себя новый удар судьбы.

— Джилл, послушай, — Майерс настойчиво взял её снова за руку, заботливо заглянул ей в глаза, — работа будет не лёгкой, тебе придётся снова побороться. Но ты не одна, мы тебе поможем. Много против него, не стану скрывать, но попытаться мы должны. Ты должна... должна теперь... ради вашего малыша, — он положил руку ей на живот.

— Что?! — она расширила глаза, смотря то на него, то на меня, то на живот. — Я что... я, я, — её голос задрожал, слёзы сменились на радостный смех, который наполнил палату.

— Да, красавица, — я приобнял её. — Кое-кто скоро станет мамой.

Счастливая женщина, уже не сдерживаясь обняла себя за живот и радостно рассмеялась вперемешку со слезами.

Меня самого переполняла радость, потому что впервые за всё наше время знакомства увидел ее невероятно счастливой. Теперь понимал Каса, за это и правда можно всё отдать, даже самого себя.

ДЖИЛЛ

Взглянула на себя в зеркало. Живот постепенно начинал округляться и я с нетерпением ждала момента, когда малыш начнёт толкаться изнутри. Всё моё счастье зижделось сейчас только на нём и я всеми силами старалась поддерживать и хранить жизнь этого маленького человечка в себе.

Сегодня было первое слушанье по делу Чейза. Я проходила, как главный свидетель, но прокурор ходатайствовал о моём отстранении от дела, так как теперь я считалась заинтересованным лицом. Адвокат же опровергал его аргументы и выдвигал меня в ряды пострадавшей стороны, которая играла немаловажную роль в следствии.

Я невольно заучивала ответы, на возможные вопросы, которые мне зададут в суде, но, единственное, чего мне хотелось это, наконец, увидеть его. За всё это время адвокат не смог добиться для нас свидания, как бы я не умоляла. Я была почти уверена, что этому препятствует именно Марк...

— Он-убийца, Джилл, а ты мягкотелая игрушка в его руках. Ты больна!

Изподлобь взирала на его мечущуюся по кабинету фигуру. Стало неприятно.

— Спасибо, что напомнил, — процедила хмуро.

— Ты любишь его?! Любишь это ничтожество за то, что он насиловал тебя, убивал?! — Уже не отображая, что творит, он толкнул меня к стене, припечатав телом:

— Мне тоже нужно изнасиловать тебя, чтобы ты и меня заметила?!

Виска коснулись его губы. Услышала, как он жадно втянул мой запах. Стало неприятно и мерзко до тошноты. Влепила ему пощёчину, охлаждая его пыл гневным взглядом. Он сердито выдохнул и отошёл, отпуская.

— Теперь заметила, — жестко процедила я тогда и покинула кабинет.

Об этой унижительной сцене ни с кем делиться не стала, но и посещать этого человека без сопровождающего больше не рискнула, как бы он позже не извинялся за свой поступок.

Спускаясь вниз, слышала как Андрес гонялся по дому за визжащей от восторга Мореной. После моей выписки из больницы, он настоял на том, чтобы я поселилась в его доме. Ехать с Кастером в его съёмную квартиру я не могла, так как мне казалось, что, находясь с ним, предаю Чейза. Кас был одним из тех, кто тоже признался однажды мне в любви, и тот чью любовь я приняла, как лекарство от душевных ран, но не ответила взаимностью.

С Андресом же мне было спокойно. Его харизма и вечная суматоха детворы в доме, отвлекали от снедающих мыслей.

— Преступница поймана и будет обезврежена, — басил он, ловя девчущку и подбрасывая кверху.

— Фея-крестная меня спасёт, — хохоча, заверещала Морена, завидев меня.

— Моя принцесса мастак прыгать по сказкам, — пропел он.

— Спасти тебя от злобного великана? — я, смеясь, смотрела на летающую в руках брата малышку.

— Дааа! — заверещала довольная девочка.

Взяла с дивана подушку и запустила её в голову злобного великана. Андрес игриво начал падать со своей пленницей на пол, изображая сраженного злодея. Довольная малышка выскользнула из его рук и, визжа, побежала прочь в сторону кухни.

— Я между прочим её минут десять пытался изловить, — шутливо проворчал он, садясь на полу.

— Что поделать? Женщины, — я злорадно сощурилась и потянула его за руку с пола.

— Ты уже готова? — он удивленно глянул на часы.

— Не хочу опаздывать.

— Ты абсолютно неправильная женщина, — он нарочито фыркнул. — Ещё час до выхода, а ты уже на взлёте. И почти на сто процентов уверен, что ни крошки в рот ещё не взяла.

Я виновато опустила голову. С питанием у меня по-прежнему были проблемы. Сначала рабство, потом токсикоз, теперь привычка забывать.

— Джилл, это нужно прежде всего ребёнку. Не шути с этим, — теперь смотрел строго.

— Я как раз шла в столовую, — фальшиво соврала.

— Этот взгляд я знаю, — он псевдосерьёзно посмотрел мне в глаза. — Его я изобрёл. Живо в кухню, а я одеваться.

Командир. Я беззвучно рассмеялась и направилась в столовую.

Оливия не спешила общаться со мной и суть её нелюбимости мне, кажется, была понятна. Я оценила её вкус и молча пожелала ей успехов в завоевании сердца этого громилы.

На пороге дома появился Кастер в строгом костюме, как подобает дресс-коду данного мероприятия.

— Привет, толстушка, — он чмокнул меня в щёку, по традиции протягивая мне розу. Поначалу этот жест напрягал меня, но, с течением времени, научилась к этому относиться как к само собой разумеющемуся. Только Андрес ревниво хохмил, называя их гербарием.

— Спасибо, — приняла цветок.

— Как ты? — смотрел, слегка тупя взор.

— Ничего. Справляюсь. Андрес уже должен спуститься.

— Хуже любой принцессы, — ехидно проворчал он.

— Я всё слышу, — громыхнул сверху хозяин дома.

— Не сомневался.

— Идёмте, — я поспешила на улицу.

Кастер открыл мне дверцу своей машины. Решила ублажить. Андрес усмехнулся и сел в свою.

Молчание в пути было не долгим.

— Мерседес дала показания против Чейза, — могильно проронил он.

— Но ведь он же спас её?! — моему возмущению не было предела.

— В телах убитых в доме Видаля были изъяты пули из разных пистолетов. Один был Чейза, второй вызывал вопросы. Мерседес подтвердила, что он был не один и звал своего помощника Рохе. Девушка опознала его. Это Рохелио Баса — головорез, наркоман и убийца. На содержании Марселу Лимы.

— Марселу Лима убит, — с нажимом парировала я.

— В этом и загвоздка. Ильдиго тут же вцепился клещами, выдвигая версию, что Чейз стал новым главарём картеля.

— Ну и что! — я нервно возмутилась. — Ведь он пришёл туда. Да использовал запретный приём, но во благо.

— Он пришёл туда ради тебя, а ты давно его сообщница, а не жертва. Это его версия.

— Сволочь! — с досадой стукнула рукой по бардачку.

— Новая версия потребует доказательств.

— А следы побоев на теле Чейза? Они подтвердят, что он был рабом.

— Джилл, судью не волнует кем он был. Он совершал преступления до картеля, а теперь Ильдиго намерен впаять ему ещё трупы в доме Видаля, представив это, как групповую разборку, в которой было убито семь человек. Тут пойдёт уже статья по ОПГ.

Я учащенно задыхалась, глуша внутри возмущение и протест.

— Боже, зачем это всё? Ему и так грозит смертная казнь за те, проступки, в которых он признался, а с этим тогда что будет?

— Нам нужно доказать, что ты не сообщница...

— Я жду ребёнка от него. О чём ты?

— Ты думала, что умрёшь. Это был порыв. Как... как перед апокалипсисом.

— В этом мне убеждать их?

— Чёрт, Джилл. Наша линия защиты никакая, она ничтожна. Мы можем лишь давить на то, что он исправился, что спасал людей, а это только поможет заработать ему пожизненное, вместо смертной казни.

Я умолкла, напряженно уставившись в окно.

— Честным путём его не спасти, — уронила я.

— Предлагаешь устроить ему побег? — в ответ проворчал он.

Я лишь многозначительно посмотрела на него. Если бы знала как, то обязательно это сделала. Прокурор говорит, что я сообщница, нет — я его вторая половина, его сердце и мысли. Мы единая часть. Мы теперь два преступника.

ЧЕЙЗ

Наручники, соединенные цепью с кандалами на щиколотках, тяжело и громко шумели об пол и моё тело, эхом несясь по коридору.

Я был рад выйти из одиночки, пройтись до полицейской машины, ехать по дороге, наблюдая за людьми, птицами, небом над головой. Даже эти холодные и чуждые стены вызывали во мне покой.

За эти пять месяцев я смирился с тем, что меня ждёт и просто старался насладиться остатками тех минут, что у меня ещё есть. Я был тем, кто позавидует смертельно больному, потому что у него ещё есть надежда вдруг исцелиться. Если же и нет, то он успеет хотя бы насладиться всеми вкусами, ароматами, видами и ощущениями. В моем случае, были только карцер и дорога в зал суда.

На слушанье людей было немного. Крикливых репортёров оставили за дверями.

Я искал лишь её. Она сидела впереди на скамье потерпевших с Кастером. Андрес занимал скамью для свидетелей.

Я снова залюбовался ей. Она стала ещё прекрасней. Голубое платье восхитительно лежало на её фигурке, а в идеальных линиях уже можно было различить небольшое округление в животе. Мне дико хотелось прыгнуть через все преграды к ней, прижать к себе, поцеловать, сказать как тоскую по ней... Прильнуть ухом к её животу, прислушаться к

сердцебиению малыша.

Решётка для подсудимого лязгнула. Наручники сняли и меня втолкнули в клетку.

Судья заговорил, но я видел лишь её, как смотрит на меня, как в её глазах стоят слёзы, как едва различимо улыбается мне.

— ... подсудимый признал свою вину в противоправных действиях по отношению к потерпевшей Джилл Кэйтор, — вещал прокурор, — так же взял на себя вину за убийство Эммы Робертс и постового охранника Дина Мортиса, в целях скрыть свои преступления. Уважаемый коллега, сеньор Вельдосо, утверждает, что после конечного инцидента с мисс Кэйтор, подсудимый исчез с радаров, а после оказался пленником в картеле, который принадлежит... внимание, его родному брату.

— Господин судья, — адвокат тут же поднялся, — с тела подсудимого были сняты следы побоев и запротоколированы. Все увечья имеют разный срок давности и крайне жестоки по отношению к любому человеку, это как раз и подтверждает, что Чейз Ричер был пленником, а не сообщником.

Пристав передал папку судье.

— Господин судья, — Ильдиго проворно брал дело в свои руки, — позвольте мне пригласить своего первого свидетеля Мерседес Рипети.

— Прошу, — кивнул судья.

Сейчас узнать её было сложнее. Видимо, эмоциональный удар не прошёл мимо её психики. Она коротко обрезала волосы, выкрасив их в чёрный цвет, тело упаковала от сих до сих.

— Сеньора, вы помните этого человека?

Она мельком глянула на меня.

— Да. Он появился тогда в том доме... спас нас.

— Спас? — Ильдиго противно уточнил.

Она, нервничая, сжала полу футболки.

— Вы опознали с ним ещё одного человека Рохелио Баса. Ярого преступника, насильника, головореза Марселу Лимы. Скорей всего, именно ему принадлежали пули в телах двоих охранников Видаля.

— Господин судья, я протестую, — адвокат моментом вскочил. — Обвинительная сторона пользуется догадками.

— Протест принят, — судья безразлично глянул на Ильдиго. — Закрепляйте свои данные соответствующими уликами.

— Согласен, судья, но факт есть факт, Чейз Ричер был не один, ему помогали и это уже точно был Рохелио Баса. Выходит, подсудимый явился туда за своей сообщницей, — указал на Джилл. — И в доме была просто разборка между преступными организациями, свидетелями которой невольно стали сеньор Андрес Кате́йру и сеньора Мерседес Рипети, — он сел, давая понять, что закончил.

— Сеньор Вельдосо, у вас будут вопросы к свидетелю Ильдиго?

Адвокат поднялся.

— Да, спасибо. Сеньора Рипети, скажите, пожалуйста, когда вас похитили, вы были одна в том помещении?

— Да, — её голос дрогнул.

— Вам что-то говорили?

— Он ждал Андреса, а через два дня появилась и девушка. Тот человек избил её и

сказал, что будет убивать нас на глазах Андреса.

— То есть о Ричере планов у него не было?

— Нет.

— Хорошо, спасибо, сеньора. У меня вопросов к свидетелю больше нет. Господин судья, могу я вызвать мисс Джилл Кэйтор, как свидетеля...

— Протестую, — тут же взвился Ильдиго, — девушка проходит по делу, как потерпевшая сторона.

— Протест отклонен. Пригласите, сеньор Вельдосо.

Джилл поднялась и, поглядывая на меня, на негнущихся ногах прошла к скамье допросов.

— Джилл, как вы? — учтиво осведомился адвокат.

— Всё хорошо, спасибо, — мягко кивнула она.

— Скажите, почему Видадь мог выместить злость на вас и на сеньоре Рипети?

— Серхио Видадь скупал рабынь в картеле Лимы и в других притонах, а после использовал на съёмках своих порнороликов.

— Он, я так понимаю, заключал ещё и обычные контракты с порноактёрами?

— Да. Андрес был среди таких.

— Значит, сеньор Кате́йру помог вам бежать из порнодома, тем самым раскрыв тайный бизнес Видаля?

Кивнула.

— Спасибо.

— У меня вопрос к мисс Кэйтор, — тут же встрял Ильдиго. — Почему именно вас сеньор Кате́йру решил выводить из беды, прекрасно понимая, что ставит под удар своих родных и подругу?

Джилл замялась, явно начиная нервничать.

— А кто должен был? — её голос слегка дрогнул. — Ни вы, ни полиция... за столько лет и знать не знали обо мне.

Ильдиго сцепил губы, немного сконфуженный её советливый репликой.

— Вы и сеньор Кате́йру организовали побег для Чейза Ричера, с какой целью?

— Бывший шеф полиции Энрике Навако был связным Марселу Лимы. Он сообщил, что Мерседес в заложниках и находится в картеле. Обмен мог состояться лишь, если я и Чейз вернутся обратно.

— Но вы не вернулись?! Можно узнать как так вышло?

Она нервно сглотнула.

— Я была ранена и мы вынуждены были где-то остановиться...

— То есть проникнуть в частную собственность?

— Да, сеньор! — Джилл сурово посмотрела на него. — Мы остались в чужом доме до утра, но проснувшись, поняла, что Чейз ушёл без меня. Он не хотел моего возвращения в картель.

— Что ж, спасибо, у меня нет больше вопросов.

Судья кивнул ей и девушка вернулась на своё место.

— У меня есть вопросы к подсудимому, — прокурор ехидно глянул на меня.

Я был немного растерян в пространстве и отчуждал от себя всё происходящее.словно невидимка, я просто умиротворенно наблюдал за Джилл.

— Встаньте, подсудимый, — спокойно подбодрил меня судья. Поднялся.

— Скажите, вы добрались тогда до картеля?

Вопрос с подвохом.

— Да.

— Странно тогда. Как вы покинули картель, если вы были их пленником?

— Я был их пленником, но после убийства Марселу Лимы, получил свободу.

— Вы просто везунчик.

— Я просто родился не в той семье.

— В прошлый раз вы объясняли, что в картеле была вспышка холеры, которая привела к бунту. Кого избрали в лидеры?

— Это картель Хулио Мадери. Там его дочь. Судите сами.

— Как получилось, что Рохелио Баса не только присутствовал при "штурме" дома Видаля, но и исполнял ваши указания?

— Протестую, — вскрикнул адвокат, — он вынуждает подозреваемого свидетельствовать против себя.

— Протест принят.

— Последний половой акт с потерпевшей у вас был по её воле?

Я сжал руки в кулаки. Не смей, гадина, опускать в клоаку самую прекрасную ночь в моей жизни.

— Я люблю её, — процедил, испепеляя этого выскочку взглядом. — И в ту ночь мы были вместе во всех смыслах.

— Спасибо, плоды ваших творений нам заметны. — Мне дико захотелось втесать его рожу в прутья моей решетки. — У меня нет вопросов.

— Мистер Ричер, — тут же поднялся адвокат. — Скажите, пожалуйста, почему вас сделали пленником, а вашего сообщника Сэма Льюиса как раз наоборот?

— Я отказался содействовать Лиме в поиске Джилл. В наказание попал в амбар. С появлением девушки в картеле, он несколько раз предлагал её убить взамен на свободу.

— Вы отказывались?

— Да.

— Спасибо.

Прокурор уже тянул руку.

— Да, сеньор Ильдиго, — получил разрешение от судьи.

— Мистер Ричер, можно узнать почему при облове с наркокурьерами вы будучи "сумкой" оказали полицейским сопротивление? Вы могли объяснить им кто вы.

— Нет, не мог. От выполненной работы зависела жизнь девочки-рабыни, — грудь вновь сдавила не стихающая рана, голос дрогнул, глаза опять увлажнились. — Он обещал освободить её.

— Но этого не произошло?

Я уставился в эти глаза. Сколько в них самодовольства и уверенности в своей неотразимости и непогрешимости. Я был таким же, а теперь стою здесь перед тобой и отвечаю на унижительные вопросы моей проклятой жизни. Я не мог и не хотел больше говорить. Мне сильно захотелось сесть.

На помощь пришёл адвокат.

— В картеле от холеры погибло около двадцати человек. Габриэль Коста, о которой, судя по всему, говорит мой подопечный, скончалась на первой волне эпидемии. В материалах приложено фото девочки. Родители вели поиски ребёнка, но безрезультатно.

Как и всегда.

— У меня больше нет вопросов, — откланялся прокурор.

— Уважаемые стороны, у вас будут ещё свидетели дела?

— Нет, судья, — привстал Ильдиго, Вельдоса последовал его примеру.

— Что ж, в таком случае, первое слушанье объявляю закрытым. О его результатах оповещу стороны позже. Сеньор Вельдоса, суд решил удовлетворить просьбу вашего подопечного о свидании с мисс Джилл Кэйтор...

Я едва не сломал прутья решетки. Свидание с ней, целых два часа вместе, одни, без всего этого цирка.

Джилл счастливо прикрыла рот рукой, боясь вспугнуть этот незаслуженный подарок.

— ... о времени и месте, вы обсудите с надзирателем тюрьмы. Слушанье объявляю закрытым.

Удар судейского молотка и зал загудел.

Но я не слышал, продолжал смотреть на неё, даже не отображая, как меня снова обули в оковы и повели из зала заседания.

Она послала робкий воздушный поцелуй, всем взглядом отдавая своё тепло.

Мы увидимся и скоро. Тогда я смогу сказать, как скучаю по тебе и как мечтаю быть рядом.

АНДРЕС

Она улыбалась. Не натянуто, не с грустью, а с предвкушением. Она ждала, она знала, что можно, что официально, что скоро.

Я был рад за неё, но толика грусти скреблась в душе. Она мне нравилась. Иной раз даже понимал, что чересчур. Смотря или слушая её, ловил себя на мысли, что хочу её обнять, поцеловать, прижать к себе так сильно, чтобы осталась внутри меня.

Стоп, стоп! Этого не будет! Мы друзья! Каждый раз отдёргивал себя отрезвляющими лозунгами.

Вот и сейчас, увидев девушку в дверях своей комнаты, чуть не ляпнул: "Да, любимая?!"

— Ты уже готов? — улыбаясь, осведомилась девушка.

Не готов. Никогда не буду готовым.

— Да, красавица, подожди во дворе. Я сейчас спущусь.

Кивнув, упорхнула. Снял рубашку, глянул на своё любимое годами отражение в зеркале. Оболочка такая же — много секса и энергии, но... Кто этот человек? Где моя прежняя самовлюбленность и эгоизм? Сдуло!

Андрес, ты не романтик. Женщины для тебя лишь хорошее времяпрепровождения. Они все тебя любят и хотят, а ты этим благополучно пользуешься.

Стук в дверь.

— Открыто, заходи, — крикнул я, надеясь увидеть её, но само собой размечтался. В дверь просунула лицо Оливия.

— Сеньор Андрес, — она выросла в пол, оторопело разглядывая меня. Как бы я хотел, чтоб на меня так же смотрели, но не ты.

— Что случилось, Оливия?

— Вашу маму завтра переводят в онкологический центр. Врач просила вас приехать в полдень.

— Хорошо, спасибо, — приготовился снять брюки, но тормознул. Девушка не уходила, продолжая откровенно меня разглядывать.

— Оливия?! — помахал рукой перед её глазами. Встрепенулась. — Хочешь помочь мне переодеться?! — сказал жестоко.

— Простите, — её милое личико мгновенно надулось в обиженный шар и девушка выскочила за дверь.

С появлением Джилл в моём доме, Оливия стала меня всё больше раздражать. Её овечья покорность, любезность, строгость речи и постоянный взгляд на мне. Был готов поклясться, что она могла и подслушивать мои беседы с Джилл. Не долг срок и всё это может перерасти в манию.

Отбросил ненужные мысли и быстро упаковался в футболку и джинсы.

Джилл ждала, облокотившись, на машину.

— Нет, красотка, я сегодня поведу, — снова мой ненужный юмор.

— Очень смешно, — девушка изобразила обиду. — Ты сам предложил тогда попробовать. Вот я и попробовала.

Она кивнула на выбитую заднюю фару и погнутые прутья ворот.

— Опрометчивое было решение, — сгримасничал и открыл девушке дверцу машины.

Путь был далёкий и уже ближе к тюрьме она нервничала ещё сильнее.

— Красотка, расслабься. Сегодня ваш день.

Она смущенно опустила глаза. У меня же сердце превращалось в подушку для иголок.

Неправильно, Андрес. Ох, как не правильно! Она любит Чейза. Она его. У них будет ребёнок.

Но он заключенный, а если и избежит смертной казни, то до конца своих дней останется в тюрьме. Он не сможет сделать её счастливой, ему несуждено. А я тут. Я рядом. Он сам велел беречь ее. Это же как благословение.

Нет, Андрес, неправильные мысли, совсем неправильные. Но я вдруг представил, как из месяца в месяц, из года в год, Джилл добивается его освобождения, пишет бесконечные апелляции в суды, ездит к нему в тюрьму на свидания. Вся жизнь пройдёт мимо неё в таком чудовищном режиме. Лучше смерть.

Содрогнулся от собственной мысли. Неужели, я и в правду считаю, что смерть Чейза освободит её, даст настоящую жизнь? Но за всем этим видел подтекст — смерть Ричера просто освободит девушку для меня, а не её саму. Снова мой эгоизм.

— Приехали, — сообщил я.

В фойе нас встретил надзиратель, принял от меня все необходимые документы, зарегистрировал девушку, провёл осмотр на наличие запретных вещей и повёл её от меня к нему.

В груди преобильно что-то свернулось, упав в желудок камнем, но я искренне пожелал им длинных и счастливых минут. В конце концов, я был и ему во многом благодарен.

ДЖИЛЛ

Я замерла. Буря эмоций гуляла внизу живота, с трудом удерживая меня на ногах.

Надзиратель ушёл, оставив нас наедине.

Эти чёрные глаза с любовью и благоговением смотрели на меня. Как так получилось? Как эти глаза сумели стать так необходимы мне? Как они проникли ко мне в сердце?

Я выдохнула и прильнула к нему. Мозолистая рука переплелась в моих волосах, любимые губы жадно целовали.

— Я думал с ума сойду, пока ждал тебя, — прошептал мне в висок. Обнял так, словно я его воздух. Опустился к животу, поцеловал район пупка, прижался щекой, выслушивая стук сердца нашего малыша.

Я счастливо улыбалась, пуская реки слёз по щекам. Обнимала его голову, целовала волосы, тёрлась о них лицом. Так хотелось впитать их запах в себя, запомнить их наощупь.

— Я так скучаю по тебе, — молвила я, не скрывая дрожь в голосе. — Так хочу тебя рядом, хочу засыпать ночью и чувствовать твоё тепло. Внутри все прямо сводит, когда понимаю, что это невозможно...

— Нет, родная, не об этом. Этих минут слишком мало, чтобы говорить о плохом. Сейчас только ты и я. Ничего больше.

Он поднял меня на руки и осторожно уложил на кровать. Проникновенно заглянул в глаза. Лёг рядом, нависая. Нежный поцелуй в щрам, нос, уголок губ. Провёл пальцами по щеке.

— Я так тебя люблю.

Фраза горячим воздухом потекла по моим венам, наполнила теплом грудь, мгновенно согрел душу. Снова поцелуй. Язык скользнул в рот. Впился страстно и неистово. Верх платья пополз вниз.

— Девочка моя, — шепнул в рот.

Переместился ближе. Ладони обхватили груди, большие пальцы скрестились в ложбинке. Спустился по шее к ним, втянул ореолу в рот, кончиком языка играя соском. Я изогнулась, желая коснуться его тела своим, дать коже ощутить его тепло.

Губы ласкали тело, живот. Полностью лишил платья.

Поцелуй в лоно через кружева трусиков, заставил испустить тяжёлый стон. Спустился к внутренней части бедра, осыпая ласками.

— Я тебя очень хочу, — хрипло простонал он, вернувшись к моим губам.

Явственно почувствовала его эрекцию. Член стремился вон из брюк. Погладила место ширинки. Сладостный выдох, моего мужчины. Дрожь и трепет тел. Поцелуй в висок. Он приподнялся, снимая с себя брюки. Обхватила его член руками, мягко феллируя вверх-вниз.

— Ты меня с ума сводишь, — простонал он, слегка содрогаясь от моих ласк. Навалился, оперевшись на локти. Посмотрел в глаза. Сомнения?! Нет, он хотел меня, но, видимо, житель внутри меня, его слегка беспокоил. Улыбнулась и повернулась на бок. Наклонился и снова поцеловал. Одновременно трусики сдвинулись и он аккуратно погрузил в меня головку. В смятении пронаблюдал за моей реакцией.

— Всё хорошо, — шепнула губами.

Обхватил за голову, упёрся лбом мне в висок. Вошёл глубже, достигая моих главных эрогенных зон.

— Да... — охнула я, немея в ногах.

Смотрела ему в глаза, ловя каждую мимику наслаждения на его лице. Он стоял на коленях, двигаясь во мне. Гладил попу, колени, стопы ног.

Содрогнулась, сжав в кулак простынь. Наклонился ко мне. Снова его дыхание возле губ, поцелуй. Рука его добралась до клитора и он мягко начала массировать его. Грудной стон. Тазовые мышцы запульсировали, ноги охватил тремор.

— Боже, — изогнулась, вцепившись в проворную руку. Но он видел — скоро.

— Давай, — подначал он, чуть ускорив движение во мне, окончательно сводя с ума. Я раскрыла рот в немом крике, мускулатура тела напряглась, сжав и расжав мышцы влагалища, заставляя простонать и его. Привстала на локте и, обхватив его за шею другой рукой, уткнулась головой ему лоб, прикусила губы, достигнув апогея. Упала на простыни, хватая ртом воздух. Блаженство заполнило каждую клеточку, перерождаясь в счастье.

— Люблю тебя, люблю, — улыбалась я.

Лёг рядом, снова целуя губы, виски, втягивая кожу на шее. Запрокинул мою ногу себе на бедро и вновь оказался во мне. Обняла его за шею, двигаясь ему в такт.

— Джилл, — хрипло просипел он, капканом держа моё тело. Почувствовала его напряжение, стон в ухо, пульсацию внутри меня. Уткнулся мне в ключицу, зарычал, высвобождая всю энергию в меня. Дёрнулся ещё пару раз и растёкся.

— Ты самое прекрасное, что случилось со мной, — шепнул, загребая меня в себя.

Хотелось раствориться в этих минутах, заставить их остановиться.

Отдышавшись, мы лежали сплетаясь телами, наблюдали друг за другом, слушая и

запоминая такт сердец. Провёл пальцем по шраму на груди:

— Это, наверное, было для меня самое страшное.

— Тебе надо было уйти, — проронила с грустью я.

— Я не мог тебя оставить. Снова.

— Но оставил... Ведь ты здесь. Не со мной.

— Если бы ты умерла, а я ушёл, то никогда бы не смог себе простить, что меня не было тогда рядом.

Горько покачала головой.

— Я боюсь того, что мой сон по-тихоньку сбывается.

— Сон?!

— Ещё когда сбежала от Видаля. Я была на твоей казни. Во сне.

Он передернул плечами.

— Не будем об этом, — попросил он. — Мы с тобой много раз были на краю гибели, но выбирались...

— Думаешь и теперь получится? — закусил большой палец, не чуя надежды.

— Думаю, что время заканчивается и я должен ещё всю тебя исцеловать, — он резко приподнялся, улыбаясь, и, повалив меня на спину, принялся целовать каждый дюйм на моей коже. Я захохотала, лоя его за голову.

— Минутку, — он спустился к животу и, положив на него руки, повёл серьёзный монолог.

— Твоя мамочка умеет попадать в передряги, поэтому, как родишься, смотри за ней глаз да глаз. Защищай её, понял?

Я улыбалась:

— А вдруг девочка?

— Ну, ей тоже неплохо бы за тобой приглядывать. Да, и научить, наконец, мамочку шикарному макияжу и помочь выбрать платье. А то, она этого совершенно не умеет... и не любит делать.

— Что?!!! — игриво толкнула его в плечо.

Он засмеялся и подмял меня под себя. Заключил в поцелуй.

— Не хочу тебя отпускать, — прошептал он. — Хочу, чтоб навсегда.

В груди всё облилось льдом.

— Навсегда, — эхом вторила я.

— Ты выйдешь за меня? — вдруг выпалил он.

Я всколыхнулась, поражённо смотря на его сумасшествие.

— Чейз, — хотелось кричать "да", но разве это возможно.

— Подожди, — он вскочил, поднял с пола форму заключенного, зарыскал в карманах. Нашёл подобие скребки или кольца для лямки робы, быстренько снял, вернулся ко мне, лёг рядом.

— Джилл, ты согласна стать моей женой? Сейчас! Здесь, в этих стенах. Навечно!

Только он и я, стены лишь свидетели. Да и никто нам для этого не нужен.

— Согласна, — я, улыбаясь, кивнула.

Счастливо прижал к себе, утопил в поцелуе. Оторвался, надел своеобразное кольцо на палец. Оно по сути ничто, но для меня самое ценное и дорогое. Оно наш союз, наше обещание любить друг друга вечно.

Зарылась в мужа носом, трепетно вбирая в себя его присутствие рядом.

СИСИЛИЯ

Ждала, размеренно постукивая пальцами по столешнице. Взгляд упал на кресло. В нём полгода назад сидел Чейз и, впервые, говорил со мной без ненависти и отчуждения. А теперь я снова одна, абсолютно.

Рабов нужно было распустить, но я опасалась, что это обернётся против меня и картеля. Но и продолжать губить их изнурительной работой и голодом больше нельзя.

Амбары я велела лучше укомплектовать. У рабов появились койки, туалет и раковина, что исключало вторичное возникновение холеры. Доступ к воде был неограничен и питание стало трёхразовым.

Да, они продолжали быть под гнётом картеля, но могли уже хоть немного ощущать себя людьми. Так как смертность значительно снизилась, то и потребность в новых пленниках отпала.

В кабинет вошёл Рохе и Олавинию. Тут же подобралась.

— Ну?

— Этот прокуроришка явно пулю в башку жаждет, — усмехнулся Олавинию, который втихую пробрался на слушанье. — Они ему ещё семь трупов впихать хотят. Чтоб наверняка.

— Пусть, — буркнула я. — Его все равно казнят. Они лишь тянут кота за хвост.

— Тогда чего ты ждёшь? — не понял Рохелио.

— Момента, когда они все смогут ПОВЕРИТЬ...

КАСТЕР

В этот раз везти её в больницу настоял я. Андрес и так всё время был с ней, а мне приходилось узнавать обо всём издалека. Да и наблюдая за Кате́йру, понял, что Джилл сумела покорить сердце и этого громилы. Я не ревновал, просто с тоской поражаюсь, как при таком богатом выборе мужчин, девушка умудрилась полюбить самого сложного, недоступного и жестокого человека. Я давно смирился с тем, что она любит своего же убийцу, что немудрено. Её жизнь — вечный ад и сумасшествие, потому и её любовь такая же.

Я не понимал её, но уже не осуждал. Последние события, что происходят с Ричером стоили её сердца и души. Нет, я никогда не прощу ему то, что он творил с ней в больнице, как убил в хижине. Но я оценил то, что он сделал для неё в картеле, он рискнул жизнью, отдал свою свободу, чтобы спасти девушку.

Я впервые говорю ему "Спасибо". А наблюдая за Джилл, понимаю, что именно этот человек, вдруг стал её счастьем. Я мечтал видеть девушку счастливой, потому всячески участвовал в следствии.

На начале дела сумел доказать, что к ночной бойне психбольных и их смертям, он не имел отношения. Расследование вывело меня на Сьюзен Ирдан, чему был невероятн поражен. Именно она, лишила пятый этаж электроэнергии. Неужели, она попыталась убить так Джилл, после нашего расставания? Сьюзен занялась полиция Бостона.

Обратился к родителям Габриэль Косты, прося их ходатайствовать за него на суде. Джилл рассказала им о том, как Чейз всё время оберегал девочку, ценой даже собственной жизни. Как отдавал ей часть своего пайка, выбивал чарку воды и оберегал от псов Лимы. Возможно, только благодаря ему смерть ребёнка была не насильственной. Мать покойной по-прежнему пребывала в глубоком трауре, поэтому адекватный ответ дал лишь её отец.

Свои обвинения в моём похищении я отозвал, сославшись на глупую ссору между коллегами, ведь всё-таки он меня тогда не убил, а мог бы. Я, скорее, был благодарен, что оказался в той хижине, если бы меня там не было, никто бы не вытащил девушку из могилы. Даже там он, как будто, всё продумал.

Вельдосо нарыл сведения о Чейзе в муниципальных учреждениях. Оказалось, что после трагической гибели матери на его глазах, родственники дважды направляли мальчика в психологический центр. Ребёнок пребывал в тяжелой депрессии и мучался кошмарами. После его перевезли в штаты. Третий раз он уже самолично посетил центр, только в Бостоне, ближе к двадцати годам, и, по записям психиатра, выражал крайнюю злость и ненависть к брату. Адвокат пытался оправдать подсудимого, ссылаясь на его психологическое состояние, на гнёт со стороны его родных, на плохую работу социальных групп, позволившим ребёнку вырасти в преступном мире. Он клонил на то, что маленькому мальчику просто не от кого было взять хороший пример, но уже во взрослой жизни он пытался самостоятельно этому обучиться, не без жертв. Подсудимый заслуживает как наказания, так и сочувствия. Смертная казнь чересчур завышенная мера наказания.

Вельдосо верил в эту линию защиты и считал, что присяжные учтут эти факторы при

вынесении приговора.

После второго слушанья, Джилл сильней поникла и большую часть времени проводила дома в постели.

Ильдиго не смог доказать, что Чейз устроил сходку преступных группировок в доме Видаля, но о том, что Джилл сообщница, явственно свидетельствовал её живот и непонятная скрепка на безымянном пальце, в значение которой я желал не вникать.

Перинатолог водила датчиком УЗИ по животу девушки.

— Плацента по передней стенке матки, предлежание плода головное, сердцебиение в норме 152 удара в минуту. Внутренние органы сформированы, без патологий. Вес плода примерно кило сто тридцать. Пол ребёночка, наконец, решили узнать?

— Да, — Джилл привстала.

— Это девочка.

— Девочка, — она расплылась в блаженной улыбке. Я, поздравляя, сжал её ладонь.

— Фото нужно?

— Да, пожалуйста, — кивнул я.

— Два, — ввернула Джилл.

— Хорошо, — врач кивнула. — Можете вставать, Джилл.

Я ушёл в коридор. Когда девушка вышла, протянул ей фотографии.

— Вторую попроси Вельдосо передать, — имя отца она не решилась произнести.

— Хорошо, — забрал снимок. Уже в машине обеспокоено посмотрел на нее. — Джилл, я переживаю за тебя. Расскажи мне всё.

Она вздохнула.

— Просто... просто мне не хватает его. Когда малышка впервые толкнула, то живот трогал Андрес, а не он. Я с каждым днём всё больше понимаю, что это навсегда. Его не будет рядом, как бы я об этом не мечтала и не боролась за это.

— Джилл, не думай так. Его не казнят, мы этого добьёмся. А потом будем добиваться и его амнистии. Рано или поздно, но всё будет. Ты многое вытерпела, осталось ещё немножко. Не сдавайся.

Она не ответила, просто закусила большой палец и уставилась в окно.

В доме было шумно. Морена играла с Оливией в куклы, а Мигель с головой зарылся в гаджет. При виде нас, гувернантка хмуро кивнула. Джилл лишь удостоила своим взглядом.

— Андрес у себя? — спросил я.

— Нет, сеньор. Он в больнице у матери, — ответила она. — Не желаете чаю или кофе?

Я неучтиво замялся.

— Да, не отказался бы, — кивнул.

Оливия ушла в кухню, а Джилл осторожно уселась на диван, возведя живот кверху. Морена тут же взобралась рядом и уложила голову на него.

— А скоро он родится? — она наивно глянула на Джилл.

— Это девочка, — улыбнулась беременная.

— Здорово, ты родишь мне сестрёнку!

Мы от души засмеялись.

— Да, у тебя появится подружка, — Джилл чмокнула девчущку в лоб.

Оливия принесла поднос с чашкой и, поставив на стол, удалилась. Взял кофе и пригубил, наблюдая за завистливым взглядом беременной.

— Тебе нельзя, — передразнил.

Джилл испустила усталый рык:

— Когда рожу, наемся до отвала.

— Нет, — уже откровенно засмеялся над ней. — Потом нужно кормить малышку грудью. Ничего вредного.

— Я тебя ненавижу, — она тоже засмеялась.

Мы ещё долго разговаривали и уже в потёмках я распрощался с ней и домочадцами. Сам хозяин дома так и не появился.

АНДРЕС

Шёл заплетая ноги. Дыра в груди расширилась до невероятных размеров. Её больше нет...

Я стоял возле палаты реанимации и наблюдал, как хирурги пытаются вновь завести ей сердце. Звук линии жизни до сих пор звучит в моём мозгу.

— Время смерти 16:37,- приговор доктора.

Я умер с ней, рядом. Мам... Мамочка...

Мой крик боли утонул в её плече. Целовал руки, лицо, уговаривая вернуться. Прошу тебя, мам, не оставляй меня одного. Но крик траура переродился в гул, слёзы в сухую солёную плёнку на лице. Во мне снова шестилетний мальчик, которого мама потеряла в парке. Он плачет, озирается, зовёт её. И ему очень страшно. Но тогда был счастливый конец, мама нашлась. Здесь же я смотрел на белое лицо, с приоткрытым ртом, впалыми щеками. Серые волосы распластаны по подушке. Катетеры и патрубки больше не имеют смысла. Она ушла безвозвратно.

Улица была тёмной и нелюдимой, но мне было всё равно. Пьяные ноги заплетались у паребриков. Остановившись, чтобы отпить из бутылки, в которую вцепился намертво.

Я даже не слышал опасное обращение ко мне.

— Да он в стельку, — хихикнул плюгавый шкет, смотря на меня.

Второй коротыш осмелился толкнуть.

— Сука, — теперь среагировал. Развернулся и выкинул кулак в пацана. Не ожидавший такого ответа, парень упал на землю. Где-то возник третий. Кинулся прямо мне на хребет, словно шавка на медведя. Скинул его, грубо швырнув в сторону. Полоснули по руке. Я зло зарычал и швырнул во второго козла бутылку. Поняв, что противник не по зубам, шпана испуганно начала отступать, подбирая покалеченных.

Я подобрался, злобно пнул ногой фонарный столб.

Свет в окнах моего дома уже не горел и правильно, им ни к чему сейчас видеть меня таким.

Ввалился в дверь. Достал из бара ещё одну бутылку с горячительным.

Рука дико ныла и кровь заливала рукав. Стянул рубашку. Приличный ножевой порез. Когда успел? Скомкав одежду, прижал к ране. Упал на диван. Отвинтив крышку, отпил.

Тихо. Глянул на второй этаж. Там комната мамы. Сделав ещё глоток, поплёлся вверх по лестнице. Вошёл в её комнату. Замер прямо на входе. Лиловые стены. Фоторамки наших счастливых моментов. Улыбающиеся папа и мама. Зачем вам нужно было бросать нас?

Я ударил рамку, разбив стекло, изъясил фотокарточку, приложил к груди.

— Андрес?! — обеспокоенный голос с порога.

Джилл.

— Иди спать, — я не хотел её видеть. Никоно не хотел.

Она разглядывала меня секунду, а потом увидела кровь на руке.

— Ты ранен? — тут же подскочила ко мне. — Что произошло... как?

— Шпана на улице напала, грабануть решили.

— Ты пьян? — удивленно расширила глаза.

— Джилл, отвяжись, — рухнул на мамину постель. Зарылся в простыни носом.

— Рану надо обработать, пойдём вниз, — она маячила возле меня.

— Чёрт с ней.

— Я принесу аптечку...

— Нет, не уходи, — вдруг взмолил я. Придунок, то гоню, то прошу остаться.

Обернулась.

— Андрес, что случилось? Ты пришёл за полночь, пьян, на плече кровь. Это не ты...

— Не я, — мой голос предательски задрожал. — А я умер, Джилл. Вместе с мамой.

Сегодня, — она шокировано осела на край кровати. — Она сегодня умерла, Джилл. Ушла.

Оставила нас, — слёзы выступили из глаз. Я уткнулся ей в колени.

— Андрес, — только и смогла проронить девушка и просто, обняла мою голову.

Она была рядом, делила мою боль. Я был благодарен. Когда успокоился, продолжил покоить голову у неё на коленях. Она осторожно проронила:

— Андрес, дай мне взглянуть, — коснулась раненой руки. Убрал намокшую от крови рубашку. — Скверно. Нужно обработать. Я сейчас вернусь.

Ласково переложила мою голову с колен на кровать. Вернулась быстро, принесла таз с водой.

— Садись, — потянула меня вверх.

Сел, тускло смотря на хлопчущую вокруг меня девушку. Через некоторое время на обработанной ране красовалась гемостатическая губка.

— Я хотел ей рассказать о тебе, — понесло вдруг меня. Пьяный язык был неблагоприятен, а сердце рвалось изнутри. — Хотел сказать, что нашёл тебя. Ту, которая засела вот сюда, — с силой стукнул себя по груди.

— Андрес, не надо, — она попыталась отстраниться, но я поймал её за руку.

— Я не хотел, правда, — второй рукой слегка коснулся её щеки. — Но так вышло. Я полюбил тебя, красавица.

Она испустила стон и, вырвав ладонь, вскочила.

— Андрес, не надо!

— Тебе не надо, — поднялся следом, поймал за локоть, сурово глянул на неё. — А мне надо. Я хочу, чтобы ты знала. Я люблю тебя, Джилл. Мне не нужна твоя взаимность или сочувствие. Просто говорю, как есть. Его не будет. Он не сможет быть рядом с тобой. А я рядом!

— Не говори так, — она толкнула меня от себя, но я держал крепко, не соображая, что делаю ей больно. Поняв, что вырваться не удастся, ударила по лицу.

Я отстранился, горя щекой и отпуская её. Девушка опрометью выбежала из комнаты.

Идиот! Пнул ножку кровати.

На утро виноватый стоял возле её дверей.

— Спустись вниз, — попросил я, когда она осторожно выглянула из комнаты. Через несколько минут девушка была уже в гостиной. — Я должен попросить прощения за своё поведение ночью. Забудь, что наговорил по-пьяне. Только не уходи. Дети к тебе привыкли.

Им сейчас нужна будет твоя поддержка и участие. Обещаю, больше такого не повториться.

Слушала меня, сжавшись, но не сердилась. Знал, что спишет это на мою потерю и алкоголь. Пусть. Так даже лучше.

Она любит Чейза и на это место нет смысла претендовать.

— Пожалуйста, побудь сегодня с детьми. Вечером я всё им сообщу.

— Ты в больницу?

— Да.

— Я могу поехать с тобой, — опять самопожертвование.

— Кастер, обещал помочь. В твоём положении лучше не крутиться среди мёртвых.

Плохая примета.

Я откланялся, но она коснулась плеча. Оглянулся. Девушка притянула меня к себе, чмокнула в щеку и крепко обняла.

ДЖИЛЛ

Заседание сделали открытым, так как всё это дело вызвало широкую огласку и общий резонанс. Ещё бы. На скамье подсудимых брат торговца живым товаром. Все считали, что именно он должен ответить перед законом за все преступления как свои, так и всего этого чудовищного бизнеса.

Глянула на скамью свидетелей — целая армия людей, которая участвовала в нашей истории, знакомые и незнакомые. Все они хотят либо помочь, либо убить моего мужа.

В зал ввели Чейза, вызвав гудение присутствующих. Его понурая спина, отчуждённый взгляд. Дико захотелось вскочить, подбежать к нему, обнять, целовать лицо и губы. Как же он далеко! В груди сердце облилось кровью.

Сегодня... Сегодня вспомнят все его грехи. Поведают всем нашу жизнь, в которой было столько грязи и зла. Они размусолят это всё в колоссальные масштабы и никто, никто не заметит наш маленький рай, нашу семью, родившуюся так для них некстати.

Удар молотка. Сердце рухнуло в желудок, малышка беспокойно толкнулась.

Дали слово Диего Ильдиго. Вольяжный, беспринципный и чопорный мужчина зачитывал обвинение, каждый раз подчёркивая "предельную жестокость" подсудимого. Запросил высшую меру наказания — смертная казнь.

Я панически сжала руку Кастера. Пришёл черёд говорить Рикардо Вельдосо:

— В совершенных ранее преступлениях подсудимый чистосердечно сознался. Потерпевшая сторона в лице Джилл Кэйтор и Кастера Майерса, отозвали свои обвинения. Хочу обратить ваше внимание на предысторию подсудимого. Человек рано лишился родителей. Мать убили у него на глазах. Ещё маленьким мальчиком он был очень хорошо знаком с таким понятием, как смерть. Задумайтесь, каково это не знать, что такое забота, любовь, привязанность. Да, он виноват в содеянном, но у меня есть свидетели, которые подтвердят, что он изменился и искренне раскаялся в своих проступках. Даже эта женщина, — он резко указал на меня, — поняла это. Та, которая подвергалась насилию со стороны его семьи. Та, которую подсудимый больше года бил и насиловал в психиатрической тюрьме...

Меня начало крутить. Как просто он описывал мою жизнь, вталкивая душу в прошлое.

— Джилл? — Майерс обеспокоенно посмотрел на меня. — Здесь душно, хочешь выйдем?

— Нет, — я хочу услышать каждое слово. Вдохнула, настроившись внимать дальше.

— ... жизнь сама перевоспитала его, придала нужную огранку алмазу, чтобы он мог быть опорой. Спасением для маленькой девочки в рабстве жестокого плена, для девушки, что едва не была изнасилована и убита на камеру ничтожного человека. Он спас жизней больше, чем загубил, по глупости. Он заслуживает, как наказания, так и понимания.

Вельдосо умолк, опустившись на стул.

Всё дальнейшее воспринимала с трудом. Ильдиго вызывал в свидетели Мерседес, Кейт Брит, Марка, Сид Васкес, Энди Джонса, мужа Эммы Робертс, жену убитого охранника.

Вельдосо использовал ещё и своих: Кастер, Андрес, родители Габриэль, наёмники Лимы, которых обезвредила полиция при облаве, психотерапевты из Мехико и Бостона, Джон Майерс.

Чем дольше тянулось заседание, тем больше натягивались мои вены. Живот крутил страх.

— Вам слово подсудимый, — судья посмотрел на него.

Чейз поднялся, нашёл меня, слегка улыбнулся. Оглядел зал, судью и присяжных.

— Вам мне нечего сказать, в чём виноват уже сознался, в чём нет — не доказали, — бросил взор на Ильдиго. — Я только ей хочу многое сказать, — посмотрел снова на меня. — Спасибо, родная. Твоя любовь воскресила меня, подарила сердце. Пусть это было недолго, но я уйду с счастливой грустью. Прости меня, за всё, что натворил и за что не смогу сделать. Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, — произнесла одними губами, трясась от нервного перенапряжения. Внутри всё клокотало, ком душил в горле.

Кастер гладил ободряюще по спине, потирал руку.

— Присяжные удаляются в комнату обсуждения, для вынесения окончательного приговора, — удар молотка.

Двенадцать вершителей моего счастья поднялись и прошествовали за приставом.

— Чейз, — нервы сдали окончательно и я рванула по рядам к мужу. Останавливать беременную женщину не имело ни смысла, ни гуманности.

Он протянул руки сквозь прутья, заключил в объятия. Жадно поцеловал.

— Родные мои, — шептал он, целуя меня и живот.

Я уже заревела не таясь, и утопила пальцы в его волосах.

КАСТЕР

Помог ей вернуться на место. Джилл усиленно вбирала воздух, веля потоку слёз прекратиться. Губы дрожали, тело тряслось. Снова крепко сжал её ладонь.

Наконец, в зал возвращаются присяжные, спокойно рассаживаются по своим местам.

— Слово предоставляется старшине присяжной коллегии. Прошу вас, сеньор, — судья поднял темноволосого мужчину лет сорока, который, поправив рубашку, принялся зачитывать из вопросительного листа для присяжных.

— Подсудимый Чейз Уорд Ричер обвиняется в убийстве двух и более лиц с особой жестокостью, обвиняется в покушении на убийство, в похищении людей, а так же в содействии членам организованной преступности.

При вынесении вердикта были учтены все смягчающие обстоятельства, а именно — чистосердечное признание подсудимого и заключение врача-психотерапевта.

Убийство двух и более лиц с особой жестокостью:

— доказано ли, что деяние имело место? Да, доказано.

— доказано ли, что это деяние совершил подсудимый? Да, доказано.

— виновен ли подсудимый в совершении этого деяния? Да, виновен.

Джилл панически сжалась в комок, нервно кусая руки. Тем временем, старшина продолжал:

— Покушение на убийство:

— доказано ли, что деяние имело место? Да, доказано.

— доказано ли, что это деяние совершил подсудимый? Да, доказано.

— виновен ли подсудимый в совершении этого деяния? Нет, не виновен.

Я ободряюще посмотрел на неё.

— Похищение людей:

— доказано ли, что деяние имело место? Нет, не доказано.

— доказано ли, что это деяние совершил подсудимый? Да, доказано.

— виновен ли подсудимый в совершении этого деяния? Нет, не виновен.

Содействие членам организованной преступности, повлекшее смерть двух и более лиц:

— доказано ли, что деяние имело место? Да, доказано.

— доказано ли, что это деяние совершил подсудимый? Да, доказано.

— виновен ли подсудимый в совершении этого деяния? Нет, не виновен.

Тяжёлый грудной выдох. Голоса разделились, значит окончательное решение примет суд. Пристав передал вопросный лист судье.

— Суд удаляется для вынесения приговора.

Удар молотом. Девушка уронила лицо на столешницу.

— Я сейчас с ума сойду, — запустила руки в волосы, вновь смотрела на Чейза.

Заключенный так же нервно дергал руками и ногами. Господи, даже я был готов лезть от напряжения на стену.

Спустя десять минут по залу вновь прошёл гул. Ветер справедливой власти прошёл по рядам.

— Встать, суд идёт, — громко огласил пристав.

Судья в чёрной мантии, подобно богу возвысился за пюпитром. Раскрыл папку с вердиктом и огласил:

— Суд постановил признать подсудимого Чейза Уорда Ричера виновным в совершении убийства двух и более лиц, и назначить ему меру пресечения в виде двадцати пяти лет лишения свободы в колонии строго режима. Подсудимый так же признан виновным в покушении на убийство и ему назначена мера пресечения в виде десяти лет лишения свободы в колонии строго режима. Подсудимый признан виновным в похищении людей и ему назначена мера пресечения в виде десяти лет лишения свободы в колонии строгого режима. Организацию ОПГ, повлекшую за собой смерть двух и более лиц признать недоказанной и подсудимого оправдать. Ввиду смягчающих обстоятельств, а, именно, чистосердечное признание и медицинские показатели подсудимого, казнь, путём смертельной инъекции — отменить.

Удар молотка. Джилл сдержала вскрик в ладони. Я обнял её, массируя девушке спину и плечи.

— Всё хорошо, хорошо, — это было первой нашей победой.

Зал снова загудел, кто одобрительно, кто разочарованно.

— Подсудимый и прокуратура имеет право обжаловать решение суда в течение десяти дней в вышестоящие инстанции. Заседание прошу считать закрытым!

Снова удар молотка. Чейза подняли на ноги. Ему явно это сейчас давалось очень тяжело.

Джилл снова устремилась к нему, сквозь толпу, но в этот раз конвой огородил заключенного. Я настиг её, мягко удержал за руку.

— Пусти же, — попыталась вырваться.

— Джилл, сейчас нельзя. Рикардо договориться о вашей встрече. Потерпи. Худшее уже позади.

Рядом выросла фигура Андреса. Девушка сдалась и покорно осела на ближайшую скамью.

— Всё хорошо, Джилл. Мы выиграли, — я, улыбаясь, заглядывал ей в лицо. — Ну же, взбодрись.

Джилл упала ко мне на плечо и заплакала, выпуская из себя весь скопившийся ком нервов и страха.

ЧЕЙЗ

Я даже не смог попрощаться с ней. Ступор от вынесенного приговора лишил дара не только мыслить, но и идти. Конвой под руки помог мне шевелить ногами, чтобы покинуть зал суда.

Что хуже смертная казнь или сорок пять лет за решёткой? Теперь я даже и не мог разобрать.

Вельдосо настиг меня ближе к выходу.

— Завтра тебя переправят из окружной тюрьмы в федеральную.

— Завтра? — удивился я, так как после вынесения приговора сразу же обычно везли заключённых на место отбывания наказания.

— У тюрем какой-то сбой в переводе документов. Обещали место предоставить завтра. Собственно, какая мне от этого разница?

Сев в машину с конвоем, тоскливо уставился на здание суда, представляя её в этих стенах. Как она движется среди рядов, садиться на скамью, смотрит на опустевшую клетку.

Больше года назад это всё было бы для неё праздником, днём освобождения от меня, теперь же очередная часть мучения, виновником которого снова был я. Неужели, мне суждено быть её болью? Даже теперь, любя её всей душой, всё равно причиняю страдания.

Автомобиль натужно подпрыгнул на склоне. Жара в машине была убийственна. Кондиционер в тачке явно сдох, потому конвоиры открыл свои окна.

— Может и у меня приоткроете?

— Обойдётся, — гнусно хихикнул тот, что на пассажирском.

Козёл! Молча информировал его. Путь был долгим, по дороге на суд даже умудрился задремать, потому сейчас просто откинулся на сиденье. Прикрыл веки, снова погружаясь в милые сердцу мысли...

- Майерс просил передать это тебе. От Джилл.

Он протянул мне небольшой конверт. От неё. Внутри тут же потеплело, покрыв мурашками кожу. Раскрыл. Небольшая фотография Джилл — длинные светлые локоны струятся, обрамляя любимый лик, нежная улыбка, взгляд небесно-голубых глаз. Не удержался, провёл пальцем по шраму на её лице. Поцеловал фотокарточку.

Следующая фотография заставила всколыхнуться сердце.

— Это девочка, — Вельдосо тихо улыбнулся.

Маленькие ручки, головка, видно даже очертания носика и губ. Я прижал моих девочек к груди.

— Спасибо, — благодарно посмотрел на адвоката.

— Не за что...

Машину снова тряхнуло, едва не сбросив меня с сиденья на пол.

— Эээ, смертная казнь отменена, — сердито рывкнул на водителя.

— Закрой пасть! — грубо скомандовал конвойный и резко подрезал Ниссан.

Мы опаздывем?! Я оглянулся назад на убегающую от нас дорогу. За нами ехал трейлер и, кажется, довольно быстро.

Он явно желал ехать только следом, пресекая попытки конвоя пропустить его вперёд.

— Какого хрена?! — полицейский вилял, не понимая, что делать.

И тут трейлер пошёл на таран, со всей дури боднул нашу машину в зад.

— Твою мать! — взвизгнул коп на пассажирском.

— Охренел... какого надо?! — водитель явно был не мастак в дорожных войнах.

— Не ори, а жми на газ! — заорал я на него.

Конвойный вдавил педаль в пол.

— Это за тобой! — пассажир в гневе смотрел на меня.

— А что видно, что я хочу к ним? — прорычал в ответ, долбанув по сетке, отделяющей конвой от заключенного. Мне самому было страшно до жути. Миновать казнь, но сдохнуть под колёсами большегруза. Грёбанная сатирика!

Трейлер снова протаранил наше авто. Я мощно втесался лбом в перекладину, о которую крепилась решетка, едва не потеряв себе в пространстве. Тёплая вязкая жижа потекла на глаза и лицо.

Большегруз таранил аккуратно и с умом, не давая копам увильнуть в стороны. Нас,

словно сопровождали, периодически подгоняя. Сместить тачку в кювет такими размерами трейлера не представляло проблем, поэтому мой вывод был верен. Только кто и зачем?

Начал усиленно вспоминать путь до тюрьмы, но, видимо, пока дремал, что-то не увидел.

— Что впереди? — крикнул я.

— Чего? — паника вконец отшибла им мозги.

— Что дальше на пути? Местность!

— Трасса... мост, вода... Сука! — снова удар.

Мост? Нас гонят на мост!

— Газуй, — пассажир схватил рацию. — Я — двадцать седьмой, диспетчер?!

Рация хрипло зашуршала.

— Диспетчер, приём! Мать вашу! — задняя часть нашей машины давно превратился в металлолом.

— Двадцать седьмой. Диспетчерская. Слушаю, — голос скучающей женщины зашипел в салон.

— У нас хвост. Трейлер таранит заднюю часть машины. Пришлите подкрепление. У нас заключенный. Вероятность побега.

Не факт ребята, что это побег, мелькнуло в моей голове, прежде чем, большегруз основательно посадил нас себе на капот и на скорости поволок вперёд.

Я скатился на пол, впечатавшись в перегородку, и уже не видел, что твориться ни впереди, ни сзади.

Смертельная гонка и оглушающий звук рвущегося металла. Скрип шин об асфальт и тело порхнуло сначала вверх, потом вниз, вновь упало на сетку.

— Твою мать! — дикий крик водилы. Звук удара. Мужчин отбросило на лобовое. Кровь узором потекла по мозаике осколков. Они мертвы?!

Я лишь нутром смог осознать, что машина весит над водной гладью, а держит нас лишь нос трейлера.

Глянул на самую махину. Водилы не видно. Кто ты, чёрт возьми?! Хоть бы увидеть виновника своей гибели напоследок.

Жуткий лязг металла. Колёса трейлера крутанулись и туша вместе с нами полетела в голубую бездну.

Я оглох. Удар о водную гладь бросил меня на стекло. Тяжелая махина перевернулась, утопая первой и поднимая тем самым нас над водой, давая ещё секунды для спасения. Но стоит ей погрузиться полностью, утянет на дно мгновенно.

Тщетно ударил по стеклу. Черта с два, оно бронированное! Вода устремила в салон. Нет! Ногами начал бить сетку.

— Эй! Помогите! — попытался докричаться до бесчувственных тел. — Мать вашу! Ну же...

У места обшивки сетку слегка покарёжило. Надавил ногой, удар. Давай же! Зацепился за угол и, едва не разрезая себе пальцы, потянул. Адреналин и страх смерти гнал меня действовать. Вода достигла шеи. Рванул обшивку еще сильнее. Давай, сука!

— Помогите!

Трейлер своей тушей окончательно потянул нашу машину в пучину. Вода мощным потоком устремила в салон.

Нет! В последнюю секунду вдохнул воздуха и утонул в тёмной глади. Пытался снова

разглядеть обшивку решетки. Рванул её ещё сильнее. Поддавалась, но очень плохо. В висках стучало от недостатка воздуха. Ещё немного!

Чейз! Голос изнутри моего мозга. Джилл... я смогу!

Собрав последние силы ярости и отчаяния, потянул сетку из обшивки. Есть!

С трудом удерживая сознание, просочился в образовавшуюся дыру, а после через открытое окно водительского.

Взмах руками — тяжёлый подъём из пучины. Наручники не помогали. Сознание неблагоприятно отступало, топя меня ещё усерднее в тёмной толще. Я смогу, должен...

Удар в спину, пронзительная боль и всё растворилось.

АНДРЕС

Он будет жить. Я рад, правда. Рад за Джилл, что её любимого не казнят.

Да, я смирился с безответностью. В последнее время мирился со всем, даже перестал себя уважать. Как началось всё со смерти мамы, так и закончилось увольнением Оливии.

Когда я во всем признался Джилл и само собой не получил ответа, то явно ощутил её некоторую отчужденность. Этого и следовало ждать. Она хоть и старалась делать вид, что всё как прежде, но вся истина была на её лице. Это мучило меня и угнетало, поверх собственных утрат.

Однажды, ночью, когда я в очередной раз распивал виски, в моей комнате возникла Оливия. Причём в длинном шёлковом халате.

— Что случилось? Мигель снова плохо спит?

— Нет, — мотнула она головой.

Оливия решительно и медленно прошествовала до меня и стянула с головы заколку. Волна пушистых волос рассыпалась до самого её пояса.

Они длинные? Только сейчас это узнал. Невольно залюбовался ими, но следом с плеч сполз и ее халатик, оставив няню абсолютно нагой.

Недурна. Маленькая грудь, тончайшая талия, длинные ноги с острыми коленками.

Не различая всех положенных граней, протянул руки к её грудям. Смял, скользнул ладонями по талии, ощущая бархатистость кожи, тепло женского тела. Опустился на бёдра, почувствовав в них дрожь.

— Вы красивая, — понял точно.

Алкоголь ударил в голову и я ближе двинул её к себе. Поцеловал в живот. Девушка задрожала ещё сильнее. Запустила пальцы в мои волосы. Джилл... Как это на неё похоже. В голове переклинило, и я притянул Оливию к себе, кинул на кровать. Впился в ложбинку между грудями, заставив её простонать. Прошелся по телу языком к шее, страстно всасывая на ней кожу.

Поцеловала. Так скромно и невесомо. Нет, не так. Нужно иначе. Сделаю это сам. Прижался к чувственным губам. Скользнул языком в рот, исследуя и показывая, как это делает мужчина.

Такого, как я у неё сто процентов никогда не было. Да и у меня, в принципе, не было женщины не из ряда шлюх и порноактрис. Это какое-то новое экзотическое блюдо, которое я никогда не пробовал.

Вошёл в девушку, заставив громко вскрикнуть. Испугался, когда глянул на неё. Оливия дрожала и на глазах выступили слезинки.

— Больно? Прости... — решил остановиться, но она вцепилась в меня, не давая отстраниться.

— Нет, нет. Андрес, продолжайте, — взмолила девушка, притянула к себе и поцеловала. Страстней и более жадно. Урок усвоила.

Я осторожно начал движение, давая ей привыкнуть к моему члену. Ощувив расслабление в её бедрах, ускорился. Рецепторы конвульсивно срабатывали в мышцах, топя меня в этом крохотном женском теле.

Ласкал груди, плечи и живот Оливии, накручивал волосы на кулак. В нужную минуту почувствовал её. Она близко. Ускорился ещё сильнее, вдалбливая себя в девушку. Оливия снова вскрикнула и едва не уползла от меня по простыне. Поймал, придерживая за спину. Да, ты готова. Её тело тряслось, переживая сладостный пик.

Переждав, опустил обратно на постель. Придушил слегка за шею и, целуя в ухо, снова начал движение.

Мышцы судорожно запульсировали, давая понять, что и я близок. Зарычал, всем нутром сосредотачиваясь на акте.

— Джилл, — уже не отражая, кто передо мной, выпалил я.

Руки Оливии тут же упёрлись мне в грудь.

— Нет!

Но я уже не мог остановиться. Грубо заблокировал ей руки и, жестоко вывернув девушку на бок, яростней задвигался в ней.

— Андрес, пусти, — она испуганно взмолила.

Да, сейчас. Уткнулся лицом в её талию, переживая бешеную эякуляцию в девушку. Все железы высвободились и я тряпкой откинулся на постель, переживая эпогей своего удовольствия.

Оливия спешно поднялась, подобрала халат.

— Ты — животное, — сурово бросила она и побежала прочь из комнаты.

Приподнялся на локте, с трудом понимая свою вину.

Ну и чёрт с ней! Хотела? Получила! Но на теле всё ещё ощущал вуалью её дыхание и бархат кожи. Содрогнулся, отгоняя непонятное волнение. Встал с кровати, направляясь в ванну. Но уже там при свете обнаружил наличие крови на головке члена.

Что? Устремился обратно к постели, включив свет. Сбросил смятое покрывало. На простыне багровело пятно. Девственница?! Твою мать! Долбанул по кровати, наполняя свою грудь совестливым стыдом.

На утро встретил её внизу, в гостиной.

— Оливия, — обратился к ней я, но она с нажимом меня перебила:

— Прошу вас рассчитать меня, сеньор Андрес.

Я запнулся, переваривая новый шок от этой вечной тихони.

— Хорошо, — заикаясь, отвесил кивок. — Могу узнать какая причина?

— Мне нужно уехать к матери.

— Ты можешь воспользоваться отпуском. Бери сколько потребуется.

— Андрес, — она сердито смотрела на меня, резко перейдя на ты. — Я хочу уйти.

Желание — закон.

— Хорошо. Пройдём в мой кабинет. Напишешь заявление.

Повёл её в заданом направлении. Усадил за стол. Подал форму. Только теперь, когда она молчала, заполняла документы, мог произнести:

— Почему ты не сказала, что у тебя это впервые?

Её руки снова затряслись, но она приказывала себе не прекращать заполнение документа.

Не выдержал и положил ладонь на её руку.

— Прости, я не хотел тебя обидеть. Мне было хорошо с тобой, правда.

— Знаю, — посмотрела глазами полными слёз. — Потому и назвал меня Джилл.

Сконфуженно выдохнул, понимая всю курьёзность ситуации. Я не знал, как это объяснить ей. Мы оба сделали глупость. Она пришла ко мне, а я поддался слабости. Может её уход к лучшему?

Протянула листок бумаги. Взял ручку и поставил подпись. Оливия гордо поднялась.

— Если захочешь вернуться, я всегда возьму тебя обратно, — это я понял точно, но девушка стремительно покинула кабинет.

Женщины...

После слушанья, мы все были выжаты, как лимон. Джилл попросила Кастера помочь ей подняться наверх.

Я же плюхнулся на диван, ожидая услышать давно приевшиеся невесомые шаги Оливии. Но тишина в доме, грузом надавила на грудь. Детей я отправил к тётке ещё неделю назад, давая им прийти в себя после смерти мамы. И вот сейчас полностью ощутил себя одиноким. Странно, мне это раньше нравилось. А сейчас хотелось сломать стены и впустить в дом больше людей и душевности.

Подпрыгнул от резкой трели сотового.

— Да, — сверху по лестнице уже спускался Кас.

— Андрес, — голос Вельдосо я узнал бы из тысячи.

— Да, Рикардо.

— Конвойная машина с Чейзом рухнула с моста, — я невольно поднялся. — Вероятно, все погибли...

ДЖИЛЛ

Он жив. Моё сердце это чувствовало, иначе тело бы уже нашли.

Месяц. Прошёл целый месяц после того, как двое мужчин с утра возникли на пороге моей комнаты.

— Джилл, — могильно уронил Андрес.

— Доброе утро, — я приветливо улыбнулась, но их лица сбили с толку. — Чейз? — сердце тут же панически застучало.

— Да, — кивнул Кастер. — Его машина была сброшена с моста в воду. Водолазы сейчас ищут тела.

— Сброшена?! — именно это слово засело сейчас в моём мозгу.

— Перед падением конвойный сообщил диспетчеру, что их таранит трейлер. Следователи пока рассматривают вероятность побега.

В груди начало нарастать лёгкое сумасшествие, я искренне засмеялась:

— Вы что?! Он жив. Вот увидите. Так нужно. Он придет потом за мной, — улыбка начала перерастать в болезненную гримасу. — Увидите. Живой он, живой!

На трясущихся ногах меня вернули в кровать. Смех перерос в учащенное дыхание. Он придёт...

Но тело, до сих пор, так и не нашли. Течение реки очень сильное, поэтому его могло унести за несколько километров, как утверждали спасатели. Осмотр конвойной машины показал, что сетка повредилась при падении, поэтому Чейз вполне мог спастись. Должен был! Обязан! Ради нас!

Поднятый со дна трейлер тоже не дал адекватной картины. Водитель обычный дальнбойщик, который ехал в командировку. Погиб от удара махины об воду. Следов третьих лиц не найдено.

Сегодня было немного пасмурно. Зима была в самом разгаре, даря людям более лёгкие деньки, жара ушла на спад, температура не превышала выше двадцати пяти градусов.

С каждым днём я всё осторожней продвигалась по дому и чувствовала себя невероятно толстым существом. Андрес по несколько раз на дню выводил меня гулять во дворе дома, так как прогулки беременным были важны, по его словам. Даже предложил записаться в школу для родителей, но его участие в занятиях я совсем не хотела принимать — ещё живы в памяти были его признания.

Умылась, привела себя в надлежащий вид. Зеркало расстраивало меня теперь ещё больше. Лицо немного расплылось, отекли ноги и, кажется, волосы чуть поредели. Ладно, с этим разберёмся после. Я частенько мечтала вытянуться на постели, так как малышка давила на лобковую часть и, при этом, сильно упиралась мне в рёбра. Вот и сейчас, снова приняв горизонтальное положение, мою комнату навестила Морена.

— Джилл, поиграй со мной, — она жалобно смотрела на меня.

После ухода Оливии, в доме работала уже другая гувернантка. Детям она абсолютно пришлась не по душе — строгая солдафонка, воспитанная на правилах и режимах. Мигель бастовал и не желал её слушаться, хотя и к Оливии не питал положительных эмоций.

Морена же плаксиво льнула ко мне, всячески прячась от новой няни...

— Попроси её вернуться, — посоветовала, однажды, Андресу. — Дети к ней привыкли, да и к тебе она...

Чуть не лягнула, вовремя тормознув. Но он хмуро сдвинул брови:

— Неравнодушна?

— Это невозможно не заметить, — виновато пожала плечами.

— Я не слепой.

— Значит, дурачок, — постаралась, как можно, миролюбивей смотреть на него. —

Андрес, ты и сам прекрасно видел, как она смотрит на тебя, ты её бог.

Мужчина, сдвинув брови, смотрел в пол.

— Мне не нужны были женщины. Они всегда меня раздражали, даже она. Только с тобой всё, почему-то, изменилось. Вдруг захотелось быть кому-то нужным. Даже решил, вначале, что это ты.

— Андрес, чем я отличаюсь от Оливии? Тем, что бывшая секс-рабыня, со шрамами на теле?

— Твоя сила воли, стойкость...

— Дак у неё это всё тоже есть! Сколько она сделала для тебя, терпела обиды и безразличие. Чтобы быть стойкой, девушке не обязательно проходить через рабство. Иной раз вы, мужчины, наши рабовладельцы. И это ничуть не меняет уровень страданий.

— Ты сводничеством занялась? — он усмехнулся.

— Просто хочу, чтобы ты задумался. Иногда до некоторых доходит только после того, как потеряют, — многозначительно похлопала его по коленке...

Сестрёнку Андреса в его с бывшей няней драме мне было жаль больше всех.

— Да, солнышко. Залезай сюда, — я сдвинулась на другой край кровати. Ребёнок проворно толкнул изнутри. — Смотри, малышка с тобой поздоровалась.

Девочка тут же положила ладошки мне на живот.

— Она будет играть с нами?

— Конечно, — подмигнула ей.

Морена довольно разложила игрушки. Сунула мне куклу с белыми волосами.

— Это будешь ты, — огласила девочка.

Я осмотрела игрушку. Кукла с идеальными чертами лица. Барби, вроде.

— По-моему она не очень на меня похожа, — покачала в ответ головой.

Морена слегка подумала и, порывшись в груди своих игрушек, достала розовый фломастер. Повернула куклу в моих руках и нарисовала ей на лице полосу.

— Как у тебя, — она искренне заулыбалась. Я же тяжело выдохнула, но постаралась не показать виду. — А это я, — она повертела симпатичной девочкой с тёмными курчавыми волосиками.

— Ух ты, и правда, вылетая ты.

— Мамочка, сходим в сад погулять? — она видоизменила высоту голоса, имитируя речь кукл.

— Давай, милая, — попыталась повторить за ней.

— А и правда, идем в сад? — оживилась Морена.

Почему бы и нет?

— Поможешь огромной тёте подняться?

Девчушка весело засмеялась и с усердием потянула меня за руки. Я аккуратно

поднялась на ноги. Малышка внутри меня недовольно колыхнулась, заставив охнуть от боли. Ничего себе!

— Тебе больно? — девочка непонимающе расширила глазки.

— Твоя подружка очень бойкая просто, — выдавила улыбку. — Пойдём во двор, видно, ей наскучило уже здесь сидеть.

Солнце всё пыталось просочиться сквозь облака, но я была рада его неудачам. Села на скамейку, снова ощутив, как мой малыш упёрся мне в рёбра, вызвав отрыжку.

Морена устроила кукол в небольшой песочнице и принялась варить для них кашу. Потом мы усердно кормили наших подопечных своеобразными изысками. За игрой я не сразу заметила полицейскую машину.

- Андрес! — Морена радостно поскакала к брату, я же поднялась со скамьи и тоже проследовала к машине.

Из авто так же вылезли Кастер и... Марк. На этого человека мне было сложно смотреть. Не из-за той его грубости, а вообще из-за его отношения к Чейзу. Ведь он сделал всё, чтобы моего мужа отправили на казнь. Он так и не сумел принять его новую личность. Сначала, я старалась понять его, ссылаясь на то, что тяжело резко изменить своё первоначальное мнение о человеке, тем более когда видел все его зверства. А после инцидента в его кабинета окончательно поняла, что причина его рвения — я. Он не желал моего союза с Чейзом и был готов на всё, даже убить.

— Я тебе вон что привёз, — Андрес протянул девочке плюшевого медведя.

— Спасибо, Андри! — она милашно обняла своего нового друга. — Джилл, смотри, что мне подарили.

Я заохала от восторга.

— Какой милый, — протянула с умилением.

— Пойду Мигелю покажу, — и малышка помчалась в дом.

Я подняла глаза на мужчин. Даже немного спасовала, нервно внутри вздрогнув. Все смотрели с напряжением. Снова Кастер первым переборол общую нерешительность:

— Джилл, плохие новости.

Сердце полетело вниз, желудок свёл страх. Моё лицо перекошило.

— Вчера нашли тело Чейза, — жестоко выпалил Вайлет, протягивая мне какой-то документ, который приняла абсолютно автоматически. — Тело почти полностью разложилось из-за воды, поэтому идентифицировать его пришлось по одежде и зубам.

Нашли... Разложилось...

Мир поплыл передо мной, тело превратилось в тюк.

— Нет! — болезненная улыбка задрожала на моём лице. — Вы всё врёте, — голос перерастал в гортанный звук. — Это не может быть он! — меня окончательно прорвало и я швырнула в Вайлета бумаги. Гнев и душевная боль сдавили мои лёгкие так, что больше не могла ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Марк отшвырнул бумаги куда-то в траву и устремился к машине, покидая дом.

— Джилл, Джилл, — Кастер вроде пытается увести к скамье, но я отпрянула от него, как от своего врага.

— Вы все этого хотели... все, — ноги окончательно отказали и я осела на землю. Низ живота налился тяжестью, превращаясь в камень. Боже. Обхватила его руками. Тазовые кости в районе крестца, словно начали движение, сводя копчик и утяжеляя внутреннюю часть бёдер. Боль доросла до своего определенного пика и стихла по позвоночнику вниз.

Кастер с Андресом осторожно подхватили меня и подняли с земли, боясь лишнего слова. Скорбь, ярость и паника мешали мне правильно воспринять настоящее.

— Отвезите меня к нему... В морг. Я докажу вам, что это не он. Отвезите! — слёзы уже рекой лились по щекам, голос срывался в истерическом припадке, дыхание перехватывало.

— Джилл, это результаты экспертизы, — Майерс пытался поймать мой мечущийся взгляд, докричаться до меня, гладил по спине. — Мне очень жаль... Поверь же. Это правда! Я не стал бы тебе лгать...

— Нет, нет, нет! — голос сорвался на молебное пицание и, осознав, что это не ложь, не сон, не болезненный бред, выскользнула из их рук и, упав на колени, утопила крик утраты в асфальт.

Снова движение мышц в животе, сжало всё в болезненном импульсе, забрав из меня воздух и атрофируя мысли.

Только мужчины заметили появившуюся подо мной жижу.

Я снова выдохнула, принимая новое облегчение.

— Это воды, — обеспокоенный голос Кастера. — Джилл, ты рожаеть...

— В больницу живо, — крикнул Андрес. — Неси её в машину. Я сейчас...

Слишком много вестей. Слишком много эмоций. Слишком мало сил. Поняла, что сознание уходит.

— Нет, нет, Джилл, не отключайся, — начались шлепки по щекам.

В голове слегка просветлело.

— Не теряй сознание. Ребёнку нужна твоя помощь. Соберись! От тебя зависит её рождение! — Кастер снова шлёпнул по щеке.

Заставила себя собрать по кускам. Я не могу потерять в один день любимого и нашу дочь. Не имею права!

Схватка, словно пытаясь меня переубедить, в очередной раз заполнила собой всё моё нутро.

Андрес, наконец, дал по газам.

— Дыши, — велел Майерс, глядя меня по голове. — Как можно чаще...

Покорилась, но всё очень быстро возобновилось и меня стошнило на пол машины. Не успела оклематься от первой схватки, как пошла тут же вторая, причинив дополнительную невероятную боль. Я истошно закричала, начав извиваться в руках Майерса.

Кастер крепко держал меня, вытирая пот со лба и щёк. Наконец, отпустило. Я часто задышала, чувствуя нехватку кислорода.

— Слишком частые схватки, — крикнул Кас Андресу. — Что-то не так! Скорее!

Снова боль вывернула мои тазовые кости, что-то прорвав во мне. Мой крик и снова рвота. Страх запульсировал в висках.

— Моя малышка! — в ужасе шепнула я и опустила взгляд под ноги, едва держа голову на весу. Что-то тёмное ручьём текло по ногам. Загребла ладонью. Тёмно-алое и вязкое. Кровь! — Кастер! — в ужасе вскричала.

— Андрес! Быстрее же! — Майерс буквально взревел.

— Помогите! — отчаянно простонала, вновь принимая в себя следующий всплеск боли.

— Сейчас, сейчас... уже приехали, — Катейру вырулил на больничный двор. — Я сообщил о тебе... не бойся. Тебя ждут.

Он не обманул. Мне не дали даже ступить на землю. Кастер тут же уложил меня на каталку.

— Частые, продолжительные схватки, одна наслаивается на другую, — Майерс быстро вводил акушеров в курс. — Рвота, завышен пульс и дыхание. Кровь в промежности. Вероятно, разрыв шейки матки.

Я снова утонула в новой боли, которая парадом шла друг за другом. Сознание начало покидать меня.

— Джилл, ты слышишь? — голос акушера.

— Да, — шевельнула одними губами. Голова отяжелела.

— Угроза отслойки плаценты. Повышенное артериальное давление. Готовьте, операционную, — уходящий вдаль голос отдавал указания вспомогательному персоналу.

Свет ламп резью замелькал в моих глазах, убегая от меня вдаль. Гул голосов уходил всё сильнее, пока окончательно не оглохла, растворяясь в пелене лёгкой дымки.

Потом покой. Тихое умиротворение. Ласковая рука нежно прижала к себе. Поцелуй в нос, щёку.

Скорей, распахнула глаза. Я лежу в том домике, где была впервые счастлива, в той же постели. Повернула голову. Он рядом. Наблюдает за тем, как я сплю? Неужели, мне всё это просто снилось?! Он поцеловал в живот.

— Тебе нужно бороться, — проронил он, исследуя губами моё тело и даря небесное блаженство.

Пискнула и крепко вжалась в него с невероятной силой, боясь снова потерять.

— Я больше не могу, не уходи больше, умоляю, — горячая слеза устремила вниз к подбородку.

— Я с тобой, — Чейз гладил волосы, спину, плечи.

— Тебя нет, — заглянула в его глаза. — Ты снова ушёл... вернись, пожалуйста, — голос задрожал от слёз.

— Я всегда был с тобой, девочка моя. И никогда больше от тебя не уйду, — его взгляд стал твёрже. — Но ты должна продолжить борьбу... Не оставляй нашу малышку. Скажи ей, что папа любит её. Иди же!

Он прильнул к моим губам. Удар в голову, в грудь.

— Чейз?! — я панически попыталась вцепиться в него, но его фигура растворилась туманом, забрав с собой наш маленький рай. — Нет, прошу...

Ещё. Более сильный и более болезненный. Ток прошёл по сосудам, спазмом возвращая меня в реальность. Воздух прорвал грудь.

— Вот так, умница, — лицо в медицинской маске. — Выбирайся, уходи оттуда.

Где-то плачь ребёнка. Мой. Девочка моя. Ей страшно. Я нужна ей.

— Дайте, — проямлила с трудом. Сознание снова уходило. — Моя малышка.

Акушер поднёс мне маленький сморщенный комочек. Коснулась её головки губами, тронула крохотные ручки. Девочка мгновенно ухватилась за мой палец. Слёзы хлынули:

— Папочка любит тебя...

Малышка хлюпнула и разошлась плачем, пронзая болью всё моё нутро.

— Тшшш... Мамочка тут. Я тут... Я с тобой.

Прижала комочек к себе и, приняв в душу окончательное смирение, заплакала.

— Имя уже придумали?

Было не видно сквозь маску, но, по глазам видела, акушер улыбался. Я взглянула на свою дочь.

— Габриэль, — совершенно точно решила я, погладила морщинистый лобик.

Малышка, успокоившись, засопела.

КАСТЕР

Сегодня Габриэль Ричер исполнилось два месяца. Джилл долго отходила от тяжёлых родов, нагнетая это утерей любимого человека.

Чейза кремировали в муниципалитете. Прощание прошло тихо. Присутствовали лишь семья Андреса, Габриэль Косты, а так же адвокат с Сидни Васкес, которая тоже прониклась уважением к этому человеку.

Я старался быть всё время возле Джилл, чтобы в нужную секунду поддержать словом или плечом, но молодая мать держалась, на удивление, стойко.

Андрес полноправно заступил на службу и уже чаще пропадал на работе. Я же всей жизнью был в Бостоне, а сердцем в Мексике, с ней. Здесь меня держала только она, но я понимал, что рано или поздно мне или ей нужно будет принять решение. Однажды, этот день наступил.

— Я знаю, ты уедешь на следующей неделе, — молвила девушка, поглаживая спящую Габи по животику.

— Андрес сказал?

— Я слышала ваш разговор.

Опустил глаза на малышку.

— Там моя семья, — проронил виновато. — Я не могу оставить маму одну.

— Я хочу уехать с тобой.

Поднял на неё удивлённый взгляд, но переспрашивать и того хуже переубеждать не собирался.

— Хорошо. Я подготовлю необходимые документы для вас с Габи, — но всё же не удержался. — А Андрес?

Девушка понуро повела плечами.

— Он не начнёт новую жизнь, пока я буду маячить перед его глазами. Мне будет больно расставаться с детьми, расстроить его, но это их дом, не мой.

Понимая, кивнул.

Известие о её отъезде было воспринято семьей Катейру тяжело. Андрес ушёл, хлопнув дверями, правда, на утро, после длительного разговора с Джилл, успокоился. Морена плакала, но ребёнок этого возраста не способен долго обижаться.

Решение было принято. Я углубился в оформление всех необходимых документов, так как ни у мамы, ни у малышки их не было. Джилл настояла, чтобы девочка носила фамилию отца. Воспротивиться этому было бы самоубийством.

На подготовку нужно было время, поэтому я спокойно подыскивал в Бостоне для них квартиру.

Но покой мой прекратился за пять дней до отлёта домой.

Вечером, проведав Джилл, вернулся к себе. Выпив воды, устало сел в кресло, потянулся за пультом, но не обнаружил его на своём обычном месте.

Телевизор резко включился, заставив меня подпрыгнуть. Шкала громкости тут же поехала на уменьшение.

Твою мать! Пистолет благополучно покоился в моей машине.

Из темноты вышли двое. Один с автоматом, но держал его дулом вниз.

— Не ссы, — противно заржал второй. — Хотели бы грохнуть, давно бы уже это сделали. Собирайся, поедешь с нами. Старый приятель хочет с тобой встретиться...

АНДРЕС

Было тихо. Весь дом уже давно спал. В моей груди лежал камень уже несколько дней. Завтра она улетает. А чего ты ждал?! Что смерть её любимого что-то изменит? Может быть, но не сейчас, не завтра. Проходя мимо её комнаты, чуть заглянул в щель. Молодая мать и дочь мирно сопели, под мягкое свечение ночника. Мысленно пожелал им спокойной ночи и прикрыл дверь.

Сон не придёт ко мне да я и не хотел. Тиканье часов внизу в гостиной, уговаривало спуститься к ним, уставиться на ход стрелок и пробыть с ними до утра. Я так и поступил.

Мне нужно, что-то сделать. Но что? Что вернёт меня к жизни? Что перевернёт мою страницу?

Под утро услышал копошение в кухне и прихожей. Гувернантка начинает свой новый рабочий день. Невольно поднялся. Отчего-то показалось, что это Оливия.

— Доброе утро, сеньор Андрес, — женщина немного испугавшись неожиданности, вздрогнула. — Вы сегодня так рано проснулись.

— Я не спал, — потёр тяжёлые веки. — Будь добра, сделай кофе, пожалуйста.

Она кивнула и поспешила на кухню.

Буквально ещё через час дом начал просыпаться. Наверху уже попискивала Габи, Мигель прошлёпал в ванную, а Морена уже со всех ног мчалась по коридору, ища меня.

— Андри, — она сонно вскарабкалась ко мне на колени. — Почему ты тут?

— Я давно проснулся просто, детка.

— Так рано, — она удивленно протянула. — Тебе приснился страшный сон?

Я улыбнулся наивной милости этого создания.

— Просто много мыслей.

— Ты готовился к отъезду Джилл? — теперь она решила, что точно угадала.

— Вот ловишь всё прямо налету, — я играючи обнял её, прижав к себе.

Позавтракать решили все вместе. Я старался быть бодр, чтобы превратить её уход в праздник для детей.

Кастер приехал за ней после полудня.

— Уверен, что помощь не понадобится? — уточнил я.

— У нас в основном только вещи Габи, я и Джилл почти пустые. Ты как? Глаза осунувшие, как будто не спал? — от этого парня точно ничего не скроешь.

— Нормально всё, — безразлично отмахнулся. — Ты хоть привози её иногда к нам.

— Это как она захочет. Я же совсем непротив.

Я понуро опустил голову. Майерс ободрительно потрепал меня за плечо.

— Пройдёт, — он понимающе улыбнулся.

Ему хватило сил стать её другом. Сколько, интересно времени у него на это ушло? А может он сумел, что-то понять для себя и успокоить своё сердце? Но разве так бывает?

Кас был всё-таки плохо осведомлен об объёме багажа. Сумок было прилично, но на повторном моём предложении он быстро перевёл тему.

Выпустил Джилл из объятий. Она ласково улыбалась.

— Береги себя, — попросил я.

— Обязательно. Ты тоже не теряйся, — чмокнула в щёку. — Спасибо, тебе за всё. Ты мне был очень нужен.

— Как и ты мне, — улыбнулся с тоской.

Погладила по лицу, с добротой глядя на меня.

Нет, не смотри так, а то сам украду тебя сейчас, как Чейз. Кажется, я немного начал понимать его сумасшествие.

— Джилл, — Морена неслась со всех ног. Протянула ей куколку с тёмными кудряшками. — Это тебе, — девушка в диком восторге приняла подарок:

— Спасибо, дорогая моя. Я буду хранить её...

— И играй с ней, — девочка действительно смотрела на девушку.

Джилл засмеялась и обняла девочку.

Кастер поставил кресло с малышом на заднее сиденье, закрепив, закрыл машину. Мать быстренько уселась рядом с дочерью.

Майерс размашисто пожал мне руку, обнял:

— Спасибо, друг, — проронил он.

— Охраняй её, не вынуждай потом меня приезжать и разбираться, — я, шутя, подмигнул, но Кас лишь натянуто улыбнулся.

Наконец, машина отъехала, увозя с собой девушку. Я лишь смог получить её прощальный воздушный поцелуй.

Не удержался и вошёл в их комнату. Пустая детская кроватка, пеленальный столик, игрушки, книжки. Заколка, забытая в сборах.

Заколка. Снова невольно вернулся в ту ночь, когда Оливия сняла уже свою заколку с волос. Дух её туманного свечения вновь возник передо мной.

Мне её не хватает. Теперь осознал для себя совершенно чётко. Я нужно всё исправить. Не думая больше ни о чём, сел в машину и поехал к дому её матери.

Однажды, она просила меня подвезти её туда. А уж где её дочь, мать просто обязана знать.

Дом ее был простеньким, но ухоженным, напоминая как хорошо, когда есть мама.

Постучал в дверь. Открыла пожилая женщина.

— Добрый день, сеньора, — я включил всё своё обаяние. — Оливия Медейрус здесь проживает?

— А вы кто? — она тут же подозрительно зыркнула на меня.

— Я — Андрес Катеиру. Она работала у меня гувернанткой.

Просканировала меня взглядом и решила открыть.

— Заходите.

Ступил за порог. В глаза тут же бросилось громоздкое фортепьяно, которое буквально заняло всю гостиную. Вдоль стены стеллажи с огромным количеством книг. В углу гитара.

— Таких гостей я давно не жду, — стальной голос за спиной.

Тут же обернулся. В выходном белом платье, длинные волосы обрамляли её лицо, которое больше выражало надежду и удивление, чем злость и обиду.

— Люблю наносить визиты неожиданно.

Она скривила губы в усмешке. Я начинал нервно дёргать плечами.

— Сеньор Андрес, что вы хотели? Я немного спешу.

— Хочу, чтобы вы... ты вернулась, — выпалил я.

Сдвинула брови и мотнула головой.

— У меня уже есть другая работа, — потеряв интерес, двинулась к выходу.

— Пусть остается, нам она не мешает...

Оливия посмотрела на меня, как на больного.

— Нам? Вы говорите непонятные вещи, — девушка нервно выдохнула и направилась к дверям.

— Ладно. А если скажу так? — я поймал её за локоть и резко крутанул к себе, прижав. Овал лица тут же угодил в мою ладонь. Не дав что-либо понять, страстно поцеловал, топя её в своих чувствах. Ноги девушки подкосились и она повисла на мне. Слабо, но настойчиво отодвинулась, пьяная от моих губ. Смотрела обескураженно. — Я хочу, чтобы ты вернулась, как моя девушка. Ты нужна мне, Оливия.

ДЖИЛЛ

В самолёте нас разместили ближе к комнате матери. Габи засопела почти сразу, как воши в пассажирский салон.

Кастер помог мне пристегнуться. Я не обращала внимание на присутствующих, просто смотрела в окно.

Мексика. Как много в ней того, через что я прошла, но эта страна сдвинула меня с мёртвой точки безысходности. Я больше не вечный раб чьей-то мести, не одиноко прячусь в своё существо, не плачу больше от боли и обид. Да, я многое потеряла, но и не мало нашла. Я стала матерью, а это как раз и смогло заполнить душевную брешь.

Стюардесса начала инструктаж, перед началом которого я буквально остолбенела.

— Это не наш рейс! — в панике глянула на него.

— Нащ, — Кастер немного взволнованно смотрел на меня.

— Этот рейс летит не в Бостон. Куда он летит? Куба?

— Джилл, расслабься, — Майерс сделал лицо, как можно, мягче. — Мы туда лишь на пару дней. У меня есть дела там. Дядя Джон просил навестить одного его старого приятеля. Я не могу ему отказать... — Я разочарованно выдохнула. — Нас примут, как родных, не переживай, — пообещал он.

Почему он раньше не сообщил о данном переплёте? Ни мне, ни Андресу.

— Кастер, всё ведь хорошо? — подозрительно кинула на него взгляд.

Он искренне засмеялся:

— Да, Джилл, все хорошо. У тебя паранойя. — Решила сдаться. — Поспи немного, — предложил он. — Я подержу Габи, тебе нужно отдохнуть, пока малышка снова не забрала всё твоё внимание.

Почему бы и нет. Лететь оказалось не так долго, может, потому что дремала. В аэропорту нас уже ожидало такси.

Габриэль проснулась и закричала, выискивая грудь.

— Давай, помогу, — и малышка тут же жадно уцепилась за сосок. Через пару минут она уже умиротворенно причмокивала, сонно закрывая веки.

Я, каждый раз глядя на неё, сознавала, как дочь похожа на своего отца, а, главное, глаза такие же карие. Она частичка Чейза, она его прекрасное продолжение.

Машина подъехала к дому, за спиной которого я увидела море.

— Добро пожаловать на Карибы, — Кас задорно подтолкнул меня.

Из дома выбежали женщина и мужчина лет сорока. Мужчина тут же принялся за сумки, а женщина протянула руки к моей дочери, тараторя что-то на испанском.

Я недоверчиво вцепилась в дочь. Нет, спасибо, и сама могу подержать.

Женщина взяла мою сумку с подгузниками и повела в дом, Кастер с женщиной шли следом.

В доме было просторно, кондиционеры, красивая мебель, уют, белые скатерти на поверхностях, деревянный пол, выполированный до блеска, много панорамных окон, открывающих вид на море. Здесь было восхитительно. Маленький рай. Но меня напрягала вся эта непонятная суматоха вокруг меня и дочери.

— Кас, что происходит? — я шикнула на него уже в гостиной.

— Это просто их гостеприимство. Успокойся. Здесь всегда так. Хочешь посмотреть на море?

— Я хочу... — договорить он мне не дал и буквально потащил на задний двор.

Морской бриз сразу же наполнил лёгкие, растрепав волосы. Белый песок, голубая гладь. Я завороченно смотрела на горизонт.

Габи снова закричала и обиженно захныкала.

— Её надо переодеть, — направились к дому, но Кастер резко остановил меня и буквально вырвал малышку из рук.

— Я сам, а ты отдохни. Пройдись немного. Это очень помогает...

— Помогает от чего? — уже откровенно смотрела на него, как на идиота.

— От всего, — он виновато улыбнулся.

Габриэль вконец раскапризничалась.

— Дай мне, я её успокою, — сердце каждый раз сжималось, когда дочь начинала так плакать.

— Так, женщина, — эту манеру он явно перенял у Андреса. — Вам туда, а нам туда. В конце концов, она моя будущая крестница.

Дернул же меня чёрт предложить эту роль ему. Хорошо, будь по-твоему.

— Я подожду тут, — видела, как он тут же поспешил с орущим ребёнком в дом. — Салфетки в правом кармане сумки, — крикнула вдогонку.

Огляделась, потерев руку о бедро. Тут и правда очень хорошо. Дворик буйствовал зеленью, пальмы по краю пляжа, морской шум ласкал слух. Сердце наполнилось покоем. Закрыв глаза, вслушалась в эту песнь.

— Ты стала ещё прекрасней, девочка моя.

Голос, засевший навеки в сердце, мозгу, венах. Тот, что до боли слышу в своей голове почти каждую ночь. Сердце бешено забилося.

Оглянулась и отшатнулась, увидев ЕГО перед собой. Глухо вскрикнула, прикрыв рот ладонями. Ноги онемели, потянув меня вниз, но он подхватил, не дав упасть.

Смотрела в это лицо, которое каждую ночь в мечтах видела перед собой, которое запомнила до мельчайшей детали. Теперь оно другое. На лбу жуткий шрам, который постепенно затягивался. Отняла ладони, коснулась его груди, лица. Это не мираж. ЧЕЙЗ! Уткнулась лбом в его лицо, обмякая в этих любимых объятиях.

— Ты жив. Как же я об этом мечтала, — слёзы градом потекли по щекам, но он ловил их поцелуями.

— Я так скучал по тебе. Прости меня, родная, прости, что напугал так. Прости, что оставил, — он целовал мои губы, глаза, руки, холодные ладони. — Прости, что причинил

такую боль.

От эмоций мне было сложно говорить. Сердце билось так сильно, что казалось вот-вот отключусь, лишившись его.

Чейз заботливо увёл меня на скамейку у дерева. Усадил к себе на колени, обнял.

— Я так хотел сообщить тебе, что жив, но это было опасно. Сисилия требовала ждать, когда все поверят, когда ваша жизнь потечёт дальше и меня уже и не подумают искать.

— Но как же... труп?

Он слегка скривился:

— Пришлось долго просидеть у дантиста, а труп — Сисилия клянётся, что взяла в морге кого-то из неопознанных.

В голове гул. Да мне, собственно, всё равно как. Сейчас важно лишь одно — он со мной, во плоти и преград больше нет. Радость и облегчение превратили меня в вату.

Я счастливо кинулась его целовать. Отвечал жадно, страстно, загребая меня в себя.

— Господи, как же я тосковал по тебе, — уткнулся носом в моё плечо, втянул запах. — Думал, с ума сойду. Но теперь мы вместе. Слышишь? Я больше никогда тебя не отпущу. Мы уже сделали всё, чтобы, наконец, насладиться нашим раем. Ты теперь только моя. Мой рай, моя жизнь.

Он вдруг отстранился и полез в карман брюк.

— Надо только кое-что подправить, — увидела кольцо. Золотое, бриллиант сверкающий на солнце, ослепил глаза.

— Прошу, только это не снимай, — эта скрепка на пальце настолько проникла в моё сердце и кожу, что избавиться от неё я считала теперь настоящим преступлением.

— Не буду, — поцеловал в лоб и осторожно надел поверх скрепки. — Я люблю тебя, девочка моя.

Обхватила его голову руками и снова целовала.

— Я люблю тебя, — шептала ему в лицо, обжигаясь его дыханием.

ЧЕЙЗ

Это очень страшно. Я прошёл через многое, но... взять на руки свою двухмесячную дочурку боялся до невозможности. Это малютка была настолько крохотной и беспомощной, что мне казалось, моя медвежья хватка сломает ей что-нибудь.

— Головку придерживай, — Джилл положила комочек счастья мне в руки, зафиксировав голову малышки на сгибе локтя. — Габи, познакомься, а вот и твой папа.

От этого имени по сосудам потекла тень скорби. "Papa!" — крик девочки мне в уши.

— Ты в порядке? — ладонь жены на щеке вернула меня из эха прошлого.

— Да, — я осторожно принялся покачивать дочку, улыбаясь её сосредоточенному взгляду. — Ты моя принцесса. Она просто чудо. Спасибо, тебе за дочь, — благодарно поцеловал любимую в лоб.

По радостному случаю в доме был приготовлен праздничный ужин. Кастер желал удалиться, но мы с Джилл уговорили его остаться хотя бы на пару дней у нас.

— Когда ты Каса успел ввязать в это? — спросила за столом жена.

— О, это было очень забавно, — протянул Майерс. — Буквально на той неделе. Пришёл я к себе домой, а через минут пять два вооруженных до зубов головореза увезли меня в картель.

— Жестко, — Джилл сочувственно улыбнулась.

— Зато теперь ты его видел, — я шутливо подмигнул.

— В вашей шкуре я, конечно, не был, но десятую часть её ощутил. А после общения с Сисилией прямо за всё Чейза простил. — Мы засмеялись. — Потом доставили сюда. Прямо на утро. Его физиономия меня мгновенно разбудила. Поверь, еле сдерживался, чтобы всё не провалить, — смотрел на Джилл, — раза два порывался рассказать тебе обо всём.

— Проверен, тайны хранить умеешь, — миролюбиво смотрел на него.

После ужина мы пожелали нашей дочери спокойной ночи и оставили с Вивиан, которую Джилл сперва избегала.

— Мне так непривычно оставлять её на кого-то, — она нервничая, смотрела на меня. — Мы с ней всегда вместе засыпали, а тут без нее...

Я притянул жену к себе и вожделенно поцеловал. Руки снова ощутили трепет этого любимого тела.

— Сегодня ты будешь засыпать со мной, — томно шепнул ей в ухо.

Завёл в нашу спальню, которую заранее распорядился подготовить. Вивиан потрудились на славу — свечи в полумраке, цветы в вазах, лепестки роз на полу, поверхностях и кровати. Шампанское, увы, молодым мамам возбраняется.

Довёл её до постели, нежно поцеловал в шею, пустив по коже мурашки. Скользнул руками по грудям, доводя одну к животу, другую к плечу, обнял крепко спиной к груди, вжался носом в ямочку за ухом, втянул аромат своей женщины. Нет больше тени её присутствия, нет призрака её тела. Она снова со мной, ощутима, телесна и ещё более желанна.

Её руки гладили мои, копошились в волосах на моём затылке. Как же сложно расжать

объятия. Она развернулась ко мне лицом. Скользнула ладонками мне под майку, глядя спину.

Хочу ощутить тебя кожей, снова получить тепло твоего тела. Стянул с себя майку. Наклонился к декольте, втянул в поцелуе кожу груди. Томный вздох, лелеющий мой слух. Руки спустились по её спине на бёдра, притянул их к своим. Разряд тока прошёл по мышцам.

— Девочка моя...

Страстно поцеловала, язык скользнул в рот, совокупляясь с моим.

Рванул вверх её платье. Содрогнулся, коснувшись оголенными телами.

Моя. Здесь. Со мной рядом. Навсегда! Никакой ненависти. Никакого страха. Никакой боли. Только мы.

Подхватил её и усадил к себе на бёдра. Донёс до постели и, аккуратно уложив, занялся её телом.

Наблюдал, как она изгибается от моих прикосновений, кусает губы от ласк, норовит прочь с простыней, когда целую её лоно, играя на самых чувственных местах.

— Чейз, — сладко охнула, когда скользнул двумя пальцами внутрь. Ощутил, как мышцы влагалища запульсировали, доходя до нужного пика.

Я знаю тебя до мельчайшей точки. Понимаю, когда ты сходишь с ума от наслаждения. Вижу твоё лицо, когда ты переживаешь высший предел наслаждения. Испытываю удовольствие, когда лежишь после этого в истоме.

Её ноги задрожали, тело змеей завальсировало на простынях. Да. Ты готова. Внутри любимой стало призывно влажно.

А у меня уже всё сторало от возбуждения. Как же я тебя хочу. Снова держать тебя в своих руках, владеть твоим телом, отдавать тебе всю свою энергию и страсть.

Ты хочешь того же.

Джилл села, притянула ногами мои бёдра к себе. Взялась за брюки, высвобождая мой член, который уже был готов к ней. Провела ладонью вдоль ствола, заставив меня согнуться в экстазе. Ещё один разряд прошёлся по телу, когда она плавно взяла его в рот.

— Джилл, — всё тело начало неметь, отдавая все силы на удовольствие только вниз. — Малышка... да...

С трудом удерживал себя, чтобы не сделать резкого движения, не причинить боль и унижение, как раньше. Отдал всю ведущую роль ей. Она плавно феллировала губами вверх вниз, кончиком языка водила по уздечке, целовала головку, доводя меня чуть ли не до крика.

— Тшш, ты меня с ума сводишь, — эхо эякуляции, заставило меня остановить это блаженство. Не сейчас, рано. Мы ещё не насладились друг другом.

Страстно поцеловал её, откинул на кровать, навалился сверху, оперевшись на локти. Жена обхватила мою талию ногами, потираясь лонем о ствол моего члена. Да, малышка сейчас. Приподнялся и аккуратно вошёл в неё.

Томный стон. Дыхание. Упокоил её голову на своих ладонях и начал движение. Снова целовал, ловя ртом её дыхание, стон, закусывал губы, ласкал шею, посасывал мочку уха. Привстал в желании увидеть, как мой член погружается и снова выходит из неё. Прошёл языком от её пупка по оси на животе к ложбике между грудями, вновь изогнув жену на простынях. Встал на колени, максимально расширив, сложил её ноги на своих плечах, изменив тем самым глубину входа.

Джилл сладостно охнула, укусив себя за ладонь, чтобы сдержать громкий стон. В такт моим движениям с упоением закатывала глаза, оттягивала себя за корни волос.

— Я люблю тебя, люблю, — она с трудом сдержала новый вскрик, изогнулась дугой, поймала мои руки, переплела пальцы.

Вновь почувствовал сжатие внутри неё, стон, дрожь в ногах. Удержал за низ живота и колени, остановился, выжидая её муку. Испарина на лице любимой, блаженный полуоткрытый рот, в который тут же снова впился.

Поднял её на руки. Сел с ношей, усадив поверх себя. Гладил по спине, сминал попу, помогая ей двигаться на мне, в эйфории наблюдая, как её груди плавно мелькают передо мной. Поймал губами, втянул сосок.

Обняла за голову, запустила пальцы в волосы, потянула вниз, открывая моё лицо для себя. Целовала виски, нос, губы.

— Чейз... любимый...

Слова, как песня. Все мышцы свело спазмом, судорожно отдавая мою энергию вниз тела, сила эякуляции, заставила меня сильнее насадить любимую на себя, учащённее двигаясь в ней, пока полностью не высвободился. Сладостный стон и устало откинулся на постель, бешено вбирая в себя воздух. Жена упокоилась на моей груди, томно выдохнув.

— Как же я тебя люблю, малышка, — поцеловал её во взмокший лоб.

В ответ она крепко прижалась ко мне.

— И я тебя люблю, родной...

Вместе приняв душ, легли под шёлковые простыни. Просто смотрели друг на друга. Моя рука гуляла в её волосах, она же водила пальчиком по моей груди.

— Лишь сейчас понимаю, как был глуп, выбрав ненависть к тебе, — проронил я. — Как много всего я потерял, как жестоко лишал нас счастья.

— Мы оба в этом виновны, — её голова качнулась на моём плече. — Может это и был наш путь.

Обнял, сомкнув ладони на её спине. Зарылся носом в волосах.

— И всё же, — в груди вдруг нервно застучало. — Почему?

— Что почему?

— Почему простила меня? Да, потеря памяти сыграла свою роль, но... Потом? Я же убил тебя! Часть шрамов на твоём теле. От моих проклятых рук! Неужели, это можно простить... забыть?!

— Нельзя! — в голосе жены вдруг прозвучали железные нотки. Подняла голову, вновь глядя на меня. — Каждый шрам на теле я помню и за каждый мне больно и обидно. Вся моя жизнь переполнена темнотой, грязью и жестокостью. Я даже перестала спрашивать себя — за что? Давно привыкла к этому. А ты... — взгляд ушёл вдаль, на краю её век блеснули капли слёз. — Ты кое-что помог мне понять. С болью надо бороться, уметь признать её и больше не повторять, идти дальше наперекор всему. Ты ошибся, струсил, но потом признал это и сделал всё для того, чтобы дать мне новую жизнь. Теперь и я. Я прожила всю эту боль, обиду..., но, отныне так же очень хочу её больше не повторять, хочу только видеть наше счастье — твою любовь ко мне, нашу дочку и тихую жизнь на краю моря. Я не хочу помнить прошлое! Достаточно! Хватит! Если Бог вселил в моё сердце любовь к тебе и сохранил по сей день, несмотря ни на что, значит, возможно, мы, наконец, идём правильно. Я просто хочу жить дальше, Чейз, в этом новом для меня мире. Мире под названием "семья". Больше никакого прошлого! Есть только наше будущее!

Я не мог больше говорить. Грудная клетка наполнилась невероятным теплом и

счастьем. Притянул Джилл к себе и всепоглощающе поцеловал, клянясь, сделать всё, чтобы так оно и осталось.

МАРК

С ней совершенно всё пошло не так. Я помчался за Джилл на край света, желая спасти от столь страшного зла. Но всё закончилось лишь тем, что стал подобен её врагу.

Я не мог принять то, что она любит своего убийцу и насильника, не хочу видеть его какие-то там благие намерения. Люди не меняются. И точка! Ударив однажды, ударит ещё раз, убив раз, убьёт снова. Это закон человеческой низости.

Но сама судьба оградила, наконец, её, убив это чудовище. Естественный отбор. Зло всегда наказуемо.

Только вот в груди что-то скребёт. Какое-то чувство незаконченности.

Узнал, что она летит с Кастером обратно в Бостон. Значит я буду раньше, но там они так и не появились. Только спустя неделю смог увидеть Майерса, который приехал к Энди. Мужчина рассказал, что снял ей квартиру в центре города, но на просьбу дать её адрес ответил отказом.

— Прости, но думаю видеть тебя сейчас она пока не захочет.

— Я делал так, как велит закон...

— Или эгоизм?

— Пошёл ты, — грубо рявкнул тогда я и стремительно ушёл.

Но сидеть в бездействии я долго не смог. Запросил отследить счета Майерса. Оплат ни за какую квартиру он не вносил ни тогда, ни за следующие месяцы.

Проследил за его домом, там её тоже не было.

Меня обвели вокруг пальца?! В Бостоне её нет! Почему? И где тогда?

Созвонившись с Андресом, отдалёнными вопросами понял, что он уверен в том, что Джилл с Касом.

Гончая во мне начала рваться когтями наружу. Будь она в беде Майерс не был бы так спокоен. Но и возжелай она остаться в одиночестве, то без участия его тоже бы не смогла и слезка рано или поздно вывела бы меня на неё.

Отправил человека из полицейского участка, с которым в своё время сдружился в Мексике. Сидни доверять перестал давно. Через несколько дней получил доклад — в доме Катеяру её тоже нет.

Всё это может значить лишь одно... Мать вашу!

Пошёл по второму плану — аэропорты. Получил отчет, что два месяца назад Джилл Кэйтор и Кастер Майерс совершили перелёт на рейсе Мехико — Сантьяго-де-Куба.

Куба?! Страна не подвластная экстрадиции Соединенных Штатов Америки. Самый рай для преступников!

Неужели...

Но если и так, найти его в стране, не содействующей нашей, да и ещё без доказательств, что это не мой бред — не являлось возможным.

Установил наблюдение за Майерсом. Рано или поздно, но он проколится. Не ошибся. Спустя ещё пару недель, мужчина вылетел обратно в Мехико.

Мне оставалось лишь самолично проследовать за ним. В Мексике он остановился у Андреса, но затем, через трое суток Кастер и вся семья Андреса собралась на...Кубу!

Семейный отдых?! Да чёрта с два!

Устремился за ними в самолёт. Велико было моё удивление и шок, когда увидел, кто их встретил на улице.

Джилл с малышкой на руках и с двумя крупными бугаями. Физиономия одного ещё вьелась в мою память, когда шло следствие по делу Чейза. Рохелио Баса!

Но Джилл улыбается. Счастлива. Шикарно одета, великолепно выглядит. И, самое ужасное, что выловил мой взгляд — золотое кольцо с бриллиантом на безымянном пальце.

Всё это могло означать лишь одно...

ТА ТВАРЬ ЖИВА И ЗДОРОВА!

КАСТЕР

Получив, спустя пару месяцев приглашение на их свадьбу, я испытал некоторую грусть. А чего было ещё ждать? Они любят друг друга своей сумасшедшей и неординарной любовью. У них родилась чудесная дочурка.

Джилл была, наконец счастлива. То, чего я так долго ждал и за что боролся. Моё сердце теперь за неё было спокойно.

Я много думал о своих чувствах к ней. Да, я был готов ради неё на всё, даже лишиться жизни, но мне становилось не по себе от мысли, что было бы, если она стала бы моей. Безусловно, я был бы безумно счастлив, но в то же время понимал, что это невозможно и недопустимо уже для меня. Ведь я видел всё, что с ней вытворял Чейз, как насиловал её на моих глазах, бил, убивал. А после всего этого прикоснуться к ней в сексуальном плане считал для себя чем-то абсолютно невыносимым. Слишком измученно и травмированно тело, чтобы принадлежать кому-то ещё. Я мог принять в себя лишь платонические чувства к ней, но не более того. Это и превратило меня в вечного друга для неё.

Свадьбу они запланировали весьма скромную, только самые близкие. Для Джилл я был один из них. Ну и ещё кое-кто. Тот, кому именно я вынужден сообщить о том, что Чейз Ричер жив и скоро станет мужем для девушки, которая так же сумела пленить мысли и этого громилы. Это ответственное дело молодожёны доверили мне.

Андрес отнесся к новости так, как я и предполагал, импульсивно, но, успокоившись, тоже принял их приглашение на свадьбу. Поездка была шумной, так как Катеяру прихватил с собой всю семью и Оливию — свою новую девушку, которая, признаться, чем-то смахивала на Джилл. Странно, когда она была в его доме гувернанткой, я этого не заметил.

Встретила нас сама виновница поездки. Её вид меня поразило до глубины души. Она была олицетворением счастья. Солнце играло в её светлых шелковистых волосах, лицо сияло улыбкой, глаза излучали неподдельную радость. Даже шрам на лице, словно уменьшился, не напоминая нам о том, что эта девушка бывшая рабыня. Нежно-фиалковое платье делало её ещё более воздушной и прекрасной. Как же любовь меняет людей! От забитого, несчастного и нелюдимого зверька больше не осталось места.

Она обняла меня.

— Боже, как же я соскучился по этой красотульке, — я нетерпеливо потянул руки к Габи. Малышка была настоящим пупсом в розово-белом платьице и шапочкой на голове. — Иди-ка сюда к дяде Касу.

— Дядя Кас, — улыбаясь, Джилл симитировала голосок дочери.

— Привет, красавица, — Андрес так же радостно обнимал девушку.

— Я так рада, что вы все приехали, — Джилл всех целовала. Крепко обняла Оливию, которая тоже впервые смотрела на неё без ревности.

— Джилл! — Морена кинулась на руки девушке.

— Здравствуй, принцесса! — она закружила девчушку. — Как же я по тебе скучала, дорогая моя! — целовала её в пухленькие щёчки.

Мать с дочерью были под хорошей охраной, один из которых был мне неплохо знаком

— Рохелио Баса. Именно, он тогда помогал Чейзу в доме Видаля. Сейчас же его внешний вид напоминал обычного туриста, но я знал, что где-то там за пазухой у него целый арсенал.

В доме нас уже встречал и сам Чейз. Обретение семьи тоже здорово видоизменило его. Он светился и улыбался во всю ширь. Я не помнил на его лице ничего подобного. Только хмурый и сосредоточенный взгляд, либо жестокое и суровое лицо, способное снести тебя с лица земли. Невероятная метаморфоза.

Мы пожали друг другу руки и обнялись.

Андрес тоже поприветствовал Чейза, немного отчужденно, но с достоинством:

— Рад, что ты выжил.

— Спасибо, что сберёг моих девочек. Я всем тебе обязан.

Катейру кивнул.

Свадьба была назначена на послезавтра, поэтому у нас было целых два дня на подготовку. Правда, готовиться особо не к чему, так как молодожёны планировали провести церемонию на пляже и сразу же отпраздновать событие в своём же доме.

Среди приглашенных к вечеру появилась и Сисилия со сворой своих головорезов, чем заметно напрягла нас. Но то, как её поприветствовали хозяева, немного растопило лёд. Новый лидер картеля умела улыбаться. Если задуматься, по сути, именно ей мы всем обязаны. Она много раз являлась решающим звеном для спасения: она подняла бунт в картеле, способствовал убийству Марселу Лимы и свободе Чейза, она вовремя вывела на Видаля, спасая жизнь Андресу и Джилл, и главное, она инсценировала гибель своего дяди, чтобы теперь быть здесь в окружении своей новообретенной семьи.

Я наблюдал за всеми, впервые осознавая, что эта тяжёлая и жестокая история, наконец, обрела свой счастливый конец.

День бракосочетания был солнечным и на удивление свежим.

На пляже за двором дома уже смастерили дорожку из песка окрашенного в красный цвет, украсив её узорами из обычного. Вконец была поставлена арка сплетённая из белоснежных пионов, роз, гипсофилы и мирты, довершенная белой органзой и кремовыми лентами. Вдоль дорожки разместились светлые скамейки обтянутые тюлем, который нежно развивался на ветру.

Вести Джилл к алтарю почётное право предоставили мне. Посетив комнату, невесты, потерял дар речи от восхищения.

Джилл была облачена в атласное свадебное платье, обрамляющее её тело и плавно стекающее по фигуре в свободную юбку ближе к коленям. Кружево гипюра обнимало её оголённые плечи и четверть рук. Волосы собраны в низкий свадебный пучок завершённый диадемой в прядях, нежно выпущенных из причёски.

— Боже, — только это и смог молвить. — Ты прекрасна.

Взял её за руки и покружил по комнате, восхищенно наблюдая за легкостью полета шлейфа от её подола.

— Как и мой сопровождающий, — она обняла меня и чмокнул в щёку.

— Костюм ты сама выбирала.

— И тебе он невероятно идёт.

Выудил из внутреннего кармана небольшую невидимку с синими незабудками.

— Невесте полагается что-то синее. Незабудки, чтобы никогда не забывала меня.

— Я никогда тебя не забуду, — Джилл улыбнулась и повернула голову. — Одень.

Аккуратно закрепил женский аксессуар в её волосах. Посмотрел в эти голубые

бездонные глаза и поцеловал в лоб.

- Обещай, что будешь счастлива, — проронил молебно. — Только за это всё время боролся.

— Я счастлива, Кас. Благодаря тебе, моему ангелу-хранителю, — она сдержала набегающие слезинки.

— Нет, нет, — щипнул её за щёку, — береги тушь. Вивиан нам это не простит.

Она засмеялась и снова кинулась мне на шею.

Посетить жениха я тоже считал себя обязанным. Чейз так же стоял уже в белом свадебном костюме и лицо его было мягким и счастливым.

— Невеста уже в боевом облачении, — задорно смотрел на него, — решил проверить жениха.

— Это самое лучшее боевое снаряжение, — улыбнулся в ответ Чейз.

Подошёл и обнял его.

— Я сегодня вручу тебе Джилл. Поклянись, что будешь всегда оберегать её и хранить...

— Это я собирался пообещать ей перед алтарём, — он слегка усмехнулся. — Но так и быть, ты станешь первым, кому я это скажу. Я люблю Джилл больше жизни и сделаю всё, чтобы она была самой счастливой женщиной на земле. Теперь я её защита и опора — навсегда. Это ничто не изменит.

Оценивающе прослушал его тираду и удовлетворенно хлопнул по плечу.

— Мне нравится. Пойдёт.

Все уже расселись по местам, жених ждал у алтаря, а я встретил невесту у выхода из дома на пляж.

Вивиан спешно поправила платье Джилл и вручила ей букет невесты из белоснежных тюльпанов.

Взял девушку под руку, видя её заметное трепетание.

— Это самое сложное, что было с тобой в жизни, — шутя, сдвинул брови, — рабство и картель ещё покажутся тебе цветочками.

Ткнула меня локтем в бок. Заиграла мелодия и я ступил с ней на песок.

Все гости поднялись, встречая невесту и провожая её до будущего мужа. Рука Джилл крепко вцепилась в мою, которую я едва отцепил, передавая девушку Чейзу. Снова поцеловал её в щёку и оставил жениху.

Священник начал речь, клятвы новобрачных, обмен кольцами, завершающий поцелуй и победные аплодисменты гостей.

Эти двое бывшие лютые враги, мечтающие убить друг друга, тюремщик и его рабыня, теперь заключили любящий союз, официально став мужем и женой. Клялись любить друг друга и в горести, и в радости, пока смерть не разлучит этот союз.

Ирония судьбы!

ДЖИЛЛ

С трудом справилась с дрожью в ногах, покидая с мужем пляж и принимая поздравления от гостей. Чейз, ощущая мою нервозность, тихо шепнул:

— Все хорошо, родная. Главное слово ты уже сказала, — он улыбнулся и поцеловал.

Уже в доме немного выдохнула. Видимо, стены мне давали больше покоя.

Оливия и Андрес радостно улыбались нам и обнимали. Сисилия тоже не оставалась в

стороне, поздравляла и целовала Чейза.

Музыка музыкантов марьячи окрашивала торжество в яркие и красочные оттенки радости. Морена с Мигелем всю сновали между гостей. Торжество постепенно перемещалось за свадебный стол. Поздравления. Тосты на английском и на испанском. Голова кружилась от радости и поцелуев.

Напитки постепенно раскрепостили приглашённых и пустили в пляс под живую музыку.

Чмокнула мужа в щёку, шепнув на ухо:

— Я пойду переоденусь и покормлю заодно Габи.

— Сходить с тобой? — он заигрывая, поцеловал в висок. — Всегда мечтал сорвать с тебя свадебное платье.

— Ночью ты будешь срывать кое-что поинтересней, — томно улыбнулась ему в ответ.

— Ммм, — мечтательно протянул он.

Переодевшись в торжественное, но более облегчённое платье, направилась в комнату дочери. Габи тут же открыла глазки и, завидев меня, довольно задёрнула ножками и ручками.

— Проголодалась, солнышко? — взяла её на руки и, усевшись с ней в наше любимое кресло для кормления, оголила грудь. Малышка жадно заводила ротиком и вцепилась в сосок. Почувствовала прилив молока по каналам и расслабилась под упоительное чмоканье дочери. Чуть не задремала. Опомнилась, когда Габи выпустила сосок. Приложила к груди, легонько похлопывая по спинке. Дождалась, когда срыгнет, а после, спрятав грудь, начала поцеловывать её сладкие щёчки...

Что-то твёрдое и металлическое ткнулось мне в висок. Скосила глаза, в ужасе различив в этом пистолет.

— Положи её, — вкрадчиво велел довольно знакомый голос.

Марк!

Покорно уложила дочь обратно в кроватку, моля, чтобы она не заплакала.

— Марк, не надо, — молебно смотрела на него. — Ты совершаешь ошибку...

— Молчи, — прошипел он и сцепил мне руки наручниками. — Ошибки совершаешь только ты, покрывая эту мразь.

— Эта мразь теперь мой муж, — сурово выплюнула, отчего получила оглушающий удар по лицу.

Перед глазами поплыло и я рухнула на пол, отключившись.

ЧЕЙЗ

Пропажу Джилл моё сердце почувствовало почти сразу. В детской заходилась плачем Габриэль, а моей жены нигде не было.

Джилл бы не оставила нашу дочь в таком состоянии одну. Тут же велел Рохе прочесать весь дом и местность. Через несколько минут у подъездной аллеи была обнаружена её серёжка. Торжество переросло в тихое молчание, срывающееся на осторожный шёпот.

— И с какой стороны теперь ветер дует? — Кастер усиленно шевелил мозгами.

— Я предупреждала тебя, Чейз, чем меньше людей знает о тебе, тем надёжней, — Сисилия сурово смотрела на жениха.

— Эй, мы молчали, как рыбы, — Андрес обиженно возмутился, поняв её испанский.

— Это сейчас неважно, — я раздражённо оборвал их. — Кто мог забрать мою жену и с какой целью? Где её искать? Вот о чём лучше думайте.

— Рохелио просматривает камеры по всему периметру дома. Надежда есть, что похитители попали в кадр, — ответил Кас.

— Ещё как попали, — сиплый голос довольного Басы. Поставил ноутбук на столик.

На кадре мужчина несёт мою Джилл, перекинув через плечо, грузит в машину, выпрямляется и идёт за руль...

— Вайлет, — пораженно проронил Кастер.

— Да, точно. Это же он, — Андрес так же распознал его. — Грёбанный сукин сын. Как он узнал?

— Неважно, — сурово проронил я. — Мотив ясен, эта козёл узнал, что я жив. Думаю, моя жена лишь приманка, ему нужен я.

— На тачке видно номера, — Рохе уже пробивал их по базе. — В прокате, зарегистрирована на адрес... Хм, отсюда час пути. Я соберу людей.

— Нет, — тут же откинул его мысль. — Он один, значит выжидает близко к моей жене. Нужна аккуратность. Я иду один.

— Один ты не пойдешь, — тут же взвилась Сисилия.

— Не пойдет, — вторил ей Майерс. — Я тоже иду.

— Как и я, — так же поднялся Андрес.

Я напряженно соображал, качая головой.

— Это даже не обсуждается, Чейз, — Кас твёрдо смотрел на меня.

— Рохе, обеспечь их необходимым, — покорившись, велел я. — Через десять минут выдвигаемся.

В комнате на меня тут же наехала племянница:

— Я не могу позволить тебе идти с этим двумя остолопам. Рохелио профессионал...

— Именно, — парировал я, быстро переодеваясь в одежду по-удобней. — Но и только. Кас и Андрес те, кто всегда вызволяли мою жену из передраг, знают её и похитителя, не говоря уже о том, что умеют действовать не по шаблону, выходя, благодаря этому, победителями.

Сисилия нервно сцепила руки на груди. Одевшись, я приобнял её.

— Пойми, Рохелио твой человек, а эти двое — мои, — посмотрел на неё и ласково щипнул за щеку.

Когда добрались до места уже смеркалось. Дом был одноэтажным и тёмным. Авто Вайлета стояло брошенным у дороги.

— Я зайду с главного. Вы окольно, — велел я. — Джилл должна быть где-то в середине дома. Осторожней, он, наверняка, подстраховался и заблокировал левые входы.

— Её он не тронет, — проговорил Майерс, — а мы для него твои пособники. Бой поведёт он только с нами.

— Значит, не лезьте без надобности.

Я понимал, что сейчас под угрозой больше наши жизни, чем моей жены. Но если Марк пошёл на подобное, то и ей способен навредить.

Дождался, когда мои напарники скроются за домом, на пару счётов толкнул дверь, выставив перед собой пистолет.

ДЖИЛЛ

Бросил на металлический стул. Перестегнул наручники к перекладине подлокотника. Снова ударил, когда попыталась вырваться.

Дом был стар и неуютен. Разбросанные по углам тряпки, пыль лежащая ковром на поверхностях, запах сырости и подгнивающих досок. Я невольно вспомнила хижину, где едва не погибла. Былой страх и паника снова возродились из недр моего сердца.

Отдышавшись от пощёчины и урезонив гул в голове, с силой дёрнула путы.

— Марк, суд оправдал его, — зачем-то пыталась достучаться. — Ты не имеешь права, это уже убийство...

— Убийство? — тут же вскинулся он и издевательски заржал. — Какое? Ведь Ричер УЖЕ мертв. Верно?

Ярость потекла по венам.

— Если ты тронешь хоть пальцем моего мужа, клянусь, я сама убью тебя, скотина!

Он скривился в усмешке и заклеил скотчем мне рот, едва минув мои зубы, готовые впиться ему в запястья.

Время монотонно потекло, всё сильнее сжимая мои лёгкие и горло. Марк усиленно трудился над ловушками. Тянул проволоку вдоль запасных дверей и окон.

Я же быстро вытащила из прически невидимку, подаренную Кастером и усиленно пыталась освободиться. Вскрывать наручники этим я была не мастак, но, нащупав саморезы на перекладине стула, которые могли подарить мне свободу, оперативно и незаметно начала выкручивать их моим жалким подобием отвёртки. Не видя толком площадь работы, сделать это было очень непросто. Но саморезы поддавались.

— Зайдёт с главного, но я знаю, что он будет не один. Он бы и рад, но его не пустят, а зря.

Не надо, я прошу тебя! Ведь ты так много сделал когда-то для меня. Я считала тебя своим другом. Дорожила тобой! Но все эти слова утонули в кляпе на губах, преобразуя всё в мычание.

— Тихо! — шикнул он и приставил пистолет к груди. Я замерла, вслушиваясь в звуки на улице. Остановилась машина? Свет фар за окном.

Он снял пистолет с предохранителя.

Тишь. Чьи-то едва различимые шаги вокруг дома. Скрежет гравия под чьими-то ногами. В ужасе ожидания даже сердце позабыло свою работу.

У входной двери выросла фигура моего мужа.

Нет, нет, нет...

Я усерднее заработала невидимкой, переходя на ручное откручивание.

Чейз и Марк держали друг друга на прицеле.

— А вот с пистолетом ты зря пришёл, — процедил гневно Вайлет и спустил курок.

Я глухо вскричала и с силой дёрнула уже незакрепленную перекладину на стуле. Она сдвинулась, освобождая меня. Резким прыжком кинулась Марку на спину, закинув плёнённые наручниками руки ему через голову, повисла ими на его шее. Упёрлась в спину коленями, сильнее тяня его на себя, перекрывая жертве доступ кислорода.

— Джилл, нет! — отчаянный крик мужа, понявшего, что я готова убить это ничтожество.

Моя хватка на секунду ослабла, радостно осознав, что любимый жив. Вайлет же, подавшись телом вперёд, жестоко скинул меня со своего хребта. Улетела на несколько добрых метров, больно врезавшись в стену. Удар головы отключил мой мозг, но когда пришла в себя, увидела в доме целую бойню.

Андрес избивал Марка, сминая его под собой. Кастер помогал подняться моему раненному мужу. Бросилась к нему, сдирая со рта скотч. Его бок заливала багряная лужа.

Марк же сумел высвободиться, оглушил своего противника нокаутом в челюсть и, вернув себе пистолет, несколько раз взвёл курок в нашу сторону.

Звон в ушах. Происходящее замедлилось в моём восприятии. Шаг Каса в бок, заслоняя собой моего мужа. Дёрнулся несколько раз от ударов пуль о грудь и, оседая, повалился на пол.

Гнев и ярость в теле Чейза, словно заглушили в нём телесную рану. Он стеной обрушился на Вайлета.

На коленях поползла к Кастеру.

— Боже мой, боже, — голос панически срывался, осматривая его. Из груди рекой хлестала кровь. Попыталась зажать чудовищную рану, но обременённая оковами, лишь накрывала пулевое ладонями. — Нет, нет, всё хорошо, хорошо, — слёзы хлынули из глаз. Его тело уже сотрясала агония. — Кас, держись, пожалуйста, держись...

— Кажется... всё, — он слабо улыбнулся вмиг побелевшими губами, заметалался.

— Тш, тш.

Чейз, тем временем, уничтожал под собой Вайлета, превращая его тело в месиво.

— Остановись, — Андрес же пытался отодрать мужа от него. — Ты больше не убийца. Стой же... прекрати!

Чейз надрывно выдохнул и рывком отбросил от себя полуживого Марка.

— Помогите, — взывала в ужасе я, видя как изо рта Каса выплестнулся сгусток крови.

Муж уже пал на колени возле раненного.

— Сейчас, сейчас. Джилл зажди здесь, — сдвинул мои окровавленные руки выше пулевого. Снял с себя футболку, пытаюсь заткнуть раны, но из груди Кастера шли уже жуткие хлюпы.

— Теперь ты... мне обязан..., - Майерс пытался говорить, из последних сил цепляясь за жизнь. — Обязан... выполнить... то, что... обещал. Обязан...

— Кастер! — вскричала не своим голосом, когда его остеклевшие глаза, закатились. —

Нет, нет... Чейз?!

Но он скорбно покачал головой. Толкнула мужа в грудь, требуя не сдаваться, не дать ему умереть.

— Джилл, раны несовместимы с жизнью... Он умер, — дрожа голосом, говорил он, — его больше нет. Он ушёл...

Нет, нет, нет! Только не ты... не ты!

— Кас, — сгребла на колени его вмиг отяжелевшую голову и, прильнув лицом к похолодевшему лбу, выпустила яростным криком всю душевную боль утраты. Обняла, погребя его в свой кокон и безудержно зарыдала.

АНДРЕС

Похороны Кастера прошли в Бостоне. Даже Чейз наблюдал за церемонией издалека, так как был обязан ему жизнью. Эти схваченные пули, погубившие мужчину предназначались полностью ему. Кас заслонил его собой, как настоящий герой.

Мать и сестра Майерса, потерявшие опору, сына и брата, безудержно плакали на плечах своего дяди Джона, теперь больше похожего на безмолвную статую.

Джилл с посеревшим лицом, молча, смотрела на закрытый гроб, лишь крепче сжимая мою руку.

Марка Вайлета я упёк за решетку, выставив буйным сумасшедшим и выдвинув ему обвинения в похищении Джилл и в убийстве Кастера. В его утверждения о том, что Чейз Ричер жив никто даже не стал вникать. А Сидни, не менее остро воспринявшая гибель Майерса, пообещала сделать всё, чтобы наказание он понёс самое серьёзное.

Я вернулся в Мексику, Джилл с Чейзом обратно в свой дом, но как узнал после, девушка уговорила мужа покинуть и эту страну, так как больше не чувствовала себя в безопасности.

И кажется, свой рай они всё же нашли, но о его местонахождении больше никто не узнал. Даже мне было известно о нём лишь абстрактно. Знал лишь, что это где-то на Северном Кипре.

Однажды, она прислала нам весточку с поздравлениями, когда Оливия, став моей женой, родила нашего сына. Сообщила, что у них тоже всё замечательно и она тоже скоро во второй раз станет мамой. Малышке Габриэль было уже три годика и она всюду преследовала своего папу, став его хвостиком.

Я был давно спокоен за неё и уже точно знал, что никто не потревожит их тихий мирок.

Жертва Кастера не оказалась напрасной и я представлял, что, если там на небесах и есть где-то вторая жизнь, то он умиротворенно наблюдает за нами, сидя на своём облачке ангела. Кем он для всех всегда и являлся ещё при жизни.

ЧЕЙЗ

Лёгкий вечерний бриз покачивал небольшой парусник у берега. Прогулка вдоль лодочной пристани получилась тёплой и душевной. Мы уместились на скамеечке возле береговой линии и с умиротворением наблюдали, как солнце опускается к горизонту.

Я мягко провёл ладонью по животу жены. Ребёнок тут же толкнул, поприветствовав.

Джилл охнула и пораженно засмеялась.

— Вот это удар, — я удовлетворенно похвалил сына.

— Эй, боль-то ощущаю я, — жена изобразила обиду.

Я примирительно притянул её к себе и поцеловал.

Габриэль, насобиравшая камешки вдоль пристани, уже ползла ко мне на руки.

— Папоська, теперь меня гонишь? — ломано потребовала дочь.

— Догоню, — озорно поставил её на ноги и расширил руки, клешнями собираясь ловить. Малышка довольно завизжала и бросилась на утёк.

Ночью, упокоив голову жены на груди, вслушивался в пение ночных птиц и прочей фауны.

Вынул из её волос невидимку с синими незабудками, которую Джилл носила теперь как свой главный талисман. Завороженно уставился на цветочки и блеск фианитов в полумраке ночника.

Тяжело выдохнул:

— Я тоже всегда буду помнить его, глядя на тебя. Он был, как старший брат, который исправляет капризы младшего. Тогда там в хижине, именно, он исправил моё самое вопиющее зло, спас тебя для меня, а после, не раздумывая, встал под пули, чтобы снова спасти, но уже меня для тебя.

— Кас знал, что мы любим друг друга, — Джилл приподняла голову, взглянув на меня. — За это и помогал нам бороться. Мы всегда будем его помнить.

Она вжалась в меня, крепче обняв, и провела кончиками пальцев по моим губам. Поцеловал прохладные ладошки и аккуратно закрепил невидимку в волосах жены. Крепко обнял любимую, не спуская взгляда с украшения.

Незабудки...

Да, Кас, мы никогда тебя не забудем. Ты навсегда останешься нашим ангелом-хранителем.

Спасибо тебе за всё, друг!

Конец

Больше книг на сайте - Knigoed.net